

ISSN: 2229-7146

A journal of the
Centre of Russian Studies
Special Issue No. 15, 2018

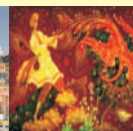
CRITIC

Jawaharlal Nehru University

Indian Council of
Social Science Research

Prof. C. N. Chakravarti – A Tribute

The Centre of Russian Studies remembers with gratitude its Founder Director of Institute of Russian Studies, Prof. C. N. Chakravarti, who left for his heavenly abode on November 9, 2017. Prof. C. N. Chakravarti's name is synonymous to the Russian Language Programme as his entire life was dedicated to the promotion of Russian Studies in India.

Having started his career by teaching Russian at the Department of Modern European Languages at Delhi University, he rose to the position of heading the Department after which he became instrumental in setting up the Institute of Russian Studies (IRS) in 1965. As the Founder Director of the Institute of Russian Studies he played an important role in promoting Russian Language. He held several prominent positions at the Jawaharlal Nehru University when the Institute of Russian Studies became a part of JNU in 1969 and was renamed as the Centre of Russian Studies as a part of School of Languages. He was the Chairperson, CRS; the 4th Dean of School of Languages from 1975 to 1978; the Dean of Students Welfare from 1983 to 1985 and the hostel warden too.

As a pioneer of Russian Language, he contributed towards the writing and teaching methodologies of the language. Not only was he a conscientious, meticulous and an ardent promoter of the language, but was a simple, genuine and a loving person who guided several generations of students and teachers. He was the first recipient of the PUSHKIN MEDAL in 1979, given for promotion of Russian Language, which made his name equally renowned in the erstwhile USSR, where his books and his personality became an inspiration for both Indian and Foreign students.

He will be deeply missed by the Centre of Russian Studies, the vacuum created by his demise will never be filled, but he will forever be living with us through his books and vision, which will continue to pave the path for generations to come. The Centre of Russian Studies salutes to Prof. C. N. Chakravarti, the pioneer of Russian Language and we are sure that his rich persona will continue to guide us in years to come.

Centre of Russian Studies

ISSN: 2229-7146

CRITIC

A Journal of the Centre of Russian Studies

Special Issue No. 15

March, 2018

Dedicated to
Prof. C.N. Chakravarti

Jawaharlal Nehru University

CRITIC

Special Issue No. 15

March, 2018

©2018, Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU

ISSN: 2229-7146

https://www.jnu.ac.in/sllcs/crs_critic

EDITORS

Meeta Narain

Ranjana Banerjee

Kiran Singh Verma

Meenu Bhatnagar

Sonu Saini

Vinay Kumar Ambedkar

ADVISORY COMMITTEE

Charanjit Singh

N.S. Roomi

Arunim Bandyopadhyay

Richa Sawant

Ajoy Kumar Karnati

Ashutosh Anand

Manuradha Chaudhary

Nagendra Shreeniwas

Published by:

Centre of Russian Studies

School of Language, Literature & Culture Studies

Jawaharlal Nehru University

New Delhi -110067

Critic is a publication of the Centre of Russian Studies. It publishes articles in the field of Russian language, translation, literature, culture, society and comparative studies. Articles in the journal reflect the views of the authors only.

Editors' Note

Critic No. 15 is a Special Issue brought out in the memory and honour of the founding father of the Centre of Russian Studies, a pioneer of Russian language in India, Prof. C. N. Chakravarti, who left us for his heavenly abode on November 9, 2017. The Centre of Russian Studies expresses deep gratitude to the 'Father of Russian Language' in India who worked tirelessly for the promotion of Russian Studies in India. This Special Issue includes the papers presented in the two academic events, namely the National Seminar cum Workshop on Translation studies "Emerging Trends in Translation Studies" and an International Conference "The Russian Studies: Changing Dimensions in Literature & Culture, Language & Translation", organised by the Centre of Russian Studies to commemorate the 70 years of Indo-Russian Diplomatic relations.

The Centre of Russian Studies celebrated 70 years of Indo – Russian Diplomatic relations by organizing a series of events to mark this historical milestone in 2017. The Centre organized three major events - a National Seminar cum Workshop on Translation studies "Emerging Trends in Translation Studies" on September 6-7, 2017, Days of Russia on October 12, 2017 and an International Conference "The Russian Studies: Changing Dimensions in Literature & Culture, Language & Translation" on November 9-11, 2017.

The National Seminar cum Workshop was attended by scholars from various Indian universities and institutes from all across the country. The International Conference was organised in collaboration with the Indian Centre for Social Science Research which witnessed the participation of scholars from not just universities in India like CCSU, Meerut; EFLU, Hyderabad; Calicut University, Mumbai University, Guwahati University, Delhi University and others, but also from many other countries such as– United Kingdom, Estonia and CIS Countries – Russia, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan. The scholars made presentations on wide variety of topics highlighting issues and new developments in the various fields of Russian Studies and focussed on the new trends in the field of language, literature and translation studies. Besides these academic events, the Centre had organised a cultural festival "Days of Russia" for the students which included competitive events like quiz, essay writing, translation, making a short video. The students of the CRS as well as students from DU, Jamia Millia Islamia and Russian Science and Culture Centre took part in these events. This Festival culminated in a Russian food feast, by courtesy of the Embassy of the Russian Federation in India.

The International Conference coincided with the short programme organised by the Embassy of the Republic of Belarus in collaboration with the Centre to showcase their culture as well as to mark the 25 years of Indo-Belarusian relations.

In the Special Issue, the papers are broadly divided into three sections. The first section includes 11 papers on different aspects of **Language Studies**. The article by E.Panina focuses on the tendency of culture and language on internet and tries to classify the linguistic facts. Kh. Shambetalieva highlights the contribution of Russian-language press to the development of freedom of speech and democracy in Kyrgyzstan. L.L.Fyodorova attempts to find the Indian traditions in Russian grammar and explores some models of Russian compounds that can be attributed to the type of *bahuvrihi*. U.Parihar conducts a analysis of zoonyms in Russian and Hindi and highlights how zoonyms are judged differently by different ethnic groups depending on the kind of figurative basis that acts as the means for the construction of the cultural coding of meanings. A.K.Karnati throws light on the influence of foreign words and phrases on the syntactic structure of modern Russian language. The joint article of O.G.Lapshina and N.N.Neverov is based on their experience on teaching Russian language to Myanmar's students. Their article discusses the specificities and issues of teaching Russian language. S.Bhaskar brings the focus on to the use of modern technology and explains how ICT is being used to teach Russian language at IGNOU. S.Ahmad's article focuses on the human behaviour and characteristics expressed through adjectives. K.Thapliyal explains the use of semantic neologisms in modern Russian language and its importance in understanding the present state of modern Russian language. R.Yadav examines the possibility of learning the words provided in the lexical minimum of a given language through television series of the target language, subtitles in the target language for which are available to the learners or the teacher. S.Beniwal explores the similarities and differences in the creation of metaphorical euphemisms in the political discourse of Russian and Hindi.

The second section on **Translation Studies** has 3 papers. It begins with the discussion on issues related to the translator's teaching methodology at the university level. This study focuses on the development of the translator's skills, *ab initio* Russian for translation purposes. The role of culture in translation is demonstrated by S.Kumar. His article provides some appropriate solutions to the problems of cultural nuances in translation. M.Pansare's article sought to reveal the experience of evolving a model for the analysis of Russian-Marathi literary translations in the light of Polysystem theory advanced by Itamar Even-Johar and further expanded by Gideon Toury. P.Mukherji explores the false cognates and their ever-increasingly significant role in course of translation.

In the third section of the journal on **Literature and Culture Studies** G.V.Strelkova discusses the scientific estimation of bilateral translation of Indian and Russian literary works. She evaluates the role of a translator and puts forth a complex information database system of literary translation. I.A.Poplavskaya and G.I.Kolosova jointly worked on the perception of the ideas of Slavic unity by Russian aristocrat G.A.Stroganov on the material in his library. The ideas of Polish Messianism and Czech Austro-Slavism are analysed in terms of designing the Slavic cultural community. L.M.Chelnokova deals with controversial side of Russian literature and how the power influenced the relations. She looks into historical background. On other side, A.V.Chelnokova takes the study further and examines the same topic in modern context. The role of power through censorship is well taken in both the articles. The study of '*bawdy*' tales and Afanasev's romance with folktales by N.S.Roomi looks into the line between '*bawdy*' for sheer entertainment and for research. He puts the question that what is so bawdy about the tales and are they only bawdy? S.Saini's article examines the meaning, characteristics, divisions, types and reasons for development of 'documentary prose' in the 20th century. S.Kumar analysis the depiction of Caucasus in the works having similar type of name written by Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Leo Tolstoy and Vladimir Makanin. R.Kumari focuses on the depiction of the turbulent times in Russia and India as reflected in the works Anna Akhmatova and Amrita Pritam. Meenakshi's article presents deconstruction of the standard idea of childhood through the novel 'Bury me behind the baseboard' by the Russian contemporary writer Pavel Sanaev. Vikram Anand revisits the October revolution through the works of Russian literature of that period. N.Shreeniwas explores the skazic and folkloric elements in the literary texts of A.Solzhenitsyn. A.Vaibhav examines the folkloristic of East Germany: and has given an Insight into the Russian Idea of 'Folk'. J. Job analyses the work 'Laurus' of Eugene Vodolaskin in context of the portrayal of kindness and compassion through the bodhisattva hood of Buddhism perspective.

The comparative study of M. Gorky, L.Tolstoy and S. Vivekananda by G.Madhavan attempts to trace the similarity in the thoughts of these great humanists. It runs through the ideas of spiritual values that culminate in universal humanism. Sreekala M. attempts to find out love and familial happiness of heroine in the Russian and Indian cultural backup as depicted in the works of L. Tolstoy and R. Tagore. S.Pal's article highlights the representation of men in L.Petrushevskaya's short stories. S.Meghwal compares the identity of mother in M. Devi's and M. Gorky's works and enumerates the similarities and contrasts in both the works. A.K.Singh examines the globalization and health in India and Russia. His paper argues that private health sector has been promoted at the expense of public health

sector and the burden of health expenditure has shifted to the people in India and Russia. S. Singh throws light on affinities between both theory of 'defamiliarization' and vakrokti and examines the contention that the conceptual grounds of the formation and systematization of these two theories of different background are similar in various ways. K. Kumari in her research paper focuses on the impressions of Russian influence in post-Soviet Central Asian society and culture.

The Editorial team of the special issue is thankful to the all members of the advisory committee of the editorial board for their help and suggestions. It also expresses its gratitude to the JNU Administration, to the Finance Branch for their support in bringing out this issue. We sincerely thank the ICSSR for their support in our academic ventures, which has encouraged us to bring out this issue. We are sure that this issue will remain as a constant reminder of the stalwart of Russian Language, the Founder Director of the Institute of Russian Studies - Prof. C.N. Chakravarti who laid the foundations of The Centre of Russian Studies and who will always remain a beacon in the field of Russian Language, Literature and Translation Studies in the times to come.

We hope that the issue provides an interesting reading for All...

From the Desk of the Director of the events...

Centre of Russian Studies and 70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations

The year 2017 marks the completion of 70 years of establishment of diplomatic relations between India and Russia, and it also marks the 52nd years of establishment of Centre of Russian Studies. To celebrate this important landmark in the Indo-Russia relationship, the Centre of Russian Studies at the Jawaharlal Nehru University has organized three major events in this year - a National Seminar cum Workshop on Translation studies “Emerging Trends in Translation Studies” in September, Days of Russia in October and in November an International Conference “The Russian Studies: Changing Dimensions in Literature & Culture, Language & Translation”. Ties between India and Russia have grown from strength to strength in the past 70 years and have evolved in to a mutually beneficial and strategic partnership. This time-tested partnership has facilitated in building close trade and economic as well as cultural ties between the two countries. The year 2017 also marks the 100 years of the October Revolution, which is one of the major historical events of the 20th century. Keeping this in view, the Centre of Russian Studies organized these events which were marked with a big success and extensive participation of the Russian Fraternity.

The National Seminar cum Workshop on Translation studies “Emerging Trends in Translation Studies” witnessed the participation of delegates from universities of India, who discussed the trends in translation studies.

The Inaugural Sessions on the 6th September, 2017 was attended by the esteemed dignitaries, Professor S. C. Garkoti, Rector II, Prof. R. Dingle, Dean, SLL&CS, Dr. Rozovsky, Director, RCSC, Prof. U. N. Singh, Head, ACLIS, Amity University, the delegates from all over India, senior colleagues and teachers, Prof. Abhai Maurya, Prof. H. C. Pande, Prof. K. S. Dhingra, Prof. R. N. Menon and students and staff members of Centre of Russian Studies. The welcome address was delivered by Dr. Meenu Bhatnagar, Assistant Professor, CRS which was followed by the Introduction to the Seminar by the Centre Chairperson, Prof. Meeta Narain, who appraised the audience of the aim behind organization of this National event. This was followed by address by the Rector II, Dean – SLL&CS and the Director, RCSC. The Keynote Address was presented by Prof. U. N. Singh - the linguist, translator, lexicographer & creative writer, who is at present Chair – Professor & Head, Amity Centre for Linguistics Studies, Amity University. Dr. Kiran Singh Verma delivered the Vote of Thanks.

Centre of Russian Studies, as a premier Centre for learning and teaching Russian in India, has been actively taking initiatives towards expansions and restructuring of courses on language & translation studies to suit the needs of the hour. The National Seminar was an out come to project the initiatives taken by the Centre to expand this field. It encouraged discourse on translation studies providing a space for our students as well as scholars from different parts of the country to deliberate on pertinent issues related to theory and practice of translation in India at present times. It brought into focus the importance of translation studies as an independent discipline – its processes, problems and challenges related to different field of translation – social, political, literary, scientific and cultural amongst other fields. New trends and approaches in translation, evaluation of translation, role of translation as well as issues of translatability and untranslatability and many more related topics were discussed during the presentations.

The 2-day National Seminar cum Workshop on “Emerging Trends in Translation Studies” provided a platform for exchange of expertise and presented a direction towards the enhancement of the translation field. The seminar cum workshop was attended by Experts from all over India working on translation – theory and practice as well as literary translation into Indian and Foreign Languages.

The Plenary Sessions – 1 & 2 were devoted to discussions on Discourse in Translation Studies and Techniques of Translation, which highlighted issues related to commercial translation, Regenerative role of Translation, Indirect Translation and Techniques of Translation. The post lunch sessions were divided into Literature in Translation, Challenges of Translation in India and Foreign Languages, Translation as Intercultural Communication and Problems of Role of Translation. The concluding session was a Round Table discussion on Emerging Trends on Translation Studies attended by Prof. Babu Thaliath of CGS and Prof. Abhijit Karkun of CFFS along with participants and faculty of CRS.

A cultural festival “Day of Russia in India” was organized by Centre of Russian Studies on October 12, 2017, which focused on providing a platform to undergraduate as well as postgraduate students to highlight their abilities in various fields. They got an opportunity to test the knowledge of the subjects studied –grammar, translation, literature. They highlighted their knowledge of history, geography and cultural heritage of Russia.

During this festival, many more events for students - Olympiad, competitions on essay writing in Russian, translation from Russian into English/Hindi, poetry recitation etc were organized. There were also presentations of short video clips in Russian made by the students on topic “My Centre of Russian Studies”. The competition of short video clip is a new addition to the events

keeping in mind the use of technology in learning as well as teaching foreign languages in the present scenario.

The day ended with a rich Russian Food Festival organized by the Russian embassy which introduced to the students the variety of Russian food cuisine and was enjoyed by all.

The International Conference “The Russian Studies: Changing Dimensions in Literature & Culture, Language & Translation”, 9-11 November, 2017, had been organized to focus on the development of Russian studies programme in the past 70 years. The past 70 years, has evolved substantially from teaching and learning of the language to carrying out research work in the fields of Russian language, literature, translation and culture. The Russian studies in India have played a significant role in strengthening the diplomatic relations between the two countries in the Soviet era as well as in the Post-Soviet era. The transition period from the former Soviet society to the post Soviet society is full of challenges and changes in all the spheres, which need to be studied historically, linguistically, culturally, socially and politically. This transition had an impact on not only the post Soviet Society but also in the relation with other countries, especially India. The Conference endeavored to discuss these impacts in relation to the Indian economy by having session on Russian trade, economy through the times.

Esteemed dignitaries, H.E. Mr. Nikolay Rishatovich Kudashev, Ambassador of the Russian Federation to India, H.E. Mr. Vitali A. Prima, Ambassador of the Republic of Belarus to India, Prof. M. Jagadesh Kumar, Vice Chancellor, Jawaharlal Nehru University, Prof. Purushottam Agrawal, Former Member, UPSC & Professor, CIL, JNU, Prof. Rajendra Dengle, Dean, SLL & CS, JNU, Prof. Girish Nath Jha, Director, International Collaboration, JNU graced the Inaugural Function of the International Conference. The delegates from different former Soviet Republics, cities of Russia (Moscow, Saint Petersburg, Penza, Omsk), Estonia (Tallinn), Kyrgyzstan (Bishkek), Tajikistan (Dushanbe), Uzbekistan (Tashkent) and Great Britain, senior colleagues, teachers and research scholars and students from different parts of India and Centre of Russian Studies, JNU participated in the Conference. The Guests were welcomed by Prof. Ranjana Banerjee, CRS, and Chairperson of the Centre of Russian Studies, Prof. Meeta Narain introduced the Conference to the delegates. Following the Introduction, the participants were addressed by the Vice-Chancellor of JNU, Prof. Jagadesh Kumar, Ambassador of the Russian Federation to India, H.E. Mr. Nikolay Rishatovich Kudashev, Ambassador of the Republic of Belarus to India, H.E. Mr. Vitali A. Prima, Dean, SLL & CS, JNU, Prof. Rajendra Dengle, and Director, International Collaboration, Prof. Girish Nath Jha. This was followed by Keynote Address by the Former UPSC Member, Prof. Purushottam Agrawal, Professor, CIL, JNU and the Vote of Thanks was delivered by Dr. Sonu Saini.

The place and status of Russian Language was being debated upon extensively in the present changing scenario. The Conference threw light on the linkages between politics, language and culture in Russia. It took into account pertinent questions related to religion and society, youth and culture, and the impact of globalization on the language on the whole and related issues which were expected to open dimensions of learning of the contemporary society.

The Conference provided a platform for discussion and exchange of views by scholars from India, Russia and other countries. It focused on the new developments in the various fields of Russian studies and touched upon changes in the Russian language and its use, new literary trends and writings, translation techniques and cultural specificities. The Conference aimed to provide an opportunity to explore and acquaint with the new approaches, trends and methodologies encompassing the Russian studies. The world over, changes in the socio-political situation and technological advancements have led to a paradigm shift in the teaching and learning process. Interdisciplinary research as well as the comparative and contrastive study is gaining importance globally. These developments were also examined and discussed in the Conference.

The changing dimensions in literature and culture, language and translation are noticed in all these fields and their impact on the society and also their relations between two societies. 70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations serves as a milestone on how these diversified issues are being handled to preserve the long existing relation. The International Conference was a positive step towards the unfurling of these changing dimensions in the field of literature and culture, language and translation studies.

The International Conference covered such diversified aspects of language & translation, literature and culture studies and provided an opportunity for enhancing knowledge base in the field of Russian studies.

The International Conference organized by us also aimed to focus on the in house potential of our Centre as well as the research standard of our scholars. A Conference of this type focused to bring together new dimensions in enhancement of Russian field translation field through discussion and paper presentation, focusing on the academic standard of the research scholars as well as the Russian Studies programme at the Centre. Let me take this opportunity to also appraise you of our standards at CRS, which I am proud to say, are in equation to many of the finest Departments of the universities of the world where I had the opportunity to visit personally and have been complimented for the work being carried out here – be it, Higher school of Translation Studies of MSU, Russia, The Harriman Institute of Translation Studies of Columbia University, New York. The Department of Slavonic Studies of Oxford and Cambridge University, U. K. – where I was invited as

visiting scholar and participated in their deliberations, our standards are second to none and are coming up with Interdisciplinary research topics where Russian Language, Literature and Translation Studies is occupying a major place.

Hence, this International Conference along with the National Seminar and Days of Russia played a significant role in integrating the communities through language, literature and translation and their diversified roles. In the back drop of 70 years of Indo-Russian relation, they served as a unique opportunity to review the role of Russian studies in bringing the Russian and Indian Societies closer. They also highlighted the importance of the Centre of Russian Studies and the unique role the Centre has played in its more than 50 years of existence to prompt Russian Studies universally.

Prof. Meeta Narain
Director of the Events
&
Chairperson,
Centre of Russian Studies,
SLL&CS, JNU, New Delhi, India

CONTENTS

- (i) Prof. C.N. Chakravarti - A Tribute
- (ii) Editors' Note
- (iii) From the Desk of the Director of the events...

Language Studies

1.	Панина Е.В. Русский язык в интернете: тенденции развития и зеркало культуры	1
2.	Хадича Ш. М. Роль русскоязычных газет постсоветского Кыргызстана в общественной жизни страны	6
3.	Федорова Л.Л. Индийские традиции в русской грамматике: сложные слова модели <i>bahuvrihi</i>	13
4.	Parihar U. Сравнительное изучение зоонимов русского языка и языка хинди	21
5.	Karnati A.K. Влияние заимствованных названий компаний и фирм и конструкций деловой лексики на синтаксическую структуру современного русского языка	31
6.	Лапшина О.Г., Неверов Н. Н. Особенности преподавания русского языка как иностранного (РКИ) во внеязыковой среде (на примере мьянманских студентов)	38
7.	Bhaskar S. Use of ICT in Russian Language Teaching: Issues & Challenges	45
8.	Ahmad S. Изучение прилагательных, выражающих черты характера человека	51
9.	Thapliyal K. Семантические неологизмы и их употребление в современном русском языке	58

10. **Yadav R.** 62
Russian television series as the audiovisual material for the learning of words in the lexical minimums for learning Russian at the beginning level
11. **Бенивал С.** 70
Метафорические эвфемизмы в политическом дискурсе: сравнительное изучение русского языка и языка хинди

Translation Studies

12. **Ponomareva A.** 78
A New Methodology of Developing the Translator's Skills: *ab initio* Russian for Translation Purposes
13. **Kumar S.** 87
The Role of Culture in Translation
14. **Pansare M.** 94
Literary Translations in the Light of Polysystem Approach: Evolving a Model for Russian-Marathi Language Pair
15. **Mukherji P.** 103
Tactful Trajectories and Techniques of Translation: A Study of Nuances and False Cognates
16. **Munjal G.** 111
Russian Poetry in Hindi: Transforming Rhyme, Rhythm, Sense

Literature & Culture Studies

17. **Стрелкова Г. В.** 121
Русско-индийское литературное взаимодействие
18. **Poplavskaya I.A., Kolosova G.I.** 132
Сочинения о славянах на французском языке в книжном собрании Строгановых
19. **Челнокова Л.М.** 142
Литература и власть в России. История взаимоотношений
20. **Челнокова А.В.** 149
Литература и власть в России. Современная ситуация
21. **Roomi N.S.** 158
Bawdy Tales: Afanasev's Romance with Folktales

22.	Санин С. Развитие литературного жанра «документальная проза» в конце XX века	166
23.	Kumar S. Изображение Кавказской идентичности в одноименных произведениях «Кавказский пленник»: сравнительный анализ	174
24.	Kumari R. Время потрясений, отраженное в произведениях Анны Ахматовой и Амрити Притам	180
25.	Meenakshi Деконструкция стандартной идеи детства в контексте повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом»	188
26.	Ананд В. Переосмысление октябрьской революции через литературы	194
27.	Shreeniwas N. <i>Folkloric and Skazic Elements in Solzhenitsyn</i>	208
28.	Vaibhav A. Re-visiting Folkloristics of East Germany: An Insight into the Russian Idea of 'Folk'	216
29.	Job J. The Portrayal of Kindness and Compassion in Eugene Vodolaskin's <i>Laurus</i> – A Study from the Perspective of Bodhisattvahood of Bhuddhism	224
30.	Madhavan G. Comparative Study of Maxim Gorky, Tolstoy and Vivekananda: Some Reflections	233
31.	Sreekala M. Women between Domestic Space and individual Space - The Problematics of Love in Tolstoy and Tagore: A Case Study	237
32.	Pal S. Representation of Men in Ludmila Petrushevskaya's Short Stories	245
33.	Meghwal S. Mother identity in Mahasweta Devi's 'Mother of 1084' and Maxim Gorky's 'Mother': A comparative study	251

34.	Singh A.K.
Globalization and Health in India and Russia	257
35.	Singh S.
Vakrokti and Defamiliarization: Issues in Affinities and Correspondences	265
36.	Kumari K.
Globalisation, Russia and Russianness in post-Soviet Culture: Impressions from Central Asia	274

Русский язык в интернете: тенденции развития и зеркало культуры

Е.В. Панина

Communication of people in the modern world, oversaturated with information and virtual communication, is characterized by a desire for brevity, high speed and even instant messages, as well as a large number of interlocutors who are often not familiar to each other.

Specific characteristics that can be attributed to the modern era of the development of the Russian language, this is a reduction of words beyond recognition, an increase in the number of lexemes with diminutive suffixes, non-observance of grammatical rules and rules of spelling and punctuation, or rather their specificity. The article considers and classifies the specified linguistic facts, which make it possible to assume some of the reasons for their occurrence.

Общение людей в современном мире, перенасыщенном информацией и виртуальным общением, характеризуется стремлением к лаконичности, высокой скоростью и даже моментальностью сообщений, а также большим количеством собеседников, которые чаще всего являются не знакомыми друг другу.

Специфические характеристики, которые можно отнести к современному этапу развития русского языка, это сокращение слов до неузнаваемости, увеличение количества лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами, несоблюдение грамматических правил и правил орфографии и пунктуации, точнее – их специфичность. В статье рассматриваются и классифицируются указанные языковые факты, которые дают возможность предположить некоторые из причин их возникновения.

Общение людей в современном мире, перенасыщенном информацией и виртуальным общением, характеризуется стремлением к лаконичности, высокой скоростью и даже моментальностью сообщений, а также большим количеством собеседников, которые чаще всего являются не знакомыми друг другу. Всё это, несомненно, сказывается и на языке общения, который иногда меняется до неузнаваемости, особенно в каких-то закрытых сообществах.

Подобные явления существовали всегда, но в последнее время в связи с развитием информационных технологий их количество стало расти буквально как снежный ком. Особенно ярко это проявляется в

интернете, язык которого предоставляет нам огромный материал для анализа. Более того, количество данных столь велико, что с первого взгляда они кажутся разномастными и не дифференцируемыми, однако выявить общие тенденции оказывается возможным.

Русский язык (интернета в данном случае) характеризуется сокращением слов до неузнаваемости, увеличением количества лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами, несоблюдением грамматических правил и правил орфографии и пунктуации, точнее – их специфичностью.

Ошибки в русском языке интернета ныне всё чаще рассматриваются под названием «лингвалидол» – термин, автором которого является пользователь Фейсбука, участник группы «Неологизм года» Отар Бежанов. По его определению, «лингвалидол – это средство для тех, кому плохо от современного уровня грамотности»¹.

Итак, первая группа, которую мы рассмотрим, это сокращения слов. Подобные сокращения стали для нас привычными: мы часто экономим в буквах при неформальной переписке. Но экономить можно по-разному:

1. отсекают от слова «лишние буквы»: «нра» (нравится), «хо» (хочу), «лю» (люблю), «я тя лю» (я тебя люблю);
2. выкидывать гласные, например, «спс» (спасибо), «пжлст» (пожалуйста).

Большая часть слов второй группы является понятной, но некоторые могут заставить задуматься. Например, «нп» – что это? Оказывается, это «не за что, всегда пожалуйста». Пять слов, превратившихся в две буквы. Образование сложного слова из частей нескольких слов, например, «спокночи» (спокойной ночи), «ккдел» (как дела).

Подобные сокращения по-разному воспринимаются как простыми пользователями интернета, так и специалистами-лингвистами. Если некоторые из сокращений каким-то образом еще принимаются («нра» или «спс»), то другие вызывают неприкрытое раздражение и понимаются как неуважение к языку и нарушение этикетных норм (например, ответ «Добрый!» на приветствие «Добрый день!» или «Приятного!» на пожелание «Приятного аппетита!»).

Грамотный культурный человек, конечно, будет стараться обойтись без подобных сокращений как в устной речи, так и в письменной – личной переписке. Но, как пишут в интернете (цит.): «Будьте осторожны! Человек, который не поленился и нашёл все буквы на клавиатуре, в наше время может вызвать подозрение. Не зря интернет-мудрецы

¹ <https://www.facebook.com/pravmir/posts/977822098928061>

предупреждают: не связывайтесь с тем, кто использует «ё» («ё» в русской клавиатуре находится перед цифрой 1, т.е. в очень неудобном месте). Это страшный человек. Если ему не лень тянуться до «ё», он дотянется и до вас»².

Вторая группа, довольно объёмная, это ошибки из-за несоблюдения грамматических правил, правил орфографии, незнания этимологии. Так как в одном лексическом образовании могут встречаться все виды перечисленных ошибок, мы и объединили их в одну группу.

Приведём такие примеры:

1. *поедки* – слово встретилось в одной из модных групп Фейсбука; похоже на «объедки», но на самом деле это «пайетки» – блестящие украшения, которыми расшивают одежду;
2. *впринципи* (в принципе). В гугле встречается примерно 15 тыс. упоминаний подобного написания. Как видите, здесь наблюдается незнание правил слитного-раздельного написания, написания *ы/и* после *ц*, правил написания окончаний;
3. *в крации, в крациях* (вкратце). Непонятно, чем руководствовались при «изобретении» такого слова, но явно не информацией о его значении (от «краткий», «короткий»);
4. *котолизатор* – это слово можно рассмотреть и как ошибочное написание слова «катализатор», но, в принципе, можно отнести и к неологизмам (от слов «кот» и «лизать»), потому что часто, действительно, употребляется в контексте упоминания популярных ныне котов и любви к ним.

К этой же группе отнесем слова:

мачё = мачо

фитишь = фетишь

олифковый = оливковый (несмотря на наличие проверочного слова)

обсолютно = абсолютно

тамода = тамада (ведущий праздника)

дедетив (или *дыдыктив*) = детектив

эрогливы = иероглифы

аллигарх = олигарх

опелировать = апеллировать.

О незнании носителями языка этимологии говорят следующие написания:

па чечаяния = паче чаяния, т.е. «сверх ожиданий»

воотчию = воочию (т.е. «своими очами, глазами»)

из-под тешка = исподтишка (украдкой, скрытно)

² <http://www.pravmir.ru/mne-nra-chto-vyi-bo-ne-mno/>

на абу = наобум. Сразу и не догадаешься, что это «наобум» (не раздумывая, не размышляя)

в опреоре = априори (независимо от опыта), где, видимо, смешались «априори» и некое существительное с предлогом «в».

Разные слова могут сливаться воедино, например, *координальный* (путаница слов «кардинальный» и «координация»).

На письме могут вставляться лишние буквы, отражающие произношение:

педиатор = педиатр

кораболь = корабль.

В подобных словах действительно произносится межконсонантный редуцированный гласный, но на письме он никак не отражается.

Третья группа – слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Излишнее использование уменьшительно-ласкательных суффиксов всегда считалось в русском языке признаком невысокой культуры и невысокой образованности. Об этом уже много лет назад говорили различные русские лингвисты, например, Марина Николаевна Славянская. Современный же этап развития языка – как устного, так и языка Интернета – пестрит обилием «ласковых» имён: *лососик, гарнирчик, билетик, мёдик, старшенькая, магазинчик, кофеёчек, платьишко*. Если же обратиться к обсуждениям в Интернете мам, то количество уменьшительно-ласкательного просто зашкаливает. Собственно, использование подобных средств в языке характерно именно при обращении и разговорах с ребенком, но в наше время понимание этого, а также приемлемого количества уменьшительных частиц в речи у многих носителей.

С другой стороны, наблюдается и противоположная тенденция: видимо, в рамках борьбы с нашествием уменьшительных частиц говорящие вообще убирают из слов суффикс -к-, который при этом не является уменьшительно-ласкательным в данных словах:

сосуля = сосулька

ботины = ботинки

греча = гречка.

Кроме того, убираются уменьшительно-ласкательные суффиксы там, где они должны употребляться; например, ножка, коленка (не называть же ногой или коленом части тела младенца), пирожок с капустой (пирог – это выпечка другого размера).

Доктор филологических наук, профессор МГУ Игорь Милославский («Говорим правильно по смыслу или по форме?») считает, что в школах на уроках русского языка не объясняется, что использование уменьшительно-ласкательных суффиксов необходимо для выражения уважительного, внимательного отношения к предмету или к

собеседнику, что ведет к формированию «нездорового» отношения к диминутивам.

«Именно такое отношение к гостю стремится выразить в застолье хозяин, предлагающий супчик, буженинку с хреном, чаёк с вареньицем или конфеткой. Таким же образом сейчас ведут себя и многие работники сферы бытового обслуживания. В парикмахерской говорят «волосики», «бровки», «височки», «маникюрчик». [...] Напомню, что к тому же средству прибегала и коварная крыловская лисица, которая говорила: шейка, глазки, пёрышки, носок, голосок. Для того чтобы расположить к себе ворону, а потом завладеть ее сыром.»³ Если бы в школе учили распоряжаться «всеми этим суффиксальным богатством»⁴, то проблем, связанных с использованием диминутивов, было бы гораздо меньше.

Подводя итог, скажем, что ошибки в русском языке, которые мы наблюдаем в интернете, могут быть, по нашему мнению, объяснены как минимум двумя причинами: 1) модификацией слов, словосочетаний и фраз в стремлении говорящих к удобству и быстрой общению; 2) неграмотностью носителей языка. Первое – это явление, характеризующее лингвистами как «тенденция к аналитизму» (сюда относится, например, неразличение падежей), а также всё более распространяющиеся сокращения слов, словосочетаний и фраз – вплоть до согласных при отсутствии гласных. Второе – результат снижающегося уровня грамотности населения (что отражается не только в интернете, но и в уровне редактуры и корректуры научных и художественных изданий).

(Примеры взяты из открытых источников Интернета, а также с сайта pravmir.ru.)

³ <http://www.pravmir.ru/utrom-mazhu-buterbrodik-srazu-mysl-a-kak-narodik/>

⁴ Там же.

Роль русскоязычных газет постсоветского Кыргызстана в общественной жизни страны

Х.М. Шамбеталиева

The journalism of post-soviet Kyrgyzstan has passed a difficult way of forming and developing a free and independent press, starting from the festively reporting party press to a different style and different genre structure.

The mass media of the Soviet era of the period of glasnost and freedom of speech will smoothly turn into the printed organs of a new independent country, and some periodicals will cease to exist, others will be transformed into private newspapers and magazines. Absolute state monopoly in the field of information of the Soviet period with the gaining of independence of the country will gradually grow into independent media. In the information field of an independent republic, the first private prints will appear, both in Russian and Kyrgyz, which will form an audience of readers. Some of these publications will lay the groundwork for the emergence of an opposition press that openly criticizes power and the state.

This paper is about how Russian-language press has contributed to the development of freedom of speech and democracy in Kyrgyzstan.

Журналистика постсоветского Кыргызстана прошла непростой путь формирования и становления свободной и независимой прессы, начиная от празднично рапортующей партийной печати до разностилевой и разножанровой структуры.

Пресса советской эпохи периода гласности и свободы слова плавно превратится в печатные органы новой независимой страны, а одни периодические издания прекратят свое существование, другие трансформируются в частные газеты и журналы. Абсолютная государственная монополия в области информации советского периода с обретением независимости страны начнет потихоньку перерастать в независимые СМИ. Настоящая статья изучает как русскоязычная пресса внесла свой вклад в развитие свободы слова и демократии в Кыргызстане.

Вторая половина восьмидесятых годов прошлого столетия ознаменована началом периода перестройки, которая повлекла за собой необратимые политические последствия. Известно, что указанный период характерен глубокими социальными потрясениями, которые привели к распаду некогда единой державы и приобретению независимости бывших союзных республик, в том числе и Кыргызской

Республике. Трансформация государственного устройства незамедлительно повлекла за собой и информационное сопровождение всех изменений в политической, экономической и общественной жизни страны. Не последнюю роль в отражении и анализе происходящих событий в стране сыграли и русскоязычные издания, которые имели глубокие корни и свой многочисленный тогда еще электорат. Процесс непростого перехода и трансформации от партийной прессы к коммерческой, затем независимой и далее к оппозиционной отчетливо заметен на примере периодических изданий тех десятилетий.

Публицистика как часть журналистики не только информационно обеспечивает все происходящие изменения и чутко реагирует на значимые проблемы общества, но и активно формирует общественное, а далее и оппозиционное мнение, которое наиболее ярко проявится уже в независимом Кыргызстане. Поэтому можно смело считать, что публицистика тех лет явилась своеобразным зеркалом отображения действительности периода перестройки и независимости страны.

Текст публициста с течением времени превращается в документ эпохи, времени, а значит, ретроспективный анализ газетно-журнальной периодики раскрывает не только взгляд и позицию одного автора, но и показывает всю палитру взаимодействия человека и общества, фиксируя как первые шаги формирования, так и период становления независимости республики.

В периодической печати второй половины восьмидесятых годов и до середины 90-х все еще сохранится хвalebная риторика и эйфория нового, демократического веяния на страницах печати, которая станет своеобразным трибуном перестройки. Вместе с тем, именно в эти годы зарождаются общественно-политические издания, которые впоследствии станут первыми оппозиционными газетами, полемизирующими с правительством, государственными органами.

Журналистика постсоветского Кыргызстана прошла непростой путь формирования и становления свободной и независимой прессы, начиная от празднично рапортующей печати до разностилевой и разножанровой структуры. Пресса советской эпохи периода гласности и свободы слова плавно превратится в печатные органы новой независимой страны¹, а

¹«Слово Кыргызстана» Орган Центрального Комитета Компартии Кыргызстана, Верховного Совета и Кабинета министров Республики Кыргызстан. (до 1991 г. «Советская Киргизия»)

«Учитель Киргизстана» Орган Министерства просвещения Кирг.ССР и Респуб.ком.профсоюза работников просвещения, высшей школы и научн.учреждений. - Фрунзе, 1984.

некоторые республиканские русскоязычные периодические издания просто прекратят свое существование. Например, печатный орган ЦК ЛКСМ Киргизии еженедельная газета «Комсомолец Киргизии», основанный 1 Мая 1938 года, с 1991 года переименуется в общественно-политический еженедельник Республики Кыргызстан «Молодежная газета», а затем и вовсе прекратит свое существование. Газета «Пионер Киргизии», как печатный орган ЦК ЛКСМ Киргизии, Республиканского Совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина, просуществует до 1992 года и, хотя уже пионерия исчезнет как часть партийной организации, газета будет выходить в свет как республиканская газета для детей и подростков под новым названием «Контакт: Пионер Кыргызстана».

Целая палитра новых русскоязычных печатных изданий буквально обрушится на читателя с начала 90-х до середины 2000-х. Это и общественно-политические газеты,² независимые газеты и журналы,³ информационно – развлекательные.⁴

Поиск сенсационности, как неперенное свойство прессы любого демократического общества, начинает снижать качество изданий до уровня бульварно - желтой прессы в транзитный период, а затем начинается постепенный рост содержания материалов до серьезного уровня аналитики. Такое нелинейное развитие журналистики предсказуемо, т.к. она, образно говоря, должна была переболеть вирусом «свободной прессы» после обретения независимости республики.

Абсолютная государственная монополия в области информации советского периода с обретением независимости страны начнет

«Свободные горы: Эркин Тоо». Газета Верховного Совета Республики Кыргызстан. – Б., 1991.

«Вечерний Фрунзе» Орган Фрунзенского ГК КП Киргизии и горсовета деп. трудящихся. (с 1991 г. издается как «Вечерний Бишкек» и др.

² «Вестник времени». Общественно-политическая газета. – Бишкек, 1991.

«ResPublica. Общее дело» Общественно-политическая газета Республики Кыргызстан. (вых. с 1992 г.)

«Столица» Общественно-политическая газета Кыргызстана. - Б., 1995.

«Асаба Бишкек»: Общественно-политическая газета, - Б., 2001. и др.

³ «СССР». Независимая газета /Приложение газеты «Асаба». - Бишкек, 1994.

«Позиция» Независимая общественно-политическая газета. -Жалал-Абад, 1994.

«Портрет недели» Независимая региональная газета. – Бишкек, 2002.

⁴ «Блиц – инфо» Информационно-развлекательная газета.- Бишкек, 1996.

«Тысячелетие» Еженедельная информационно –развлекательная газета. - Бишкек, 2001.

потихоньку перерастать в независимые СМИ. В информационном поле появятся первые частные печатные издания, как на русском, так и кыргызском языках⁵.

Вместе с тем начнется издание и государственных периодических газет. Так, 4 июля 1991г выйдет в свет первый номер первой парламентской газеты «Эркин Тоо» - «Свободные горы», печатного органа Верховного Совета Республики Кыргызстан. В поздравительном тексте Президент Республики Кыргызстан Аскар Акаев напишет: «С крушением тоталитарно-административной системы управления мы возвращаемся к позабытым нами на долгие годы общечеловеческим ценностям и идеалам, процессы демократизации приводят к тому, что в нашей жизни все более и более прочное место занимает свобода слова».⁶

Однако в жизни демократия оказалась регулируемой, а свобода слова – дозированной. Провозглашенная с самых высоких трибун свобода слова, плюрализм взглядов и мнений, здоровая полемика и оппонирование государственной власти оказались для государственной власти неподъемной ношей. Но уже через три года, а точнее 15 августа 1994года «начался судебный процесс над газетой «Свободные горы» по иску Генеральной прокуратуры республики от 28 июля 1994 года»⁷.

Известно, что пресса в демократическом обществе изначально по своей сути должна быть оппозиционной, отслеживающая своим пристальным взором работу государственных органов. Поэтому появление в Кыргызской республике новых общественно - политических изданий в конце XX века воспринималось как показатель демократизации общества, его достижение. На страницах русскоязычных газет появляется критическая струя, которая дает оценку развитию общества, политической партии. Журналисты начинают критиковать власть и правительство, а затем переходят пределы критицизма, плавно превращаясь в политически ангажированную бульварную желтую прессу, поспособствовавшей уходу власти Первого Президента А. Акаева.

Первый номер русскоязычной независимой газеты «ResPublika» выйдет в свет 18 февраля 1992 года, а уже весной 1995 года на главного редактора первого оппозиционного издания будет подан иск президентом А. Акаевым. Впервые в нашей стране осудили главного

⁵ «Будь здоров»: Частная медицинская газета. – Б., 1997, №1, июль

«Дасмия». Республиканская частная газета. – Б., 1997, 19 августа и др.

⁶ Акаев А. К редакции «Свободных гор». Газета Верховного Совета Республики Кыргызстан. 1991, 4 июля, №1.

⁷ Ибраева Г., Куликова С. «История развития и современное состояние СМИ в Кыргызстане: результаты исследования. – Бишкек, АО «Салам». С. 304.

редактора издания З. Сыдыкову на полтора года лишения свободы условно с запретом заниматься журналистской деятельностью.⁸ Таким образом, началась открытая волна оппонирования прессы официальному курсу государственной власти Кыргызстана.

Однако, первое десятилетие независимости республики охарактеризовано формированием и развитием свободы слова, зарождением политической публицистики в периодической печати. Это станет одним из основных достижений периода президентства Аскара Акаева.

Приход к власти нового (или, как говорят в народе, второго) Президента станет следующим сложнейшим историческим периодом, когда «свобода слова оказалась глубоко извращенной, не стала настоящей трибуной раскрепощенной мысли, рупором правды, защитницей справедливости, а газеты были всего лишь жалкими прислугами обладателей изданий».⁹ Этот период охарактеризован и открытым давлением и выдавливанием оппозиционных средств массовой информации, неприкрытыми гонениями на журналистов, а затем и заказными убийствами журналистов.

Итак, известным политическим событиям марта 2005 и апреля 2010 гг. предшествовала гражданская активность интернет пользователей, СМИ. Отметим особую роль русскоязычных оппозиционных изданий, бесстрашно выходивших в свет в тяжелое время политического прессинга.

Именно в такой непростой период развития журналистики начинают ярко проявляться талантливые и смелые журналисты, которые не только пристально следят, но и открыто заявляют свой протест существующему строю. Ирония, сарказм русскоязычной журналистики стал своеобразным маркером, указывающим на несостоятельность новой власти. Политическая публицистика на русском языке все больше и больше привлекает внимание читателей.

Ярким примером своеобразного рупора в освещении происходящих социальных перемен, активным средством формирования общественного мнения и распространения общественно-политических

⁸ <http://old.memo.ru/hr/politpr/lists1/kirg.htm> «Замира Сыдыкова 11.07.95. приговорена судом Ленинского района г. Бишкек по ст.128 ч.2 УК РК (“клевета в печати”) к 18 месяцам лишения свободы условно и к запрету заниматься журналистикой на тот же срок. Причиной судебного разбирательства послужила публикация статьи “Дайте дом бездомному”, в которой утверждалось, что президент РК А.Акаев имеет собственность за рубежом».

⁹ Ибраимов О. Кыргызская одиссея: до и после империи: Исторические очерки. – Б., Бийиктик, 2011. С.73.

идей и позиций становится в 2000-х годах международный еженедельник «Московский Комсомолец - Кыргызстан». Газета не только начинает чутко и оперативно реагировать на происходящие перемены в стране, но главным образом начинает привлекать внимание чиновников разного ранга и уровня, политиков, общественность на перекосы проводимой политики нового президента.

Открытое обличение социального явления, а также неприкрытое ироническое отношение к самому политику, сатирическое отношение к политическим событиям и саркастические рассуждения позволили журналисту Е.Агеевой не только расширить круг читателей, но и вызвать широкое обсуждение, сформировать определенные эмоции и критическое отношение к объекту анализа.

После свержения второго Президента страны очевиден упадок к печатным изданиям, главная причина которого кроется в том, что люди устали от сплетен, крикливости. Постепенно средства массовой информации Кыргызстана, в том числе и русскоязычная журналистика постсоветского периода, стали переходить от дешевой и истеричной сенсационности к аналитическим жанрам. Пресса, да и читатели поняли, что за двадцать пять лет развития свободной прессы важными становятся аргументы и всесторонний, глубокий анализ происходящих событий. Аналитическая журналистика становится особенно востребованной.

Еще одной не менее важной, на наш взгляд, причиной снижения интереса к газетам, в том числе и к русскоязычным, стало создание собственных сайтов или открытие электронной версии изданий, которые оказались намного мобильней, чем печатные СМИ.

В первой половине 2000-х годов в Кыргызстане в системе прессы появилась первая независимая общественно-политическая Интернет газета «Белый парус» (<http://www.paruskg.info/>)

Стремительно начинает развиваться русскоязычная Интернет журналистика, которая не просто информирует своих читателей, но и начинает активно воздействовать на общественную жизнь социума. Оказалось, что именно Интернет издания имеют больше возможностей демонстрировать свободу слова, гражданскую позицию, социальную активность в реальной жизни, а иногда стать настоящим рупором политических изменений.

Интернет аудитория имеет ряд преимуществ и свобод, нежели читатель печатных изданий¹⁰ В первую очередь это возможность мобильного реагирования на значимые события и материалы, опубликованные на

¹⁰ http://www.media.kg/wp-content/uploads/2013/10/issledovanie_media_rus2.pdf

страницах интернет изданий. Виртуальное сообщество может не только обсудить или дать свою оценку, экспертное заключение, но и может побудить интернет аудиторию к каким либо реальным (в том числе и общественно-политическим) действиям.

Вторым не менее важным преимуществом Интернет изданий является то, что виртуальная аудитория может комментировать и высказывать свое мнение анонимно, иногда под вымышленным именем, что также дает определенную свободу. Активный фидбэк помогает «услышать» мнение своих читателей.

Вместе с тем следует особо отметить, что русскоязычные издания КР (в том числе и Интернет издания) внесли особый вклад в развитие свободы слова, принципов демократии в Кыргызстане.

Библиография

- Ибраева Г., Куликова С. «История развития и современное состояние СМИ в Кыргызстане: результаты исследования. – Бишкек, АО «Салам». – 304 стр.
- Ибраимов О. Кыргызская одиссея: до и после империи: Исторические очерки. – Б., Бийиктик, 2011. С.73
- <http://old.memo.ru/hr/politpr/lists1/kirg.htm>
- http://www.media.kg/wp-content/uploads/2013/10/issledovanie_media_rus2.pdf

Индийские традиции в русской грамматике: сложные слова модели *bahuvrihi*

Л.Л. Федорова

The article explores some models of Russian compounds, which can be attributed to the type of bahuvrihi, traditionally allocated by the Indian grammarians. One of them is a model of compound Adjectives (Adj+N)Adj expressing inalienable possession (as in English blue-eyed). This type is a classical example of bahuvrihi. Two classes of Noun compounds with Verb constituents, (N+V)N and (V+N)N, can be attributed to bahuvrihi in an expansive sense, i.e. to exocentric compounds in modern terminology. The lexical category of an exocentric compound and its meaning cannot be determined by its constituents. Thus, categories of Indian grammar can be used for typological description of Russian compounds.

Статья посвящена некоторым моделям русских сложных слов, которые могут быть отнесены к типу *bahuvrihi*, традиционно выделяемому древнеиндийскими грамматистами. Рассмотрены модели сложных прилагательных, выражающих неотчуждаемую принадлежность (Adj+N)Adj (синеглазый). Этот класс сложных слов выражает поссесивные отношения и представляет классический тип *bahuvrihi*. Также рассмотрены два класса существительных с глагольными компонентами, (N+V)N и (V+N)N (снегопад и сорвиголова), которые можно отнести к *bahuvrihi* в расширительном смысле, т.е. к экзоцентрическим сложным словам в современной терминологии. Для экзоцентрических сложных слов характерно то, что по их компонентам нельзя определить лексическую категорию и значение целого. Таким образом, категории индийской грамматики могут использоваться для типологического описания русских сложных слов.

Одной из проблемных тем в преподавании русского языка является словосложение. В русской грамматике словосложение традиционно рассматривается как один из видов словообразования, наряду с аффиксацией, сращением, аббревиацией; нередко сложные слова образуются одновременно сложением и одним из остальных способов¹.

¹ Академическая грамматика русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. М.: Наука, 1980. Белошапкова В.А., Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов. Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. Раздел III. Словообразование. Москва: Высшая школа. С. 133-239., Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005.

Современные исследователи русского словосложения, опираясь на описания отечественных лингвистов, используют обобщающие типологические модели, соотносящие русское словосложение с моделями других языков.² Однако модели русского языка, особенно смешанные, не всегда укладываются в рамки типологических описаний.

Для типологического изучения словосложения полезной представляется разработанная древнеиндийскими грамматистами теоретическая классификация сложных слов санскрита; ее основные типы – *двандва*, *татпуруша*, *кармадхарая* и *бахуврихи* – и сейчас являются основой типологических описаний сложных слов в разных языках. В европейской лингвистике индийские словообразовательные термины укрепились благодаря своей отчетливой внутренней форме, иллюстрирующей сам принцип классификации в конкретных языковых образах. Так, *bahuvrihi*, составленное из основ со значениями ‘много’ и ‘рис’, подсказывает поссесивный семантику целого и означает ‘имеющий много риса’, *tatpurusha* – ‘его слуга’ говорит об определительных отношениях между частями слова.

В современной терминологии типу *бахуврихи* может соответствовать понятие экзоцентрического сложного слова, противопоставленное эндоцентрическому³. Различие между эндоцентрическими и экзоцентрическими сложными словами определяется выраженностью или не выраженностью референта в структуре сложного слова. Например, слово *сухофрукты* обозначает именно фрукты, сушеные фрукты, а в слове *сухогруз* нет никакого указания на то, что оно может относиться к судну. При этом в разряд экзоцентрических могут попадать не только слова с поссесивным значением, но и другие образования, содержащие семантическую характеристику невыраженного референта. Строго говоря, к поссесивным словам можно отнести русские сложные прилагательные модели (Adj+N)Adj – *синеглазый*, *светловолосый*, а также немногие существительные типа *черноус*, *двоежен*, *сухогруз*, *толстосум* – они обладают классической структурой *бахуврихи*. Понимаемый в более широком смысле, термин *бахуврихи* может быть применен к экзоцентрическим сложным словам

² Benigni V., Masini F. Compounds in Russian / *Lingue e Linguaggio* VIII.2 (2009) 171–193/ Forza F., Guevara E., Scalise, S., 2009, “Compounding adjectives”, *LINGUE E LINGUAGGIO* VIII.1 (2009) 137–162., Guevara, E. & Scalise, S. Searching for universals in compounding. In S. Scalise, E. Magni & A. Bisetto (Eds.), *Universals of language today* (pp. 101-128). Dordrecht: Springer Netherlands, Scalise, S. and A. Bisetto 2009. *The Classification of compounds // The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford University Press. Chapter 3.

³ Scalise, S. and A. Bisetto 2009. *The Classification of compounds // The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford University Press. Chapter 3.

других моделей: (N+V)N – *пароход, снегопад* и др. и (Adv+V)N – *скороход, тугодум*. Эти слова не соотносятся напрямую по смыслу с понятием, выражаемым вторым корнем, не обозначая никакую его разновидность, в отличие от эндоцентрических слов (*сухофрукты*).

Остановимся подробнее на основных классах русских сложных слов типа *бахуврихи* в широком смысле, или экзоцентрических композитах.

Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности

К классу сложных прилагательных бахуврихи относятся слова, описывающие субъекта по его внешней характеристике: *круглолицый, длинноногий* и проч. Внешнюю характеристику составляют какая-то часть тела в ее конкретном качестве: белые руки, темные волосы, острый нос и проч. Субъектом описания может быть животное: *косопалый* (медведь), *сизокрылый* (голубь) или даже растение – *узколистый* (куст). Отношение между компонентами сложного слова атрибутивное, но все целое отнесено к невыраженному в слове субъекту (т.е. все слово представляется модификатором по отношению к отсутствующей «голове»). В русской грамматике принято говорить о наличии нулевого суффикса в подобных образованиях, который вводится как абстрактный грамматический формант в сопоставлении с прилагательными, построенными с помощью других суффиксов: *остроумный* (*остр-о-ум-н-ый*), *мелкозернистый* (*мелк-о-зерн-ист-ый*). Необходимость введения нулевого суффикса объясняется тем, что стандартные правила предусматривают образование прилагательных от существительных с помощью словообразовательного форманта, которым является суффикс (Лопатин 1967). Наличие нулевого суффикса в английских экзоцентрических субстантивах типа *greybeard* ‘седая борода, седобородый человек’ в противоположность эндоцентрическим суффиксальным прилагательным типа *green-eyed* традиционно признается в европейской лингвистике.

К типу бахуврихи относятся прилагательные не только модели (Adj+N)N, но и моделей (Nun+N)Adj, (N+N)Adj. Прилагательные с первой основой числительного описывают субъекта по его части, уточняя количественный признак: *двуногий, шестипалый*. Прилагательные с первой основой существительного соотносят характеризующий признак с его эталонным обладателем: *волоокий* (‘имеющий очи, как у вола’), *утконосый* (‘имеющий нос, как у утки’) или отмечают его сходство с иным носителем признака, как в *саблезубый* (‘имеющий зубы (острые), как сабли’).

Этот обширный класс сложных слов обладает ограниченной продуктивностью, в том смысле, что слова этих моделей могут быть построены в языке, но с определенными ограничениями. Во-первых, семантическое ограничение, выше отмеченное, не позволяет

образовывать подобные прилагательные для характеристики неодушевленных субъектов (за исключением растений, что используется довольно редко). Однако к этому ограничению мы находим исключения. Они касаются переносного использования слов (основ), характеризующих внешний вид предметов: *узконосый чайник*, *трехногий стул* (ср. *двухколесный велосипед* с суффиксом *-н-*), *тонкокожий апельсин*. Здесь нос, нога, кожа ('кожура') описывают не части тела, а необходимые части предмета, характерные для его внешнего облика. Мы описываем этот класс прилагательных как выражение неотчуждаемой принадлежности: прилагательные описывают субъекта по воспринимаемым признакам его неотчуждаемых частей. Признаки могут восприниматься необязательно зрительно: например, *звонкоголосый мальчик*, *твердокожий жук*; они могут закрепляться и в переносном употреблении: *мякотелый человек*, *узколобый политик* (о характере). Однако те признаки, которыми мы характеризуем субъекта, о которых мы судим на основании умозаключений, обычно передаются прилагательными с суффиксом *-н-*: *простодушный*, *мягкосердечный*, *остроумный*. Они не являются воспринимаемыми непосредственно, а потому не мыслятся как неотчуждаемые, присущие субъекту оценки по природе.⁴

Другое ограничение связано со слоговой структурой вновь образуемых слов. Так, вторая основа обычно состоит из одного слога (плюс окончание прилагательного), за исключением слов с полногласием (*голос*, *борода*: *сладкоголосый*, *седобородый*). Это показывает, в частности, невозможность прилагательных **тонкокожурый* (апельсин) или **длиннохребетый* (конь). Ограничение на число слогов связано с общей тенденцией к построению 5-сложных структур прилагательного (которая, впрочем, часто нарушается при образовании сложных терминологических слов).

Продуктивность этой модели сложных слов заключается в том, что в пределах отмеченных ограничений мы можем построить слова, не засвидетельствованные в словарях, но с понятным смыслом. Например, *синепаальный*, *остробрвовый*, *рыбоглазый*, *малиновощекий*.

Сложные существительные со второй глагольной основой

К этому классу относятся слова моделей: (N+V)N (*снегопад*) и (Adv+V)N (*скороход*). Здесь уже нет речи о поссесивности как

⁴ См. Федорова Л.Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке / Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015, №8. С. 61-74.

начальном значении слов *бахуврихи*, поскольку глагольная основа связывает конструкцию с действием, а не с обладанием. Отношения между компонентами сложного слова субординативные.

Для этих слов тоже выделяется нулевой суффикс в качестве словообразовательного форманта, поскольку считается, что слово не может быть образовано сочетанием корней (основ). В качестве второй основы могут использоваться чистые глагольные корни: *водовоз*, *сеновал* или глагольные приставочные основы: *водопровод*, *лесоповал*, *самосвал*, но не слова – отглагольные существительные. В обоих случаях нулевой суффикс отвечает за то новое значение, которое не получается напрямую из второго компонента, поскольку и сама вторая часть не обладает значимостью лексической категории (она лишь соотносима с синтаксической категорией глагола). Так, *лесоповал* – это «1. Место в лесу, где ведут заготовку древесины, спиливая деревья. 2. Работы, связанные с заготовкой древесины. *Работать на лесоповале*» (БТС). Глагольные основы, даже если и существуют в качестве самостоятельного слова – отглагольного существительного, имеют иные значения, например *провод* – металлический проводник, проволока, а *водопровод* – система сооружений и устройств для водоснабжения. В составе отглагольных существительных также выделяется нулевой суффикс как словообразовательный формант. Отглагольная модель с нулевым суффиксом продуктивна в языке, обычно в значении процесса, результата или места действия и возможно – инструмента действия (напр.: *сход лавины*, *проводы гостей*, *свалка* (мусора)), ср. также модель с суффиксом *-к-а*: *рубка*, *варка*, *проводка*, *отвертка*.

Особенность данной модели сложных существительных в том, что у нее нет общего категориального лексического значения, т.е. по ней образуются слова разных лексических категорий. Так, класс слов со второй основой *-ход* включает названия транспортных средств: *пароход*, *снегоход*, обозначения субъекта действия – *мореход*, процесса – *ледоход*; если же добавить к рассмотрению слова с первой основой наречия, то в тех же категориях появляются *скороход*, *вездеход*. Различная категориальная интерпретация целого зависит от возможностей сочетаемости самого глагола – его валентностей на субъект, место, инструмент, образ действия, но сама первая основа не является ключом к определению лексического значения целого. Тем самым нулевой суффикс либо должен считаться полисемичным (Лопатин), имеющим разные значения для разных классов слов, либо рассматриваться как чисто формальное средство словообразования.

Продуктивность этой модели обычно ограничивают свойствами отдельных глагольных корней, которые соотносятся с разными существительными в роли объектов соответствующих глагольных

конструкций. Так, для корня *-вод* отмечаются: *групповод, экскурсовод*; с другим лексическим значением ('разводить X') – обширная группа, допускающая пополнение: *садовод, овощевод, животновод, оленевод, собаковод, пчеловод, коневод* и др. Для корня *-вед* (*книговед, почвовед, языковед, стиховед* и др.) также возможны новые производные со значением исследователя деятельности X: *пушкиновед, шекспировед, лермонтовед, толстовед*.

Как видим, продуктивны не только подклассы слов с общим категориальным значением, но и слова от одного корня с разными категориальными значениями; т.е. действует не только семантическая аналогия, но и чисто формальная: наличие сложных слов с данной второй основой. Это способствует производству новых слов по аналогии с существующими, в разговорной и профессиональных сферах, в частности называющих различные устройства, изобретения: *кусторе́з* (садовые ножницы, ср. *стеклоре́з*), *огнеме́т* (ср. *пулеме́т, гранатоме́т, огнеме́т*), *космолет, дисковод*.

Сложные существительные с первым глагольным компонентом

Еще одна модель сложных существительных, которая может быть отнесена к типу *бахуврихи*, это слова с первым глагольным компонентом в форме императива: *сорвиголо́ва, перека́ти-поле, гори́цвет, боли́голов* и др. Основанием отнесения к экзоцентрическим словам является то, что категориальное значение целого не выводится из значения основ. Слова этой категории обычно обозначают субъекта, характеризуемого признаком действия, или же инструмент по его действию. Компоненты сложных слов этой модели сочетаются в необычном для русских сложных слов порядке и в необычных формах. Первый компонент – императивная форма – сочетается со вторым: основой существительного, которая часто соответствует его словарной форме, но может быть и чистой основой (ср. *сорвиголо́ва* и *боли́голов*). Тем самым сложное слово может порой напоминать словосочетание, спаянное в одно целое, но оформленное не полностью (*перека́ти-поле* – «перека́ти через поле» или «перека́тись по полю», *сорвиголо́ва* – «сорви себе голову», *гори́цвет* – «гори, цветок»). Это и понятно: слово должно отличаться от словосочетания более прочной спаянностью частей. Но усеченная конструкция сложного слова оставляет ощущение недооформленности, в отличие от стандартной корневой модели с постпозицией глагольной основы. (Заметим, что стандартная конструкция вряд ли годилась бы для данных основ: **полеперека́т, *головосорв, *цветогор* не кажутся удачными с точки зрения прозрачности смысла). Помимо нестрогого оформления, она часто имеет дополнительную стилистическую окраску, употребляясь для иронической, шутливой разговорной характеристики субъекта или

объекта. В то же время слова этой модели не являются сращениями, в которых можно видеть объединение в одно целое всех компонентов словосочетания (иногда еще целое дооформляется суффиксом): *нетронь-меня*, *мать-и-мачеха*, *сумасшедший*, *умалишенный*, *вечнозеленый*.

Слов такой модели много среди украинских фамилий (*Майборода* 'имей бороду', *Товчигречка* 'толки гречку', *Потушиисвечка* 'потуши свечку'), но в целом в русских словарях отмечены лишь единичные примеры (словарь В. Даля дает больше примеров: *тянигууж* 'склон', *держи-лодья* 'рыбка-прилипала' и др. (Даль)). В романских языках, напротив, эта модель продуктивна и широко распространена, хотя тоже имеет разговорный характер; ср. например: фр. *pense-bête* 'думай-дурак' ('узелок на память, напоминка'), ит. *mangiafuoco* 'ешь-огонь' ('бахвал, хвастун'). Среди теоретиков ведется давний спор о грамматической форме первого элемента, которая в силу омонимии может трактоваться по-разному. Итальянские исследователи склонны считать, что данная форма представляет собой глагольную основу с тематической гласной, а не форму императива, поскольку императивное значение утрачено. Для русского языка здесь нет омонимии, форма однозначно императивная, однако побудительное значение в большинстве случаев уже отсутствует. Иногда можно заметить некоторую провокативную побудительность, присущую ироничным прозвищам (ср. *Непийвода*, *Неешьсало*). Однако чаще присутствует значение характерного, повторяющегося типичного признака, которое может свидетельствовать об определенном расширении общего модального значения императива в данной конструкции.

Примеры явно эндоцентрических образований редки: *держи-дерево* (порода деревьев с колючками), *горицвет* (сорт ярких цветов). В основном слова этой модели экзоцентрические. Однако нельзя им однозначно приписать наличие нулевого суффикса, который отвечает за экзоцентричность, потому что второй компонент является именно словом с окончанием в словарной форме. Нулевой суффикс возможен только в функции окончания у слов мужского рода (типа *горицвет* или *скопидом*), т.е. в словоизменяющей функции, а не в словообразовательной. Таким образом, данная модель занимает промежуточное положение между стандартно оформленной морфологической конструкцией и синтаксической конструкцией словосочетания. Надо отметить, что и для данной императивной модели возможен смешанный вариант с суффиксацией: *вертишейка*, *вертихвостка*; эти слова уже являются эндоцентрическими, так как суффикс указывает на референтную отнесенность целого.

В силу того что слова императивной модели слабо засвидетельствованы в словарях, она считается непродуктивной, однако в разговорной речи, в рунете можно найти примеры порождения таких конструкций (как аватар или название фирмы): *ВырвиЗуб*, *СтройДом*. В них присутствует игровой характер, которым эта модель и отличается.

Итак, мы рассмотрели несколько моделей русского словосложения, которые можно в широком смысле отнести к типу *бахуврихи*. Все их отличает общая особенность: отнесение к референту, никак не обозначенному в структуре слова, т.е. экзоцентричность. Иногда предполагается соотнести категориальное значение композита с нулевым суффиксом, но не для всех рассмотренных структур целесообразно выделение нулевого суффикса. Понимание сложной природы феномена экзоцентрической структуры во многом опирается на теоретические представления, разработанные в древнеиндийских грамматических учениях и сохраняющие свою объяснительную силу для современных типологических исследований и для практики преподавания языка.

Библиография

- АГ - Академическая грамматика русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. Т.1. М.: Наука, 1980.
- Белошапкова 1981 – Белошапкова В.А., Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов. Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. Раздел III. Словообразование. Москва: Высшая школа. С. 133-239.
- БТС – Большой толковый словарь современного русского языка / под ред С. Кузнецова. СПб.: Норинт, исправленная версия 2014 г. на сайте грамота.ру.
- Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М.: Олма-пресс, 2002 г.
- Земская 2005 – Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005.
- Лопатин 1966 – Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования / Вопросы языкознания, 1966, №1. С. 76–87.
- Федорова Л.Л. Маленькие комедии сложных слов // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма Российская Академия наук, Институт языкознания; Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова. Москва, 2007. С. 699-711.
- Федорова Л.Л. Когнитивные механизмы словосложения. Когнитивные исследования языка. Вып. XVI. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С.75-87.
- Федорова 2015 – Л.Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке / Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015, №8. С. 61-74.
- Guevara, Scalise 2009 – Guevara, E. & Scalise, S. (2009). Searching for universals in compounding. In S. Scalise, E. Magni & A. Bisetto (Eds.), *Universals of language today* (pp. 101-128). Dordrecht: Springer Netherlands.

Сравнительное изучение зоонимов русского языка и языка хинди

U. Parihar

Various linguocultural researches show that one and the same zoonym is judged differently by different ethnic groups depending on the kind of figurative basis that acts as the means for the construction of the cultural coding of meanings. For example, if in Russian the cow and the elephant are associated with such qualities as awkwardness, inefficiency, clumsiness because of their heavy and uneven (cow) and tall, fat and clumsy physical structure (elephant); then, on the contrary, in Hindi linguoculture these animals are supposed to be very sacred and graceful with no negative trait. The reason behind is that the Russian zoomorphic code is formed on the basis of the day-to-day practice, whereas the zoomorphic code of Hindi is formed under heavy influence of Hindu mythology: a large number of animals are vahana (transport) of various Hindu Gods and Goddesses.

Each linguocultural community highlights its own set of qualities of a person's character.

Russian and Hindi linguocultures, while characterizing various human traits by means of zoomorphic code, display striking similarities in some cases while in some other - striking dissimilarities.

Начнём с того, что такое зооним. Зооним – это нарицательное название животного.

Зоонимия пока ещё является малоизученным аспектом языкознания. Но русские языковеды уже берутся за серьёзное изучение этого вопроса. Появляются научные публикации, посвящённые этой теме. Зоонимы языка хинди изучены с точки зрения мифологии, но они вообще не подвергались лингвокультурному анализу. Данная работа является первой попыткой их изучения с точки зрения лингвокультуры.

Человек и животное имеют очень тесную связь с тех пор как они появились на земле. В процессе эволюции человек долгое время сосуществовал с животным миром. И фауна не переставала быть неотъемлемой частью его жизни. Животные были помощниками человека в ведении его разных хозяйственных деятельности: сопровождали на охоте, пахали землю в полях, тоскали воды, возили зерно, плоды урожая и разные орудия земледелия, служили транспортом в перемещении человека из одного места в другое, сторожали его жилище и выполняли много других дел. Это сосуществование выработало у человека потребность наблюдать за поведением своих помощников с целью лучше вести своё хозяйство. И так, веками человек накапливал свои знания о них и вместе с тем и

оценивал их поведение. Затем оценка повадок животных переносилась на поведение человека. Кто как воспринимал фауну – это зависело от многих неязыковых факторов. Поэтому мы видим, что одно и то же животное по разному оценивается разной человеческой общиной. Эти суждения живут в языковом сознании и проявляются в речи носителей. Чаще всего они выражаются паремиями.

Интересный факт: хотя животные являются давними друзьями человека на земле, в языковом сознании человека их образ завчатлен, главным образом, отрицательным. Эта тенденция наблюдается как в русской лингвокультуре, так и в лингвокультуре языка хинди. Вот некоторые русские выражения, подчёркивающие хищность этого существа: *животное, зверь, зверюга, скот, скотина, серая скотинка, вьючное животное*; и те же когнитивные тенденции в языке хинди – *जानवर / животное/, पशु /зверь/, जंगली जानवर /дикое животное/, पाश्विक बर्ताव /зверское поведение/, पाश्विक अत्याचार /зверская дикость/, पाश्विक जीवन /зверская жизнь/, पाश्विक हिंसा /зверское насилие/, पाश्विक कृत्य /зверский поступок/, जानवर से बदतर जीवन /жизнь хуже зверской/, चिनौना पशु /отвратительное животное/, नर-पिशाच /человек-зверь/, जानवर की तरह घात लगाकर बैठना /охотиться, нападать, как животное/. Нетрудно заметить, что приведённые словосочетания наделены отрицательными коннотациями. Они употребляются для подчёркивания экспрессии низких поступков человека, а именно, грубости, жестокости, свирепости, нравственной неразвитости и т.д.*

Интересно сравнивать выражения лексикографа, создателя «Толкового словаря живого великорусского языка» Вдалимира Ивановича Даля и индийского поэта Майтхили Шарана Гупты!

«Как животное отличается от растения осмысленною побудкою и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью и образует не род и не вид животного, а царство человека.»¹ В. И. Даль

यही पशु प्रवृत्ति है कि आप-आप ही चरे,
मनुष्य है वही जो मनुष्य के लिये मरे।

(Каждый пасётся отдельно – этим и характерно животное,
Человек умирает за человека – этим и славен человек.)²

¹ Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С—В
<https://books.google.co.in/books?isbn=5224024382> (с. 387 Том 4)

² <http://www.anubhuti-hindi.org/gauravgram/msg/manushyata.html/>

Далее подвергаются сопоставительному анализу некоторые зооморфные единицы русского языка и языка хинди. Но перед этим нужно сделать одну оговорку:

Заслуживает особого внимания тот факт, что в Индии представители животного мира являются также средствами передвижения разных богов. В индуистской мифологии многие животные являются *ваханой* (वाहन³) (средством передвижения) разных богов, например, крыса / мышь – *вахана* бога мудрости и благополучия Ганеша; лебедь – *вахана* бога создателя Брахмы и его жены богини мудрости Сарасвати; орёл *Гарура* – *вахана* бога хранителя Вишну; бык *Нанди* – *вахана* бога разрушителя Шивы; павлин – *вахана* бога войны Картикея /Сканда, /; сова – *вахана* богини богатства Лакшми; лев – *вахана* богини Парвати; крокодил – *вахана* богини реки Ганга; черепаха – *вахана* богини реки Ямуны; белый слон *Айравата* – *вахана* царя богов Индра; баран – *вахана* бога огня Агни; тысячи лошадей – *вахана* бога ветра Ваю; крокодил *Макара* – *вахана* бога вод Варуна; попугай и кукушки – *вахана* бога любви Кама; буйвол – *вахана* бога смерти Ямы; колесница с семью лошадьми – *вахана* бога планеты Солнца *Сурья*; колесница с десятью лошадьми – *вахана* бога планеты Луны *Сома*; баран – *вахана* бога планеты Марса *Мангал*; колесница с четырьмя лошадьми – *вахана* бога планеты Меркурия *Будх*; золотая колесница с восьмью лошадьми – *вахана* бога планеты Юпитера *Брихаспати*; колесница с восьмью лошадьми – *вахана* бога планеты Венеры *Шукр*; железная колесница с восьмью лошадьми или ворона или буйволы – *вахана* бога планеты Сатурна *Шани*...

Этот аспект сакрализует животное в индийской картине мира.

Другой фактор, определяющий взаимоотношения между индусом и животным, это индуистская кухня. Индусы в основном вегетарианцы. Вероятно, поэтому в хинди биоморфный код представлен не так богато, как в русском языке.

Третий фактор, это литература.

³ Вахана (санскр. वहन, vahana IAST от санскр. वह्, «восседать, ехать на чём-либо») — в индийской мифологии — объект, или существо (персонаж), используемое богами как средство передвижения (обычно — ездовое животное). Ездовые животные могут быть как реально существующими, так и мифическими, или смесью обоих типов.

Источники: (https://www.google.co.in/webhp?sourceid=chrome-instant&ion=1&espv=2&ie=UTF-8#q=%D0%B2%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B0%*), <http://indonet.ru/Statya/Bogi-i-vahany>

В индуистской религии и, следовательно, в литературе мир растений и мир животных являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Растения и животные считаются ключевым элементом для выживания человека. Этот момент очень ярко отражён в «Шакунтале» Калидасы. После свадьбы, когда Шакунтала покидает дом отца и идёт к мужу, она так трогательно прощается не только со своими родными, но и со всеми представителями растительного и животного миров, которые были неотделимой частью её существования.

Отец Шакунталы (Канва) обращаясь к деревьям рощи говорит: (красивый перевод Бальмонта)

“ Услышите голос мой, она уходит,
Она, что не решалась испить,
Пока не напоит вас свежей влагой,
Она, что, украшения любя,
Цветов с ветвей зеленых не срывала,
И каждой почке радовалась здесь,
И праздником ей был цветок здесь каждый,
Сакунтала идет к супругу в дом;
Благословите путь ее далеки

Деревья услышали слово твое,
Как братья родные ответили,
И птица лесная, прощаясь с сестрой,
Протяжно кукует Сакунтале.”⁴

Мать Шакунталы (Гаутами) говорит дочке:

“Гаутами: Дитя мое, незримые существа священной рощи прощаются с тобой. Они любят родных своих. Преклонись перед священными.

Не только тебе грустно при этом расставанье, милая. Смотри, вся роща чувствует разлуку.

Лани роняют траву изо рта, не глотая,
Пляску не хочет продолжить павлин,
Желтые листья выюнок уронил, извиваясь,
Листья, как слезы, упали, грустя о тебе.”⁵

Вот поэтому у индийцев очень мягкое отношение к этому миру.

Четвёртый фактор, влияющий на взаимоотношение человека и фауны в Индии – это то, что будучи сравнительно менее развитой страной, тут люди и животные ещё сосуществуют в тесной связи. Тут людям пока ещё не приходится посещать зоопарки, чтобы увидеть слона, верблюда,

⁴ http://az.lib.ru/k/kalidasa/text_1916_shakuntala.shtml

⁵ Там же.

корову, козла, обезьяну, ворону, воробья, кукушку, черепаху и многих других. Индийцы видят их каждый день и эта встреча вызывает положительные тёплые эмоции по отношению к своим «меньшим братьям» (термин Ч. Айтматова) называемо от того как они изображены в пословицах и поговорках.

Все эти факторы значительным образом определяют отношение индусов к животным.

Сейчас последует непосредственный анализ зоонимов:

Корова

Корова является сравнительно крупным и медленно двигающимся животным. Эти физические черты этого четвероногого существа вызывают у русских ассоциации с каким-то толстым, тяжёлым, здоровым и медленным человеком, особенно, по отношению к женщине. Например, посмотрев на здоровую, но не очень элегантную женщину, русский человек может сказать: *Вот идёт такая корова!* Русские паремии, связанные с словом *корова* также несут отрицательную коннотацию, например, для обозначения неуклюжего и неумелого действия употребляют выражение: *Как корова на льду*. Таким же образом, если кому-то не идёт какая-то одежда, то русский откликается устойчивым сочетанием: *сидит/идёт как корове седло!*

Если квазиэталон *корова* в русской лингвокультуре указывает на неповоротливость, неуклюжесть, неизящность, то в хинди идиоматичные выражения с этим словом используются для обозначения застенчивого и робкого человека. *गाय की तरह कांपन*) трепещет, как корова, сильно боится), *अल्ला की गाय*) корова Аллаха, то есть робкий и кроткий).

В Индии корова считается очень невинным, наивным и добрым существом. Она имеет очень высокий статус в индуистской религии. Корова относится к наиболее почитаемым, защищенным, священным животным. Ей приписывается роль матери, поэтому индусы почтительно называют её матерью-коровой (*गौमाता*). (Корова в доме (особенно в деревнях) – благоприятный знак. Индусы считают, что если перед смертью человек дарит корову (*गोदान*) брахману (лицу, принадлежащему самой высокой касте), то этот религиозный ритуал освобождает его от всех грехов, совершенных им на земле, и помогает ему найти место в раю. Индусы также считают, что кормление коров каждый день также приносит им божественные благословения. Один из популярных романов языка хинди, написанных выдающимся писателем литературы хиндустани Мунши Премчандом так и называется «Годан» (дарение коровы).

Бог Кришна, один из самых почитаемых божеств индусов также очень любил корову. Индусы почитают и поклоняются корове.

Заключение – сравнительное изучение зоонима «корова» выявило, что коннотации, вызываемые этим четвероногим животным, контрастные: в русском языке они негативные, в то время как – в хинди они весьма позитивные.

Причина таких противоположных ассоциаций в том, что у русских они обоснованы на таких внешних признаках, как неуклюжесть, неловкость, тяжеловесность. Тогда как отношение индийцев к этому животному обосновано на услугах, оказываемых этим млекопитающим, человечеству с глубокой древности: корова обеспечивала нас молоком, которое является базой приготовления таких продуктов, как масло, кефир, простокваша, сыворотка, творог, сгущенное кипячением молоко, от которого готовится многочисленные сладости. Кожа коровы служила одеждой древнему человеку. Коровий помёт использовался как топливо и удобрение. Бык (вол) помогал пахать поля и запрягался в повозку.

Взамен у индийцев развился глубокое уважение к этому животному, которое не позволяет им смеяться над ним. Наоборот, они проявляют благоговение к нему.

Слон

В русском языке *слон* является квазиэталоном /зооморфной метафорой/ неэлегантного, неуклюжего, громоздкого человека. Эти коннотации и выражают паремии: *как слон (неуклюж, громоздок, неповоротлив;)* *слон в посудной лавке (неуклюжий человек)*, *как слону дробина (очень мало)*, *делать из мухи слона (сильно переувеличать)*, *слона то и не приметил (не заметил главного, важного, самого заметного)*, *слон и Моска (говорится, когда маленький задира /хвастун/ нападает на кого-н. сильного и невозмутимо спокойного)*, *слоны слонять, слоняться (бездельничать). довольный как слон (означает: очень доволен)*;

Не трудно заметить, что эти суждения обоснованы на внешности, походке, невежде.

Нечто противоположное мы обнаруживаем в отношении индийцев к этому животному.

В Индии слон является символом грациозности. В прошлом индийские цари ездили на украшенных слонах. Даже сегодня дети, которые являются получателями премии за храбрость, проезжают на слонах в параде в День Республики на Раджпатхе. Наличие слона в каком-то праздновании придаёт парадность и роскошество церемонии. Согласно индуистской мифологии, Лорду Ганеше (Ганеша – индуистский бог доброты, щедрости, успеха, разрушителя препятствий и зол) был дан рот слона. Так индусы ассоциируют это могучее животное с Господом Ганешей, и, таким образом, слон является объектом почитания.

Коннотации благодати и достоинства находят своё отражение в идиоматических фразах, связанных с этим животным. Например, *हाथी निकले बज़ार, कुत्ते भौंके हज़ार*) Когда слон ходит по улице, лают тысячи собак). *हाथी के साथ गन्ने खाना*) Дословный перевод: есть сахарный тростник со слоном Семантический перевод: Глупо бороться с сильным человеком).

- *हाथी के पाँव में सबका पाँव समाय*) Дословный перевод:.. Ноги всех могут быть размещены под ногами слона Семантический перевод: слабые люди ищут убежища со сильными людьми)

- *हाथी निकल गया, दुमरह गई*) Дословный перевод: Слон вылез, но хвост застрял Семантический перевод:.. когда львиная доля работы была проделана, и лишь немного еще остается доделать.)

Очень интересно наблюдать как одна и та же ситуация по разному толкуется в русском языке и в языке хинди:

Идиома *हाथी निकले बज़ार, कुत्ते भौंके हज़ार* (Когда слон ходит по улице, лают тысячи собак.). относится к достойному поведению человека, то есть человек не должен обращать внимание на мелкие вещи, таким же образом, как лай собак не может отклонять слона от своего пути.

Очень интересно отметить, что мы сталкиваемся с подобной ситуацией в басне Ивана Андреевича Крылова "Слон и Моська". Но мы находим совершенно разные подходы к этой ситуации со стороны русских и индийцев: согласно русской басне, когда слон идет по дороге, маленькая собака Моська лает на гигантского слона. Вся цель этого упражнения просто сводится к тому, чтобы выделиться в обществе собак и создать ложное впечатление о своей отважности. Здесь вся концентрация на поведении собаки и не на слона. Наоборот, в хинди, когда говорят *हाथी निकले बज़ार, कुत्ते भौंके हज़ार* (Когда слон ходит по улице, лают тысячи собак.), акцент делается на изящное поведение слона, который полностью пренебрегает лай собак и движется дальше с достоинством.

Заключение. – сопоставительное изучение зоонима «слон» обнаруживает, что ощущения, вызываемые этим крупным животным, резко отличаются: в русском языке они негативные, в то время как в хинди - они явно позитивные.

Причина, на наш взгляд, - в том, что слоны, в основном, встречаются в Азии и в Африке. Встреча Европейцы с ними происходит или в зоопарке, или в цирке, или в художественных галереях. Поэтому у них нет близкой ассоциации с этим животным. Они связывают слона с крупным телом и с огромной физической силой. А у индийцев прямо с детства развиваются очень тёплые чувства к нему. В Индии слон очень часто появляется в сказках, мультипликационных фильмах, в фольклоре, мифологии, религии.

Собака

В русском языке *собака* имеет и положительную и отрицательную коннотацию. С одной стороны «для русского человека *собака* – это преданный друг, член семьи, сторож.» С другой стороны «*собака* становится квазиэталоном злого, грубого, низкого, заслуживающего презрения человека: *пёс, пёс смердящий, барбос, собаке собачья смерть*».

1. собака также «репрезентирует эталон ревностно служащего человека» / *служильный пёс* /.

2. «образ собаки также вербализует представления о знающем, ловком, искусном в каком-л. деле человеке.» / *Пьёт, мошенник, шибко, зато собака писать* (Солодуб). / *собаку съел; знать, где собака зарыта*/

3. собака является квазиэталоном физически истощённого, голодного человека: устал как собака, голодный как собака, сколько собаке ни хватать, а сытой не бывать.

4. *собака* указывает на человека, который сам не пользуется чем-л. и другим не даёт это делать. «*собака на сене лежит, сама не ест и другим не даёт*».

«Итак, образ собаки используется для репрезентации многообразных качеств человека, является базой для формирования нескольких квазиэталонов. Это обусловлено тем, что собака является первым одомашненным животным. Человек имел возможность увидеть это животное в различных практиках и накопить многообразные наблюдения за ним.» (Токарев Г. В. и Ума Парихар (2017))

В индуистской мифологии собака считается неблагоприятным животным. Вой собаки воспринимается как предвестник невезения, появление собаки ассоциируется с приходом несчастья. Образ этого животного соотносится со смертью, поскольку оно (*собака* по имени *Сарамея*) является спутником посланца смерти *Ямы* (यम). В мифах собака упоминается вместе с Даттатреем (воплощение бога Вишну – одного из трёх сотворцов мира). На портретах Даттатрей изображён с четырьмя собаками, которые являются символом его знаний о четырёх Ведах.

Собака упоминается ещё в «Ригведе» – в самой древней Веде Индии (1500-1000 до н.э.). Но там мы обнаруживаем положительный образ этого животного. Бог Индра, полагаясь на чуткие ощущения собаки, посылает её искать пропавшую корову.

В индийской мифологии собака является *ваханой* бога *Бхайравы* (воплощения бога *Шивы* в гневном виде).

В языке хинди мы находим устойчивые сочетания, связанные с образом собаки, которые подчёркивают как положительные: преданность,

бдительность, так и отрицательные черты: упрямство, ничтожность, ненадёжность. Образ собаки зафиксирован как образ зловещего существа, внушающего страх и ужас, которое контролирует только небольшую территорию.

Ср.: कुत्ते की वफादारी /‘собачья преданность’ / कुत्ते की मौत मरना /‘умереть собачьей смертью’/.

Собака живёт рядом с человеком, поэтому её образ используется в качестве эталона разнообразных явлений:

бдительности थान निद्रा – (чутко спать);

сварливости कुत्ते की क्या दोस्ती – रीझे तो चाटे, खीजे तो काटे (что за собачья дружба: радуется – ласкает, сердится – гавкает);

агрессивности अपनी गली में कुत्ता भी शेर (даже собака – лев в своём переулке);

чистоплотности कुत्ता भी दुम हिलाकर बैठता है। (даже собака садится, махая хвостом);

упрямств कुत्ते की दुमा // कुत्ते की दुम बारह बरस नली में रखो तो भी टेढ़ी की टेढ़ी। (хвост собаки всегда будет изогнутым);

низкого социального происхождения कुत्ते को घी नहीं पचता। (собака не может оценить топлёное масло);

незначительности कुत्ते के भौकने से हाथी नहीं डरते। (лай собаки не может напугать слона),

घर आए कुत्ते को भी नहीं निकालते। (мы не выгоняем даже пришедшую к нам домой собаку);

ненужности धोबी का कुत्ता न घर का न घाट का। (собака мойщика не нужна ни дома, ни в прачечной);

меры сытости जब बरसेगा उत्तरा, नाज न खावै कुत्तरा। (когда пойдёт дождь с Севера, собака не будет есть: значит, в результате северного дождя, будет такое обилие урожая, что даже собаки будут настолько сыты, что не захотят есть).

И так, и в русском языке, и в хинди собака имеет амбивалентную оценку.

В лингвокультуре русского языка и хинди словом *осёл* (गधा) отражаются такие качества человека, как глупость и упрямство; словом *обезьяна* (बंदर) – слепое подражание кому-либо; словом *черепаха* (कछुआ) – медлительность, неторопливость; словом *лев* (शेर) – поражающая сила и храбрость.

И так, сравнительное изучение некоторых представителей животного мира обнаружило очень интересные явления. Хотя, пока лингвокультурному анализу было повергнуто очень незначительное

число, и, поэтому необъективным будет делать какое-то общее заключение. Тем не менее можно утверждать, что коннотации, вызываемые словами *лев, осёл, черепаха, обезьяна* совпадают. Но, в то же время коннотации, вызываемые словами *корова, слон* не совпадают, они противоположные. Есть и случаи частичного совпадения образа, например образ *собаки*.

Качества и свойства человека, выраженные через зооморфную метафору разные у разных народов. Люди разными глазами видят и оценивают одно и то же животное. Зоонимия языка хинди испытывает сильное влияние религии, мифологии, кухонной культуры, ещё полностью незавершившейся урбанизации и литературы на формирование отношения к флоре и фауне. Русский же биоморфный код складывался в процессе ежедневных обыденных наблюдений. Поэтому русский язык имеет огромное количество паремий с зоонимами. В хинди это число сравнительно очень мало.

Примечание: В статье использован материал из прежней совместной статьи авторов:

Токарев Г. В. и Ума Парихар (2017) статья: Отражение образа человека средствами зооморфного кода в хинди и русской лингвокультуре. Онлайн публикация: Выпуск журнала: 2 (25) 2017 г. дата публикации: 08.06.2017 г. Журнал: "Теория языка и межкультурная коммуникация". Ссылка на номер: <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=5>

Ссылка непосредственно на содержание:

<http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=25>

Библиография:

- Токарев Г. В. и Ума Парихар (2017) статья: Отражение образа человека средствами зооморфного кода в хинди и русской лингвокультуре. Онлайн публикация: Выпуск журнала: 2 (25) 2017 г. дата публикации: 08.06.2017 г.
- Журнал: "Теория языка и межкультурная коммуникация". Ссылка на номер:
- <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=5>
- Ссылка непосредственно на содержание:
- <http://tl-ic.kursksu.ru/index.php?page=6&new=25>
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С-В
- <https://books.google.co.in/books?isbn=5224024382>
- Майтхили Шапан Гупт. Анубхути. <http://www.anubhuti-hindi.org/gauravgram/msg/manushyata.htm/>
- Калидаса. Шакунтала. В переводе Константина Бальмонта: http://az.lib.ru/k/kalidasa/text_1916_shakuntala.shtml

Влияние заимствованных названий компаний и фирм и конструкций деловой лексики на синтаксическую структуру современного русского языка

A.K. Karnati

As there are so many trade activities taking place all over the world and there are talks taking place between various companies and firms and business is taking place at various levels, the languages of the world are undergoing a lot of changes at various levels. Same thing is happening in the Russian language too. In this connection, an attempt is being made to study how the influx of foreign language words is influencing the modern Russian language based on the analysis of some sentences. For example, «Glencore и QIA продали акции «Роснефти» китайской CEFC из-за девальвации доллара, рассказал он»¹

In the above sentence all titles of the companies, written in Roman script were not subjected to declension, however, the name «Роснефти», written in Cyrillic font is declined. At the same time, gender and genitive case specifications of the phrase «китайской CEFC» are expressed by the agreement of the adjective with the company's name. Thus, the Russian grammatical norms are being followed.

This paper is an attempt to study how those kinds of phrases can have an influence on the syntactic structure of the modern Russian language.

Благодаря тому, что происходит много деловых мероприятий во всем мире, и постоянно идут переговоры между компаниями и фирмами, и осуществляются торги на разных уровнях, все языки мира подвергаются многообразным изменениям на различных уровнях. То же самое происходит и в русском языке.

В связи с этим предлагается осмотреть, как это происходит в современном русском языке на основе анализа некоторых предложений. «Мы больше не работаем с этим заказчиком, - моргнув, медленно, словно слова давались ему с большим трудом, выговорил **клерк**.»²

Писатель Глуховский почаще употребляет слово **клерк** для человека, занимающегося выдачей и получением произведений в бюро перевода вместо исходно русских слов **сотрудник** или **чиновник**.

¹ https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/10/19/738600-sechin-poobeschal?utm_source=browser&utm_medium=push&utm_campaign=push_notification проверено 19.10.2017.

² <http://www.s-u-m-e-r-k-i.ru/Sumerki-05.htm>, проверено 29.5.2017.

«Они явно не принадлежали к моему пыльному миру, но тем решительнее я был намерен за них цепляться - ведь они могли позволить мне хотя бы ненадолго вырваться **из рутины**.»³

В данном выше предложении употребляется писателем Глуховским, заимствованное из французского слово *рутина*, русский эквивалент которого уже становится трудно найти, так как современные русские и русскоязычные писатели стали почаще употреблять заимствованные слова. Тут интересно заметить, что некоторые толковые словари русского языка классифицируют это слово устаревшим.

«В течение нескольких недель активисты и добровольцы **в связи с "Российской ЛГБТ-сетью"** пытаются облегчить приезд тех, кому удалось бежать из Чечни, пишет журналист **Le Monde** Ферель Алути.»⁴

В данном выше предложении **в связи с "Российской ЛГБТ-сетью"** слово сочетание *ЛГБТ-сеть* связывается без грамматических показателей связи согласования с помощью дефиса, который выполняет роль соединителя при допущении аналитических элементов в синтезирующий строй русского языка. Кроме этого, здесь уподобление данной аббревиатуры ограничивается только с тем, что она пишется кириллицей. Грамматическое значение названия французской газеты *Le Monde* выясняется контекстуально в зависимости от предыдущего слова *журналист*.

"Сначала идея состояла в том, чтобы **наводнить Facebook информацией**, так как многие люди думали, что это **"фейковые новости"** или пародии в стиле информационного сайта **Le Gorafi**»⁵

В этом предложении заимствованное слово *Facebook* употребляется в той же форме, как и на английском языке, а заимствованное прилагательное *фейковые* русифицировалось и употребляется при полном соответствии с исходно-русским прилагательным. В отрезке **«в стиле информационного сайта Le Gorafi»** данного предложения грамматическое значение названия сайта можно понять без всяких трудностей, так как оно употребляется как приложение к предыдущему склоняемому словосочетанию.

«Додон **назвал инициативу "пустым пиар-ходом"**. Также правительство стало инициатором ряда недружественных мер

³ Ibid.

⁴ https://www.inopressa.ru/article/07Jun2017/lemonde/chechen_fr.html проверено 8.6.2017.

⁵ Там же.

в отношении России. Президент, в свою очередь, не раз подчеркивал, что стремится наладить отношения страны с Москвой.»⁶

Данное выше заявление президента Молдавии, «Додон назвал инициативу "пустым пиар-ходом", указывает на то, что влияние аналитических элементов ни ограничено не только российской территорией, но и это влияние распространяется во все страны бывшего Советского Союза. На основе данного акронима **пиар** в русском языке употребляются несколько таких слов и словосочетаний как, *пиар-компания*, *ПИАРАСТ*, *пиаристы*, *пиаровский*, *пиарищик* и *пиары* (по словарю АБВУД-Ligvo x5). Таким образом заимствованные слова не только обогащают русскую лексику, но и приносят новые конструкции в русский язык.

«В субботу с 15:00 до 16:00 будет предпринята попытка установить новый мировой рекорд **по флайборду**. Мероприятие проходит под Тверью, в акватории Волги на территории **event-отеля «Конаково Ривер Клуб»**.»⁷

В данном выше предложении в словосочетании «**event-отеля «Конаково Ривер Клуб»**» наблюдается совсем иной вид синтаксической конструкции, здесь все слова сочетаются как в аналитических языках, кроме этого одно слово **event** пишется латиницей и последнее слово **Клуб** заменяет употребляемое в русском языке, уже с давних лет, слово **клуб**. В словосочетании **event-отеля** второе слово склоняется и указывает на падежное значение. Помимо этого, заимствованное из английского слово **по флайборду** склоняется по дательному падежу и русифицируется. Следует рассмотреть куда может вести такой способ, не совсем свойственной русским грамматическим правилам, употребления.

«Плавал глава государства в гидрокостюме, причём его снабдили **экшен-камерой**».⁸

В данном выше предложении употребляется калькированное словосочетание, взятое прямо из английского языка **action camera**, но второе, заимствованное из латинского языка слово *камера* склоняется, и оно употребляется в четвертом значении 4. *Светоприемный прибор в виде темного с отверстием ящика - внутренняя часть фотографического аппарата, куда вставляется пластинка или пленка*

⁶ РИА Новости <https://ria.ru/world/20170908/1502060175.html>.

⁷ <https://iz.ru/649468/flaibordisty-popytaiutsia-ustanovit-mirovoi-rekord-na-volge-translatciia>, проверено 23.9.2017.

⁸ https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1032743/putin_dva_chasa_ghonialsia_za_shchukoi_pod_vodoi?&source=push проверено 5.8.2017.

(по толковому словарю Ушакова), т.е. в значении фотоаппарата, и в котором оно употребляется на английском языке. В результате влияния английского языка, слово *камера* в основном употребляется в значении *фотоаппарата*, тем самым, это слово постепенно теряет остальные значения.

«Мещанский районный суд Москвы **оштрафовал Telegram** на 800 000 руб. за отказ передавать ФСБ информацию для декодирования сообщений пользователей».⁹

В данном выше предложении заимствованное название социальной сети не склоняется, но его падежное значение выясняется управлением сказуемого *оштрафовал*.

«**Glencore и QIA** продали акции «**Роснефти**» китайской **CEFC** из-за девальвации доллара, рассказал он»¹⁰

В этом предложении все названия компании, написанные латиницей, не склоняются, однако название, написанное кириллицей, склоняется, зато род и значение родительного падежа словосочетания «*китайской CEFC*» выражается согласованием предыдущего прилагательного.

«Еще через месяц, 14 декабря, **топ-менеджмент** Сбербанка в Лондоне представит ее инвесторам **на традиционном Strategy day**.»¹¹

В данном предложении словосочетание *топ-менеджмент* связываются друг с другом с помощью тире и без каких-либо грамматических показателей, так как это заимствовано полностью из английского языка.

«**Сервис** микроблогов **Twitter** запретил размещение рекламных постов на своей платформе всем аккаунтам **российских новостных сервисов Russia Today (RT) и Sputnik**, сообщил сегодня **Twitter**.»¹²

В данном предложении слово *Сервис* употребляется в значении служебного сервисного центра социальной сети, в противопоставлении значению, данного в толковом словаре Ушакова: (*сервис 1. сервис1 [сэ], сервиса, нет, (service) (). То же, что сервировка 2. Искусный сервис. 2. сервис2 [сэ], сервиса, нет, (service) (). Совокупность учреждений и мероприятий по обслуживанию населения в повседневных бытовых нуждах и созданию всевозможных удобств для него (быстрая починка носильных вещей, доставка покупок на дом, справочное дело).*

⁹ https://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/10/16/737972-sud-oshtrafoval-telegram?utm_source=browser&utm_medium=push&utm_campaign=push_notification
проверено 17.10.2017.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Все названия *Twitter*, *Russia Today*, *Sputnik* написанные латиницей, не склоняются, заставляя нас прийти к выводу о том, что такое явление становится нормой при современном русском языке.

«Фоторепортаж: Made in China: Китай спустил на воду первый авианосец собственного производства»¹³

В данном выше предложении английское выражение **Made in China** употребляется как заголовок фоторепортажа, хотя тут можно было бы заменять его русским выражением *Сделано в Китае*. Такое употребление намекает на то, что писать на английском языке как бы стало модно.

«Его строительство на верфи компании Dalian Shipbuilding Industry Company в северо-восточном порту Далянь продолжалось три года.

Во многом корабль будет аналогичен «Ляонину», сообщало военно-аналитическое издание Defense News.»¹⁴

В данных выше предложениях тоже название компании не склоняется, и название издания - **военно-аналитическое издание Defense News**, как правило, стоит в именительном падеже, так как оно выполняет функцию подлежащего в данном предложении.

«Нормы допустимых объемов пакетов с товарами **duty free** будут определять сами авиаперевозчики — такая мера связана с обеспечением безопасности на борту.»¹⁵

В данном выше предложении употребление «с товарами **duty free**» неизбежно, так как это словосочетание обозначает определенные товары, которые покупаются в специальных магазинах международных аэропортов.

«**FIFA оштрафовала** Федерацию футбола Украины из-за болельщиков Международная федерация футбола (FIFA) оштрафовала Федерацию футбола Украины на 39 000 швейцарских франков за поведение болельщиков во время двух последних матчей в отборочном турнире Чемпионата мира - 2018, **говорится на сайте FIFA.**»¹⁶

Первая часть выше данных предложений является заголовком название федерации **FIFA (Fédération Internationale de Football Association)** заставляет сказуемое согласоваться со своим грамматическим категориям, именно по роду и числу. Интересно заметить, что род французского слова *Fédération* совпадает с родом русского слова

¹³ <https://www.gazeta.ru/army/2017/04/26/10644845.shtml#page1> проверено 27.4.2017.

¹⁴ Там же.

¹⁵ <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/05/10972034.shtml> проверено 5.11.2017.

¹⁶ <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/11/08/740912-fifa-oshtrafovala-ukraini-iz-za-bolelschikov> проверено 8.11.2017.

федерация. Во втором предложении тоже самая аббревиатура в словосочетании *говорится на сайте FIFA* не склоняется, но в связной речи не трудно угадать в каком падеже употребляется данное слово.

«— Ему GoPro установили во время подводной охоты за щукой.»¹⁷

В данном предложении (не склоняется заимствованный англицизм)

«Цена ежемесячной подписки на сервис Origin Access выросла с 249 до 299 рублей.»¹⁸

«Эти риски уже изучает входящая во France Telecom компания Orange Business Services.»¹⁹

В данном выше предложении название фирмы **France Telecom** в самой середине предложения в форме винительного падежа, конечно без какого-либо наглядного склонения. Однако, падежное значение другого названия **Orange Business Services**, употребляемое в роли приложения, выясняется словом **компания**.

В результате глобализации вместе с другими языками изменяется и русский язык. Продолжается вторжение заимствованных слов из других языков, особенно из английского языка. Однако сама структура предложения современного русского языка остаётся неизменяемой. Время покажет может ли русский язык спасти свое своеобразие, в том числе, синтетический строй, который поддерживается флективными элементами, присущими в русском языке.

От того, что употребляются много заимствованных слов, особенно из английского языка, появляются некоторые аналитические элементы в русском языке, где иногда нарушаются нормативные грамматические правила, свойственные флективному строю русского языка.

Однако русский язык продолжает сохранять свою грамматическую систему, благодаря тому, что подлежащее заставляет сказуемое уподобляться и сказуемое управляет существительное склоняться по падежам и существительное в свою очередь требует от прилагательного согласоваться с ним по всем морфологическим категориям.

¹⁷ https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1032743/putin_dva_chasa_ghonialsia_zh_shchukoi_pod_vodoi?&source=push проверено 5.8.2017.

¹⁸ https://life.ru/t/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%8B/1032663/stoimost_podpiski_origin_access_vyroslo.

¹⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/3427423> 02.10.2017

Библиография

- https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/10/19/738600-sechin-poobeschal?utm_source=browser&utm_medium=push&utm_campaign=push_notification проверено 19.10.2017
- РИА Новости <https://ria.ru/world/20170908/1502060175.html>
- <https://iz.ru/649468/flaibordisty-popytaiutsia-ustanovit-mirovoi-rekord-na-volge-translatciia>, проверено 23.9.2017
- https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1032743/putin_dva_chasa_ghonialsia_za_shchukoi_pod_vodoi?&source=push проверено 5.8.2017
- https://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/10/16/737972-sud-oshtrafoval-telegram?utm_source=browser&utm_medium=push&utm_campaign=push_notification проверено 17.10.2017
- <https://www.gazeta.ru/army/2017/04/26/10644845.shtml#page1>-проверено 27.4.2017
- <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/05/10972034.shtml> проверено 5.11.2017
- <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/11/08/740912-fifa-oshtrafovala-ukraini-iz-za-bolelschikov> проверено 8.11.2017
- https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1032743/putin_dva_chasa_ghonialsia_za_shchukoi_pod_vodoi?&source=push проверено 5.8.2017
- https://life.ru/t/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D1%8B/1032663/stoimost_podpiski_origin_access_vyrosla
- <http://www.s-u-m-e-r-k-i.ru/Sumerki-05.htm>, проверено 29.5.2017
- https://www.inopressa.ru/article/07Jun2017/lemonde/chechen_fr.html проверено 8.6.2017
- <https://www.kommersant.ru/doc/3427423> 02.10.2017

Особенности преподавания русского языка как иностранного (РКИ) во внеязыковой среде (на примере мьянманских студентов)

О.Г. Лапишина

Н.Н. Неверов

The article describes the process of teaching Russian as a foreign language (RFL) abroad. The subject of the study is the process of teaching RFL to Myanmar students in their home country. Forty students studied Russian for a year at the Academy of the armed forces. Students were introduced to Russian language for the first time. They would speak in English fluently, which helped to introduce the Russian vocabulary and explanation of the grammar, compare similarities between the grammatical phenomena in Russian and English languages for a better understanding.

The subject was taught by native speakers – two teachers from Russia were invited. The programme and the thematic plan were created in accordance with the requirements of state standards. The programme was in accordance with the goals set by the management of the Academy and the Linguistic center (Moscow). The paper further discuss the specificities and issues emerged while teaching Russian to Myanmar students.

В статье описывается процесс обучения русскому языку как иностранному за рубежом. Предмет исследования - процесс обучения РКИ мьянманскими студентами в их родной стране. Студенты в количестве 40 человек изучали русский язык в течение года в Академии вооруженных сил. Ранее студенты не изучали русский язык, владеют английским языком в достаточном степени, что помогает при введении лексики и объяснении грамматики русского языка, проведении параллелей между грамматическими явлениями в русском и английском языках для лучшего уяснения теоретического и практического материала.

Дисциплина преподавалась носителями языка – двумя приглашёнными из России преподавателями. За время работы в течение года стали очевидны две проблемы: Проблема, связанная с особенностями фонетики мьянманского языка; Проблема усвоения новой лексики.

Более подробное описание решения этих проблем автор планирует раскрыть в последующих исследованиях.

Современный мир и современное общество предполагают укрепление межнациональных связей. И это связано, в первую

очередь, с живым общением. Язык — инструмент, при помощи которого можно укрепить уже существующие и наладить новые связи с представителями разных стран.

В последнее время интерес к изучению русского языка возрос. Студенты изучают его как в вузах России, так и в родной стране.

Изучение русского языка как иностранного (РКИ) вне русской языковой среды видится особенно сложным, так как у обучаемых не возникает необходимости использовать русский язык за пределами учебной аудитории. Знания по языку они получают и используют только на занятиях во время общения с преподавателем — носителем языка, а также при введении нового материала.

Объект нашего исследования — процесс обучения РКИ во внеязыковой среде, предмет исследования — изучение русского языка как неродного на примере мьянманских студентов.

Российско-мьянманские отношения имеют давнюю историю. Начало им было положено ещё в XIX веке, в марте 1876 года. Дипломатические отношения между Мьянмой и Советским Союзом установлены 18 февраля 1948 года. Как можно заметить, отношения с Российской Империей, бывшим СССР в прошлом и Российской Федерацией сейчас — дружественные и довольно длительные. Усиление этих связей особенно заметно в период II Мировой войны и связаны с общей тенденцией стран, находящихся в колониальной зависимости, — стремлением к освобождению от колонизаторов и самостоятельному развитию. СССР всячески поддерживал эту борьбу в Мьянме, Индии, странах Африки. А попытка подготовить специалистов из Мьянмы в России была предпринята ещё в конце XIX века.

Сейчас кафедры русского языка есть в нескольких вузах страны: Медицинская Академия и Университет Иностранных Языков (Янгон), Академия Вооружённых Сил (АВС) и Техническая Академия Вооружённых Сил (Пьин У Львин), Университет Иностранных Языков (Мандалай). В 1964 году началось обучение русскому языку в Янгонском Университете Иностранных Языков. Эта дата является точкой отсчёта, когда в Мьянме началась практика преподавания русского языка как иностранного. На кафедре Янгонского Университета Иностранных Языков в то время работали русские преподаватели, приглашённые из СССР. Курс был рассчитан на 4 года.¹ Студенты

¹ Curriculum and Syllabus for Diploma in English, Russian and Chinese Course. — Yangon. — 2009.

получали знания по русскому языку в объёме, соответствующем III сертификационному уровню.²

Образовательный процесс, являющийся предметом описания данной статьи, проходил на кафедре русского языка в Академии Вооружённых Сил (АВС). Кафедру создали в 2003 году по приказу ректора Академии в 2003 году. Кафедра входит в состав так называемого Департамента иностранных языков. Здесь преподаются английский, китайский и японский язык. Ожидалось введение курсов корейского языка. Все курсы планировались и вводились в образовательный процесс с практической точки зрения. Со времён колониальной эпохи Мьянма сохранила отношения с Великобританией, также английский язык необходим как средство международного общения для поддержания политических, экономических и культурных связей с другими странами. На современном этапе развиваются отношения с Китаем, Кореей, Японией. Большое количество мьянманских студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов получает образование в России. В целях повышения результативности образовательного процесса к работе со студентами приглашаются носители языка. Английский язык также преподавали специалисты из Индии.

Все преподаватели кафедры получили высшее и поствысшее образование в России (технические вузы в Москве, Петербурге, Калуге, Зеленограде, Смоленске, Курске). Приобретенные знания подтверждаются дипломами. Квалификационные работы и диссертационные исследования были написаны и защищены на русском языке.

В обширной библиотеке кафедры представлена учебная (60 наименований) литература, в том числе издания по методике преподавания русского языка как иностранного, а также художественная литература. Библиотека собиралась на кафедре в течение 10 лет. Это были и частные приобретения, самостоятельно купленные и привезённые из России, подаренные кафедрами других вузов Мьянмы и представителями русского посольства.

Преподаватели кафедры регулярно обновляют учебно-методическую базу кафедры: разрабатывают множество дидактического материала, изготавливают схемы, плакаты, словники, грамматические справочники, переведённые на английский и русский языки карманные словарики элементарного и базового уровней. Сотрудники постоянно ищут пути, облегчающие изучение русского языка, позволяющие быстрее

² Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение/ Иванова Т.А. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 1999. С. 44.

запомнить трудные грамматические формы, объединяемые общим принципом. Также оборудован лингафонный кабинет, используемый для проведения аудирования, показа учебных видеофрагментов и художественных фильмов на русском языке. При работе со звуковым материалом нашей целью было познакомить учащихся с русской речью на улице (в бытовых ситуациях), на занятиях в университетах. Мы не хотели, чтобы обучаемые привыкли слышать русскую речь только преподавателя, который говорит медленно и с расстановкой.

Отметим, что русские преподаватели работали здесь и ранее: с 2003 по 2010 гг. Курсы русского языка длились полгода, назначение их – подготовка студентов для обучения в вузах России. Выпускники мьянманских учебных заведений могли учиться в 17 российских вузах. Все специальности – гражданские, в отдельных случаях абитуриенты поступали в военные вузы России.

Количество обучаемых и количество преподавателей было разным в разные годы. Так, в 2009 на кафедре работали 37 русских преподавателей. Количество обучаемых могло составлять 500 человек.

В 2014-2015 учебном году в Академию для обучения РКИ прибыли 40 человек. Было решено сформировать две группы. Студенты получили образование в ABC, до курсов находились в разных гарнизонах. Ранее русский язык не изучали. Базовые знания по английскому языку, которыми обладали студенты, помогали при введении новой лексики или объяснении грамматики. Для ведения образовательного процесса были приглашены мы — два преподавателя из России.

До начала обучения у нас был месяц, чтобы отработать учебную программу. Ее содержание мы обсудили с руководством Лингвоцентра (г. Москва), с администрацией Академии (г. Пин У Львин) и профессорско-преподавательским составом кафедры. В итоге был принят следующий вариант учебной программы, которая была рассчитана на 1380 часов (один календарный год). Из них 60 часов по рекомендации преподавателей кафедры было отведено на экзамен в первом и во втором семестрах, ещё 60 часов было отведено для рубежного (ежемесячного) контроля по изученным темам. Всего мы предполагали провести 10 контрольных работ. Все тематические планы были составлены на русском языке и затем переведены на английский язык.

В соответствии с Государственными стандартами на элементарный уровень³ предполагалось отвести 156 часа, на базовый – 246 часов⁴, на I

³ Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Элементарный уровень/ Владимирова Т.Е. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 2001. С. 28.

Сертификационный уровень – 210 часов⁵, 30 часов планировалось отвести на контрольные работы, 30 часов – на экзамен. Всего в I семестре – 672 часа.

Во втором семестре мы построили учебный план следующим образом. На грамматику и лексику общего владения II и III Сертификационных уровней⁶ из общего количества часов было отведено 708 часов, из них 60 – на проведение контрольных работ и экзамена, соответственно по 30 часов. Нам представилось необходимым ввести в образовательный процесс научную лексику, и около 150 часов мы отвели на вводно-терминологический курс, включающий в себя естественнонаучную терминологию (математика, информатика, физика, химия, черчение) и военную терминологию (названия чинов, подразделений, оружия, техники, боевых действий).

В самом начале обучения мы предположили, что 1320 часов (без учёта 60 часов на экзамен) достаточно будет для овладения грамматикой и лексикой в объёме III уровня (конечно же, с учетом индивидуальных способностей студентов, особенностей языка и условий, в которых будет проходить обучение). Опирались мы на Госстандарты. Однако мы считаем, что максимальное погружение в языковую среду является обязательным условием достижения высокого уровня коммуникативной компетенции во всех сферах общения.

Самостоятельная работа студентов максимально нагружена. Распорядок дня — обычный для военнослужащих любой страны. Утреннее построение. Мотивация на обучение. Спортмассовые мероприятия и завтрак. Основное время дня занято учебой с перерывом: 3 часа уроков, 1 час — обед и еще 3 урока. После вечернего построения примерно в 17.30 студенты приступают к выполнению домашнего задания. Эти занятия называются вечерними, проводятся под руководством преподавателя. Эти занятия длятся иногда до 21.00.

Объем контрольных работ достаточно велик. Обычно каждая контрольная работа состоит из двух частей: письменной и устной. Первые два месяца контрольные работы мы проводили в один день. На третьем месяце обучения контрольная работа проводилась в 2 дня. Письменная часть занимала 3 часа: с 8.00 до 11.00. Затем – устная часть:

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Первый уровень/ Н.П. Андрушина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания. – М.: СПб.: «Златоуст», 2009. С. 32.

⁶ Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение/ Иванова Т.А. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 1999. С. 40-44.

аудирование и чтение. Следующий день полностью отведён на говорение. 40 человек успевали послушать за 3-3,5 часа.

Тестовая форма не являлась основной. Упражнения из контрольных работ представляли собой задания открытого типа с опорой на обязательный образец. Вообще студенты очень много пишут и заучивают наизусть. Тетради проверялись ежедневно.

Мы не можем не отметить высокую трудоспособность и прилежность и профессорско-преподавательского состава, и обучаемых, их желание обучаться, узнавать новое, совершенствоваться.

Все, что было описано выше, представляет собой организационные моменты. Если касаться методики преподавания РКИ, то мы выявили две проблемы, решение которых будет актуальным для любой аудитории, изучающей иностранный язык вне языковой среды:

в первую очередь, проблема, которая связана с особенностями фонетической системы мьянманского языка. Мьянманский (бирманский) язык — тоновый. Один и тот же слог может произноситься по-разному: с восходящей, нисходящей и другой интонацией. Также различается произношение одного и того же слога по громкости, долготе и количеству гласных (фонации). Поскольку мьянманский язык тоновый, то ударение теряет свою важную роль. Так, обучаемые знают, что в слабой позиции звук [o] следует произносить как [a]. Где эта слабая позиция они понимают, знают теоретически, но на практике происходит с точностью до наоборот. Говорят [пагАда] вместо [пагОда], [мАй] вместо [мОй], [дарАга] вместо [дарОга] и т. д. Ударные звуки часто меняют местами: *русский* и *росский*, *галстук* и *галток*, *блузка* — *блзка*. Скопление согласных «разбавляется» дополнительными звуками или при помощи перестановки слогов для более «удобного» чтения: *кинга, канега* — *книга, перподаватель* — *преподаватель, солова* — *слова, теск* — *текст* и т. д. Мы сделали вывод (на основе собственных наблюдений и изучения литературы о мьянманском языке), что это связано со слоговым письмом Мьянмы. Каждый слог начинается с согласного и заканчивается гласным, состоит из 4-х компонентов, а именно: инициали (непосредственно сам согласный), медиали (полугласные у, w), финали (гласный) и терминали (носовой согласный, практически неслышный). Наблюдалось выпадение звуков [p] и [l] в словах с количеством слогов от трёх и более, например *пасмуно* вместо *пасмурно* (причём ошибку допустила вся группа), *аудитоия* — *аудитория, пониденик* — *понедельник*, а также подмена звука: *понедевик* — *понедельник* и т. д. Фонетические проблемы перерастают в лексические: *подвал* — *подавал, скрепка* — *скрипка, был* — *бил, лишний* — *личный* и др.

проблема усвоения новой лексики. Студенты получают новый языковой материал на занятиях, но введенная лексика не находит применения вне стен аудитории. А значит, не получает закрепления. У студентов нет необходимости отрабатывать языковые модели в соответствующих речевых ситуациях: магазин, столовая, кафе, транспорт и т.д.

Также мы просмотрели некоторую информацию о мьянманском языке и сделали вывод, что научных изданий немного, а некоторые издания – словари, учебники – довольно старые, хотя связи между Россией и Мьянмой имеют давнюю историю. Из последних научных изданий – это «Вопросы фонологии древнебирманского языка» Янсон Р.А. (М., 1990), «Russian Phonetics for Myanmar Beginners» Daw Htwe Htwe⁷ и несколько статей в сборниках.

В наши планы входит более подробное описание решения этих проблем в последующих исследованиях.

Библиография

- Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Элементарный уровень/ Владимирова Т.Е. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 2001. – 28 с.
- Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Базовый уровень/ Нахабина М.М. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 2001. – 32 с.
- Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Первый уровень/ Н.П. Андриюшина и др. [Электронный ресурс]: электронный аналог печатного издания. – М.: СПб.: «Златоуст», 2009. – 32 с.
- Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение/ Иванова Т.А. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 1999. – 40 с.
- Государственный стандарт по-русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение/ Иванова Т.А. и др. – М.: СПб.: «Златоуст», 1999. – 44 с.
- Curriculum and Syllabus for Diploma in English, Russian and Chinese Course. – Yangon. – 2009.

⁷ Curriculum and Syllabus for Diploma in English, Russian and Chinese Course. – Yangon. – 2009.

Use of ICT in Russian Language Teaching: Issues & Challenges

S. Bhaskar

Today as India is making huge strides in the field of IT, foreign language education is largely untouched by the tremendous effect of this homegrown ICT revolution. As new technologies like OERs, MOOCs, LMS etc. being used to give learners access to information, promote interaction and communication, and enhance digital literacy skills, but It is also important that the use of ICT is introduced and supported in a sustainable way and in a range of pedagogical approaches that promote continuous & lifelong learning; which is a major challenge educators are facing today

By proposing a totally new methodology in Russian language teaching which we practice at IGNOU, language specialists can put forth a new model based on their understanding of the IGNOU's model of Russian language teaching in India. By amalgamating these models, the present challenge of teaching & learning Russian language in India will surely see some interesting innovation in days ahead. In the present paper, the use of ICT in Russian language teaching & learning at IGNOU will be discussed.

Today as India is making huge strides in the field of IT, language education is largely untouched by the tremendous effect of this homegrown revolution. Very appropriately as it's called, ICT or Information & Communication Technology, the field of education especially foreign language teaching & learning requires a lot of focus with special emphasis on the use of technology in overall teaching & learning of a foreign language in India.

Most recently in many parts of the world, language education has blended itself with many new innovations like Open Educational Resources (OERs), Massive Open Online Courses (MOOCs) Online Platforms like Moodle etc. with decent amount of Social Networks like Twitter, Facebook and Blogs etc. to reach the nooks & corners of the world. But as new technologies being used to give learners access to information, promote interaction and communication, and enhance digital literacy skills. It is also important that the use of ICT is introduced and supported in a sustainable way and in a range of pedagogical approaches that promote continuous & lifelong learning.

But as it seems, it has its own set of issues & challenges. With an increased amount of information, learners hand are full with required knowledge but in order to maximize the use of ICT, it is crucial to understand the needs & requirements of the learner. Hence, by proposing a totally new methodology in foreign language teaching, language specialists can put forth a new model

based on their understanding of the Russian language teaching models in India. By amalgamating these models, the present challenge of teaching & learning Russian language in India will surely see some interesting innovation in days ahead. In the present paper, the use of ICT in Russian language teaching & learning will be analyzed. The issues & challenges of a Russian language teacher & learner while using ICT tools will also be discussed in a detailed manner in this paper.

Traditionally, in India, Russian language is taught in almost all major universities such as Jawaharlal Nehru University (JNU), Jamia Milia Islamia (JMI), University of Delhi (DU), English and Foreign Language University (EFLU), Banaras Hindu University (BHU), Ch. Charan Singh University, Meerut, Agra University, Maharaja Sayajirao University of Baroda (MSU), Dr. BR Ambedkar University (DBRAU), Himachal Pradesh University (HPU), University of Calicut (CU) etc. Every year hundreds of students graduate from these institutions. These skilled workers go further into many fields such as Defense, Education, BPO, KPO, Tourism, Management, Banking etc. and serve different organizations with their knowledge of a foreign language.

But at the same time, we need to acknowledge the fact that still there are a huge number of such prospective learners who wish to study Russian but due to some of other issues such as lack of time, present job, high fee, age constraint, family commitments, medium of instruction etc. and all such other issues due to which they could not enroll for such courses. In present university system there is no mechanism to give them a chance except ODL. Therefore, ODL which is heavily ICT based, becomes even more important for catering to the demands of these learners. At the same time to provide these learners with assurance of better or same quality educational opportunities, it becomes vital to strengthen the infrastructure and delivery mechanism which can address to the needs and demands of these prospective learners in an efficient manner.

What is ICT?

UNESCO has defined ICT as forms of technology that are used to transmit, process, store, create, display, share or exchange information by electronic means. It includes not only traditional technologies like radio and television, but also modern ones like cellular phones, computer and network, hardware and software, satellite systems and so on, as well as the various services and applications associated with them, such as video-conferencing. (<http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001567/156769e.pdf>)

ICT and Teaching & Learning Russian Language

Foreign Language Teaching & Learning is one of the major sectors in education which has immensely benefitted from the influence of innovations

in ICT. Starting from providing online content service, platform for organizing learning experiences to managing learning and assessment has been changed greatly by ICT developments. Students, teachers and educational administrators and every stakeholder in this sector have been benefitted by the integration of ICT in education.

In case of Russian Language Teaching & Learning at IGNOU, there are certain steps we follow in order to successfully implement ICT tools in the overall academic programme such as:

1. Identifying the need of such programme
2. Feasibility of the programme and need for integration of ICT tools
3. Identifying Subject Matter Experts
4. Creation of Self Learning Material
5. Creation of Audio-Visual Material
6. Creation of e-content and its placement on Learning Management Systems
7. Launching of Programme both online & offline and monitoring its progress, evaluation and re-enforcement.

While keeping in mind the above points, ICT based Russian language learning package is being developed in order to provide learners with the same quality of teaching as we see in the best of the universities across India. (<https://swayam.gov.in/courses/3953-basics-of-russian-communication-skills-part-1>) with the following objectives:

- To develop the ability to use Russian effectively for the purpose of practical communication in spoken and written discourse.
- To respond, in written or oral form, quickly, adequately and accurately in different communicative situations (such as- to give & receive personal information, to give basic instructions, to involve in dialogues related to day-to-day life, to relate events, facts and to narrate situations, to express opinions, to describe persons or things, to justify opinions, etc.)
- To demonstrate knowledge of sufficient vocabulary to use with grammar patterns
- To enable students to gain access through language to the contemporary scene and the background of Russian speaking countries, their people and their cultures.
- To establish the skills, language and attitude required to promote and facilitate further study of Russian.

Success Story so far

Basics of Russian Language- I is a 4 credit course of 12 weeks duration, being hosted on India's own MOOCs (Massive Open Online Course) platform called SWAYAM (Study Webs of Active –Learning for Young Aspiring Minds) an MHRD initiative since August 2016. This Russian

Language course is one of the first courses which were pilot tested, run and re-run on the SWAYAM platform. First successful run of the course- Basics of Russian Language –I was from 16/12/2016 to 17/03/2017 with registering a total number of 402 (<https://swayam.gov.in/course/3517-basics-of-russian-communication-skills-part-1-theory>)

The VC, IGNOU in this 30th Convocation address dated 13th April, 2017 mentioned Basics of Russian Language course as one of the courses which is successfully running on SWAYAM (<http://www.ndtv.com/education/ignou-launches-11-massive-online-open-courses-mooc-at-its-30th-convocation-ceremony-1682282>)

With a few suggestions and feedback from the National Coordinator and learners, the course was revised as per the need, offered for re-run. Now the course as per finalized schedule of the re-run i.e. 17.07.2017 to 15.10.2017 was put on offer on SWAYAM platform and has attracted more than 1500 enrolments. (<https://swayam.gov.in/course/3953-basics-of-russian-communication-skills-part-1>)

Now, with the official launch of SWAYAM by the President of India on the occasion of Guru Purnima dated 09.07.2017 (<http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=167264>), the Basics of Russian Language course has been officially running on India's MOOC's Platform- SWAYAM.

With the data given above, it is clear that there are plenty of learners who wish to learn Russian language but due to non-availability of such course or in absence of other viable options they were struggling in order to fulfill their wish to learn Russian.

That is why with the advent of Massive Open Online Courses or MOOCs, which is the latest academic invention in the ICT based teaching & learning; many American and European universities like Harvard University (<https://www.edx.org/school/harvardx>), the University of Edinburgh (<http://www.ed.ac.uk/studying/moocs>) etc. are offering a wide variety of courses. They have embraced this change to bring their top quality education to the doorsteps of the learners. These courses are hosted on various online platforms like edX (<https://www.edx.org/>), coursera (<https://www.coursera.org/>) etc. following the footsteps of these giants India has recently launched its own MOOCs online platform called SWAYAM (Study Webs of Active –Learning for Young Aspiring Minds) where a Russian course from IGNOU is also being hosted (The Basics of Russian: Communication Skills- Part 1 (Theory) (<https://swayam.gov.in/course/3517-basics-of-russian-communication-skills-part-1-theory>)) having more than 200 active enrolled learners. This shows that today, the computer savvy learners want everything to be delivered right at their doorstops. That is why SWAYAM is an instrument for self-actualization providing opportunities for a life-long learning.

Issues & Challenges:

There are several issues & challenges associated with such courses which are ICT based in general and particularly in case of foreign languages, such as:

1. Availability of expertise in Russian for content writing for online courses
2. Creation of content in Russian language as per local needs
3. Migration of content into e-content
4. Technology & its usage
5. Training of the Teacher & Learner in order to use the LMS (Learning Management System)
6. Maintenance of data and its aggregation on LMS
7. Communication (Synchronous/ Asynchronous) on LMS
8. Evaluation through TMA/CMA/Proctored Exam/Test
9. Assessment (Summative/ Formative)
10. Further Development & Sustainability (Integration of new teaching or learning tools, engaging techniques, response to feedbacks and reinforcement measure to minimize dropout rate etc.)

While keeping in mind the above mentioned issues & challenges, this online course in Russian followed the guidelines issued by the University Grants Commission in order to avoid possible fall outs (<http://ugcmooc.inflibnet.ac.in/swayam/index.php/home/instruction>). But at IGNOU, with the availability of its own Electronic Media Production Centre, it became feasible to create e-content on the basis of existing course material. The e-content was then edited as per the need of the course and with this process a series of video lectures was created. With the help of YouTube, a channel was created online and all related learning content was uploaded and scheduled.

(https://www.youtube.com/channel/UCnCiPwiOLvfyCkMOYjFkdug?view_as=subscriber)

Then, according to the pre-scheduled format uploaded on the SWAYAM website, these e-content were provided to learners and continuous assessment was done via chat, assignments, feedbacks, quiz and periodic tests conducted online. However, it was observed that learners are very active but many of them did not submit their assignments, attempted quiz or given their feedback. To overcome this issue, it was decided to rope these learners in small groups so that they could communicate often and make a viable learning environment. This experiment succeeded, and with the help of WhatsApp groups these learners are learning faster and facing even less difficulty in understanding the basic concepts.

Conclusion

Since teaching & learning a foreign language online has always been a challenge in Indian education system, but with the advent of new

technologies like MOOCs, it is becoming viable for many learners to learn a new language like Russian. Many new mythological tools were adopted in order to understand the feasibility of the course and attaining the desired outcome. Teaching Russian through ICT enabled online platform proved to be a daunting task but with a few fall outs it succeeded finally. In future, with the help of new technology and training, emerging trends in teaching of Russian language will certainly include online learning generally and through MOOCs particularly, I am sure that large number of students who wish to learn this great language will flock to this emerging platform in order to fulfil their desire of becoming a polyglot. I am hopeful that in the near future many more learners will benefit from this endeavor and this new evolving method of Teaching & Learning Russian as a foreign language will emerge as a sustainable model for Teaching & Learning of any foreign language.

Bibliography

- Porter, Lynnette R. (1997) Creating the Virtual Classroom: Distance Learning with the Internet 1st John Wiley & Sons, Inc. New York, NY, USA.
- Sherry, L. (1995). Issues in Distance Learning. International Journal of Educational Telecommunications, 1(4), 337-365. Charlottesville, VA: Association for the Advancement of Computing in Education (AACE).
- White Cynthia (2006) Distance learning of foreign languages Language Teaching Language Teaching / Volume 39 / Issue 04 / October 2006, pp 247-264, Cambridge University Press.
- <http://mhrd.gov.in/distance-learning>
- <http://mhrd.gov.in/technology-enabled-learning-3>
- <http://www.ouhk.edu.hk/wcsprd/Satellite?pagename=OUHK/tcSingPage&lang=eng>
- <http://mhrd.gov.in/distance-learning-4>
- <http://indianembassy.ru/index.php/bilateral-relations/bilateral-relations-india-russia>
- Certificate in Russian language in ODL mode
http://www.ignou.ac.in/ignou/bulletinboard/announcements/latest/detail/IGNOU_lanches_Certificate_Programme_in_Russian_Language-1845
- <http://www.ignou.ac.in/ignou/aboutignou/icc/stride/introduction>
- <https://moodle.org/>
- <https://swayam.gov.in/>
- <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212017312000187>
- <https://www.ecml.at/TrainingConsultancy/ICT-REV/tabid/1725/language/en-GB/Default.aspx>
- <http://iite.unesco.org/pics/publications/en/files/3214627.pdf>
- <http://journals.euser.org/index.php/ejls/article/view/571>
- <http://ugcmooc.inflibnet.ac.in/swayam/index.php/home/instruction>

Изучение прилагательных, выражающих черты характера человека

S. Ahmad

Studying human traits is very interesting because human behavior and actions depend on the characteristics possessed by the individuals. These characteristics possessed by humans are not only by birth. There are many factors like the type of society an individual lives in, the nature of politics in that society, the economy, the region or geography, culture and history etc which contribute to the way a person behaves. The above said factors are in a way responsible for an individual's attitude in life. When we generalize that people of a particular country are hardworking we mean to say that they are more hardworking than others. But what we don't pay attention to is that it is the work culture, their geography, past experiences and many more factors which make them hardworking.

Изучение черты характера человека действительно интересно, потому что поведение человека и действия зависят от характеристик, которыми обладают люди. Эти черты характера, которыми обладают люди существуют не только родом. Есть много факторов, таких как характер общества, в котором живёт человек, характер политики в этом обществе, экономика, география, история и культура и.т.д. которые содействуют тому, как человек ведёт себя. Выше указанные факторы в некоторой степени отвечают за отношение человека в жизни. Когда мы обобщаем, что людитой или иной страны трудолюбивые, мы имеем в виду, что они более трудолюбивы, чем других. Но мы не обращаем внимания на то, что именно их культура работы/труда, их география, опыт от прошлого и многие другие факторы делают их трудолюбивыми.

Человек по своей природе сознательно или бессознательно оценивает другого человека с точки зрения человеческих качеств, квалифицирует действия другого человека с помощью слов. Такие слова относятся к трём категориям – прилагательным, существительным и наречиям. Прилагательные используются чаще существительных или наречий, и в большинстве случаев существительные являются производными от прилагательных. наречие, обозначающие черты характера человека, вполне естественно используются в сочетании с глаголами.

Человеческие черты

Человеческая черта или черта личности- это особое качество или характеристика, которыми обладает или олицетворяет человек. Эти

черты привычного образа поведения, эмоций и темперамента. В целом черты можно разделить на две категории- унаследованные и приобретённые. Унаследованные черты характера-это те, которые человек наследует от своих биологических родителей, как рост, цвет глаз, структура волос, цвет кожи и т. д. Поскольку эти унаследованные черты встречаются в Дезоксирибонуклеиновой кислоте ДНК, их можно передать следующему поколению. Приобретенные черты характера - это те, с которыми человек не рождается, а учится и развивается в течение жизни, как читать, писать и т. д. Так как эти черты приобретены, их не можно передать следующему поколению. Есть разные способы измерения личности, но это всегда лучше сосредоточиться на особенностях личности, чем разделить человечество на разные уровни. Самые распространенные черты называются "большой пятеркой".

Откровенность
Добросовестность
Экстраверсия
Приятность
Нейротизм

По источникам, эти большие пятёрки были разработаны двумя исследовательскими группами, которые возглавляли Пол Коста и Роберт Маккрей из Университета Мичигана, США. Можно сказать грубо, что эти большие пятёрки составляют черты характера каждого человека на земле.

Откровенность подразумевает черты, показывающий склонность человека к социальной или культурной норме, как конкретно или абстрактно человек думает о вещах, и как открытый или сопротивляющийся он к изменениям. Человек, который является новаторским и мыслит нестандартно, скорее всего, высоко оценивает на меры откровенности. Тот, кто высоко оценивает на меры откровенности, является любопытным человеком, ценит инновации и воображение. Люди, которые не являются открытыми, предпочитают придерживаться своих привычек, избегают новых впечатлений и, вероятно, не являются самыми безрассудно смелыми.

Добросовестность смотрит на степень организации человека, уровень дисциплины, и насколько склонны он или она к риску. Добросовестный человек является надежным, дисциплинированным и ориентированным на достижение результатов. Это они же которые планируют все. Люди с низкой добросовестностью более инстинктивным. Они могут склониться к небрежности.

Экстраверсия - это характеристика, которая описывает вещи, как социальный ли человек, как теплый и любящий он. Экстраверсия наверно самая узнаваемая черта личности большой пятерки.

Экстравертный человек предпочитает встречаться с большой группой, чем сидеть дома, смотреть фильм с 2-3 друзьями. Экстраверты - это те, кто общительные, болтливые и набирают энергию из толпы. Они любят общаться и является очень весёлым. Интровертам, с другой стороны, нужно много времени в одиночестве, потому, что наверно их мозг обрабатывает социальное взаимодействие по-разному. Интровертность часто путают с замешательством, но они отличаются друг от друга. Замешательство - это наверно страх перед социальными взаимодействиями или неспособность функционировать социально, но интроверты могут быть совершенно очаровательны на общественных собраниях, но они просто предпочитают небольшие групповые мероприятия.

Приятность измеряет степень тепла и доброты человека. Чем приятнее человек, тем более вероятно того, что он будет доверчивым, полезным и сострадательным. Неприятные люди холодные и подозрительны к другим и реже сотрудничают. Приятные считают доброту, надёжность и сотрудничество человека. Люди, с высокой приятностью им более заинтересует общее блага, в отличие от выполнения своих собственных интересов.

Нейротизм – наблюдает нервность или тревожность человека, а также степень самоуверенности и самоудовлетворения, которыми он обладает. Люди, которые высоко оценивают на меры нейротизма, часто будут озабочены в жизни «чем бы то ни было». Они, как правило, обеспокоены и озабочены вещами, которые не под их контролем. Чувствительность, уверенность и безопасность играют важную роль в нейротизма, которая включает в себя то, как люди испытывают действие как депрессия, гнев, неприятные ситуации и .т. д.

Прилагательное

Слова, которые описывают существительных называются прилагательными. слова, как маленький, синий и острый, являются описательными, и все они являются примерами прилагательных. Поскольку прилагательные используются для идентификации или измерения отдельных людей и уникальных вещей, они обычно располагаются перед существительным или местоимением, которые они изменяют.

Существуют разные типы прилагательных, в том числе те, которые описывают или показывают черты характера человека. Учитывая индивидуальный характер людей, это неудивительно, что любой язык включает в себя так много прилагательных который определяет черты характера человека. Иногда мы не заметим, но люди используют прилагательные, чтобы описать, друг друга больше, чем они описывают что-то другого. Среди всех прилагательных, которые определяют черты

характера человека, мало тех, которые используются больше, чем другие, чтобы описать кого-то. Такие прилагательные могут быть как положительными, так и отрицательными. Если мы обобщаем, мы видим, что некоторые прилагательные используются чаще для определения людей определенной страны, чем другие. Или некоторые прилагательные используются больше для конкретного общества и .т. д. Я взял пример японского общества и пытался посмотреть на прилагательных, которые иностранцы вообще ассоциируют с японским народом.

Трудолюбивый

В западной культуре, как трудно кто-то работает, и является важным аспектом жизни. Либо вы усердно работаете, либо ленивый, либо где-то посередине. Так что для большинства западников, японская трудовая этика может быть переведена только с помощью этого аспекта, результатом которого является то, что японцы работают усердно. Но это еще не все. Японская культура глубоко прививает всестороннюю систему ценностей гордости, уважения и чести. Я не имею в виду, что эти качества не существуют в других культурах, но в Японии они очень очевидны и усиливаются самой культурой и языком. Так что мы видим, что по умолчанию японцы имеют больше гордости за свою работу, и больше уважения к своему начальнику. В западной культуре источник гордости чаще является "я" или личность, а не сама "работа", и уважение -это чаще всего "личный", а не "культурный".

Это значит те, кто выросли с японскими культурными ценностями, выросли, чтобы иметь честность. Это не целостность личности или себя, а тот, который удовлетворяет роль, и знает свое место. Это ведёт к более культурно насильственной трудовой этике.

Значит ли это, что они трудолюбивые? Я думаю, что на этом уровне мы все одинаковы. Всем нам надо стимул, чтобы прилагать усилия. Но с этими стимулами, японцы принесут собой многие благоприятные черты, которые иначе в другом месте может быть необязательным.

Вежливый

Население Японии составляет около 126 миллионов человек, большая часть которых живёт в крупных городах, как Токио, Осака, Нагоя и Киото. С высокой плотностью населения, живящихся на сравнительно небольшом пространстве, люди должны научиться ладить друг с другом. Ещё Япония состоит из местных японцев с немногими иностранцами, поэтому они также очень похожи по культурным ценностям и манерам. Японию можно считать как одна нация, одна цивилизация, одна культура, один язык, одна раса, а на самом деле Япония является одна из немногих стран в современном

глобализированном мире который однородны в таком масштабе. Вежливость является типичной характеристикой японцев, которыми восхищаются другие люди и вот несколько причин, почему.

А). Японская философия и религия: Для японцев страна и семья считаются более важными, чем сам индивидуал. Эта идея проистекает от учения Конфуция, китайский философ, который заложил строгие нормы поведения, а также от синтоизма. На протяжении веков, японцы учили, что они должны быть ответственными членами своих семей и своей страны и служить другим прежде всего. Благодаря этой философии люди стали послушными и относительно пассивными, и привыкли к тому, что их жизнь регулируется правилами.

В). Групповая культура: Японская культура, как известно, очень сложная с тонкой гранкой между правильным и неправильным. И эта культура продолжает влиять на тех, кто хочет жить и работать в Японии. В отличие от западных обществ, группа важнее, чем личности в Японии. Если вы отклоняетесь от нормы или отступите от правила, японцы начинают сомневаться в ваше основном характере. Это отражается на самом японском языке, который имеет официальную и неофициальную форму. Эта культура помогает поддерживать социальную гармонию и жить вместе очень гладко.

С.) Воспитание детей и школьное образование: Японские родители уделяют особое внимание изучению социальных манер, для того чтобы дети не беспокоили их и других. Многие подчеркивают важность изучения социальных манер и правил, для того чтобы поведение детей не подвергалось критике. В то же время родители ценят близость со своими детьми и проводят время вместе на различных мероприятиях. Эта близость родителей и детей положительно помогает детям радовать своих родителей. И, естественно, они принимают все эти правила, которые их родители устанавливают для них. В школе тоже дети учатся правильному поведению. Например, их учат чистить аудиторию и детские площадки и демонстрировать вежливые манеры по отношению к учителям или другим взрослым. Они любят учиться в группах.

Д.) Чрезвычайно близкие встречи: японцы живут и взаимодействуют друг с другом, и все, как правило, очень вежливы друг к другу независимо от того, что они друзья или незнакомые. Они избегают неприятностей или конфликтов, особенно в общественной жизни. Избегать неприятностей или конфликтов это обязательно, потому что в переполненных городах так мало мест и люди знают, что они должны сотрудничать и уважать друг друга, для того чтобы жизнь шла гладко. Например, если вы говорите по телефону в переполненном поезде, вы, скорее всего, раздражаете других пассажиров.

Японцы довольно часто страдают от катастрофы как цунами и землетрясения. Даже в таких чрезвычайных ситуациях японцы не теряют своё спокойствие и ведут себя по правилам, стоят в очереди и ждут с терпением.

Счастливым

Сейчас мы рассматриваем один из наиболее часто используемых прилагательных, т. е. "счастливы". Страна, расположенная в Гималаях; Бутан считается одним из самых счастливых мест на земле. Существует много факторов, связанных со счастьем народа Бутана. Говорят, что люди из Бутана с тем же успехом управляют духовным и материальным благополучием. В западе или в любом другом месте в целом, мы придаем значение слишком много материальным вещам, и это может вызвать излишний или ненужный стресс и несчастье. В Бутане глобализация затрагивает людей только за последние десятилетия, и, наверное, поэтому это позволяет бутанскому народу создать баланс между материальной и духовной жизнью.

По сообщениям, Бутан является единственной страной мира, которая рассчитывает валовое национальное счастье. С 1971 года страна отвергла ВВП как единственный способ измерения прогресса. Вместо этого она выступила за новый подход к развитию, который измеряет процветание на основе формальных принципов валового национального счастья и духовного, физического, социального и экологического здоровья своих граждан и природной среды. В мире, где разрушение финансовых систем бывает время от времени, существует неравенство и разрушение окружающей среды, этот подход Бутана, что благосостояние должно отдаваться предпочтению материальному росту, приобретает особое значение и популярность.

Говорят, что народ Бутана счастлив, потому что живёт в тесной гармонии с природой. Правительство Бутана при валовом национальном счастье, поставило природу в центр государственной политики, и это привело к тому, что в конституции была закреплена охрана окружающей среды. Бутан обязалась сохранять нейтралитет углерода, и обещает, что минимум 60% ее территории покрыто лесами, вечно. Бутан также рассматривается в качестве примера развивающейся страны, которая поставила вопросы охраны окружающей среды и устойчивого развития в центр своей политики. За последние двадцать лет Бутан удвоил продолжительность жизни, зачислил почти 100% своих детей в начальную школу и обновлял свою инфраструктуру.

Bibliography

- Nettle Daniel, Personality - What makes you the way you are, New York, Oxford University Press, 2007.
- Web dated 29 Aug 2017 <<https://www.theguardian.com/world/2012/dec/01/bhutan-wealth-happiness-counts>>
- Web dated 28 Aug 2017 <<http://naruhodo.jp.net/top-10-adjectives-to-describe-japanese-people-characteristics/>>
- Web dated 23 Aug 2017 <<https://www.livescience.com/41313-personality-traits.html>>
- Web dated 21 Aug 2017 <<https://www.commisceo-global.com/country-guides/japan-guide>>

Семантические неологизмы и их употребление в современном русском языке

K. Thapliyal

The paper title «Семантические неологизмы и их употребление в современном русском языке» studies the concept of neologisms and their usage in modern Russian language. In this paper we are emphasizing on the usage of neologisms in modern Russian language. The study of neologisms helps in understanding the present state of modern Russian language. The progress of every phenomenon is influenced by globalization in present times.

После распада Советского союза, в языке происходили значительные изменения. В словарный состав приходит и уходит много слов и словосочетания. Появление новых слов в словарном составе является результатом языковой новизны и изменений.

Развитие языка тесно связано с общественной ситуацией того или иного времени. Коренные изменения в общественной жизни народа влияют на словарный состав языка.

Словарный состав – это важный и подвижный уровень языка. Все происходящие в языке изменения связаны с деятельностью человека: экономической, политической и культурной.

По определению **Н. М. Шанского**, неологизмы – это новые лексические образования, возникающие в языке, чтобы обозначать новые понятия или явления, сохраняющие ощущение новизны для носителей языка и еще не заметны в общелитературном употреблении.

Н. Бусман определяет неологизмы как новообразованные слова, словосочетания или выражения, возникающие для обозначения новых понятий.

Неологизмы как языковое явление ярко показывает закономерность развития языка и общества. Так, с возникновением новых понятий появляется необходимость в их обозначении, например: *интернет, мобильник, безразмерный* (характеристика одежды) и т.д.

Основная черта лексики русского языка – открытость и подвижность её единиц. Лексика русского языка более консервативна в сравнении с другими уровнями, например, такими как фонетика и морфемика.

Лексика русского языка делится на активную и пассивную. Активный состав представлен словами, повседневно используемыми в речи. В пассивный состав входят устаревшие слова или те, которые еще не употребляются активно в связи с недавним появлением в языке.

Неологизмы (греч. *neos* – новый, *logos* – слова) – это такие слова, которые еще не стали общеупотребительными, новизна которых ощущается говорящим.

Семантические неологизмы – это такие слова, значение которых меняется со временем. Например, первоначально слово *зебра* обозначало только животное, сейчас же у него существует еще одно значение – полосы на проезжей части улицы, пешеходный переход. Слово *платформа* обозначает не только возвышенную площадку, но и толстую подошву у обуви.

СПИСОК СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Список терминов

1. **Собачка** – уменьшительно-ласкательная форма слова *собака*, образованная с помощью суффикса *к*, обозначает животное. В последнее время это слово используется, чтобы обозначать компьютерный знак @: kavitathapliyal85@gmail.com
2. **Мышь**. Это слово обозначает животное, в настоящее время также используется в значении устройства ввода информации в компьютер.
3. **Крыша** – это верхнее покрытие здания, также имеет значение мафии, которая за определенную плату защищает бизнесменов от других криминальных групп.
4. **Хомяк** – это животное, однако сейчас в сети Интернет часто встречается новое значение – *Номе*page (домашняя страница); образовано от английского слова *Home* и русского суффикса *як*, который используется для образования существительных (*земляк, сибиряк, моряк* и т.д.).
5. **Винчестер** – вид ружья. Слово также обозначает устройство для хранения информации в компьютере.
6. **Каталог** обозначает перечень каких-либо предметов (книг, экспонатов, товаров), составленный в определённом порядке, или перечень произведений печати, имеющихся в библиотеке. В настоящее время оно также обозначает директорию в информатике. «Директорию в информатике собственный небольшой же экран отражает информацию о степени заполнения накопителя о выполняемых процессах, о состоянии батарей и даже о структуре хранимых каталогов» (Русский Newsweek, 22.01.2007).
7. **Вирус** – это микроорганизм, возбудитель заразной болезни. В настоящее время приобрело еще одно значение: программа, способная испортить программное обеспечение на компьютере. «Страховка от вируса» (заголовок в газете «Известия» от 11.02.2010).
8. **Зуб** – твердые образования в области рта у животных и человека. В последнее время часто встречается словосочетание «голубой зуб»,

которое является калькой с английского Bluetooth. Оно обозначает технологию, которая позволяет осуществлять беспроводную передачу сигналов между телефонами, компьютерами и другими электронными устройствами.

СПИСОК СЕМАНТИЧЕСКИХ СЛОВ

1. Чтение – это процесс зрительного восприятия текстовой информации человеком. Также имеет значение передачи данных из внешней памяти в оперативную. «Чтение данных новым DVD-приводом производится при помощи специального лазерного луча» (Русский Newsweek, 11.12.2010).

2. Капуста – это сельскохозяйственная культура. В современном языке у этого слова появилось еще одно значение – крупная сумма денег. «Тем более если это зеленоватые доллары, отсчитываются так же, как отслаиваются листья от зелёного капустного вилка» (Jeay.Ru).

3. Меню – это перечень блюд и напитков, которые подаются в заведениях общественного питания. С развитием технологий приобрело дополнительное новое значение: список программ и функций, предоставляемых пользователю компьютера на выбор.

4. Утечка – потеря, убыль вследствие вытекания, рассыпания. В настоящее время нередко употребляется в словосочетании *утечка студентов*. «Нас ждёт утечка студентов на Запад, – говорил президент Российской академии Образования» (газета «Известия» от 11.02.2010).

5. Нагрузка. Иногда данное слово обозначает нагрузку на компьютер, когда вследствие большого объема хранящейся на нем информации в его работе происходят сбои.

6. Взломщик – человек, занимающийся ремонтом чего-либо. Сейчас слово нередко обозначает того, кто взламывает компьютерную программу.

7. Продвинутый – улучшенный, совершенный, обладающий преимуществами над прочими. Данное слово часто можно встретить в словосочетании *продвинутая молодежь*, которое обозначает молодых людей, придерживающихся современных взглядов, следящих за последними веяниями моды.

В **заключении** можно сказать, что все общественные изменения находят отражение в языке, со временем появляются новые понятия и слова, их обозначающие. Неологизмы обогащают запас языка. Они входят в активный словарь или со временем исчезают. Неологизмы представлены во всех стилях речи.

Библиография

- Алексеев В. А., Рогова К. А., “Практическая стилистика русского языка – функциональные стили”. Под редакцией В. А. Алексеева и К. А. Роговой. Изд-во «Высшая школа». Москва. 1982г.
- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю., “Современный русский язык”. Изд-2, Изд-во «Просвещение». 1987г.
- Белошапкова В. А., “Современный русский язык”. Изд-2, Изд-во «Высшая школа». Москва. 1989г. стр. 25-31.
- Валгина Н. С., Розенталь Д.Э., Фомина М. И., “Современный русский язык”. Под редакцией Н. С. Валгиной, Изд-во «Логос». Москва. 2002г.
- Кронгауз М. А., “Высшее профессиональное образование. Семантика”. 2-е издание, исправленное и дополненное. Изд-во «Academia». Москва. 2005г. стр. 17-19.
- Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А., “Современный русский язык”. Изд-во «Айрис-пресс». Москва. 2003г.
- Розенталь Д. Э., “Практическая стилистика русского языка”. Изд-3, исправленное и дополненное. «Высшая школа». Москва. 1974г. стр. 305-317.
- Сингх Чаранджит., “Языкознание – краткий вводный курс (курс-1)”. Изд-во «Confluence International» New Delhi. 2004г.
- www.magazines.russ.ru
- www.klassika.ru
- www.rsl.ru
- www.livelib.ru
- www.rvb.ru
- www.lib.ru
- www.litratura548.narod.ru

Russian television series as the audiovisual material for the learning of words in the lexical minimums for learning Russian at the beginning level

R. Yadav

It is well established that vocabulary is the single most important part in the process of foreign language learning. Lexical minimums are primarily the collection of the most frequently occurring and thus the most important words of the language for the learners at a given level and field. Learning the words given in the lexical minimum with the help of mnemonics presents us with the fastest method to learn the most required words in the fastest method of learning. Learning words alone, though, is not considered the best approach as they can be more efficiently learnt and applied only when used in sentences of the given language as used in the practical situations. Audio-visual material on the other hand is considered to be one of the most impactful medium to learn the usage of words as audiovisual medium provides for involvement of more senses in the remembering of the words as well as giving learners the context in which they are used. In this article, we examine the possibility of learning the words provided in the lexical minimum of a given language through television series of the target language, subtitles in the target language for which are available to the learners or the teacher.

Research in the field of reading comprehension shows, that despite many factors like background knowledge and the sentence structures and paragraphs that might affect the reading comprehension, vocabulary is the most crucial factor¹. Lexical minimums are primarily the collection of the most frequently occurring and thus the most important words of the language required for the learners at a given level and field. Learning the words given in the lexical minimum with the help of mnemonics presents us with the fastest method to learn the most required words in the fastest method of learning.

Learning words alone, though, is not considered the best approach as they can be applied and also more efficiently learnt only when used in sentences of the given language as used in practical situations. Audio-visual material on the other hand is considered to be one of the most impactful medium to learn the usage of words as audiovisual medium provides for involvement of more senses in the remembering of the words as well as giving learners the context

¹ Laufer, B. & Sim, D. "An attempt to measure the threshold of competence for reading comprehension" *Foreign Language Annals*, 18(5), 1985: P. 405-411.

in which they are used. In this article, we examine the possibility of learning the words provided in the lexical minimum of a Russian language through Russian television series, subtitles, for which are available in Russian.

For this we analyzed the total number of words used in a given episode of a series; total words that are covered from the given level; the percentage of words from different levels of 1000 most common words that appear in the series.

The use of TV programs as a material as mentioned above, is in consonance with communicative approach, which is a dominant approach in the L2 learning. An important question that arises while considering TV programs as a teaching material is the word coverage required to enable comprehension of the verbal text present in the TV programs.

It was suggested by Liu and Nation² that 95% coverage is required and 98% coverage is ideal³ for learners for guessing contextual meaning words in a written text. In the study by Donkaewbua⁴, the percentage suggested above rose to 99% word coverage for sufficient comprehension while listening to the text of graded readers. In contrast Bonk⁵ showed that with the adequate usage of coping strategies, learners can achieve adequate comprehension through listening with far below 95% coverage in short texts, on examining listening comprehension with the help of four subsequent short texts with increasing levels of lexical difficulty.

Hanley, Herron, and Cole⁶ showed that students who watched short videos in the French (target language) scored higher on a comprehension test as compared to students who had just heard an instructor read the transcript of the video and showing four pictures related to the context in order to compare the difference between the effects of pictures and video as an aid to vocabulary learning and suggested that video increased comprehension more than pictures as it was more effectively created the link between the L2 form and the L1 meaning, as in the process of 'binding' considered as the base of the communicative approach. Similar findings on the effect of visual aid on comprehension in television programs against listening comprehension have

² Liu, N. and Nation, I.S.P. "Factors affecting guessing vocabulary in context" *RELC Journal* 16, 1985: P. 33-42.

³Nation, P. "Learning vocabulary in another language", Cambridge University Press, 2001.

⁴Donkaewbua, S. "The effects of previous partial word knowledge on vocabulary learning through listening" Ph.D. Thesis, 2007, Victoria University, Wellington, NZ.

⁵Bonk, W. "Second language lexical knowledge and listening comprehension" *International Journal of Listening*, 14, 2000: P. 14-31.

⁶ Hanley, J., Herron, C., & Cole, S. Using video as advance organizer to a written passage in the FLES classroom. *Modern Language Journal*, 79, 1995: P. 57-66.

been found in other studies⁷. Webb and Rodgers⁸ concluded that comprehension through television programs may be easier through listening to a conversation or radio programs owing to the combination of visual imagery as well as aural input thus increasing the possibility of incidental learning.

Nation⁹ found that for the children's movie *Shrek* the first 2000 word families by frequency, accounted for the smallest of 88% coverage, consequently the first 4000 word families (and proper nouns & marginal words) accounted for 96.74% word coverage and the first 7000 word families (and proper nouns & marginal words) accounted for 98.08% of the running words, finally suggesting in the research that a coverage over 98% might be required for comprehension of spoken language. Although a few studies exist on the given subject, as Webb and Rodgers¹⁰ observe, as compared to the studies on the relationship between reading and vocabulary, the research on television and vocabulary is scarce.

TV programs also enable a great deal of 'incidental vocabulary learning'. It was found in a study by Rice and Woodsmall¹¹, that children who watched a 12-min cartoon clip along with the narration featuring 20 target words in L1, as compared to the group of children who watched the same with narration but without the 20 target words scored better on a picture recognition task meant for measuring the acquisition of the target words. Similar results were observed in another study by Koolstra and Beentjes¹² and d'Ydewalle and Van de Poel¹³.

⁷Ibid.

⁸ Webb, S., Rodgers, M.P.H. "The lexical coverage of movies" *Applied Linguistics*, 30 (3), 2009: P. 407-427.

⁹Nation, I.S.P. How large a vocabulary is needed for reading and listening? *Canadian Modern Language Review* 63, 1, 2006: P. 59-82.

¹⁰ Webb, S., Rodgers, M.P.H. "The lexical coverage of movies" *Applied Linguistics*, 30 (3), 2009: P. 407-427.

¹¹ Rice, M. L., & Woodsmall, L. "Lessons from television: Children's word learning when viewing". *Child Development*, 59, 1988, P. 420-429.

¹²Koolstra, C., & Beentjes, J. "Children's vocabulary acquisition in a foreign language through watching subtitled television programs at home". *Educational Technology Research and Development*, 47, 1999: P. 51-60.

¹³ d'Ydewalle, G., & Van de Poel, M. "Incidental foreign-language acquisition by children watching subtitled television programs" *Journal of Psycholinguistic Research*, 28, 1999: P. 227-244.

Many further studies have shown that the possibility of incidental vocabulary learning increases with the number of encounters¹⁴. The frequency of use and occurrence of a word and certain cognitive parameters are connected.

Researches have shown that the more words occur in a context, the more likely they are to be learned¹⁵. The aim, for learners, therefore should be, to learn the words from viewing one episode, thereafter employing repetition through repeated viewings of the same which in turn is expected to have a positive influence on incidental vocabulary learning¹⁶.

Rubin¹⁷ suggested that depending on the visual cues provided in the TV programs the comprehension might fluctuate within and between television programs. Therefore a few TV programs might aid vocabulary learning far better than some others just like a word coverage of 95% and 98% may represent reasonable¹⁸ and ideal¹⁹ comprehension of written text. Koolstra and Beentjes²⁰ also suggested that TV programs that have “clear and grammatically correct language, visual aids for comprehension of word meanings, and subjects that kindle the children’s interest may be stronger than the effects observed”²¹ in the done experiment.

It can be inferred, from the findings of the above researches, that Television programs can be used as a very effective tool for language acquisition. On the other hand, Lexical minimums learned with the help of mnemonics is the fastest way to learn words. Thus combining the fastest way of learning the most important words with the most effective tool to learn the usage of the

¹⁴Horst, M., Cobb, T., & Meara, P. Beyond a clockwork orange: Acquiring second language vocabulary through reading. *Reading in a Foreign Language*, 11, 1998: P. 207-23.

¹⁵ Horst, M., Cobb, T., & Meara, P. Beyond a clockwork orange: Acquiring second language vocabulary through reading. *Reading in a Foreign Language*, 11, 1998: P. 207-23.

¹⁶ Elley, W. “Vocabulary acquisition from listening to stories” *Reading Research Quarterly*, 24, 1989: P. 174-187.

¹⁷ Rubin, J. “A review of second language listening comprehension research”. *Modern Language Journal*, 78, 1994, P. 199–221.

¹⁸ Laufer, B. “What percentage of text-lexis is essential for comprehension?” In C. Lauren and M. Nordman (eds.), *Special Language: From Humans Thinking to Thinking Machines*. Clevedon: Multilingual Matters, 1989.

¹⁹ Nation, I.S.P. How large a vocabulary is needed for reading and listening? *Canadian Modern Language Review* 63, 1, 2006: P. 59-82.

²⁰ Koolstra, C., & Beentjes, J. “Children’s vocabulary acquisition in a foreign language through watching subtitled television programs at home”. *Educational Technology Research and Development*, 47, 1999: P. 51–60.

²¹ Koolstra, C., & Beentjes, J. “Children’s vocabulary acquisition in a foreign language through watching subtitled television programs at home”. *Educational Technology Research and Development*, 47, 1999: P.59.

same. Here it is important to find out to what extent, does a randomly selected Russian television series cover the words present in the lexical minimum of the Russian language. Thus, in this paper the following questions would be answered:

How many running and unique words do occur in a sample TV series?

How many words from the lexical minimum for the beginning level are present in the subtitles of the given episode?

What other kind of words do occur in the television series?

How many words are repeated enough to facilitate incidental learning of the words?

How efficient is the sample episode as material for learning the lexical minimum at a given level?

Method

There are a lot of lexical minimums by different authors made on the basis of different methods or combination of methods for selections of words for the minimum. In this study we have considered the lexical minimum from the Russian national corpus, which is a collections a wide variety of texts oral and written covering different genres providing one of the most comprehensive corpus to base a lexical minimum on. This corpus is also used for various other kinds of research into the practical usage of Russian language.

The volume of a lexical minimums is generally accepted as 2000 words for the first level as this number is considered by many researchers as the level that can be considered as the most frequent words.

There are a lot of website that provide the subtitle files. Although, the list of television series that have subtitles available is not small, not all Television series are covered in all the websites. For the purpose of this paper, we used the website subs.com.ru, and picked a random Russian Television Series 'Отчий Беер' for this paper.

Отчий Беер is a Russian television series of this year i.e. 2017 about the life of a family from a Ural mountain village before, though and after the great patriotic war.

The subtitles of the first episode were downloaded and analyzed to answer the above mentioned questions. Then subtitles for 10 episodes of the series were downloaded and analyzed for the same .

The lexical minimum considered in this case is the lexical minimum based on the Russian National Corpus, as it is the best available corpus with respect to the total number of running words covered and the variety of topics and genres of language use covered. The words from the subtitles from the first episode and later 10 episodes, were tallied against the lexical minimum based on the RNC.

Results

On examining the vocabulary content of the TV series *Отчий берег*, with the help of the subtitle files, it was observed that the first episode consists of 1 hour of video and 3147 total running words, which is equivalent of 5-6 pages of text in Russian language. It consist of 995 unique words with 124 words, repeating at least 5 times, which is the minimum number accepted for the incidental learning by most researchers in a video format. Further, it contains 278 words from the first 2000 most common Russian words, 101 from the 3rd 1000, 63 from the 4th and 43 from the 5th 1000 most common words' group of Russian, which accounts to a total of 484 words i.e around half of the total number of unique or different words from the required spectrum of first 5000 most common words.

Out of the words that do not belong to the most common 5000 words, majority of the words fall in the below 3 categories, there are proper nouns and their derivatives like:

варвара варька варюша варюшечка варя акимов алексей алена аленка алеш алешка алешкин аня анюта аркадий аркадьич бабахин бат батька батя, etc.

Words, which are not frequent but depict commonly occurring concepts like:

Блестать, воровать, воровство, богатырь, божница

And words that are derivative of common words like:

Больничка, водочка, братик

In this episode we also found that a total of 590 words appear just once, which is almost half the total number of unique words but is less than less than 20 percent of the total running words appearing in the full episode, which is comparatively a lesser number and would not hinder the overall understanding as much.

On examining 10 episodes of the given series, the following results were observed that the first 10 episodes consist of 10 hours of video and a total of 25,259 running words, which consists of 4103 unique words. Among these 999 words appear at least 4 times, 1144 words are from the 2000 most frequent words and a total of 2101 from the spectrum of the first 5000 words. In the first 10 episode taken together single appearances reduce to 10 percent of the total running words.

The above results of the experiments help use deduce that a single episode of the sample TV series does account for learning of only a small percentage of the 2000 most frequent words required to be learnt at the beginning level but the basic words are repeated sufficient times for incidental learning.

On the other hand, the words from the most frequent 2000 words account for 25 percent of the total unique words used in the episode. And the remaining 75 percent mainly constitute of: words from the 5000 most frequent words,

proper nouns, commonly occurring things and concepts and derivatives of the common words.

With more episodes, there is an increase in the coverage of the words from the lexical minimum for the basic level. They also account for more repetition of the words and thus resulting in their potentially better comprehension and retention.

Conclusion

Russian television series, if used systematically can serve as greatly effective material for learning of words from the lexical minimums, required to be taught at beginning level.

In this paper, we have taken up a random TV series that is not very famous and also pertains to the historical genre. A well selected, more famous TV series would contain more recent as well as more engaging content in more understandable contexts.

For ease of use and more efficient application, smaller clips of the material can be used repetitively for learning of particular words and the same can be used for different grammar concepts. The subtitles can also be made available in both languages to facilitate a better understanding.

Further more, researchers can develop more efficient methods to grade serials on the basis of their vocabulary content so as to help teachers and learners of foreign language to find more suitable TV series for being used as audio-visual material.

Библиография

- Bonk, W. "Second language lexical knowledge and listening comprehension" *International Journal of Listening*, 14, 2000
- Donkaewbua, S. "The effects of previous partial word knowledge on vocabulary learning through listening" Ph.D. Thesis, 2007, Victoria University, Wellington, NZ.
- Elley, W. "Vocabulary acquisition from listening to stories" *Reading Research Quarterly*, 24, 1989: P. 174-187
- Hanley, J., Herron, C., & Cole, S. Using video as advance organizer to a written passage in the FLES classroom. *Modern Language Journal*, 79, 1995
- Horst, M., Cobb, T., & Meara, P. Beyond a clockwork orange: Acquiring second language vocabulary through reading. *Reading in a Foreign Language*, 11, 1998.
- Jenkins, J.R., Stein, M.L., & Wosocki, K. "Learning vocabulary through reading" *American Educational Research Journal*, 21, 1984
- Koolstra, C., & Beentjes, J. "Children's vocabulary acquisition in a foreign language through watching subtitled television programs at home". *Educational Technology Research and Development*, 47, 1999
- Laufer, B. & Sim, D. "An attempt to measure the threshold of competence for reading comprehension" *Foreign Language Annals*, 18(5), 1985
- Liu, N. and Nation, I.S.P. "Factors affecting guessing vocabulary in context" *RELC Journal* 16, 1985

- Nagy, W.E., Herman, P.A., & Anderson R.C. "Learning words from context" Reading Research Quarterly, 20, 1985
- Nation, I.S.P. How large a vocabulary is needed for reading and listening? Canadian Modern Language Review 63, 1, 2006
- Nation, P. "Learning vocabulary in another language", 2001, Cambridge University Press
- Rice, M. L., & Woodsmall, L. "Lessons from television: Children's word learning when viewing". Child Development, 59, 1988
- Rott, S. "The effect of exposure frequency on intermediate language learners' incidental vocabulary acquisition through reading" Studies in Second Language Acquisition, 21, 1999

Метафорические эвфемизмы в политическом дискурсе: сравнительное изучение русского языка и языка хинди

С. Бенивал

In political discourse various linguistic strategies are used to influence the reader. Metaphorical euphemism is an effective method of alternative representation of reality. The research paper discusses the role and significance of metaphorical euphemisms in the political discourse of Russian and Hindi. The article explores the similarities and differences in the creation of metaphorical euphemisms in the political discourse of Russian and Hindi.

Язык представляет собой мощное орудие воздействия. Волонтактивная функция или функция воздействия является одной из важнейших социальных функций языка кроме коммуникативной, когнитивной, эмоциональной и аккумулятивной функцией. Изучение языка политики в настоящее время представляет особый интерес, потому что язык в политическом дискурсе наряду с информационной функцией немаловажно выполняет воздействующую функцию.

Средства языковой выразительности является основными способами реализации речевого воздействия в политическом дискурсе. При этом эвфемизм и метафора используются широко в политическом дискурсе с целью воздействия на аудиторию и управления восприятием действительности. Эвфемизм - это стилистический троп, который употребляется для словесного смягчения грубого или неприличного слова, или выражения. Эвфемизмы – «Это такие явления языка, которые, употребляясь вместо запрещенных табуированных номинаций, разрешены нормами речевого поведения, социально-приемлимы, конвенциональны»¹. Можно сказать, что употребление эвфемизмов вызвано требованиями норм речевого поведения и позволяет снять эмоциональную напряженность в коммуникации.

В языкознании тема эвфемии начали рассматривать в последнее десятилетие XX века. Л. П. Крысин, 1994; Е. И. Шейгал, 1997; В. П. Москвин, 1999; Е. П. Сеничкина, 2012 описали способы образования эвфемизмов в русском языке. Теоретические основы явления эвфемии описаны в работах Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского и А. А.

¹ Вильданова, Г. А. (2015). *Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект*. Москва-берлин: «директ-медиа». С. 13.

Реформатского. Л. П. Крысин впервые предложил полную классификацию эвфемизмов и способы их создания и В. П. Москвин дальше развивал эту классификацию и способы их образования. В русистике также выявлены и описаны основные средства эвфемизации в русском языке и разные сферы т. е. личные и социальные сферы эвфемизации речи. Многие лингвисты разделяли метафору как основной способ образования эвфемизмов в языке. Американские лексикографы Дж. С. Нимэн и К. Дж. Сильвер считают метафорический перенос основным способом эвфемизации речи. Они приводили следующие способы образования эвфемизмов: 1. Использование иноязычных, особенно греческих и латинских заимствований 2. Генерализирующая номинация: (например - growth (новообразование) вместо cancer (рак) 3. Метонимическая номинация 4. Метафорический перенос 5. Аббревиация².

В. П. Москвин наиболее полно рассматривал вопрос о способах образования эвфемизации речи. В своей работе «Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка», он подразделил приемы эвфемизации на четыре разряда. По Москвину, эвфемистическая зашифровка возникает на основе: 1. нарочито двусмысленной речи (при использовании металеписа, незамкнутой метафоры, паронимической замены, антифразиса); 2. нарочито неясной речи (с этой целью могут быть употреблены прономинализация, перенесение с рода на вид, антономасия, эллипсис, искусственная книжность); 3. нарочито неточной речи (этому могут служить перенесение с вида на вид, с целого на часть, мейозис); 4. речи, не отягощенной бытовыми ассоциациями³. Ясно, что он как и многие другие лингвисты выделяет метафору как основной вид образования эвфемизмов который возникает на основе нарочито двусмысленной речи.

В языке хинди существует мало исследовательских работ, которые посвящены изучению теории эвфемизмов. Теоретические вопросы эвфемии были описаны в работах «भाषा विज्ञान» лингвиста Бхола Натха Тивари и «भाषा विज्ञान एवं भाषा शास्त्र» Капила Дева Дживеди.

² Neaman, J. S., & Silver, C. G. (1983). *Kind words: A thesaurus of euphemisms*. New York: Facts on File, Inc.

³ Москвин В. П. (2001). Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования. Вопросы языкознания № 03. РАН. «Наука». Москва. С. 58-70

Эвфемизмы в политическом дискурсе:

Эвфемизмы используются во многих сферах общения однако их использование в политическом дискурсе имеет свои особенности. Основной целью их употребления политическими деятелями является скрытое воздействие на адресата в интересах говорящего. Подобно Крысину и Москвину, И. Р. Гальперина считает эвфемизацию деликатным способом выражения что-либо неприятного. По ней цель этих эвфемизмов - обмануть общественное мнение.

Можно сказать, что эвфемизация – стилистический ресурс языка который реализуется в политическом дискурсе в основном на лексическом уровне с помощью различных лингвистических стратегий. Описательный перефраз, генерализация, метафоризация, метонимизация, употребление сложных малопонятных терминов и заимствование являются основными способами реализации эвфемии. Метафора является наиболее распространенным видом эвфемизации.

Как известно, слово является мощным орудием воздействия. Метафорические эвфемизмы представляют собой действенный способ альтернативного представления действительности и таким образом являются основной частью речевого воздействия. Необходимость соблюдения правил культурной корректности, воздействие на адресата и скрытие неприятных сторон действительности представляют собой основные мотивы их употребления в общении, однако в последнее время тенденция использования метафорических эвфемизмов как средство воздействия и манипулирования становится все более интенсивной.

В данной статье рассматриваются эвфемизмы, образованные на основе метафоризации и значимость метафоры в образовании эвфемизмов. В статье также обсуждается вопрос о роли метафорических эвфемизмов и раскрываются особенности использования метафорических эвфемизмов в политическом дискурсе в русском языке и языке хинди и выявляются сходства и различия в создании метафорических эвфемизмов в политическом дискурсе русского языка и языка хинди.

Метафорический эвфемизм - Метафоры и эвфемизмы когнитивно связаны. Термин «метафорический эвфемизм» объясняет лингвистическое и когнитивное отношения эвфемизма и метафоры. Можно определять метафорический эвфемизм следующим образом “Term ‘Metaphorical Euphemism’ refers to a euphemism that adopts metaphorical mapping of both source and target domains to express the notion of a forbidden domain as a result of conscious choices from pragmatic

competence”⁴. Метафорические эвфемизмы часто используются для риторических целей в политическом дискурсе.

Паул Чилтон пишет в своей статье “Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language”, что “Metaphor and euphemism are fundamental 'devices in ideological discourse because they are already fundamental in the everyday interactions and everyday cognitive work of our human cultures”⁵. Он дальше пишет, что “It is certainly the case that metaphor and euphemism are overlapping categories: euphemisms may be, and often are metaphors; and conversely metaphors, because they focus selectively on certain aspects of reality, selectively suppress certain other aspects”⁶. Он объясняет свою точку зрения с помощью примера что фраза 'deliver a package of missiles' является и метафорическим и эвфемистическим. Он считает, что “Metaphor and euphemism are the twin complementary poles of discourse, and not as Jacobson (1956) implied, metaphor and metonymy”⁷.

По нашему, эвфемизмы образуемые посредством метафорических переносов можно назвать метафорические эвфемизмы и цели употребления метафорических эвфемизмов может быть и смягчение речи и воздействие на адресата. На наш взгляд, метафорический эвфемизм является часто используемым лингвистическим средством и по большей степени служит целям описания сложных отрицательных ситуаций в политике путем использования приятных слов.

В статье метафорические эвфемизмы анализируются в рамках концептуальной теории метафоры, которая предложила Лакофф и Джонсон (1980). Классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» («Метафоры, которыми мы живем») играет важную роль в теории когнитивного подхода к изучению метафоры в современной когнитивистике. Специалистами по когнитивной лингвистике книга «Метафоры, которыми мы живем» считается Библией когнитивного подхода к метафоре. Здесь, важно отметить, что «современная когнитивистика рассматривает метафору как важную (а в некоторых концепциях - даже основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли с

⁴ Lee, A. P.-J.(2011). Metaphorical Euphemisms of Relationship and Death in Kavalan, Paiwan, and Seediq. *Oceanic Linguistic*, Vol. 50, No. 02 , P. 351.

⁵ Chilton, P. (1987). Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language. *Current Research on Peace and Violence*, Vol. 10, No. 1, WAR, PEACE & CULTURE, P. 14.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

помощью метафор, используя их эстетический потенциал, но и мыслит метафорами, познает с их помощью тот мир, в котором он живет»⁸.

Метафорические эвфемизмы русского языка и языка хинди в политическом дискурсе: в этой части статьи, метафорические эвфемизмы разделяются на разные подгруппы на основе семантики метафорических концептов как «гигиена», «медицина», «путешествие» и. т. д. Здесь один концепт метафорически структурирован в терминах другого.

а) Метафорические эвфемизмы на основе «гигиены»:

Интересно заметить, что эвфемизмы в политическом дискурсе обоих языков часто создаются на основе гигиенических метафор. Примерами метафорических эвфемизмов на основе «гигиены» могут служить в русском языке нижеописываемые словосочетания – «чистая бомба», «убрать», «физически устранить», «этнические чистки», «зачистить» вместо убить и «устранение», «зачистка территории» вместо «убийство».

В языке хинди также существует корреляционный ряд эвфемизмов, которые созданы на основе метафоры гигиены. Например:

- “एक बम से 36 आतंक की साफ!”⁹.
- “स्थानीय पुलिस की ख़फ़िया सूचना से लैस सेना घाटी में आतंकीयों के पूरे सफ़ाये के लिए "ऑपरेशन आल आउट" चला रही है”¹⁰.
- “सू ची ने रोहिं ग्या मुलसमानों पर अत्याचार और हिंसा पर कहा था कि म्यांमार में जातीय सफ़ाया नहीं हो रहा है”¹¹.

В отличие от русского языка, в языке хинди отсутствует оксюморон «чистая бомба».

б) Метафорические эвфемизмы на основе «медицины»:

Многие эвфемизмы образуются на основе медицинских метафор в русском языке. Например: «операция», «специальная операция», «миротворческая операция», «гуманитарная операция», «антитеррористическая операция», «стратегическая операция».

В языке хинди также употребляются эвфемизмы на основе медицинских метафор. Например:

⁸ Будаев, Э. В., & Чудинов, А. П. (2010). Метафора в политической коммуникации. *Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры* (р. 238). Екатеринбург: ГОУ ВПО "УрГПУ". С.31.

⁹ Aaj tak. <https://aajtak.intoday.in/video/bagdad-america-terrorist-moab-bomb-1-923460.html>. (accessed 14 April, 2017).

¹⁰ Dainik Jagran. (accessed 02 August, 2017).

¹¹ Bbc Hindi, <http://www.bbc.com/hindi/international-41170229>. (accessed 06 September 2017).

- “सूत्रों ने बताया कि यह अभियान पिछले साल तीन महीने तक चले 'ऑपरेशन रुस्तम' की तर्ज पर था”¹²
- “सर्जिकल स्ट्राइक के बाद पाक सेना की गोलाबारी का जवाब देने के लिए यह ऑपरेशन शुरू किया गया था। बीएसएफ के जवाब के कारण पाक रैंजर्स को सफेद झंडा दिखाने पर मजबूर होना पड़ा था”¹³!
- “31 जुलाई को चलाए गए इस सर्च ऑपरेशन के बाद शुरुहु ईमुठभेड़ में सुरक्षा बलों ने यह बड़ी कामयाबी हासिल की है”¹⁴

в) Метафорические эвфемизмы на основе «цвета»:

В человеческом мышлении во основном светлый ассоциируется с положительным и темный во основном обозначает что-то негативное. Примеры данных метафор можно объяснить на основе оппозиции «светлый – темный». Например в русском языке употребляются такие эвфемизмы как «*теневая экономика*» (отсутствие света) - экономика, основанная на преступных действиях.

Подобно вышеописываемому, цвета как серый и черный обозначает негативное явление. Многие метафорические эвфемизмы образуются в обоих языках на основе концепта «цвета». Например: эвфемистические выражения в русском языке - «*серый рынок*», «*черный рынок*» эвфемистически заменяет «преступный рынок» и «*черная касса*» вместо «незаконное хранение и использование денежных средств».

В языке хинди также таких метафорические эвфемизмы понимается с помощью моделей “Good is light” and “Bad is dark”. Например, в языке хинди существуют такие выражения как “*काला धन*”, “*ग्रे मार्केट*”, “*छाया अर्थतंत्र*”, “*काला बाज़ारी*” которые эвфемистически обозначают негативные явления экономики. Эквивалентом русского метафорического эвфемизма «теневая экономика» является “*छाया अर्थतंत्र*” в языке хинди.

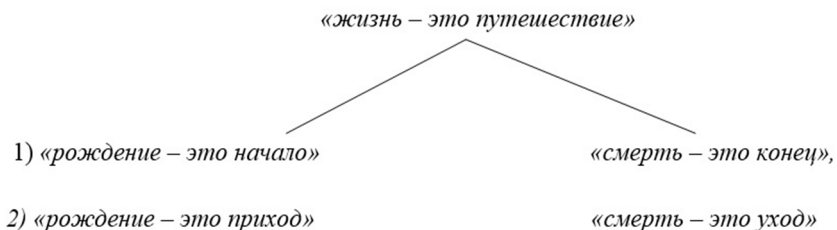
¹² Navbharat Times, <https://navbharattimes.indiatimes.com/india/bsfs-operation-arjun-targets-border-farms-homes-of-pak-officers/articleshow/60848651.cms> (accessed 27 July, 2017).

¹³ Ibid.

¹⁴ Jansatta, <http://www.jansatta.com/rajya/jammu-kashmir/army-operation-all-out-full-on-kashmir-lashkar-commander-abu-dujana-is-119-of-258-militants-in-the-army-kill-list/391369/> (accessed 01 August, 2017).

г) Метафорические эвфемизмы смерти в русском языке и в языке хинди:

Тема смерти является самой эвфемизирующей в языках русском и хинди. Существует ряд эвфемистических выражений образованные на основе различных метафорических концептов как «смерть – это уход», «жизнь – это путешествие» в обоих языках. Метафорические эвфемизмы на основе концепта «путешествия» используются в обоих языках, чтобы эвфемистически обозначать смерть. Можно иллюстрировать данный метафорический концепт «жизнь – это путешествие» следующем образом с помощью ниже-данной схемы. С помощью данной схемы, легко понять примеры метафорических эвфемизмов в обоих языках т. е. в русском языке и в языке хинди.

Примеры:

В русском языке используются эвфемизмы и эвфемистические выражения на основе концептуальной метафоры «смерть – это уход». Например, «уход из жизни», «отправиться на тот свет», «уйти к праотцам», «уйти в мир иной», «уйти от нас», «уйти из жизни», «уйти в могилу», «уйти в лучший мир» и. т. д.

В русском языке существуют эвфемизмы на основе концептуальной метафоры «смерть – это конец». Например, используются эвфемистические выражения как «кончина», «конец жизненного пути» вместо *смерть* и «скончаться» вместо умереть.

В языке хинди используются метафорические эвфемизмы на основе концептуальной метафоры «смерть – это конец жизненного пути». Например, смерть обозначается эвфемистически как “आखिरी सफर करना”, “अंतिम यात्रा” и “अंत”.

В индийской философии смерть также принимается как вечная жизнь, поэтому существует такое эвфемистическое выражение как “अनंत की यात्रा प्रारम्भ करना” и обозначает начало бесконечного путешествия.

Заключение

Из анализа метафорических эвфемизмов русского языка и языка хинди, ясно что существует множество сходств чем различий в образовании метафорических эвфемизмов в обоих языках. Можно сказать, что существует концептуальный метафорический базис эвфемизмов, который является общей для разных языков. Семантика эвфемизмов формируется на основе системы метафорических концептов и чаще всего метафорические эвфемизмы употребляются в тех случаях, когда прямое название объекта считается неуместным по разным причинам поэтому процесс вторичной номинации становится активным.

Bibliography

- Aaj tak
- Bbc Hindi
- Dainik Jagran
- Jansatta
- Navbharat Times
- Chilton, P. (1987). Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language. *Current Research on Peace and Violence*, Vol. 10, No. 1, WAR, PEACE & CULTURE, pp. 7-19.
- Lee, A. P.-J. (2011). Metaphorical Euphemisms of Relationship and Death in Kavalan, Paiwan, and Seediq. *Oceanic Linguistic*, Vol. 50, No. 02, pp. 351-379.
- Neaman, J. S., & Silver, C. G. (1983). *Kind words: A thesaurus of euphemisms*. New York: Facts on File, Inc.
- Будаев, Э. В., & Чудинов, А. П. (2010). Метафора в политической коммуникации. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры (р. 238). Екатеринбург: ГОУ ВПО "УрГПУ".
- Вильданова, Г. А. (2015). Эвфемия и принцип вежливости в современном английском языке: гендерный аспект. Москва-берлин: «директ-медиа».
- Ковшова, М. (2007). *Семантика и прагматика эвфемизмов*. Москва: Гнозис.
- Лакофф, Дж., & Джонсон, М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. - Москва.: Едиториал УРСС.
- Москвин, В. П. (2010). Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Москва: Ленанд.

A New Methodology of Developing the Translator's Skills: *ab initio* Russian for Translation Purposes

A. Ponomareva

This article is dedicated to discussing a number of issues related to the translator's training at university level. Its focus is on providing insights into teaching a language course, ab initio Russian for Translation Purposes, in which the importance of translation theory and techniques is emphasised. A new methodology of developing translation skills, fusion translation, is introduced and explained. The course is part of the Masters' degree programmes in Translation and Translation Studies at the University of Surrey in the UK.

Teaching a modern foreign language for specific purposes has already been part of different curricula at British universities for decades. It was primarily intended for reading and largely for students of Science and Engineering in order to help them have access to technical texts published in languages other than English. However, at the turn of the 21st century the same idea, having a particular angle in teaching an additional language, moved to the centre of attention of Translation scholars. This time Gunilla Anderman and Margaret Rogers, who closely worked with the late Peter Newmark at the University of Surrey in the UK, decided to use it for the benefits of MA Translation students. They provide strong arguments in support of the idea in their publications. For example, Anderman and Rogers (2000) underline the importance of studying languages by future translators as this develops their analytical skills. Thus, at first *ab initio* Norwegian for translation purposes has been introduced and then Portuguese at the Centre for Translation Studies at the University of Surrey. In 2014, when the author of this article joined the team of Teaching Fellows there, the same principle of the maintenance of contrast analysis between distinct or close languages has been put in the foundation of the similar course in Russian.

While the article will outline *ab initio* Russian for translation purposes, it is not going to discuss the course in detail. It aims to focus on methodological issues corresponding to the analyses of students' first attempts in translating general texts from Russian into English in which a particular emphasis is on their creativity and on their finding multiple solutions for solving translation problems.

General Description of the Course

The title of the course, *ab initio* Russian for translation purposes, clearly indicates that it has been designed for the specific objective, i.e. to enrich the academic experience of MA Translation students by introducing valuable

practical elements related to their profession while they study another modern foreign language from the basics. In other words, it is essentially pragmatic from the beginning.

The length of full-time Masters' programmes in the UK is usually one year. It is divided into three semesters. All teaching takes place during the first two semesters while the third one is dedicated to a largely independent writing of dissertation. The academic calendar of the University of Surrey has 22 teaching weeks: 11 weeks in each semester.

In many ways semester 1 is dedicated to grammar as Russian is renowned for its peculiar language rules. Nicolas Brown's textbook (1996) is chosen to introduce the Russian grammar because of his clear explanations of the subject. The course has a distinctive structure as time constraints are paramount. First three weeks are needed to make students comfortable with the Cyrillic alphabet. Usually by week 7 it becomes clear that the group is ready to face some basic translation exercises. A short class test which generally consists of translating 20 simple sentences from Russian into English marks the turning point of studying Russian as a modern foreign language into studying it for translation purposes. An exam in January prepares the students in its own way to be ready for more skill-based exercises in semester 2.

Studying grammar continues in semester 2. However, practical translation tasks occupy their prominent place in class and home activities. Normally students are asked to translate independently short general texts from Russian into English. They send their translation to me in order to receive my comments. Usually I do not annotate their translations separately; a 'fusion translation' is created instead in which the creativity and various translation techniques of each student are praised. At week 9 of semester 2 students do their mock exam: it is the translation of a text similar to the one which they will have at exams at the end of their course. This is a useful practice that teaches students to plan their work and deliver it on time under the pressure of exam conditions. The mock exam is properly marked and feedback is provided. The end of the course exam takes place during the university summer exam session and consists of translating a general text of 300 words during which the use of online dictionaries is allowed.

What Is Fusion Translation: Its Theoretical Background

This section of my article explains the rationale of choosing a particular setup in order to analyse students' translations and teach them various practical skills. It also clearly demonstrates how my teaching has been enhanced by

my recent research on translation methods¹ as well as on literature and music.²

When talking about translation in class, it is impossible to avoid mentioning Venuti's work. His book (1995/2008) is important for the studies of translation theory: in it he propagates the visibility of the translator and questions the idea of equivalence, a relationship between the source and target texts. Within Venuti's agenda it looks that equivalence is not a necessary and sufficient criterion of a good translation. Thus, leaving aside this idea, one is able to understand better their other relationships; in particular to evaluate a number of parallels in the original text and its translation.

Reading Hofstadter's book on language and translation *Le Ton beau de Marot: In Praise of the Music of Language* (1997) has added another dimension to my understanding of translation: it is the one of music. Thus, influenced by Hofstadter's ideas, I decided to look at translation through the prism of music.

For example, music can offer interesting perspectives on the original. First of all, it is usual that different musicians play the same musical composition. Secondly, their readings of the original score are varied and musicians are praised, not criticised, for their art of interpretation. Further insights into musical techniques in order to identify some patterns there have indicated possibilities that suggest a new methodology of teaching practical translation skills. According to it, several target texts of the same source text might be perceived as various interpretations in which the original is heard in a number of variations. This provides opportunities to talk about translation as a creative, rather than a copying, activity.

The new methodology also uses one particular masterpiece as its model. It is Bach's *Goldberg Variations* (1741), a composition which has an aria, the main theme, and 30 variations; each variation is the preservation and development of few patterns of the aria. I started to apply this methodology to teaching Practical Translation modules (Medical, Technical, and Scientific Translation) at the Translation Studies Unit of Imperial College London in 2007. In 2014 the same methodology has been introduced to teach *ab initio* Russian for translation purposes at the University of Surrey.

¹ Ponomareva, Anna. "Vikram Seth's *Golden Gate* as a Transcreation of Alexander Pushkin's *Eugene Onegin*", in Teresa Seruya and José Justo (eds). *Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition & Culture*. Heidelberg: Springer-Verlag GmbH, 2016: 219-232.

² Ponomareva, Anna "Edvard Grieg and Andrey Belyi's Northern Symphony". *Studia Musicologica Norvegica* 33. 2007: 52-58.

There is a strong belief that tutors' commentaries play a crucial part in the education of future translators. My teaching implements this idea. To a certain extent, I have introduced the meaningful structure of Bach's *Goldberg Variations* to translation pedagogy when I usually create a big document - a fusion translation- from a number of translations of one particular text done by a group of students. In this form, each individual work is praised and might be seen as being a valuable contribution to the model translation. The fusion translation consists of the whole source text divided into separate sentences. Each sentence has its target translations submitted by students. For example, if there are three students in a group each aria, or a source sentence, has three variations, corresponding translated sentences in a target language.

What is Fusion Translation: Its Practicalities

The focus of this section is to provide examples from students' work and the tutor's comments that emphasise the importance of fusion translation as a valuable methodological tool in teaching translation skills. Three short extracts are provided; they are based on our extended translation homework (about 400 words), a task that students are offered to complete during their Easter vacations, usually after the first seven weeks in semester 2.

The text is a script of one episode from *38 Parrots*, a series of ten children's cartoons produced in the former Soviet Union between 1976 and 1991 by Soyuzmultfilm, an animated film studio. The fact that the cartoons are available on YouTube makes the translation task more attractive to students as the majority of them are used to online information. What is also important is that the characteristics of the genre of *38 Parrots*, a literature for children, are covered by another course, Translation and Culture, and to some extent the Easter homework provides valuable insights to the genre from the translator's point of view.

Example 1.

It consists of three original short sentences in which the main characters of the story are introduced (marked as ST), and followed by their translations suggested by five students (TT1, TT2, TT3, TT4 and TT5).

ST ...Слонёнок, Попугай, Удав и Мартышка жили в Африке. Каждый день они собирались и придумывали что-нибудь интересное. Или просто разговаривали.

TT1... A baby elephant^, a parrot, a boa and a monkey* lived in Africa. They would get together every day and come up with something interesting. Or quite simply, they just talked.

*[my comment]: Would not it be better to use these words as characters' names?

TT2 ... Baby Elephant^, Parrot, Snake** and Monkey all lived together in Africa. Every day they met each other to do something

interesting or even just to talk.

******[my comment]: Удав is a masculine noun in Russian.

TT3 ...A baby Elephant[^], a parrot^{***}, a boa constrictor^{***#} and a monkey^{***} lived in Africa. Every day they met and came up with something interesting. Or quite simply, they just talked.

******* [my comment] Would not it be better to use these nouns as characters' names and to write them with capitals letter, similar to 'a baby Elephant'?

[my comment] Do not you think that the use of the long name is suitable for children?

TT4 Little Elephant[^], Parrot, Boa and Monkey lived in Africa. Every day, they would meet up and come up with something interesting to do. Sometimes they would just chat.

TT5 Little Elephant[^], Parrot, Boa and Monkey lived in Africa. Every day they got together and came up with something interesting to do. Or they were simply talking.

[^] [my comment applies to all translations] I like your ideas to preserve the diminutive form of слонёнок in your translations into English.

Example 1 illustrates the layout and points to benefits of fusion translation, in which translation problems and good solutions are easily identifiable. A quick look at all translations indicates that the main problem here is the translation of personal names. It is true that *38 Parrots* is about animals, not human beings. However, they behave in the story as humans. In addition to this, it should be mentioned that literature for children usually operates with peculiar characters but they all need to be named. That is why in my commentaries it is suggested to use capitals letters for terms related to the representatives of a particular group of beasts or birds. Thus, for instance, it will be more appropriate to change 'a parrot' into 'Parrot'. This small change transforms the bird into the character of the story which can be addressed by his or her name.

My other comments here are related to the preservation of gender and the use of diminutives wherever these are possible and to the peculiar choice of terms in order to match the reader's expectations and the state of vocabulary. For example, a boa and a snake are not gender-specific nouns in English, but their corresponding Russian terms have the grammatical indicators of gender: удав is a masculine noun (because of its so called zero-ending) and 'boa' depicts this more appropriate than 'snake', which is translated as a feminine noun змея (meanwhile, there is also its masculine version, змей, in Russian).

The fusion translation of example 1 also indicates that students have understood the presence of the diminutive suffix ‘-ик’ in слонёнок. They should be praised for having spotted that this subtext is embedded in the particularities of Russian nouns. My commentary marked as ^ praises the two suggested solutions - the inclusion of ‘baby’ or the addition of ‘little’ - in order to indicate that this character is not a grown up elephant.

Example 2.

It operates with the same abbreviations (ST and TT) as example 1. There is only one sentence which includes direct speech.

ST - Нет, вы меня не поняли! – замахала руками Мартышка.

TT1 “No, you misunderstand me!” said the monkey as it* waved**.

* [my comment] Is this the correct pronoun for ‘monkey’?

** [my comment] Why you decided to omit ‘руки’?

TT2 "No, you didn't understand me!" said Monkey, waving her^ arms.

TT3 "No, you didn't understand what I meant!", said the monkey, waving his^ hands.

TT4 “No, you’ve misunderstood me!” exclaimed Monkey, waving her^ arms.

TT5 No, you did not understand me! – Monkey waved her^ hands.

^ [my comment applies to translations TT2-TT5] How we can justify that ‘monkey’ is she or ‘he’?

The fusion translation indicates that the most challenging part here is the appropriate description of what Monkey has used to wave. Both terms, arms and hands, can be applied: monkeys are primates. However, English is more precise than Russian and demands to have a possessive determiner in front of the noun. There are three options there: its, his or her; ‘his’ and ‘her’ are gender-specific, and ‘its’ refers to things or animals.

Example 3.

This short passage from the original is the most difficult to translate as it includes a counting-out rhyme which children usually use when they play a game of hide and seek.

ST Мартышка закрыла руками глаза и закричала:

Раз, два, три, четыре, пять!

Начинаю вас не знать!

Расходитесь, разбегайтесь,

Чтобы встретиться опять!

TT1 The monkey covered her eyes with her hands and screamed,
“One, two, three, four, five! I am beginning to forget you all!
Disperse! Run away! Let’s meet again*!”

* [my comment] It is acceptable, but the ST looks like a nursery rhyme.

TT2 The Monkey closed her eyes and shouted:

"One, two, three, four, five!

I'm beginning to not know you!

Friends disappear, be gone,

So that we can meet again**!

TT3 The monkey covered her eyes and shouted:

"One, two, three, four, five!

I'm beginning to forget who you are!

Go, run off,

so we can meet again**!"

** [my comment applies to translations TT2 and TT3] You made good efforts to translate Monkey’s poem.

TT4 Monkey covered her eyes with her hands and cried:

“One, two, three, four,

I don’t know you anymore.

Walk away, run away,

Back together like before***!”

TT5 Monkey closed her eyes with her hands and started singing:

One, two, three and four!

I do not know you anymore!

Run, run, run away!

So we can meet again***!

*** [my comment applies to translations TT4 and TT5] It is commendable that you have tried to preserve nearly all prosodic elements of Monkey’s verse.

The translation fusion in example 3 demonstrates students’ creativity and their good intentions and professional skills in order to make Monkey’s counting-out rhymes fully accessible to the reader. It shows that there is unpractical to target and maintain equivalence as a relationship between the ST and their versions of TTs can be more complex. For example, it is correct to interpret Monkey’s action of закричала as shouted, screamed and cried as they all indicate the character’s unusual and strong sounds in order to send a

clear message to its friends. ‘Started singing’ is also fitting: firstly, it preserves the meaning of the Russian prefix ‘за-’ correctly; secondly, it twists Monkey’s shouting into singing in which the idea of Monkey’s unusual behaviour or nursery rhymes or the hide-and-seek game is delicately cherished. Moreover, the student who offers this interpretation also arranges Monkey’s shouts into a song. Her rationale is not entirely clear to me, but I suspect that for today’s British youth, songs are more lyrical than poems as the contemporary poetry in English is unrhymed.

Discussing another verb, закрыла, which describes the first Monkey’s action in the ST sentence, is also beneficial for my students. This time our focus is on omission, another translation technique, as some versions do not use ‘hands’ in their interpretations. Among a number of questions to be addressed here are the following: is omission justifiable; will it be compensation for the missed word or term provided somewhere else? The issue of addition and omission further develops when the group analyses Monkey’s four lines of verse.

When these four lines were discussed in class it became obvious that behind students’ use of various translation techniques, the mentioned two ones and substitution, was an idea of recreating in English Monkey’s strange words and expressions in Russian. In this context it is easily justifiable to substitute ‘not know’ by ‘forget’, ‘meet again’ by ‘meet together like before’ and also to omit ‘walk’ as usually the hide-and-seek game applies quick actions.

In addition to discussing translation problems related to the preservation of the original meaning, example 3 provides cases when students have understood the directions and forms of Monkey’s verbs of motions, in particular the polite requests, or commands.

The article examines a number of points related to teaching a new course, *ab initio* Russian for translation purposes, to MA Translation and Translation Studies students at the University of Surrey in the UK. It points to the necessities of mixing theoretical and practical elements in delivering the course. It also explains the author’s rationale and intention in searching for new ideas in order to address translation issues by language pedagogy.

The main part offers insights into fusion translation, a new methodology that values each individual translation and praises students’ creativity. The creation, maintenance and use of fusion translation are further explained by three samples of students’ translations from Russian into English. These examples help understand the importance of contrast analysis in educating the future translator and developing his or her professional skills.

Bibliography

- Anderman, Gunilla and Margaret Rogers. “Translator Training between Academia and Profession: A European Perspective”, in Christina Schäffner & Beverly Adab

(eds). Developing Translation Competence. John Amsterdam: Benjamins Publishing Company, 2000: 63-76.

- Brown, Nicolas. The New Penguin Russian Course. London : Penguin Books, 1996.
- Hofstadter, Douglas (1997) Le Ton beau de Marot. In Praise of the Music of Language. New York: Basic Books, 1997.
- Ponomareva, Anna “Edvard Grieg and Andrey Belyi’s Northern Symphony”. *Studia Musicologica Norvegica* 33. 2007: 52-58.
- Ponomareva, Anna. “Vikram Seth’s *Golden Gate* as a Transcreation of Alexander Pushkin’s *Eugene Onegin*”, in Teresa Seruya and José Justo (eds). *Rereading Schleiermacher: Translation, Cognition & Culture*. Heidelberg: Springer-Verlag GmbH, 2016: 219-232.
- Soyuzmultfilm. 38 Popugaev (38 попугаев – in Russian). Moscow: Soyuzmultfilm, 1976-1991. Web.23 December 2017
<<https://www.youtube.com/watch?v=C2DwgxkOuw4>>
- Venuti, Lawrence. *The Translator’s Invisibility: A History of Translation*. London and New York: Routledge, 1995/2008.

The Role of Culture in Translation

S. Kumar

Culture is one of the most important elements of literary translation. It has come to encompass various aspects of our lives – beliefs (ideological, religious), social practices and behaviour, norms, customs, values, food habits, superstitions, prejudices, music, painting, literature, cognitive process and language. The political, social and economic situation of a region also significantly affects its culture. A change in geographical location also affects culture and language, therefore it is very difficult to convey the cultural elements from one language into another language, as one culture differs from another due to its characteristics.

The paper analyses the role of culture in translation. As translation is done with help of equivalence between source and target languages, it becomes very important to find the most suitable equivalent element of source language in translating language, so it can convey the same meaning but sometimes the absence of the element of one culture in another culture makes the translating process difficult. The paper tries to find some appropriate solutions of the problems of cultural nuances in translation.

Translation is a very complex process. According to Fyodorov, the word translation has two meanings. First, it means the process of translating, in which our mind transforms the statement or original text from source language into target language. Second, it means the translated text, which has come out of the given process,¹ i. e. translation is the process and besides that the result of that process. The process of translation evolves different types of transformations, inclusions, omissions etc. to give the complete meaning from source language (SL) to target language (TL).

Since the research involves translation of works of literature, it is meaningful to define literature also. “Literature is an art of words. It means any type of work of people’s thoughts in written form, whose purpose is to entertain and sometimes to show morale and teach people.”² Literature is one of the forms of art, which is expressed in words distinguishing it from other forms of art like painting, expressed through colours and sketches, dance through

¹ Федоров, А.В. *Основы общей теории перевода*. Учеб. пособие. Филология три. М. 2002. С. 13.

² Banerjee, Ranjana. *In the World of Russian Writers*. Prakashan Sansthan. New Delhi. 2004. P. 101.

different movements and poses of body, music through different sounds etc. Literature can be felt not by emotions as other forms but by intellect.”³

Literature is usually also the mirror of the culture and the society to which the author belongs. Thus, any work of this art is the representative of one's culture and society. In the present era of globalization, when the world has become like a global village, everyone wants to know the culture of other countries, their life style, their working style, religion, traditions and rituals, and for this we need to read their literature. So in absence of the knowledge of the foreign language translation helps us in reading foreign literature. As we are aware, translation plays a very big role in transferring information and knowledge from one language to another language, from one culture to another, it helps us to come close to that culture.

Culture, an integral part of our lives, significantly influences our language. The term ‘culture’ was derived from the Latin word; cultura’ which in turn came from ‘colere’ - primarily meaning to cultivate, develop, nurture and inhabit. Connotations of the term ‘culture’, way of life of people, living in a particular geographic location and time, vary from one language to another. Stepanov points out that the meaning of the word is closer to the French word ‘civilisation’ than ‘culture’. ⁴

As we know territory-wise India and Russia are very big countries. Their history, geography, climate are different and they strongly differ from each other in every aspect of life and therefore, their culture also varies. All these features of the culture are openly visible in any work of their literature, so transferring the things, understanding and mentality of one culture into another becomes sometimes very difficult and sometimes impossible. Our paper is an attempt to understand the problems, which come in the process of translation.

‘Culture is one of the most important aspects in the process of translation because culture includes in itself religion, traditions, rituals, language, folk system, holidays, society, habits and behaviour, food and clothing, history’⁵ and therefore it is very difficult to convey the cultural elements from one language into another language, as one culture differs from another due to its characteristics. Climate, geography, economics and all other physical characteristics of the society also affect the culture and due to these elements food, clothing, building architecture, habits of cultures differ and to transfer them into the language of another culture becomes very difficult.

³ <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/literatura/?q=458&n=110> (28/06/2013, 16:13). Translation is mine.

⁴ Степанов, Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*. М. 1997. С. 13-15.

⁵ Arun, K. *Culture and Civilization*. University of Calicut. SDE. Kerala. 2011. P. 05-06.

As culture and language are closely related, it is reflected in texts and their translations. Although a correct transformation of the cultural aspects in a text is of utmost importance in translation, it is often difficult to find equivalents for the elements of one culture in another. Non-technical or literary texts are culturally richer than technical ones; hence, they are harder to translate. Given that literary texts are largely based on emotions, literary translation can be considered as an act of transferring emotions from one culture into another.

Further we are going to examine below some examples which contain the original text and their translation with explanation of cultural nuances.

1. Она затапливает **русскую печь**, лезет в подполье за картошкой, бежит в амбар за мукой, ставит в печь разные чугуны, готовит пойло для теленка, дает корм корове, свинье, курам, доит корову, процеживает сквозь марлю молоко и разливает его по всевозможным банкам и склянкам - она делает тысячу дел и ставит **самовар**.⁶

1. वह **रूसी भट्ठी** जलाती है, आलू लेने नीचे भंडार में जाती है, आटे के लिए खलिहान भागती है, भट्ठी में लोहे के अलग-अलग बर्तन चढ़ाती है, बछड़े को सानी लगाती है, गाय, सुअर और मुर्गियों को दाना देती है, गाय को दुहती है, दूध को महीन कपड़े से छानती है और उसे हर संभव बर्तन और बोतल में भरती है - वह हजार काम करती है और इस सबके बाद **समोवार** जलाती है.⁷

In the above translated sentence there are several words and concepts, which typically belong to Russian culture and cannot be understood without explanation by the reader of another culture. The Russian word '**печь**' means stove and heater. In the given sentence the word '**печь**' has been translated as stove, because that is being used for cooking but in real it is not a stove. It is a central heater cum stove which is used to make the room warm and cook food also not on it but in it. It is wood-fired and is typical for houses in Siberia, where the temperature goes down to -40 degree Celsius in winter. The second word '**подполье**' stands for underground larder in this context. Another word '**самовар**' is also typical for cold places like Russia. Literally, Samovar is a Russian word, which means "self-boiler", It is a heated metal container traditionally used to heat and boil water in and around Russia, as well as in other Central, South-Eastern, Eastern European countries, Kashmir and in the Middle-East. It is used mainly to make tea.

⁶ Распутин, В. *Советские писатели: страницы творчества*. Русский Язык: М. 1988. С. 48.

⁷ The translation is mine.

Many Russian words have been translated into Hindi trying to give them regional colour so that a reader may have the feel of the originality, like: *सानी लगाना, चारा देना, गाय दुहना, दूध छानना, समोवार जलाना*.

2. Он нигде не работает, **тайга** его кормит и одевает. Пушнины он сдает больше всех, ореха в урожайные годы набивает по пять, по восемь кулей.⁸

2. वह कहीं भी काम नहीं करता है. ताइगा जंगल ही उसे खिलाता-पिलाता और कपड़े देता है. वह सबसे ज्यादा फर इकट्ठे करता, और अच्छे फसल वाले सालों में वह पाँच से आठ बोरियाँ चिल्योज़े इकट्ठे कर लेता.⁹

In the above example, the phrase ‘Taiga jangal’ has been used for **boreal forest** or **snow forest**, which is a biome characterized by coniferous forests consisting mostly of pines, spruces and larches. These forests are situated in north sphere in cold countries like Canada, Northern USA, Russia, Sweden, Norway, Iceland and some parts of Kazakhstan, Mongolia and Japan. The word ‘nut’ has been translated as *चिल्योज़ा* and not just ‘nut’ as pine nuts are precisely these.

3. Рядом с ним – невеста. Такая, представьте себе, молоденькая девочка **в белом подвенечном платье**.¹⁰

3. और उसके बगल में दुल्हन ऐसी कि, मानो, **शादी के सफ़ेद जोड़े में कोई मॉडल**.¹¹

This example shows peculiarity of different cultures. The white wedding dress – this phrase shows the cultural differences between Indian and Russian traditions. In Russia, the bride wears a white dress to symbolize her purity, while in India, in Hindu culture the bride's dress is red, symbolizing the bright, cheerful and colourful Day, and the white colour is used to wear in mourning, when someone dies. Here we see the example of omission for example “представьте себе” has not been translated and two sentences have been joined, making one sentence.

As translation is one of the easier and reliable sources of information about any other culture, so if a translator knows both the culture and society very well, he can provide us the chance to know others’ culture and society in the language, known to us. It gives us a chance to improve all together with the help of the knowledge of both cultures in all spheres of life but the process of translating is not so easy. We need different types of translating tools, which

⁸ Распутин, В. *Советские писатели: страницы творчества*. Русский Язык: М. 1988. С. 51.

⁹ The translation is mine.

¹⁰ Зощенко, М. *Голубая книга*. Избранное в двух томах, т-2. Художественная литература: Л. 1978.

¹¹ Kumar, Subhash. Translation of the stories of M. Zoshchenko from Russian into Hindi and analysis of the problems encountered in translation. M. Phil. Dissertation. JNU. New Delhi. July, 2013.

helps us to make translation more real, more reliable. The translation is done not merely transforming the meaning word to word from one language into another language, translation is done on the basis of meaning and therefore, it is sometimes done on the level of morphemes and phonemes, sometimes on the level of words, sometimes on the level of word combinations, sentences, paragraph, and sometimes on the level of whole text. It also demands different types of transformation, addition, omission, deduction, generalization, concretization etc. That's why a translator needs the good knowledge not only of the both language, but also the good knowledge of every aspect of both culture.

The contribution of translation is immense in the development of world culture. The different aspects of culture like religion and spirituality, language and literature, science and technology, trade and commerce, politics and diplomacy are closely related with translation. The development of culture depends on the axis of translation. So we can assume a wheel, which shows the role of translation to activate the physical, emotional, intellectual and spiritual aspects of culture.

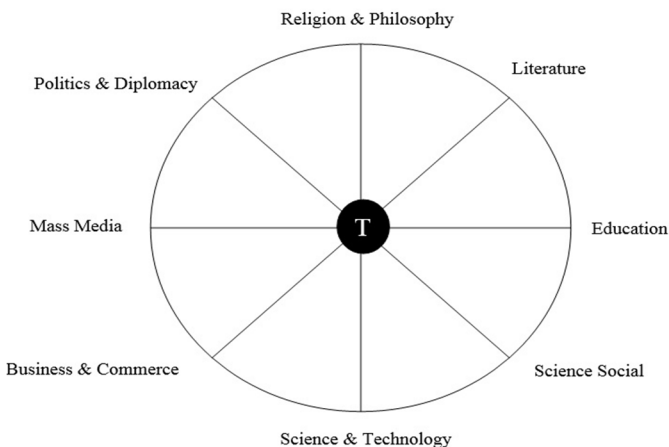

Image Source: गोपीनाथन, जी. अनुवाद : सिद्धांत एवं प्रयोग. लोकभारती प्रकाशन. इलाहाबाद. 2004. p. 10

The development of culture, which has taken place in different parts of the world, is complementary to each other. The transfer of knowledge has played a big role in the development of culture and it has happened due to the contribution of translation, which spread out knowledge of one place to other parts of the world in different languages. For example, the translation of the bible in Indian languages and the translation of Indian religious and spiritual books in western language broke the old beliefs and misconception about

each other. Max Muller imagined such a world wheel through, which with eastern thoughts goes to the west and in return these thoughts come back in new form to the east from the west.¹²

Sociologist and anthropologist B. Malinowsky has pointed out the socio-cultural importance of translation. He discovered the relation of the **context of situation** with a language. The context of situation is related with a word in its cultural context. Every language has cultural environment, which is influenced by the history, traditions, politics and geography of a country. There are a lot of words which are culturally rich and closely related to that society. The culture of the source language is very important for translation and thinking over how the cultural elements would be transferred in any target language, Malinowsky came to the point that translation is the unification of cultures. Explaining Malinowsky's theory, R. H. Robins said that there is no scope of unification of cultures in the target language as both belong to different cultures and so the cultural elements of source language can't be transferred through one word, they will need extra information, explanations so that the cultural context should be created in the receiving language.¹³ For example:

Есть такая, может быть, знаете, знаменитая картина **из прежней жизни**, она называется – «**Неравный брак**».¹⁴

शायद आप पुराने समय की प्रसिद्ध पेंटिंग “बेमेल शादी” (वसीली पुकीरेव, 1862) के बारे में जानते हों।¹⁵

The example also is a good example of the cultural context of situation. The literal translation of the Russian phrase “**Прежняя жизнь**” is पूर्व जन्म or पिछला जीवन. We have translated the phrase “**Прежняя жизнь**” as पुराना समय, which hints at a change of state power and politics in the country. We have translated so, because we wanted to create cultural context such as after 1917 revolution in Soviet Russia a lot change came into the society. With this phrase, Mikhail Zoshchenko designated life before the 1917 revolution, and to compare the life after the revolution. The sentence of the story, namely that phrase, tells about the theme of the story and the changes in people's life.

This example is sufficient to substantiate the above theory of context of situation. Therefore, we can say that translation is the place, where two

¹² Das. S. K. *Western Sailors. Eastern Seas*. New Delhi. 1971. P. 28.

¹³ गोपीनाथन, जी. *अनुवाद: सिद्धांत एवं प्रयोग*. लोकभारती प्रकाशन. इलाहाबाद. 2004. P. 16.

¹⁴ Зощенко, М. *Голубая книга*. Избранное в двух томах, т-2. Художественная литература: Л. 1978.

¹⁵ Kumar, Subhash. Translation of the stories of M. Zoshchenko from Russian into Hindi and analysis of the problems encountered in translation. M. Phil. Dissertation. JNU. New Delhi. July, 2013.

different cultures meet and create new arena of study for cultural studies, as the elements of one culture are difficult in understanding in the form of the elements of another culture for a reader, and that's why new aspects of problems in translation come out. In the process of translation we can find new aspects and new areas to study. In our study we tried to identify these problems and solve them. We needed to determine the commonalities in these issues and to present common solutions for such issues. Thus, the results of such investigation have applied as well as theoretical value in translation studies as well as in culture studies. On the theoretical side, the proposed research evolves generic solutions for issues of translation of different elements and especially cultural elements. As regards culture studies, the interaction of two cultures in translation helps to provide some new insight into cultural issues. On the applied side, firstly the study helps in providing solutions for translation issues. Secondly, it helps to evolve a list of cultural issues knowledge of which needs to be imparted to the learners of the two languages, i.e. Russian and Hindi. Such list can be used to create texts on the different aspects of culture to students of these two languages as foreign languages.

Bibliography

- Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. Учеб. пособие. Филология три. М. 2002.
- Banerjee, Ranjana. In the World of Russian Writers. Prakashan Sansthan. New Delhi. 2004.
- Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М. 1997.
- Arun, K. Culture and Civilization. University of Calicut. SDE. Kerala. 2011.
- Распутин, В. Советские писатели: страницы творчества. Русский Язык: М. 1988.
- Зощенко, М. Голубая книга. Избранное в двух томах, т-2. Художественная литература: Л. 1978.
- Kumar, Subhash. Translation of the stories of M. Zoshchenko from Russian into Hindi and analysis of the problems encountered in translation. M. Phil. Dissertation. JNU. New Delhi. July, 2013.
- गोपीनाथन, जी. अनुवाद :सिद्धांत एवं प्रयोग. लोकभारती प्रकाशन. इलाहाबाद. 2004.
- Das. S. K. Western Sailors. Eastern Seas. New Delhi. 1971.
- <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskieterminy/literatura/?q=458&n=110> (28/06/2013, 16:13).

Literary Translations in the Light of Polysystem Approach: Evolving a Model for Russian-Marathi Language Pair

M. Pansare

The Russian-Marathi interaction started long back in the course of history. But it was in 1932, in colonial India, that Russian fiction appeared in Marathi for the first time. Since then around 94 novels, 58 short-story books and 13 plays have been entered from Russian into Marathi through translation in book form. It's a difficult task to apply a specific theoretical approach to work on this important area of translation culture which can address the specific problem of translations in language pair like Russian-Marathi and analyse the role and functions of these translations in the target culture.

The present paper seeks to reveal the experience of evolving a model for the analysis of Russian-Marathi literary translations in the light of Polysystem Theory advanced by Itamar Even-Johar and further expanded by Gideon Toury. The culture-, target- and function-oriented approach that emanates from the polysystem model enables us to examine the functional value of the translations of Russian literature in relation to the Marathi polysystem. The model evolved can be useful in many such language pairs in the area of literary translation.

The Russian-Marathi interaction started long back in the course of history. It was in 1932, in colonial India, that Russian fiction appeared in Marathi for the first time. Since then around 94 novels, 58 short-story books and 13 plays have been entered into Marathi from Russian through translation in book form. It's a difficult task to apply a specific theoretical approach to work on this important area of translation culture which can address the specific problem of translations in language pair like Russian-Marathi and analyse the role and functions of these translations in the target culture.

The present paper seeks to reveal the experience of evolving a model for the analysis of Russian-Marathi literary translations.

The first step towards the study of translations in a specific language pair is to search for the works that have been translated in the course of time. In case of Marathi, Veena Mule (1998) has compiled a list of translations from various Indian as well as foreign languages into Marathi, giving a brief profile of each translation. Her research is of immense significance. However, her focus is only on compiling data and lacks the theoretical aspect. It becomes essential to update the list of translations in a particular language.

When it comes to determine the theoretical approach to study the translations, it becomes essential to consider the perspective of the researcher. The area of translation studies involves a historical path evolving various theoretical approaches by eminent scholars worldwide. There have been religious, linguistic, systemic, cultural, reception, target- and function oriented, postcolonial, gender and interdisciplinary approaches to translation. Hence, before defining the specific perspective to analyse the translated works in any language pair like Russian-Marathi, it becomes essential to take a brief review of modern translation theories in the historical course of time. This certainly helps the researcher to determine the relevant approach to study the literary translations.

Translation Theory in the twentieth century:

The development of communication theory, the expansion of the field of structural linguistics, the application of linguistics to the study of translation and the outgrowth of machine translation during the twentieth century paved way for significant changes in the principles of translation. We see the translation studies shift from traditional to scientific theories.

In the 1950s and 1960s the key terms in the debate over translation are meaning and equivalence. These concepts are discussed by Roman Jakobson in 1959 and are crucially developed by Eugene Nida in the 1960s. During this period we find many scholars expressing their views from linguistic approach to translation. However, in view of a vast canvas of Russian-Marathi translations, it seems appropriate to go beyond the linguistic approach for analysis.

Polysystem Approach:

It is necessary to include translated literature in the polysystem. This is rarely done, but no observer of the history of any literature can avoid recognizing as an important fact the impact of translations and their role in the synchrony and diachrony of a certain literature.¹⁶

The Israeli scholar **Itamar Even-Zohar** developed Polysystem theory in the 1970s borrowing ideas from the Russian Formalists of the 1920s, who had worked on literary historiography. Here, a literary work is not studied in isolation but as a part of a literary system, which itself is defined as 'a system of functions of the literary order which are in continual interrelationship with other orders.'¹⁷

Even-Zohar emphasizes that translated literature operates as a system:

¹⁶ Even-Zohar, 1978a: 15, Quoted from Gentzler 1993: P. 116.

¹⁷ Munday, Jeremy. *Introducing Translation Studies: Theories and applications*. London and New York: Routledge, 2001, P. 109.

1. in the way, the TL selects works for translation;
2. in the way, translation norms, behaviour and policies are influenced by other co-systems.

Thus, the system of translated literature does not work in isolation. It fully participates in the history of the literary polysystem, as an integral part of it, related with all the other co-systems.

The polysystem theory sees translated literature as one system among many in the constant struggle for the dominant position. The position occupied by translated literature in the polysystem conditions the translation strategy. According to Even-Zohar, a text does not reach the highest hierarchical level within a given culture because of some inherent eternal beauty or verity, but (1) because of the nature of the polysystem of the receiving culture and its social/literary historical circumstances, and (2) because of the difference between certain elements of the text and cultural norms.

Even-Zohar's theory was a **paradigm shift** from the earlier preoccupation of nature of equivalence between the ST and TT. He endeavoured to arrive at a historical and social understanding of the way translated works function collectively, as a subsystem within the target polysystem.¹⁸

Gideon Toury (1985) is another major theorist working on similar lines. He focused on developing a general theory of translation as **Descriptive Translation Studies** (DTS). The aim of DTS is to discover probabilistic laws of translation, which may be used to aid further translators and researchers.

“The central idea of this point of view is that the study of literary translation should begin with a study of the translated text rather than with the process of translation, its role, function and reception in the culture in which it is translated as well as the role of culture in influencing the ‘process of decision making that is translation.’ It is fundamentally descriptive in its orientation.”¹⁹

Jose Lambert and Hendrik van Gorp (1985) suggest that all functionally relevant aspects of translation activity in its historical context need to be carefully observed. They call for not only a study of the relation between authors, texts, readers, and norms in the two systems, but also for relations between authors' and the translators' intentions, between pragmatics and reception in source and target systems, between authors and other writers in the source and target systems, between the differing literary systems, and even between differing sociological aspects including publishing and distribution. (Lambert and Van Gorp, 1985: 43-45)

¹⁸ Gentzler, Edwin. *Contemporary Translation Theories*. London and New York: Routledge, 2001.1993.

¹⁹ Toury, Gideon. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 1995.

The term '**Cultural Turn**' focuses on the interaction between translation and culture, on the way in which culture impacts and constraints translation and on 'the larger issues of context, history and convention'.²⁰

Andre Lefevere having strong links with polysystem theory and the Manipulation School Translation studies represents a bridging point to the cultural turn. Literature for Lefevere is a subsystem of society and it interacts with other systems.

According to Lefevere three factors control the translation functions in a literary system. They are:

1. *Professionals within the literary system*: These include critics and reviewers (whose comments affect the reception of a work), teachers (who often decide whether a book is studied or not) and translators themselves (who decide on the poetics and at times the ideology of the translated text).
2. *Patronage outside the literary system*: These are 'the powers (persons, institutions) that can further or hinder the reading, writing, and rewriting of literature'. Patrons may be on an individual level, group or institutional level. He identifies three elements to this patronage: ideological, economic or status.
3. *The dominant poetics*: Lefevere analyses this into two components:
 - a) Literary devices: These include the range of genres, symbols, leitmotifs and prototypical situations and characters.
 - b) The concept of the role of literature: This is the relation of literature to the social system in which it exists.

Lefevere focuses on the examination of 'very concrete factors' that systematically govern the reception, acceptance or rejection of literary texts. They include issues such as 'power, ideology, institution and manipulation'. The people involved in such power positions are the ones who 'rewrite' literature and govern its consumption by the public. The motivation for such writing can be ideological (conforming to or rebelling against the dominant ideology) or poetological (conforming to or rebelling against the dominant/preferred poetics). The texts, which are rewritten, processed for a certain audience, or adapted to a certain poetics, are the 'refracted' texts and these are responsible for the canonized status of the text.

The most important consideration for Lefevere is the ideological one. This refers to the translator's ideology, or the ideology imposed upon the translator by patronage. The poetological consideration refers to the dominant poetics in the TL culture. Together these dictate the translation strategy and the solution to specific problems.

²⁰ Bassnet, Susan and Lefevere, A.(ed.). Translation, History and Culture. London and New York: Pinter, 1990. P. 11.

Functional Theories of Translation:

In the 1970s and 1980s we see the emergence and flourishing of a **functionalist and communicative approach** to the analysis of translation.

James S. Holmes puts forward an overall framework, describing what translation studies covers. The **Descriptive Translation Studies (DTS)** focuses on three points: examination of 1) the product, 2) the function and 3) the process.

1. **Product-oriented DTS** examines existing translations. This can involve the description or analysis of a single ST-TT pair or a comparative analysis of several TTs of the same ST (into one or more TLs).
2. **Function-oriented DTS** involves the description of the 'function [of translations] in the recipient socio-cultural situation. 'It is a study of contexts rather than texts'. Now-a-days it is called cultural-studies-oriented translation.
3. **Process-oriented DTS** is concerned with the psychology of translator. It is concerned with what happens in the mind of a translator during the actual process of translation.

The '**applied**' branch of Holmes's framework concerns translator training, translation aids and translation criticism. Holmes also mentions another area of research i.e. **translation policy**.

Katherina Reiss's initial work links language function, text-type, genre and translation strategy. It builds on the concept of equivalence but views the text, rather than the word or sentence, as the level at which communication is achieved and at which equivalence is sought. According to her, it is the text types which have to be kept equivalent in translation.

Hans J. Vermeer in his *Skopos* theory says that translation is essentially 'a Cultural transfer'. *Skopos* is a Greek word for 'aim' or 'purpose'. *Skopos* theory mainly focuses on the purpose of translation, which determines the translation methods and strategies that are to be employed in order to produce a functionally adequate result. This result is the TT, which Vermeer calls the *translatum*. Therefore, in *skopos* theory, knowing why an ST is to be translated and what the function of the TT will be are crucial for the translator. **Christiane Nord** presents a more detailed functional model. It incorporates elements of text analysis, which examines text organization at or above sentence level. Nord makes distinction between two basic types of translation product (and process) as:

- Documentary translation: 'serves as a document of a source culture communication between the author and the ST recipient'.²¹

²¹ Nord, Christiane. 'Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis'. Amsterdam: Rodopi, 1991. P. 72.

- Instrumental translation: Here TT receivers read the TT as if it were an ST written in their own language. The function may be the same for both ST and TT. Nord calls these ‘function-preserving translations’.

Nord’s theory aims primarily at providing translation students with a model of ST analysis which is applicable to all text types and translation situations.²²

Translation and other disciplines:

The new dimension of cultural studies in translation has brought together scholars from a wide range of backgrounds. There are new insights, new perspectives towards translation. **Lawrence Venuti** uses the term *Invisibility* ‘to describe the translator’s situation and activity in contemporary Anglo-American culture. He discusses ‘invisibility’ with two types of translation strategies: ‘domestication’ and ‘foreignization’. And he favours the latter. These strategies concern both the choice of text to translate and the translation method. **Antoine Berman** also discusses the need for translation strategies that allow the ‘foreign’ to be experienced in the target culture. He says that ‘the properly ethical aim of the translating act is receiving the foreign as foreign’.

Many other approaches to the study of translation seem to emphasize the political dimension of literary translation. The literary theories like **New Historicism** put forward by scholars like **John Brannigan** (1998) are interested in reading the contexts of power relations in a literary text.

Adopting the ideas from **reception theory**, **Meg Brown** (1994) examines the way a work conforms to, challenges or disappoints the reader’s aesthetic expectation (of style, form, content etc.) of the genre or series to which the new work belongs. Reviews can be analysed synchronically or diachronically.

Evolving a model for the analysis of translations in Russian- Marathi language-pair:

After taking an overall review of the various translation theories, it is felt that the following approaches can be appropriate to conduct a macro-study of Russian-Marathi literary translations.

1. The polysystem model advanced by Even-Johar.

The process of translation of Russian literature into Marathi cannot be considered as a merely linguistic activity. It takes place in a specific cultural and socio-political atmosphere. All the factors related with this process are influenced by the contemporary historical, socio-cultural and literary conditions. Hence this study requires a polysystemic approach to understand the Russian-Marathi translation activity with the changing dynamics of

²² Ibid. P.1.

Marathi literary polysystem in the twentieth century. It needs to discover, how the social norms and literary conventions in the receiving culture govern the aesthetic presuppositions of the translator and thus influence ensuing translation decisions.

2. The Russian-Marathi translation activity has a prominent colonial background. The **post-colonial theories** may help to review it in the colonial context. They provide for a post-colonial perspective to the relationship between British, Russian and Marathi polysystems in a historical framework of time.

3. Also the **target-, function-oriented and cultural theories** of translation offer a valuable theoretical foundation for the study of the Russian-Marathi translations published during the twentieth century. These approaches overlap to some extent. However, they emphasize on the target or receptive culture evaluating the functional value of these translated literary works in relation to Marathi literary polysystem.

The research involves the following aspects in the light of the above theories:

I. The review of the temporal framework and historical background to see how a space was created for the translations of source language literature in the target language polysystem. Reviewing the cultural context, in which various important political, cultural and translational events interweaved and these translations were produced. Questioning every aspect of colonialism and nationalism. Examining the complex interconnections between poetics, politics, metaphysics, and history in source as well as target systems.

In the present case we covered the following areas:

The Evolution of India-Russia Contact: The British-Russia relations in the colonial period; Russian Consulate in British India; The impact of the Russian revolution on India; Impact of Marxism and the Socialist Realism on Marathi literary system:

Within the Marathi polysystem: The evolution of translation culture in Maharashtra in the Colonial Period; A debate in the field of translation; New trends in Literature; Tradition of Realism in Marathi Literary System; Marathi literary system in the 20th century; Russia in Marathi literary system.

II. The selection of literary translations in the target language for qualitative analysis: The texts may be selected from genres. They may cover the canvas of historical division of source literature with the consideration of factors like direct translation or translation done through English, literary significance, number of versions in the target language, significance in the target language, reception in the target culture etc.

Hence, the following method to analyze the translations was adopted:

1. Translation of Russian Novels into Marathi;
2. Translation of Russian Short Stories into Marathi;
3. Translation of Russian Plays into Marathi.

In view of the history of Russian literature, a further division of these basic groups was made as follows:

1. **Pre-Soviet / Russian / literature** (Study of pre-Soviet authors/works in Marathi): before the Socialist revolution of 1917;
2. **Soviet literature** (Study of Soviet authors/works in Marathi): during 1917 to 1990 i.e. before the disintegration of Soviet Union;
3. **Dissident / Émigré literature** (Study of Dissident authors/works in Marathi).

III. A study of contexts of the selected works:

Contextual analysis involves the review of the literature:

a/ On theoretical aspect of translation of the specific type or genre under study like Novels, Short Stories, play or children's literature; b/ The dissident literature in SL and TL; c/ On the ST author in SL polysystem; d/ On the ST author in TL polysystem; e/ On the ST in SL; f/ On the TT in TL;

The criteria to assess the target texts under study:

- a. The Translator's intention;
- b. Literary Taste of the translator;
- c. The literary compulsions of the polysystem;
- d. The Institutional Role;
- e. Ideological factors, if any.²³

The following methodological tools can be used in the process of contextual analysis:

- i) Primary tools such as Target Texts and Source Texts
- ii) Paratextual Tools such as prefaces, introductions, blurbs, reviews, commentaries, publishers' notes, reference essays, articles etc.

The study of selected texts needs to cover the following aspects:

- i. The purpose of translation, which determines the translation methods and strategies that are to be employed in order to produce a functionally adequate result.
- ii. The information about the selection of texts by the translator and how the translation norms, behaviour and policies are influenced by other co-systems.
- iii. The role, function and reception of target text in the target culture as well as the role of culture in influencing the process of decision making in translation.
- iv. The factors controlling the translation functions - the reception, acceptance or rejection of literary texts - in a literary system:

²³ Dr. Chandrashekhar Jahagirdar, quoted from Sawant, Sunil. The American Novel in Marathi: A Study in Translation Culture. Unpublished Ph.D. thesis submitted to the Shivaji University, Kolhapur. 2001. P. 34.

Professionals within the literary system; patronage outside the literary system; and the dominant poetics

- v. Discussing the visibility / invisibility of the translator with translation strategies like 'domestication' and 'foreignization'.

I. Textual Analysis, if felt necessary.

A comparative textual analysis of the selected translations and the originals may involve the following concepts: i) Linguistic analysis ii) Cultural Transfer iii) Literary Style.

II. The position, role, functional value and significance of the source literature in the target language polysystem, in general, and within a subsystem of translated literature, in particular.

This experience of evolving a module can be useful in many such language pairs in the area of literary translation

Bibliography:

- Bassnet, Susan and Lefevere, A.(ed.). *Translation, History and Culture*. London and New York: Pinter, 1990.
- Bassnet, Susan-McGuire. *Translation Studies*. London and New York: Methuen, 1980.
- Brannigan, John. *New Historicism and Cultural Materialism*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire RG21 6XS, and London: Macmillan Press Ltd., 1998.
- Gentzler, Edwin. *Contemporary Translation Theories*. London and New York: Routledge, 2001.1993.
- Ketkar, Sachin. Literary Translation: Recent Theoretical Developments. Web. 02.01.2018
- <<http://www.translatedirectory.com/article301.htm>>
- Lefevere, A.. *Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame*. London and New York: Routledge, 1992.
- Munday, Jeremy. *Introducing Translation Studies: Theories and applications*. London and New York: Routledge, 2001.
- Nord, Christiane. 'Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis'. Amsterdam: Rodopi, 1991.
- Nord, Christiane. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*. Manchester: St. Jerome, 1997.
- Pansare Megha. 'A Linguo-Cultural Study of the Processes and Problems in Literary Translation: Russian-Marathi'. Unpublished Ph.D. thesis submitted to the University of Pune, Pune. July, 2008.
- Sawant, Sunil. *The American Novel in Marathi: A Study in Translation Culture*. Unpublished Ph.D. thesis submitted to the Shivaji University, Kolhapur. 2001.
- Toury, Gideon. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins Publishing Company. 1995.
- Venuti, Lawrence. *The Translation Studies Reader*. (ed.) London and New York: Routledge, 2000.
- Venuti, Lawrence. *The Translators Invisibility: A History of Translation*. London and New York: Routledge, 1995.

Tactful Trajectories and Techniques of Translation: A Study of Nuances and False Cognates

P. Mukherji

Translation involves artistic exercise of words and expressions from source language into target language with a discreet sense of cognates and false cognates (faux amis). The apparently homogenous words often cover layers of nuance, and thus put forth the question of precision and accuracy in any given work of translation. A work of translation in a multilingual, cross-cultural communicative context comes across a host of problems when the rendition deliberately or inadvertently circumvents the intricacies inherent in the process of transposing one culture into the cultural realm of the target language readers. The lack of understanding of False Cognates or Faux Amis (False Friends), demonstrating deceptive resemblance between words rooted in two different cultures, may lead a translator to extreme embarrassment. The dynamics governing the veracity of any work of translation should therefore take full cognizance of the culture-specificities and culture-sensitivities to make the rendition acceptable, enjoyable and thus successful. Translating the intra-cultural and inter-cultural nuances largely depend upon the correct comprehension of cognates and false cognates contained both in source language and target language.

This paper would seek to explore and explicate by exemplifying such cases where nuances and false cognates play an ever-increasingly significant role in course of translation. An attempt would be made to cite such instances wherein linguistic embellishment emerges out of the skillful rendition wedded with precise understanding of the complexities embedded therein.

As languages developed, so did the methods of translation that often tend to become both intralingua and interlingua in its basic nature. The art of translation has been a matter of intellectual pursuit especially with scholars seeking, absorbing, assimilating and disseminating a wide spectrum of knowledge across the world. Good translation has never been a literal transposition of words from one language to the other. The work of translation often becomes the work of transcreation, the basis of which has invariably been the transposition of essence and not simply words.

In the field of literary translation, abstract feelings and ideas assume more prominence than the concrete ones. In the journalistic translation, the rather cumbersome nomenclature or repetitive expressions are quickly abbreviated. In scientific and technical translation, however, one can hardly exercise one's creative discretion. The terms have to be rendered quite faithfully.

Sometimes while translating, we should first seek to absorb the exact meaning of the expression that we wish to transplant into another cultural realm through a thorough understanding of the culture-specificities of the target language. Very often we come across *Cognates*, that is, words in one language that has the same origin as a word in another language, or different words in the same language—having the same origin.

False Cognates or *Faux Amis* (a French word which means ‘False Friends’) are pairs of words that seem to be cognates because of sounds and meaning, but have different etymologies. They can be within the same language or from different languages. Even though false cognates lack a common root, there may still be an indirect connection between them, viz., by phono-semantic matching, or folk etymology.

In the European configuration of the word False Cognate, one tends to interpret the concept as words that are phonetically identical but are hetero-semantic in nature. One may call such words as *False Phonetic Cognates*. However, in the East Asian configuration one cannot adhere to the Eurocentric definition of False Cognate—that are essentially phonetic in nature. In East Asia, in the vast non-alphabetic realm of ideographs, pictographs and picto-phonetic characters, one must consider a new dimension to the concept of cognates and false cognates. Within the languages of East Asia, viz. Chinese, Japanese, Korean, pre-modern Vietnamese, there exists a wide range of *False Visual Cognates*.

One is well aware that the Japanese script evolved out of the Chinese characters. However, the Japanese not only did not absorb the concepts embedded in the Chinese characters but further indigenized them, thus reflecting a host of *false visual cognates* with a vastly hetero-semantic identity that differentiate Japanese from Chinese. For example,

手紙 which means ‘toilet paper’ in Chinese, carries the meaning of a ‘letter’ (*tegami*) in Japanese.

勉強 which means ‘reluctant, grudging’ in Chinese, means ‘to study’ (*benkyō*) in Japanese.

先生 meaning ‘Mister’ in Chinese, is a ‘teacher’ (*sensei*) in Japanese.

切手 meaning ‘to cut hands’ in Chinese, means ‘a postal stamp’ (*kitte*) in Japanese.

娘 meaning ‘mother’ in Chinese, becomes ‘daughter’, or ‘offspring’ (*musume*) in Japanese.

湯 which is a ‘soup’ in Chinese, turns into ‘hot water’, or ‘hot spring’ (*yu*) in Japanese.

大丈夫 meaning a ‘gentleman, a man of honor’ in Chinese, is ‘OK, alright’ (*daijōbu*) in Japanese.

電車 meaning a ‘tramcar’ in Chinese, is a ‘train’ (*densha*) in Japanese.

地滑 meaning ‘slippery’ in Chinese, is ‘landslide’ (*jisuberi*) in Japanese.

汽車 meaning ‘car’ or ‘automobile’ in Chinese, is ‘train’ (*kisha*) in Japanese.

Some of the examples that we find in cases of false cognates between Russian and English are as follows:

Магазин in Russian is a ‘shop’, and not a ‘magazine’ as in English.

Журнал in Russian meaning a ‘periodical’, cannot be the same as an English ‘journal’.

Артист is a ‘performing artist, actor or a performer’, and not just an ‘artist’ or a ‘painter’ one knows in English.

Художник in Russian meaning a ‘painter’—becomes different from a ‘performing artist’.

Кондуктор is a ‘bus conductor’, and not a ‘music conductor’. A ‘director of a musical orchestra’ is known as **Дирижёр** in Russian.

Оператор in Russian is ‘cameraman’, and not an ‘operator’.

Фамилия means ‘Surname’, or ‘Family name’ in Russian, and not a ‘family’. Whereas ‘family’ is **Семья**.

Аудитория means ‘audience’ in Russian, and not ‘auditorium’. ‘Auditorium’ in Russian is **Зал**.

Физик in Russian is a ‘physicist’, not in the sense of ‘physique’.

Проспект in Russian is ‘avenue’, and not ‘prospect’.

Марка in Russian is ‘stamp’, and not ‘mark’.

Новелла in Russian is ‘short story’, not a ‘novel’. Novel in Russian is **Роман**.

Кабинет in Russian is ‘office’, study, not a ‘cabinet’ in any sense of English.

Декорация in Russian is ‘setting’, but not ‘decoration’.

Комплекция in Russian is ‘constitution’, not ‘complexion’.

From among the adjectives, one may find that **Аккуратный** in Russian is ‘neat, punctual’, not ‘accurate’ in any sense. **Интеллигентный** in Russian is cultured, nothing to do with being intelligent.

For example, **как ваша фамилия?**—means *What’s your surname?*

And **как ваша семья?**—means *How is your family?*

False cognates can also be drawn in parallel between geographically-separated zones in the world. Cultural affinity however cannot be denied in terms of the *Faux Amis* that emerge in these two languages. Malagasy people call a bird—as ‘vorona’; in Russian, **ворона** means ‘crow’. But both these words are interconnected in all dimensions.

Next we would examine how the same expression can have variant meanings in different trade or profession. The Chinese script with its ideographic representation, has been quite discerning while finding appropriate phrases for a particular sense. E.g., the word ‘operation’ in English is a homonym, having different meanings according to variant contexts and professions.

A machine operation, surgical operation, operation of a drug, military operation, operation of a factory, black market operation, mathematical operation, round-the-clock operation—are all having absolutely distinct terms in Chinese. [See **Table-1** below]

Table-1

操縱、操作	Machine operation
手術	Surgical operation
效力、作用	Operation of a drug (Efficacy and function of a medicine)
軍事行動	Military operation
經營、管理	Operation of factory or mill (Management or administration)
交易	Market operation (Transaction)
投機倒把	Operation of profit business (Engage in speculation and profiteering)
運算	Mathematical operation (or calculation)
連續作戰	Round-the-clock operation (incessant warfare, consecutive battles)

The word ‘trial’ too has different connotations in different contexts. Putting a machine to trial, trials of hardship, trial of managing a child, trial at a court of law, selection trial in sports—all have separate words in Chinese. [See **Table-2** below]

Table-2

試驗	Putting a machine to trial
考驗	Trials of hardship
討厭	Trial of managing a child
審判	Trial at a court of law
選拔賽	Selection trial in sports
預賽	Preliminary contest on a trial basis

Thus examples abound in Chinese by virtue of which we can pinpoint the nuances and use the words with greater accuracy. Since a Chinese character contains an entire concept or even phrase, a two-character compound word with a lot of sense condensed in it can hardly find a one-word equivalence in English. The word 愛 meaning love can be made into compounds with another word conjoined—but with variant connotations that find no single-phrase rendition in English. [See **Table-3** below]

Table-3

愛戴	Have love and esteem
愛撫	Show tender care for
愛戀	Show tender affection for
愛護	Take good care of
愛惜	Use sparingly, economically
慈愛	Parents' affection, loving kindness
恩愛	Affection (among couples), Conjugal love
母愛	Maternal love
博愛	Universal love
敬愛	Love and respect

The Chinese are known worldwide for their hardworking spirit. In the olden days when tools of transport were very few, people used to carry things in variant ways. Different parts of the body were used to carry things, and different words were coined to express the mode of carrying things. The single-character words below signify the different modes of carrying objects. [See **Table-4** below]

Table-4

提	Carry by hanging something around one's elbow
扛	Carry on one's shoulder
背	Carry on one's back
擔	Carry on a shoulder pole
挑	Carry on either end of a shoulder pole
抱	Carry in arms (like a baby)
頂	Carry on one's head (like a pitcher of water)
攜	Carry, take along

The Chinese have been very particular about the distinctive features of republics and monarchies. The chief manager or the head of a country with the overall responsibility of putting the state of affairs into order is 總理 [Eng. pron. *Tsung-li*; Russ. pron. *Цунгли*] or prime minister of a republic. But in a monarchy, the prime minister is virtually the chief assistant of the monarch, hence designated as 首相 [Eng. pron. *Shou-hsiang*; Russ. pron. *Шоушянг*]. Thus, an Indian prime minister will be 印度總理 [Yin-tu *Tsung-li*; Инту *Цунгли*] while the Japanese prime minister will be 日本首相 [Rih-pên *Shou-hsiang*; Рыпон *Шоушянг*].

We are aware how Indo-European languages are having an intimate relation with Sanskrit. When we talk about a car brand Volkswagen, or even while singing the Russian song Голубой вагон, we simply forget that the word

Wagen or wagon has a direct kinship with the Sanskrit word वाहन. Vahana, known as a deity's mount or vehicle, can be extended to coin an expression to mean Volkswagen, rendering it as लोक-वाहन, the people's car.

Next, we would come across a typically intriguing spectrum which many of us confront on a daily basis. In a multilingual society as ours in India, we get to know each other through false cognates. Following is a list of false cognates between Bangla and Hindi:

While अवसर in Hindi means 'opportunity', Bangla equivalent अवसर means 'leisure'.

संज्ञा in Hindi means 'noun', whereas in Bangla সংজ্ঞা means 'definition'.

पारदर्शी in Hindi means 'transparent', but in Bangla পারদর্शी means 'expert'.

आगे in Hindi is 'later' or 'after', but আগে in Bangla means 'before'.

चर्चा in Hindi means 'to critically discuss', whereas in Bangla চর্চা means 'study, cultivate, exercise'.

स्त्री in Hindi means 'women, female'; in Bangla स्त्री means 'wife'.

घर in Hindi is a 'house, abode'; in Bangla ঘর is a 'room'.

बादल in Hindi is 'cloud'; in Bangla বাদল is 'rain'.

प्यारा in Hindi indicates something is 'lovable, cute'; in Bangla পেয়ারা means 'guava')अमरुत.(

स्वच्छ in Hindi is 'clean, pure'; in Bangla স্বচ্ছ means 'transparent'.

अन्तर in Hindi means 'difference, gap'; in Bangla অন্তর means 'heart, mind, interior world'. Here one should take cognizance of the word अन्तरात्मा [अन्तर + आत्मा] (inner soul) which is basically coherent with the Bangla expression. आन्तरिक [आन्तरिक] in the sense of cordial— is derived from अन्तर [अन्तर] or inner heart; whereas हार्दिक (cordial) is derived from हृदय .

सिंगारा in Hindi is 'water chestnut'; but सिंजाड़ा [सिंगाड़ा] in Bangla means 'samosa'.

बगल in Hindi essentially means 'beside, side'; while বগল in Bangla means 'armpit'.

धूप in Hindi means 'sunlight'; while ধূপ in Bangla means 'incense'.

ढेर in Hindi means 'to exterminate'; but ঢের in Bangla means 'enough'.

गोद in Hindi is 'lap'; while গোদ in Bangla is 'elephantiasis'.

अभिमान in Hindi means 'pride'; while অভিমান in Bangla means 'an offended state of mind', or 'state of one's feeling being hurt'.

नाना in Hindi means ‘maternal grandfather’; while नाना in Bangla means ‘many and diverse’.

There are also certain points of embarrassment in the process of translation. A word in one language may carry a derogatory sense in another language. E.g., बाल in Hindi means hair, which is invariably used as a slang in Bangla. On the contrary, the word झाँटे [*Jhāntā*] meaning ‘a broom’, or झाँटे [*Jhānt*] meaning ‘to broom’ in Bangla— would have exactly the similar sense in Hindi as बाल [*Bāl*] in Bangla.

Similarly, the Hindi word बात meaning talk or word, has an adverse connotation while using बात [*Bāt*] in Bangla that would mean ‘rheumatism’, or even ‘wind’ or ‘air’ in the sense of ‘fart’. गन्ध in Hindi means bad and pungent smell, whereas in Bangla the word গন্ধ means simply a smell. One may prefix particles सू [*su-*] for fragrance, and दूँ [*duh-*] for bad smell, as in सुगंध [*sugondho* or सुगन्ध] and दुर्गंध [*durgondho* or दुर्गन्ध]. The list of False Cognates between Bangla and Hindi is indeed quite long to be enumerated in one go. Thus it is imperative on the part of a translator to have mastery over both the source language and the target language.

None can deny that English being a part of the Indo-European language group has been having a shared heritage with Sanskrit or Sanskrit-based languages. The spellings of various English words obviously indicate a lineage from Sanskrit. E.g., the word ‘Character’ with ‘Ch’ does have a link with चरित्र. Money is connected with मणि (precious stone or jewel). Adore has linkage with आदर. ‘Interior’ has connection with Bangla অভ্যন্তর. These examples are only a few drops in the ocean.

Now a few examples will be cited to highlight the shared nuances between English, Hindi and Urdu. People use these Hindustani words daily without realizing the factors of shared heritage or lineage. The meanings of these words are also to be categorized under false cognates or nuances. A few such words are cited below:

English	Hindustani / Hindi
Chat	चाट
Command	कमान
Better	बहतर
Heavy	हावी
Platoon	पलटन
War	वार

Dare	डर
Brotherhood	बिरादरी
Coffin	कफ़न
Adam	आदम, आदमी
Capability	काबिलियत
Tragedy	त्रासदी
Mixture	मिश्र
Bond	बन्ध
Bondage, binding	बन्धन
Canon	कानून
Bad	बद (बदबू , बदकिस्मत)

There are a number of occasions where we find the same expressions having vastly variant meanings that are used according to the geographical realities of a particular region. E.g., ‘Tushār’ [तूषार] in Bangla means snow; but in Kerala where there is no existence of snow, the same word in Malayalam means dewdrops.

The themes around false cognates and nuances are extremely diverse. It is an area with a lot of humor, intricate nuances, and often adorned with indigenous embellishment that enrich our life in this planet.

Russian Poetry in Hindi: Transforming Rhyme, Rhythm, Sense

G. Munjal

Poetry, to begin with, is one of the best means of expressing one's emotions and has the greatest potential to touch the inner feelings and heart of its readers who become a part of a beautiful experience of getting an opportunity of sharing the emotions of a poet. Thus the poet needs to fully understand the capacity of the language he uses to make a desired pragmatic effect on his reader. Depending on the context, the words of a poem acquire new shades of meaning and the poet uses diverse stylistic devices to serve his intentions. In poetry one finds "a sea" of various figures of speech. Rhythm, rhyme, tone complete a poetry. There can be deviation from the linguistic norm. Musicality is expressed through meters and cadence.

The above mentioned characteristics of a poetic work are like a Chariot driven by four-horses with all the reins in the hands of a poet whose greatness is judged by his command over the Chariot as a whole.

The present paper is an attempt to study the challenges concealed in Poetry translation to preserve the Sense, rhyme and rhythm – a combination which differentiates it from Prose translation and at the same time makes its realization a tough and challenging job. The study will limit itself to translation of Russian Poetry into Hindi.

The strong connection between language & culture makes the process of translation of literary texts more complicated and challenging for a translator who faces the uphill task of building bridges between peoples and cultures. In this process he carries a responsibility of working out adequate means and ways of transferring culture on various levels, including linguistic, social, pragmatic, etc., even more so when poetry is involved.

It is worth mentioning here, the study of the role of a poet, poetry in general, especially as understood in Sanskrit literature and its reflection on the perception of various aspects of verse translation which make its realization a tough and challenging job, that it involves a combination of the following four:

- RHYTHM – RHYME – TONE;
- FIGURES OF SPEECH;
- DEVIATION FROM LINGUISTIC RULES;
- MUSICALITY

The above mentioned characteristics of a poetic work are like a chariot driven by four-horses with all the reins in the hands of a poet whose greatness is judged by his command over the chariot as a whole. All of the decisive factors in this process are interconnected by one main factor – the language.

There is a famous Sanskrit ‘sukta’ (a hymn) - a traditional maxim which emphasizes the role of language:

“भाषा प्रशस्ता सुमनो लतेव
केशाम्न चेतामस्यावर्जयति॥”¹

Transliteration:

“bhāṣā praśastā sumano lateva
keṣām na cetāmsy āvarjayati”²

Literal meaning:

“Language, auspicious, charming, like a blossoming creeper,
Whose mind does it not win over?”³

J. A. Cudden asserts that:

“What makes a poem different from any other kind of composition is a species of magic, the secret to which lies in the way the words lean upon each other, are linked and interlocked in sense and rhythm, and thus elicit from each other's syllables a kind of tune whose beat and melody varies subtly and which is different from that of prose”.⁴

Even poets agree to deviation from linguistic rules in poetry, as a famous Hindi poet Kunwar Narayan writes in his poem:

“...भाषा में व्याकरण के ढीठ उल्लंघन हैं,
चिंतन में कल्पना की आवारा सैरों की भटकनें।”⁵

Transliteration:

“Bhasha me vyakaran ke dheeth ulanghan hein,
Chintan me kalpanaa ki aawaara seiron ki bhatkanein...”⁶

Literal meaning:

“In the language there are stubborn deviations from grammar rules,
In thinking – there is wandering of free imagination...”⁷

It's worth mentioning here that in India the Vedic hymns ‘mantras’ and ‘shlokas’ which were sung to please the Gods and Goddesses. The correct

¹ <https://ask.extension.org/questions/232542>.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Cudden, J.A. (1976). The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 1976, P.721.

⁵ Narayan, Kunwar (2013). Wiersze. Translated by Danuta Stasik. “Dialog”, Warszawa. P. 100

⁶ Ibid. P. 101.

⁷ (translation by Dr. Girish Munjal).

rhyme, rhythm and tone together with the musicality of the poetic text, i.e. the musical rendering of the text, is the only thing which can appease the Gods. Thus, it is considered that meaning is secondary to the musical rendition of the ancient hymns.

In my opinion, this is apparent in another quote from an ancient Sanskrit text ‘Bhaja Govindam’.

The poet Adi Shankaracharya writes:

“भज गोविन्दं भज गोविन्दं
गोविन्दं भज मूढमते ।
सम्प्राप्ते सन्निहिते काले
नहि नहि रक्षति ङ्कुङ्करणे ॥ १॥ ”⁸

(Adi Shankaracharya, hymn-12)

Transliteration:

“bhaja govindam bhaja govindam
govindam bhaja mūḍha-mate |
samprāpte sannihite kāle
nahi nahi rakṣati ṅkuṅkaraṇe ||”⁹

Literal meaning:

“Worship Govinda, worship Govinda,
Worship Govinda, O foolish one!
Rules of grammar will not save you at the time of your death.”¹⁰

Adi Shankaracharya got the inspiration for writing this poem when, while walking along the street, he met an old man who was trying hard to learn Sanskrit Grammar. All grammar rules in Sanskrit are learnt through rules beautifully composed in the verse form, they need to be learnt by heart, and it can take a lot of time to do so. Thus, Shankaracharya even addresses the old man as a Fool, in order to have an immediate impact on him and tries to explain to him that in his last hour the verses of grammar which he learnt are not going to save his soul, whilst he should devote time to worship the God. Here, ‘grammar rules’ are understood as things mundane.

Thus, we can say that poetry is a medium of expressing emotions in words, especially strong feelings that a poet experiences; through excellent use of figures of speech they are presented with suitable ‘rhyme-rhythm-tone’, and

⁸ <https://plus.google.com/113278506503619379303/posts/3VaZRtANiAv>

⁹ Ibid.

¹⁰ Giridhar, M., (2014). Bhaja Govindam. (Retrieved from the site - http://sanskritdocuments.org/doc_vishnu/bhajagovindam.html?lang=sa).

have a pragmatic effect on both the listeners and the readers. In the words of Hashim G. Lazim:

“Poetry, to begin with, is meant to express the emotions and touch the feelings and depths of listeners or readers. It adds something essential to their experiences. The poet, therefore, has to be fully aware of the capacity of language to make his message highly effective. The words of the poem surpass their textual denotations; they take new shades of meaning dictated by the poetic context. Be that as it may, poets resort to diverse devices to serve their intentions. They apply a variety of figures of speech; there is rhythm, rhyme, tone; there is deviation from the institutionalized linguistic code, and there is musicality expressed through meters and cadence”.¹¹

Ancient Sanskrit literary works were predominantly written in poetic form only (called ‘SHLOKAS’) and the Sanskrit word for translation is ‘ANUVAAD’ (ANU means ‘again, anew’ & VAAD means ‘verbal rendering’) which entails ‘ILLUSTRATION’. Thus the word ‘ANUVAAD’ for ‘translation’, was understood as an explanation and illustration of the basic essence of ‘a shloka’, which in fact, was rendering of the essence of a poetic work in the prose form. But with time the word ‘ANUVAAD’ started to be perceived as rendering of the text from one language into another.

Cudden J.A. defines a poem as:

"a work of art, a composition, a work of verse, which may be in rhyme or may be blank verse or a combination of the two. Or it may depend on having a fixed number of syllables."¹²

Hence, the translation of poetic texts, as Newmark P. states, is:

"the most testing type of translation", and is meant to provide a certain aesthetic pleasure which a translator can achieve by reviving the spirit of the original text without distorting its beauty.¹³

Moreover, “poetic language does not seek to describe reality, but to recreate it – it deals with his life experience in the world and thus “*opens new possibilities for him*”.¹⁴

There are many diverse opinions of poets and scholars in the past, especially on translation of poetry. Some scholars even argue whether verse is translatable.¹⁵

In H. G. Widdowson’s words:

¹¹ Hashim, G. and A.P. Lazim, n.d. Poetry translation. Ajman University of Science and Technology Network, UAE. Available from <http://www.translationdirectory.com/articles/article1362.php>.

¹² Cudden, J.A. (1976). The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. P. 678.

¹³ Newmark, Peter. (1998). Textbook of Translation. Oxford: Pergamon Press. P. 162.

¹⁴ Ravindran, S. (1982). Structuralism & Deconstruction. Delhi: Ram & Sons. P. 83.

¹⁵ Newmark, Peter. (1998). Textbook of Translation. Oxford: Pergamon Press. P. 65.

“...the translation of poetry is extremely difficult because of “the patterning of sound and sense into a single meaning”,¹⁶

Supporters of the ‘poetry-into-prose’ school, like the literary critic and translator, John Middleton Murry (1923) says:

“Poetry ought always to be rendered into prose. Since the aim of the translator should be to present the original as exactly as possible, no fetters of rhyme or metre should be imposed to hamper this difficult labour. Indeed they make it impossible”.

17

The writer and translator Nabokov condemns free translation:

“The term “free translation” smacks of knavery and tyranny. It is when the translator sets out to render the “spirit” - not the textual sense - that he begins to traduce the author. The clumsiest literal translation is a thousand times more useful than the prettiest paraphrase”.¹⁸

At the other extreme, Alexander Fraser Tytler (1791) asserts:

“To attempt, therefore, a translation of lyric poem into prose, is the most absurd of all undertakings; for those very characters of the original which are essential to it, and which constitute its highest beauties, if transferred to a prose translation, become unpardonable blemishes”.¹⁹

On the other hand, Niknasab & Pishbin emphasize the role of translation as a bridging tool through which different cultures can get closer to each other, they are of the opinion that:

“...Despite the difficulties which accompany poetry translation, excellent and acceptable translations of masterpieces of world poetry have been presented by a number of translators”.²⁰

According to Eugene Nida:

¹⁶ Widdowson H.G. (1975) *Stylistics and the Teaching of Literature*, 1975. P.37.

¹⁷ Gledhill John, 2001 [<http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-3370/gledhill-ch5.html>].

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Niknasab, Leila & Pishbin, Elham. (2011) On the Translation of Poetry: A Look at Sohrab Sepehri's Traveler In SKASE Journal of Translation and Interpretation [online]. vol. 5, no. 1, September 16, 2013. p.2. <http://publishingperspectives.com/2013/09/is-poetry-more-difficult-to-translate-than-prose/#.WHNThJ96UI>.

“...anything that can be said in one language can be said in another, unless the form is an essential element of the message”²¹

Acknowledging the fact that there are difficulties inherent in translating poetry, the Syrian poet and perennial Nobel Prize-candidate Adonis is of the opinion that:

“...poetry is more than just how the language is structured, but also how thoughts and emotions are structured as well. And so, in terms of the relationship between concept, language, and object, no languages are on an equal footing. Therefore, translators must break the original relationship between language and object, and establish a similar relationship and structure applicable to the translator’s mother language.”²²

The famous translator and teacher R. K. Minyar-Beloruchev, talking about the translation of poetry as a highly creative speech activity which requires a translator to be both a sensitive poet as well as a compassionate philologist, has said:

«к нему необходимо допускать только исключительно избранных»
“(the poetry translation) should be attempted only by exclusively talented”²³

Benjamin W. argues that nothing is "lost" in translation, but, on the contrary, there is something "gained" by birth of a text which will not be mere a replica of the original but will have the ability to achieve a sort of equivalence to the SL²⁴. Accordingly:

“the task of the translator consists in finding that intended effect upon the language into which he is translating which produces in it the echo of the original.”²⁵

Ludwig Wittgenstein says:

“poetry is translatable, like everything else. He argues that translating from one language into another is a mathematical task, and the translation of a lyrical poem, for example, into a foreign language is quite analogous to a mathematical problem.”²⁶

The success and adequacy of any translated work depends on the balance a translator can maintain in transferring the form and content of a poetic work.

²¹ Nida, Eugene & Albert, Taber, Charles Russell (2003). *The Theory and Practice of Translation*. Brill Leiden Boston. P.4.

²² Abrams, Denis (2013). In Discussion “Is Poetry More Difficult to Translate Than Prose?”

²³ Naumenko, O.V. <http://confcontact.com/node/331>.

²⁴ Benjamin, W. (1968). *The Task of the Translator*, in: *Illuminations*. New York: Harcourt, P.76.

²⁵ Frost, W. (1969). *Dryden and the Art of Translation*. (New Haven : Yale University Press). P.77.

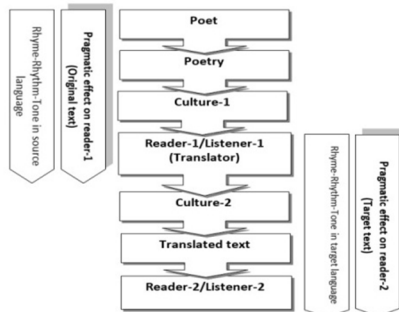
²⁶ Robinson, P. (2010). *Poetry & Translation: The Art of the Impossible*. Liverpool: Liverpool University Press. P.58.

Thus, translation of poetry is understood as a complex communicative process, a spiritual interaction between the original author with the readers brought up in different linguistic and cultural atmosphere. Thus, translation of poetry must be studied as an interlingual and intercultural phenomenon, and more exactly, a combination of “inter-lingual-ethnic-psychological-social-cultural communication”.

The complete poetic text as a whole is the unit of translation which needs to be studied under the theory of communication and the textual theory. argues that "only rarely can one reproduce both content and form in a translation, and hence in general the form is usually sacrificed for the sake of the content".²⁷

Once we have presented our argument, stating that verse is translatable, we try to understand the process of poetry translation and to establish the fact that the task of preservation of the pragmatic effect of the original on its reader should match that exerted upon the target reader. It can be better understood in Diagram A.

Diagram A: The process of verse translation & role of the translator

Thus, it is clear that in translation of poetry the most important is to preserve the adequate pragmatic effect on the feelings of the target reader which should be similar to the one the author of the original intended to have on the source reader.

Irrespective of all the difficulties faced during verse translation, we fully agree with Adonis that it is through translating literature and poetry that we can explore the mentality of “the others” at a deeper level, and that the importance of translation is that it should serve as “the most fundamental element of world culture in the future.”²⁸

²⁷ Vanuti, L.(2004). The Translation Studies Reader, London: Routledge, P.154.

²⁸ Abrams, Denis (2013). In Discussion “Is Poetry More Difficult to Translate Than Prose?”

In my own experience while translating “A ballad to a Mother” by Andrei Dementiev («Баллада о матери» Андрея Дементьева) from Russian into Hindi, I can state that:

- rhythm-rhyme-tone and musicality of the original is possible to preserve. In the translated text last word is bold in stanzas where rhyming became possible;
- rarely literal sense was conveyed through adequate equivalence. In the translated text such cases are underlined.

“Баллада о матери” (Dementiev, A.) “माँ को समर्पित गाथागीत” (आंद्रेई दीमिएन्चेफ)

<p>“Постарела мать за тридцать лет, А вестей от сына нет и нет. Но она всё продолжает ждать, Потому что верит, потому что мать. И на что надеется она? Много лет как кончилась война, Много лет как все пришли назад, Кроме мёртвых, что в земле лежат. Сколько их в то дальнее село <u>Мальчиков безусых</u> не пришло... Раз в село прислали по весне <u>Фильм документальный</u> о войне. Все пришли в кино: и стар, и мал, Кто познал войну и кто не знал. Перед горькой памятью людской Разливалась ненависть рекой. Трудно это было вспоминать... Вдруг с экрана сын <u>взглянул на</u> <u>мать</u>. Мать узнала сына в тот же миг, И пронёсся материнский крик: «Алексей, Алешенька, сынок!», Словно сын её услышать мог. Он рванулся из траншеи в бой. Встала мать прикрыть его собой, Все боялась, вдруг он упадёт, Но сквозь годы мчался сын</p>	<p>“बीते तीस सालों में माँ बूढ़ी हो गई, लाल की आई न अब तक खबर कोई आज भी देखती है वह बात उसकी, उसे है विश्वास, माँ जो ठहरी उसकी क्यूँ इतनी आशा रखती है वह आज भी? इतने वर्षों पश्चात्, युद्ध समाप्त होने के बाद भी इतने वर्षों बाद, जब बाकी सभी तो लौट आए उन शहीदों को छोड़, जो मृत्यु को गले लगा गए कितने ही न लौटे उस दूर बसे गाँव के बेटे, जवानी में कदम भी न रख पाए थे वे लड़के ...एक बार, बहार का था दिन, गाँव में दिखाई एक डाक्यूमेंट्री युद्ध पर <u>जो थी बनवाई</u> जनसाधारण हो गया इकट्ठा, क्या बुढ़ा क्या बच्चा, सभी जिन्होंने युद्ध था देखा, या था बिलकुल कच्चा लोगों की कड़वी यादों के सामने नफ़रत के दरिया लगे बहने कठिन था सहना इन यादों का बोझ ... अचानक परदे पर से बेटे ने <u>लिया माँ को खोज</u> माँ को अपने लाल को पहचानने में लगी न देर निकल पड़ी ममता से भरी उसकी पुकार: - अलेक्सेई! आल्योशेंका! मेरे लाल!... - मानो बेटे को सुनाई दे रहा हो माँ का हाल जैसे ही वह कूदा, खंदक में से, भिड़ंत को तैयार माँ भी उठ खड़ी हुई, बेटे को अपने आँचल में लेने को तैयार</p>
--	---

<p>вперёд. «Алексей!» – кричали земляки, «Алексей!» – просили, – «Добеги!» ...Кадр сменился. Сын остался жить. Просит мать о сыне повторить. И опять в атаку он бежит, Жив-здоров, не ранен, не убит. Дома всё ей чудилось кино, Все ждала – вот-вот сейчас в окно Посреди тревожной тишины Постучится <u>сын её с войны.</u>” (Dementiev, A. 97-98)</p>	<p>उसे था डर कि ठोकर खा गिर न जाए उसका लाल, पर बेटा शत्रु पर भारी पड़ता रहा, साल-दर-साल - अलेक्सेई! –सभी देशवासी पुकारें - अलेक्सेई, देख, संभल...- उसे बोलें परदे पर दृश्य गया बदल. बेटा अब भी जीवित है. माँ दोबारा बेटे को दिखाने की करती गुहार है / लो फिर दौड़ पड़ा, शत्रु पर करना उसने वार है, सही-सलामत, न घायल, न गंवाई उसने अपनी जान है घर पर उस डाक्यूमेंट्री को माँ न पाए भूल, वह करने लगी प्रतीक्षा – बस, अभी किसी भी पल अभी लौटेगा, गहरे सन्नाटे के बीचों बीच, खिड़की खटखटाएगा बेटा, मनाने, युद्ध में अपनी जीत” (Translated by Dr. Girish Munjal)</p>
--	--

I would like to make an interesting observation from the translation workshop held during the seminar with the students and scholars: As there was time constraint, the participants didn't have much time to deliberate upon all the aspects of verse translation but none of the participants tried to change the first line they had translated and tried to rhyme and follow the rhythm from the first line with literary sense sometimes even taking a back stage.

Conclusion

From the above analysis, we can see that the task of preservation of the pragmatic effect of the original on its reader should match with that exerted upon the target reader. The translator needs to try to transfer the content and the beauty of the original to the greatest possible extent. The translated text should arouse feelings in the target reader similar to the ones in source reader and in the process of doing so the translator carries the responsibility as a cultural mediator to guarantee maximum preservation of the following features of the original poetry text in the translated version:

- Literal Sense
- Symbolic Sense
- Diction
- Pragmatic Effect

Bibliography

- Abrams, Denis (2013). In Discussion “Is Poetry More Difficult to Translate Than Prose?”
- Benjamin, W. (1968). The Task of the Translator, in: Illuminations. New York: Harcourt,

- Brace & World Inc. Cuddon, J. A. (1999). The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 4th ed. Harmondsworth: Penguin Books.
- Catford, J. C. (1965). A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics. (Oxford: Oxford University Press).
- Cuddon, J.A. (1976). The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. (England: Penguin Reference).
- Dementiev, Andrei. Poems. 3rd edition. World Library of Poetry. Moscow, 2007.
- Frost, W. (1969). Dryden and the Art of Translation. (New Haven : Yale University Press).
- Giridhar, M., (2014). Bhaja Govindam. (Retrieved from the site - http://sanskritdocuments.org/doc_vishnu/bhajagovindam.html?lang=sa)
- Hashim, G. and A.P. Lazim, n.d. Poetry translation. Ajman University of Science and Technology Network, UAE. Available from <http://www.translationdirectory.com/articles/article1362.php>.
- Murphy, R.E. (2007). Critical Companion to T. S. Eliot: A Literary Reference to His Life and Work. New York: Facts on File Inc.
- Narayan, Kunwar (2013). Wiersze. Translated by Danuta Stasik. "Dialog", Warszawa.
- Naumenko, O.V. <http://confcontact.com/node/331>
- Newmark, Peter. (1998). Textbook of Translation. Oxford: Pergamon Press.
- Nida, Eugene & Albert, Taber, Charles Russell (2003). The Theory and Practice of Translation. Brill Leiden Boston.
- Niknasab, Leila & Pishbin, Elham. (2011) On the Translation of Poetry: A Look at Sohrab Sepehri's Traveler In SKASE Journal of Translation and Interpretation [online]. vol. 5, no. 1, September 16, 2013 <http://publishingperspectives.com/2013/09/is-poetry-more-difficult-to-translate-than-prose/#.WHNThtJ96U1>
- Ravindran, S. (1982). Structuralism & Deconstruction. Delhi: Ram & Sons.
- Robinson, P. (2010). Poetry & Translation: The Art of the Impossible. Liverpool: Liverpool University Press.
- Shankaracharya, Adi. 'Dwadash manjarika' – twelve stanza 'stotra'- hymn by Adi Shankaracharya, 5 century B.C. (Retrieved from the source: <http://bharatdiscovery.org/india>).
- Widdowson H.G. (1975) Stylistics and the Teaching of Literature, 1975
- Gledhill John, 2001 [<http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-3370/gledhill-ch5.html>]
- <https://ask.extension.org/questions/232542>
- <https://plus.google.com/113278506503619379303/posts/3VaZRtANiAv>

Русско-индийское литературное взаимодействие

Г.В. Стрелкова

"Russia and India have been united by different connections for ages. Literary interaction plays a great role in this process since XV century. The epoch of straight translations from Indian languages into Russian started in the XIX century, from Russian into Indian languages – in the XX. Among the first translations were stories of Leo Tolstoy translated by Premchand, and English was an intermediary. In the USSR Indian languages were taught since the 1940-th and Russian translators actively worked in Publishing houses together with Indian. There is a great number of literary translations, so a complex approach towards studies and scientific estimation of bilateral translations is very important. It is necessary to objectively evaluate the role of a translator and create a complex information data base system of literary translations".

Россию и Индию столетиями связывают разнообразные отношения. Большую роль в этом играет литературное взаимодействие, которое началось в XV веке (Афанасий Никитин), продолжилось в XVIII (Герасим Лебедев) и XIX веках. Эпоха «прямых» переводов с индийских языков на русский началась в XIX веке, с русского на новоиндийские языки в XX. Одним из первых был перевод рассказов Л.Н. Толстого Премчандом. До середины XX века индийцы знакомились с русской литературой с помощью языка-посредника, английского, так как было мало специалистов, владеющих русским. Ситуация изменилась в 1960-е годы, когда развивались советско-индийские общественно-политические, культурные, литературные связи. В СССР с конца 1940-х годов активно преподавали новоиндийские языки. Отсутствует объективная оценка роли переводчика в процессе передачи литературного произведения, созданного в рамках одной культурной и литературной традиции, на язык другой цивилизации. Для этого требуется формирование единой – двусторонней и комплексной - информационной системы данных.

Общеизвестно, что Россию и Индию связывают давние и разнообразные отношения, уходящие в глубь веков. Большую роль в этом играет литературное взаимодействие двух стран. Началось оно, судя по дошедшим до нас литературным памятникам, еще XV веке, когда тверской купец Афанасий Никитин описал своё путешествие и пребывание в Индии в «Хождении за три моря». Примечательно, что этот труд был опубликован лишь в 1821 году. Но литературная связь

наших стран продолжалась и в XVIII – начале XIX века. Это было засвидетельствовано в книге Герасима Степановича Лебедева «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев».¹ Уже в те далёкие годы русский музыкант и путешественник, которого считают одним из основателей индийского театра Нового времени, смог познакомить русских читателей с популярным в Индии старинным сюжетом о Видье и Сундаре. Герасим Лебедев перевёл со старо-бенгальского вторую часть панегирической поэмы «Оннодамонгол каббо» (от санскр. «Аннадамангалкавья») придворного бенгальского поэта Бхаратчондро Рая.²

Именно эта часть трёхчастной поэмы популярна и по сей день под названием «Видья-Сундар, или Калика мангал» (прославление Кали). В ней излагается любовный сюжет, который был известен и в санскритской поэзии («Чаурапанчашика» Бильханы). Главные герои - принцесса Видья (Знание, Наука) и принц Сундар (Красота). Поэтические достоинства «Видья Сундар», светский характер трактовки сюжета о двух влюблённых, которым помогает богиня, использование новых тем, а также хорошо известных исторических и этнографических реалий, всё это способствовало славе и самого поэта, и его поэмы. Исследовательница лебедевского перевода «Биддешундор» (возможен вариант перевода названия как «Красота познания/учености») Е.К. Бросалина выяснила, что Г. С. Лебедев выбрал для перевода вариант, который «не совпадает ни с одним из опубликованных до сих пор вариантов поэмы». По её мнению, этот перевод, вероятно, был «сделан на основании одного из списков, использовавшихся в качестве сценариев для представлений народной драмы в Калькутте того времени. Издание рукописи (...) в силу этого будет интересно как публикация неизвестного до сих пор варианта классического произведения бенгальской литературы XVIII в.».³ Помимо перевода этой части поэмы наш соотечественник включил несколько песен из «Видья Сундар» и в одну из своих постановок. В статье «Рукопись Г. С. Лебедева «Красота учености» Е. К. Бросалина делает предположение: «Именно популярность этой любовной истории в формате народного театрального действия навела Г.С. Лебедева на мысль использовать

¹ Г.С. Лебедев. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Акад. развития, 2009.

² Sukumar Sen. History of Bengali Literature. Calcutta: Sahitya Academi. Reprint: 1992, С.75.

³ Хаят Мамуд. Герасим Степанович Лебедев. Пер. Е.К.Бросалиной и др. Ярославль: Академия развития, 2013, С.18.

некоторые его приёмы (музыкальное оформление, традиционные хоровые и танцевальные интермедии, отдельные стихотворные фрагменты) при постановке пьесы Р.П. Джодрелла, что и обеспечило его представлениям шумный успех среди местной элиты».⁴ Важен интерес русского исследователя к этому произведению и то, что оно было переведено им на русский язык. Известно, что индийцы бережно хранят память Герасима Лебедева, почитая его родоначальником Нового индийского театра. А для русских людей очень ценно то, что он смог донести до нашей Родины важные, до той поры неизвестные сведения о жизни, культуре, литературе далёкой и загадочной Индии. В частности, сам Герасим Лебедев писал, что «перевёл из древних книг экстракт героического стихотворца Бхаратчондрораи, который написал (...) так сладкоречиво, приятно, ясно и справедливо, что многие вытврживают наизусть».⁵

Примечательно, что помимо перевода этой части поэмы наш соотечественник включил несколько песен из «Видья Сундара» и в одну из своих постановок, что подтверждает литературно-культурное взаимодействие наших стран в XVIII веке. По сути, это было единичным явлением, но при этом и подлинным началом длительного и успешного процесса взаимообогащения двух культур – индийской и русской. История изучения Индии в нашей стране – от зарождения отечественной индологии и до первой трети XIX века хорошо представлена в книге проф. А. А. Вигасина «Изучение Индии в России»⁶ Но настоящая эпоха «прямых» переводов с индийских языков (поначалу преимущественно с санскрита и пали) на русский началась лишь в последней трети XIX века. При этом переводы-переложения некоторых произведений индийской литературы, для чего использовались языки – посредники, например, английский, французский, появились раньше. В связи с этим следует назвать великого русского поэта XIX века, наставника и старшего друга А.С. Пушкина – Василия Жуковского, который перевёл «Наль и Дамаянти». Вступление, с подзаголовком «Индийская повесть», начинается так: «В те дни, когда мы верим нашим снам/ И видим в их несбыточности быть,/ Я видел сон: казалось, будто я/ Цветущею долиной Кашемира/ Иду один; со всех сторон вздымались/ громады гор...». Этот фрагмент

⁴ Е. К. Бросалина, А. Л. Сладков. Рукопись Г. С. Лебедева «Красота учености»./ Индоевропейское языкознание и классическая филология XIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб. Наука, 2009, 93.

⁵ История Всемирной литературы. Москва: Наука, 1988. Т. 5, С. 552.

⁶ А. Вигасин. Изучение Индии в России». М.: Степаненко, 2008.

вошёл в издание «Весть. Книга советско-индийской дружбы».⁷ В неё включены и стихи других русских поэтов конца XIX – начала XX века – Афанасия Фета «Саконтола» (Шакунтала), С. Надсона «Три встречи Будды», посвященные Индии стихи К. Бальмонта и В. Брюсова, которое выразительно озаглавлено «Подражание Рабиндранату Тагору». Эти стихи Валерия Брюсова, увлекавшегося Индией, датированы 1913 годом, т.е. они были явным откликом на присуждение Нобелевской премии великому бенгальскому поэту и прозаику. И это было не единичным явлением. Примечательно, что первое собрание сочинений Р. Тагора, переведённых на русский язык, было издано в 6 томах, куда вошли в основном поэтические произведения. Оно вышло в свет уже в 1914-16 годах в издательстве «Современные проблемы». В 1917 это собрание было частично переиздано уже в 10-ти томах, в том же издательстве. Практически одновременно, в издательстве В. Португалова, выходило 7-митомное издание «Собрания сочинений» Р. Тагора. Обратим внимание, что это происходило в годы Первой мировой войны. Следует учесть и то, что в это же время издавались и отдельные произведения Р. Тагора. Всё это, несомненно, способствовало большой популярности именно Рабиндраната Тагора у нас в стране. (Замечу, что даже в легендарном «Золотом телёнке» Ильфа и Петрова главный герой – плут Остап Бендер – характеризуется как «любимец Рабиндраната Тагора», что, пусть и иронично, но свидетельствует об известности индийского поэта в самых широких слоях народа). Такая популярность, несомненно, стала возможной и благодаря мировой славе самого поэта, и его приезду в СССР в 1930 году, но ещё более – многочисленным переводам его произведений на русский язык, которые публиковались вплоть до середины 1930-х. А потом наступил длительный перерыв, который прервался лишь в середине 1950-х.

Именно в это время в нашей стране, после визита руководителей КПСС и правительства СССР в Индию, произошёл буквально взрыв интереса к Индии и резкий рост переводческой активности, которая, естественно, поддерживалась официально. Но и в наши дни можно утверждать, что Рабиндранат Тагор по-прежнему является одним из самых известных индийских писателей в России, чьи произведения были и самыми издаваемыми в нашей стране в советские годы – и в Союзных республиках тоже. В самой Индии переводы с русского на новоиндийские языки появились лишь в XX веке. Одним из первых переводов на хинди был перевод рассказов Л.Н. Толстого великим

⁷ Весть. Книга советско-индийской дружбы. М. – Дели: Радуга, Rahnpal and Sons, 1987, С. 77.

прозаиком хинди Премчандом. Он в 1927 году перевёл с английского языка на хинди сборник «Stories by Count Leo Tolstoy». Подробно об этом можно прочесть в статье о переводах произведений самого Премчанда в нашей стране “Premchand in Russian: translation, reception, adaptation”.⁸ Важно подчеркнуть один примечательный факт, демонстрирующий, что два великих писателя сыграли знаменательную роль в русско-индийском литературном взаимодействии. Помимо того, что Премчанд, основоположник современной прозы хинди, познакомил своих читателей с рассказами Л.Н. Толстого, он фактически стал и автором первого рассказа хинди, переведённого на русский язык. Дело в том, что выдающийся русский индолог А.П. Баранников написал рецензию на перевод Премчандом с английского рассказов Л.Н. Толстого. В ней он стремился передать характерные черты стиля и художественные особенности языка самого Премчанда - писателя. Для того, чтобы продемонстрировать это, А.П. Баранников сделал обратный перевод на русский язык его перевода - адаптации на хинди короткого рассказа Л.Н. Толстого «Девочки умнее стариков».⁹ Премчанд изменил название рассказа, на хинди он стал называться “Baal leelaa” (Детская игра), изменил реалии, воспользовавшись приёмом «склонения на местные нравы». Так, вместо Пасхи в рассказе на хинди празднуют Холи, изменились и имена двух девочек, но в целом, перевод, хотя и с английского, достаточно близок к русскоязычному оригиналу. Интерес к Премчанду у А.П. Баранникова был не случаен, еще до своей рецензии он перевёл рассказ писателя «Saut» на украинский язык, оставив название - термин практически неизменённым – «Савт». В те годы Баранников был уже профессором Ленинградского Восточного Института и ясно видел, насколько важно современных, «живых» индийских языков. Осознавая необходимость изучения санскрита для постижения индийской культуры, истории и литературы, он всё же считал, что в XX веке этого не достаточно для знания и понимания современной Индии.

Практический интерес к новоиндийским языкам, в частности, хиндустани, возник в нашей стране довольно поздно, на рубеже XIX-XX веков, но изучение и овладение языком, необходимое для устного и литературного перевода, началось еще позже. Литературовед, специалист по литературе урду и переводчица индийской литературы А.А. Суворова справедливо отмечает: «Начало регулярных

⁸ Guzel Strelkova. Premchand in Russian: translation, reception, adaptation //Premchand in World Languages. Ed. M.Asaduddin. L., N. York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. P. 76-93.

⁹ А.П.Баранников Индийская филология: Литературоведение ИВЛ, 1959.

исследований литератур на индийских вернакулах (новоиндийских индоевропейских языках Южной Азии) восходит к научной деятельности академика А.П. Баранникова». ¹⁰ На наш взгляд, в Индии об этом индологе знает гораздо больше людей, чем в нашей стране, поскольку его перевод «Рамачаритаманаса» (Океана сказаний о подвигах Рамы) Тульсидаса, выполненный не только с *авадхи* и *браджа* (литературных диалектов хинди), но и санскрита, до сих пор считается научным и переводческим, более того, духовным подвигом. В нашей стране к этому переводу А.П. Баранникова относятся по-разному, для чего есть, очевидно, веские основания. ¹¹ Для многих индийцев «Рамаяна» Тульсидаса – это священный текст, который воспринимается ими отнюдь не как памятник высокой средневековой литературы. С другой стороны, индийские специалисты-филологи, владеющие русским языком, могли по достоинству оценить такой перевод грандиозного памятника средневековой литературы Индии. Тем более что для А.П. Баранникова–индолога это была как раз литература – огромная религиозно-эпическая поэма, которую необходимо было перевести максимально приближенно к тексту, передавая при этом все её художественные особенности. Именно о них была им написана отдельная статья, а сам перевод памятника завершён во время Великой отечественной войны, в Казахстане, куда Баранников был эвакуирован из блокадного Ленинграда. Перевод был издан в 1948 году и сопровождался обстоятельными комментариями и предисловием. На мой взгляд, это очень тщательный, «тяжеловесный» перевод, читать его довольно сложно, ведь так или иначе, необходимо погружаться в атмосферу индийского средневекового сознания. Сам текст насыщен многими смыслами, отступлениями, поучениями и отличается большим своеобразием, при всей его традиционности.

Представляется, что в работе над переводом большую помощь А.П. Баранникову оказал уникальный индийский учёный, писатель, автор известного романа «От Волги до Ганга» (*Volga se Gangaa tak*), переводчик, полиглот Рахуль Санкритьяян. Хотя это предположение требует дальнейших изысканий, можно сослаться и на самого Р. Санкритьяяна, который писал: «Алексей Петрович Баранников не столь хорошо известен индийцам. Его следует знать лучше. Он перевёл «Премсагар» Лалу джи Лала и «Рамачаритаманаса» Тулсидаса. В переводе Рамаяны Тулси он продемонстрировал не только свою

¹⁰ А.Суворова «Индоевропейские литературы Южной Азии (средневековая и традиционная литература)»/Изучение литератур Востока. Россия, XX век. Москва: «Восточная литература» ИВРАН, 2002, С. 425.

¹¹ Там же.

учённость, но и веру. Он стремился сохранить в русском переводе метрические формы и строки точно так же, как это было в оригинале авадхи. Когда эта работа находилась в печати в России, я был в Ленинграде, и он консультировался со мной по многим вопросам, включая выбор иллюстраций. <...> Он был большим лингвистом».¹² Хорошо известно, что Р. Санкритьян не раз приезжал в Советский Союз, работал в Академии Наук и преподавал в Ленинградском университете в конце 1930-х и в 1947 годах. Об этом со мной поделилась воспоминаниями одна из наших старейших специалистов по литературе хинди Нина Дмитриевна Гаврюшина, поступившая ЛГУ именно в то время. Кроме этого, несколько лет назад, во время Vishva Hindi Parishad, происходившего в Дели, я лично встречалась с дочерью Рахула Санкритьяна, которая говорила о любви своего отца к нашей стране, его огромной работе, которую он вёл в годы пребывания в СССР. Опубликована и примечательная статья отечественного журналиста Л.В.Митрохина, долгие годы работавшего в Индии, о большом вкладе Рахула Санкритьяна в российскую индологию, о его дружеском сотрудничестве с Юрием Николаевичем Реорихом – «Махапандит Р. Санкритьяна и Ю. Рерих. История писем, обнаруженных в Дарджилинге».¹³

Сам Рахул Санкритьян и его деятельность – литературная и преподавательская, являются ярким примером культурного и литературного взаимодействия наших стран. Примечательно, что Прабхакар Мачве свою небольшую статью «К истории советской индологии», вошедшую в уже упоминавшийся сборник «Весть», начинает именно так: «Покойный Рахуль Санкритьян много рассказывал мне об академике А. П. Баранникове (1890 – 1952), его поистине героической работе над переводом поэмы Тульсидаса «Море подвигов Рамы», законченной им в 1948 году».¹⁴ А вот как вспоминает о первой встрече с ним в далёкие 1940-е годы известный индолог-этнограф Наталья Гусева: «И в один прекрасный день произошло чудо: в нашу аудиторию вошел индеец. Первый настоящий индеец, которого нам довелось увидеть. Он оказался преподавателем индийских языков и в том числе санскрита, и мы впервые услышали живую речь того народа, к которому устремлялись наши мечты. Это был известный индийский

¹² Мачве Прабхакар. К истории советской индологии./ Весть. М. - Дели, Радуга: 1987, С. 40-41.

¹³ Л.В.Митрохин. Махапандит Р. Санкритьян и Ю.Рерих.// Воспоминания о Ю. Н. Рерихе: 1994.

¹⁴ Весть. Книга советско-индийской дружбы. М. – Дели: Радуга, Rahrpal and Sons, 1987, С. 73.

ученый, историк и лингвист, профессор Рахула Санкритьяяна, давший нам за время своей преподавательской деятельности великое множество самых разных и достоверных сведений об Индии. Это не значит, что наши русские преподаватели чего-то не знали – знали, и даже очень глубоко, и языки, и историю, и все, чему нас учили, но они не обладали, так сказать, эффектом визуальности, а профессор сам по себе был чем-то похожим на экспонат. Да к тому же еще знал русский язык»¹⁵. Важно и то, что на русский язык были переведены два романа Рахула Санкритьяяна: «В забытой стране» (пер. с хинди Юрия Маслова)¹⁶ и «От Волги до Ганги. История арьев в рассказах» (пер. с английского Н. Гусевой)¹⁷. Известно, что во время написания этой книги, в 1942 году, Р. Санкритьяян находился в тюрьме – был арестован за участие в национально-освободительном движении. К тому времени он уже написал свой первый роман, его увлекали исторические романы Бхагават Шарана Упадхьяя, в результате и он сам написал свой псевдоисторический роман, состоящий из 20 новелл (в русском, сокращённом переводе 18 глав). Книга начинается с главы, названной по имени главной героини первой новеллы, Ниши, матери рода, и предупреждения «Место: область истоков Волги. Народ: индоевропейцы. Время: 6 тысячелетие до н.э.»¹⁸, а завершается 1942 годом, когда Махатма Ганди провозгласил лозунг «Вон из Индии!» Издана книга «От Волги до Ганга» была годом позже, в 1943, вскоре переведена на многие языки, прежде всего индийские, и пользовалась большой популярностью. Так называемая «Арктическая теория», которая уже давно развенчана и считается устаревшей, нашла некоторое отражение и в этой книге, что вполне объяснимо. Рахул Санкритьяян был выдающимся человеком своего времени, сыном Индии и всего мира, поэтому какие-то актуальные на ту пору теории не прошли и мимо него. И в книге «От Волги до Ганги», в которой он, на основе марксистской теории классов и классовой борьбы, в нескольких новеллах-главах хотел показать эволюцию всего человечества, отразилось состояние исторической науки его эпохи. Кроме того, большую роль сыграла и популярность книги Б.Г. Тилака «Арктическая родина в Ведах», написанная еще в 1903 году. Сам Р. Санкритьяян

¹⁵ Книгу Н. Гусевой можно прочесть на < <http://devanagari.ph/knigi/kultura-narodov-vostoka/eti-porazitelnye-indijtsy-n-r-guseva-2007>.

¹⁶ Роман был переиздан в 2017 году, вошёл в одноименный сборник фантастических и приключенческих произведений, изданный в Новороссийске издательством. CIMMERIA.RU См. в интернете <<https://www.e-reading.club/chapter.ph>>

¹⁷ Р.Санкритьяяна. От Волги до Ганга. М.: ICCR, JNCC, Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002.

¹⁸ Там же. С. 13.

постоянно обращался к древней истории Индии и других стран, воссоздавал времена зарождения и развития буддизма, писал романы, в которых стремился воссоздать ход исторического развития и с позиций марксизма. В любом случае, он был учёным, полиглотом, прекрасным специалистом во многих областях знаний, и внёс большой вклад в то, чтобы литературы наших стран сближались, а народы понимали друг друга.

Почти до середины XX века индийские читатели знакомились с русской литературой с помощью языка-посредника – читая переводы на английском языке, так как в Индии было мало специалистов, владеющих русским языком. Ситуация изменилась в 1960-е годы, когда начали активно развиваться советско-индийские общественно-политические связи, упрочились также культурные и литературные. В СССР возобновилось и со второй половины 1950-х годов активно развивалось преподавание новоиндийских языков, прежде всего хинди и урду. В результате появились отечественные переводчики с этих языков (В. Балин, В. Чернышев, Л. Кузнецов, Н. Солнцева, М. Салганик, А. Сенкевич и многие другие). Были созданы издательства «Восточная литература» - в 1957 году, позже «Прогресс», «Радуга», «Мир», где работали отечественные и индийские переводчики. Одни из самых известных и значительных – Мадан Лал Мадху, Бхишма Сахни, Йогендра Нагпал, долгие годы работавшие переводчиками с русского на хинди в издательстве «Радуга». Незадолго до смерти М.Л. Мадху опубликовал двухтомник своих воспоминаний “Yadon ke dhundhale-ujale chehre” (Туманные - яркие лики воспоминаний) (Madhu 2011-2012). В этих двух книгах собраны и его детские, школьные воспоминания, описаны и годы учёбы в Панджабском университете Лахора, и последующая работа на радио, в издательствах Индии и Советского Союза. Но самое главное, эти мемуары – помимо того, что они увлекательно и хорошим языком написаны, дают замечательную картину литературной жизни той эпохи и зарисовки видных писателей и литераторов хинди, работавших или приезжавших в СССР в 1960-1980 годы, и политические события в нашей стране уже после Перестройки, вплоть до 2011 года.

Важно, что в самой Индии шла и идёт подготовка специалистов, владеющих русским языком, некоторые из которых, в основном выпускники Университета им. Джавахарлала Неру, впоследствии стали переводчиками русской литературы. Отмечу лишь двух из них, проф. JNU в отставке Варьяма Сингха и преподавателя ИСАА МГУ, поэта и переводчика Анила Джан Виджая, выпускника Литературного института им. Горького. Благодаря их переводам читатели хинди смогли познакомиться со стихами многих русских поэтов, например, выдающихся поэтов Серебряного века Марины Цветаевой и Осипа

Мандельштама, чью поэзию знают и ценят читатели во всём мире. В 2005 и 2015 годах вышли в свет два сборника поэзии Осипа Мандельштама “Tere kadmon kaa sangeet” (Музыка твоих шагов) и “Sukhe honthon kee pyaas” («Жажда пересохших губ») в переводе А. Дж. Виджая. Он создал и два литературных электронных ресурса – kavitakosh и gadyakosh.

Знарок русского языка и литературы, сам поэт, уроженец долины Кулу, Варьям Синх, член Литературной Академии Индии, перевёл и продолжает переводить стихи многих русских поэтов, но творчество Марины Цветаевой ему особенно дорого. Еще в 1987 году он выпустил сборник её стихов «Auega din kavitaan ke» (Придёт день стихов), в известном издательстве Раджкамал пракашан. Очевидно, в качестве заглавного произведения этого сборника было выбрано «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд». Кроме этого, в 1992 году Варьям Синх стал редактором-составителем и переводчиком сборника “Kuchh chitthiyan, kuchh kavitaayen”, в который вошли переводы её писем, адресованных Василию Розанову, Максиму Волошину, Петру Эфрону, Борису Пастернаку, Анне Ахматовой и некоторым другим адресатам. В сборнике представлены также отрывки из некоторых статей Марины Ивановны и переводы 29 стихотворений, дающих представление о её эволюции как поэта – с 1909 («Мольба/Молитва» Praarthnaa) до 1941 (Duhraati hoon pehlee panktee –Повторяю первую строку). Произведения, включенные в эти изданные на языке хинди поэтические сборники Марины Цветаевой и Осипа Мандельштама, на мой взгляд, наглядно демонстрируют диапазон их творчества и таланта. Благодаря переводам этих стихов можно также проследить и творческую эволюцию двух великих русских поэтов. Очевидно, отбор стихов определялся и индивидуальными вкусами переводчиков, а также их стремлением наиболее полно отразить разные черты творчества поэтов, разнообразие тем и стилистические особенности их поэзии, а также дать представление о мотивах, сюжетах и самобытности этой поэзии. Тщательный анализ особенностей перевода, выполненного двумя индийскими знатоками русской поэзии – тема уже другой статьи.

В заключение следует подчеркнуть, что за всё время переводов русской литературы на индийские языки и индийской литературы на русский язык создано и накоплено огромное литературное богатство, которое нужно знать и беречь. «Библиография Индии» подтверждает этот факт. Однако до сих пор не разработан комплексный подход к осмыслению, изучению и научной оценке общего количества этих двусторонних переводов. Отсутствует объективная оценка роли переводчика в процессе передачи литературного произведения, созданного в рамках одной культурной и литературной традиции, на язык другой

цивилизации. Для этого требуется формирование единой – двусторонней и комплексной - информационной системы данных.

Библиография

- Баранников А.П. Баранников Индийская филология: Литературоведение ИВЛ, 1959.
- Бросалина Е. К. Бросалина, А. Л. Сладков. Рукопись Г. С. Лебедева «Красота учености» // Индоевропейское языкознание и классическая филология XIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб. Наука, 2009.
- Весть Весть. Книга советско-индийской дружбы. М. – Дели: Радуга, Rahlpal and Sons, 1987.
- Вигасин А. Вигасин. Изучение Индии в России». М.: Степаненко, 2008.
- Гусева - Н. Гусева Эти поразительные индийцы, М.: АСТ, Астрель, 2007.
- ИВЛ - История Всемирной литературы. Москва: Наука, 1988. Т. 5.
- Лебедев - Г.С. Лебедев. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Акад. развития, 2009.
- Мамуд - Хаят Мамуд. Герасим Степанович Лебедев. Пер. Е.К.Бросалиной и др. Ярославль: Академия развития, 2013.
- Мачве -- Мачве Прабхакар. К истории советской индологии. / Весть. М. - Дели, Радуга: 1987.
- Митрохин - Л.В. Митрохин. Махапандит Р. Санкритьяян и Ю.Перих. // Воспоминания о Ю. Н. Перихе: 1994.
- Санкритьяян - Р. Санкритьяян. В забытой стране. М.: Детгиз, 1959.
- Санкритьяян – Р. Санкритьяян. От Волги до Ганга. М.: ICCR, JNCC, Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002.
- Суворова - А. Суворова «Индоевропейские литературы Южной Азии (средневековая и традиционная литература)» // Изучение литератур Востока. Россия, XX век. Москва: «Восточная литература» ИВРАН, 2002.
- Machve Prabhakar Machve. Rahul Sankrityayan. Delhi Sahitya Academy, 1978.
- Madhu Madanlal Madhu. Yadon ke dhundhale-ujale chehre. N. Delhi Medha Books, Bhaag 1, 2 2011, 12.
- Strelkova Guzel Strelkova. Premchand in Russian: translation, reception, adaptation // Premchand in World Languages. Ed. M. Asaduddin. L., N. York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. P. 76-93.
- Sen Sukumar Sen. History of Bengali Literature. Calcutta: Sahitya Academi. Reprint: 1992.

Сочинения о славянах на французском языке в книжном собрании Строгановых

I.A. Poplavskaya

G.I. Kolosova

The article considers the perception of the ideas of Slavic unity by Russian aristocrat, diplomat, G.A.Stroganov on the material in his library. Pan-Slavism ideas are presented through their interpretation in Russian, French and Common Slavic cultural consciousness, as well as in the minds of the book collection owner. The authors of the books conceptualize the Russian version of Pan-Slavism as centralizing and patronizing other Slavic communities. The “centripetal” and “centrifugal” tendencies in the Slavic world are described on the material of Polish and Czech (Bohemian). Ideas of Pan-Slavism are considered in connection with the practice of nation-building of the 19th century, with the ideas of national revival in Poland and Bohemia, with the awareness of the Common Slavonic and national identity of individual communities. The ideas of Polish Messianism and Czech Austro-Slavism are analyzed in terms of designing the Slavic cultural community.

В Научной библиотеке Томского университета хранится одна из уникальных книжных коллекций Сибири – родовая библиотека Строгановых. Последним владельцем этого книжного собрания был граф Григорий Александрович Строганов (1770-1857). Г.А. Строганов – представитель одной из ветвей аристократической фамилии Строгановых, русский посланник в Испании (1805-1809), Швеции (1812-1816), Турции (1816-1821). В 1838 г. он представлял Россию на коронации английской королевы Виктории.

Книжное собрание Строганова формировалось на протяжении семидесяти лет и включало в себя более 24000 томов на французском, английском, немецком, испанском, итальянском, шведском, русском и других языках. В 1879 г. библиотека Строганова была подарена его сыновьями Сергеем Григорьевичем (1794-1882) и Александром Григорьевичем (1795-1891) только что основанному по приказу императора Александра II Сибирскому университету. В настоящее время она хранится как единое целое в Научной библиотеке Томского университета.

Основную часть этой книжной коллекции составляют книги на французском языке. В настоящее время французская часть книжного собрания Строгановых включает в себя свыше 20000 томов. Литература

на славянских языках (русском, чешском) сравнительно немногочисленна и насчитывает свыше 200 томов.

Цель статьи видится в реконструкции образа славянского мира на основе анализа книг по истории и культуре славянских народов в библиотеке Строгановых.

Новизна исследования заключается в раскрытии взаимосвязи между процессами формирования отдельных славянских государств в Центральной (Польша, Чехия) с практиками национального и культурного строительства в первой половине XIX века.

Славянский мир понимается нами как национальное сообщество, которое начинает активно формироваться в эпоху «печатного капитализма». Возникновению этого сообщества, включающего в себя западнославянские, восточнославянские и южнославянские народы и племена, способствует появление печатных языков, создание на этой основе устойчивого исторического и культурного прошлого славян и образование «языковых» центров славянских народов в России, Польше, Чехии и Сербии¹. Процесс презентации славянского мира в библиотеке Строгановых носит двунаправленный характер: он отражает представление самих славянских народов о себе, о близости их религии, языков и культуры и одновременно видение славянского мира с позиции французской нации². Итогом этого становится формирование в сознании владельца библиотеки представления об активной включенности России как в общеславянский, так и в общеевропейский историко-культурный процесс первой половины XIX века.

Славянский мир формируется в данном книжном собрании разными типами национальных нарративов, раскрывающих общность языка, веры, материальной и духовной культуры славянских народов³. Сочинения о славянах на французском языке в библиотеке Строгановых представлены прежде всего книгами по польской литературе, изданной на французском языке. Они отражают процесс формирования национальной культуры в Польше в первой трети XIX в. В 1822-1824 гг. в Париже выходит антология мировой драматургии в 25 томах под названием «Chefs-d'oeuvre des Theatres Etrangers» («Шедевры

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково Поле, 2001. С. 67.

² Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. С. 102-124.

³ Седов В.В. Избранные труды: Славяне. Древнерусская народность. М.: Знак, 2005. С. 576.

зарубежных театров»). Она включает в себя отдельные тома, посвященные немецкой, английской, китайской, датской, испанской, голландской, индийской, итальянской, португальской и шведской драматургии, переведенной на французский язык. В двух специальных томах этого собрания напечатаны пьесы русских и польских авторов. В 22 томе опубликованы произведения польских драматургов. Этот том открывается предисловием «Взгляд на польскую драматургию», написанную Альфонсом Дени. В нем автор говорит о влиянии французской литературы и французского театра на становление польской литературы в XVI - XVIII вв. и на ее развитие в 1800 – 1810 гг. Характеризуя современное состояние польской литературы, Альфонс Дени пишет: «Географическое положение Польши, расположенной вдали от центра европейской цивилизации и лишенной поддержки со стороны других наций в деле просвещения, стало несомненной причиной забвения, в котором она пребывает сегодня; забвения, которое странным образом контрастирует с ее военной славой, великодушными устремлениями ее населения и любовью к искусствам»⁴.

В этом томе напечатаны 6 произведений польских авторов. В их числе историческая трагедия в стихах под названием «Барбара Радзивилл» (1817) поэта, драматурга и переводчика Алоизия Фелинского (1771-1820); историческая трагедия в стихах «Глинский» (1810) поэта, прозаика, драматурга и переводчика Франтишека Венжика (1785-1862); историческая трагедия в стихах «Ванда» Юлиана Немцевича (1757-1841); комедия в прозе «Именины» (1784) государственного и политического деятеля, князя Михаила Казимира Огинского (1729-1800). Заслуживает особого внимания предисловие к этой комедии, свидетельствующее о возможной причастности императрицы Екатерины II (1729-1796) к ее написанию. В нем говорится о том, что «эта комедия была написана в 1784 г. князем Михаилом Огинским, польским аристократом, который был принят при дворе Екатерины II. Он обладал разнообразными талантами и любил театр; он намекает в предисловии, которое предшествует этому произведению, что императрица приняла участие в создании этой комедии; это обстоятельство, если оно не ложное, побудило нас познакомить с ней публику»⁵. Также в этом сборнике помещены комедия в прозе «Удары судьбы» А. Мовинского и трагедия «Отказ греческим послам»,

⁴Chefs-d'oeuvre des théâtre polonais. A Paris: Chez Ladvocat, Libraire, 1823. V. 22. P. 20. Переводы текстов с французского языка на русский язык здесь и далее выполнены О.В. Крущевой и И.А. Поплавской.

⁵ Там же. P. 289.

описывающая отъезд Одиссея и Менелая из Трои, не сумевших добиться возвращения похищенной Парисом Елены. Автором этой трагедии был знаменитый польский поэт эпохи Возрождения Ян Кохановский (1530-1584). Обращение к жанру трагедии и бытовой комедии свидетельствует о влиянии традиций французского классицистического театра на польскую драматургию, об интересе польских авторов к изображению «жизни сердца» главных героев, о формировании литературной мифологии на основе событий из национальной истории, о трагическом осмыслении представленных в них историософских проблем.

Из современных польских авторов, произведения которых были переведены на французский язык, в библиотеке Строгановых имеются поэмы «Конрад Валленрод», «Фарис» и «Крымские сонеты» А. Мицкевича (1798-1855), изданные в 1830 г.⁶

Идеи польского мессианизма представлены в книге поляка, графа Венцеслава Яблоновского под названием «La France et la Pologne, le Slavianisme et la dynastie polonaise» («Франция и Польша, славянизм и польская династия»). Она была издана в Париже в 1843 г. Сочинение Яблоновского написано с позиции «центробежных» тенденций в славянско-польском дискурсе. Проследивая отношения между Польшей и Францией, Польшей и Россией в первой трети XIX в., автор говорит о том, что к сожалению поляков – сторонников Наполеоновской империи – примешивалась в то время мысль о неблагодарности Наполеона по отношению к Польше. Здесь речь идет об образовании в 1807 г. Великого Герцогства Варшавского, которое выступало на стороне Наполеона и которое в 1815 г. по решению Венского конгресса было присоединено к России в качестве автономного Царства Польского. Таким образом, эпоха Реставрации вновь не оправдала надежд поляков на их поддержку со стороны Франции в борьбе за политическую независимость. Говоря о поражении польского восстания 1830 г., автор связывает это событие с подавлением восстания декабристов в России, в результате которого к власти пришел император Николай I. Его крайняя жесткость в этих обстоятельствах стала выразительным символом его царствования и помешала широкому распространению идей о мессианском предназначении Польши в других европейских странах⁷.

Материалы библиотеки Строгановых позволяют сделать вывод о том, что в первую половину XIX в. Польша и Франция по-прежнему

⁶ Mickieviwicz A. Konrad Wallenrod, récit historique. Le Faris. Sonnets de Crimée. Paris: Sédillot, 1830.

⁷ Jablonowski V. La France et la Pologne, le Slavianisme et la dynastie polonaise. Paris: Renouard, 1843. P. 18, 121-122.

находились в поле взаимного культурного притяжения. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные обращения французских беллетристов к польской тематике. В их числе роман французского писателя Ш.А. Пижо-Лебрена под названием «Метушко, или Поляки», вышедший в 1800 г.; роман Ж. Гжински и Г. Демольера под названием «Царевич Константин и Жаннетта Грудзинская, или польские якобинцы», изданный в 1833 г. Нужно сказать и о постоянном присутствии польской темы на страницах французской периодической печати того времени, среди которой важное место отводится журналу «Revue des Deux Mondes» («Обозрение двух миров»). Важную роль в интересе французской нации к славянской культуре сыграли публичные лекции русского поэта В.К. Кюхельбекера (1797-1846) о славянском языке и русской литературе, прочитанные в Париже в 1821 г., и лекции по истории славянских литератур А. Мицкевича, прочитанные в Коллеж де Франс в 1840-1845 гг.

Литература на чешском языке в собрании Строгановых была представлена раритетной рукописью под названием «Widienyee swatee Brigitti» («Видения святой Бригитты») 1491 г., которая еще до отправки книжной коллекции в Томск была передана на хранение в Императорскую Публичную библиотеку (Отчет 1893: 13). В ней речь идет об откровениях Св. Бригитты Шведской (1303-1373), которые многократно издавались на латинском и других европейских языках.

«Чешский текст» на французском языке формируется в разных типах изданий. В их числе «Almanach de Carlsbad» («Карлсбадский альманах»), выходивший в Праге в 1831-1835 гг. под редакцией Жана де Карро, писателя и доктора медицины в университетах Эдинбурга, Вены и Праги. «Карлсбадский альманах» - это популярное научно-литературное издание, включающее в себя материалы по медицине, а также по истории, литературе и культуре славян. В частности, в № 1 альманаха за 1831 г. были опубликованы четыре статьи, посвященные истории славянских литератур: польской, русской, чешской (богемской).

«Письмо о состоянии польской литературы» было написано, как указано в предисловии, неким молодым семнадцатилетним поляком швейцарскому писателю и педагогу Карлу Бонстеттену (1745-1848) из Парижа в Женеву. В нем дается краткий очерк истории польской литературы XVI-XVIII веков. Высоко оценивая состояние польской литературы второй половины XVIII века, автор статьи связывает это с деятельностью последнего польского короля Станислава Августа Понятовского (1732-1798). Из современных польских писателей в письме упоминаются Юлиан Немцевич и Адам Мицкевич. Автор, в частности, пишет о Мицкевиче: «Первый из наших романтических

поэтов, бесспорно, Мицкевич, произведения которого были напечатаны два года тому назад в Париже; <...> Его стихи гармоничны, энергичны и совершенно польские по духу, в них есть все, что выражает самую суть нашего языка»⁸.

В «Письме о современном состоянии русской литературы, написанном одной молодой дамой» представлена история русской литературы от Карамзина до Жуковского, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Баратынского. В этом письме высоко оценивается творчество Пушкина, который «никому не подражает и часто достигает высоты Байрона. <...> Его «Кавказский пленник» передает воинственные обычаи диких народов, «Онегин» - нравы салонов и высшего общества»⁹.

Статья «Взгляд на богемскую литературу Гете» представляет собой перевод на французский язык его заметки, опубликованной в берлинском «Ежегоднике научной критики», № 58-60 за 1830 г. В ней Гете высоко оценивает деятельность представителей чешского Возрождения, связанную с основанным в Праге в 1818 г. Национальным музеем. Среди них Франтишек Палацкий (1798-1876), заведующий историческим отделом музея, автор «Истории народа чешского в Чехии и Моравии», в будущем сторонник концепции австрославизма; основатель славянского языкознания Йосеф Добровский (1753-1829); чешский поэт, переводчик на чешский язык «Слова о полку Игореве» Вацлав Ганка (1791-1861); поэт, писатель и переводчик Франтишек Челаковский (1799-1852), поэт и философ Ян Коллар (1793-1852), профессор и переводчик Венцеслав Свобода. По мнению Гете, «все они образуют кружок уважаемых авторов, благодаря которым богемская литература достигла довольно больших успехов, чтобы не бояться разрушительного действия времени»¹⁰.

В заключительной статье «О современном состоянии богемской литературы» чешского писателя и литературного критика Карела Винаржицкого (1803-1869), переведенной с немецкого, речь идет о современных чешских и словацких писателях и ученых: Колларе, Ганке, Челаковском, П.Й. Шафарике (1795-1861) и др. Автор высоко оценивает «Песни» Ганки, ставшие символами национального возрождения в Чехии и Словакии. Они «имеют совершенно особенный и подлинно национальный характер. Начиная с 1815 года, многие композиторы положили их на музыку, и вся Богемия поет их». Упомянув открытую

⁸ Carro Jean. Almanach de Carlbád, ou mélanges médicaux, scientifiques et littéraires, relative à ces thermes et au pays. Prage, 1831. P. 155-156.

⁹ Carro Jean. Almanach de Carlbád, ou mélanges médicaux, scientifiques et littéraires, relative à ces thermes et au pays. Prage, 1831. P. 176.

¹⁰ Там же. P. 186.

Ганкой Краледворскую рукопись, которая, как известно, является талантливой литературной фальсификацией, автор статьи ссылается на авторитет Гете, публично признавшего ее высокое значение. Винаржицкий отмечает сделанные из нее переводы на немецкий, русский, польский языки и публикацию ее на английском языке в «Антологии богемской»¹¹.

Можно сказать, что литературно-историческая часть «Карлсбадского альманаха» представляет собой своеобразную энциклопедию современной культурной жизни отдельных славянских стран и народов, у которых «на фоне формирования национального самосознания вновь ожило чувство родства, связанное с поисками своих корней»¹².

Истории мировой литературы посвящена книга «Histoire élémentaire et critique de la littérature» («Элементарная и критическая история литературы») Эмиля Лефранка (1798-1854). В ней имеется специальный раздел о литературе на славянских языках: русском, польском, чешском. Говоря о русской литературе, Лефранк выделяет 4 периода в ее истории. Первый период охватывает 862-1224 гг. – от основания русской империи до татаро-монгольского нашествия; второй период приходится на 1224 – 1613 гг. – время от татаро-монгольского нашествия до воцарения династии Романовых; третий период – 1613-1762 гг., от воцарения династии Романовых до вступления на престол Екатерины II; четвертый период связан с 1762-1840-м гг. – временем от вступления на престол Екатерины II и до современности. Предложенная периодизация позволяет сделать вывод о том, что к 1840-м гг. история русской литературы уже насчитывала, по мнению французского исследователя, около 1000 лет.

Среди современных русских лирических поэтов Лефранк выделяет Жуковского, Батюшкова, двух Пушкиных, Василия Львовича и Александра Сергеевича. Первый из них, пишет он, «перевел на французский язык русские песни и сам опубликовал на русском языке оды, басни. <...> Второй был подражателем Байрона и создал, как он, такие романтические поэмы, как «Кавказский пленник». <...> Кроме «Бахчисарайского фонтана, лучшее произведение Александра Пушкина – его поэма «Руслан и Людмила», сказочный сюжет которой взят их эпохи Владимира, русского Карла Великого»¹³.

¹¹ Там же. Р. 201.

¹² Французова О.А. Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. Р. 12.

¹³ Lefranc Emile. Histoire élémentaire et critique de la littérature. Littérature du Nord: allemande, slave, scandinave, des Pays-bas et anglaise. Paris: Périsse, 1844. Р. 242-243.

Также в библиотеке Строгановых имеется книга профессора славянской литературы, преподававшего в Коллеж де Франс, Роберта Киприена (1807-1856) под названием «Le monde slave, son passé, son état présent et son avenir» («Славянский мир: его прошлое, настоящее и будущее»). В ней рассматриваются проблемы панславизма в их одновременном центростремительном и центробежном преломлении. Автор пишет о четырех славянских нациях: русских, поляках, богемцах и югославах (иллирийцах, хорватах, сербах). Он говорит о том, что «эти четыре литературы и национальности имеют сходство такое же, какое имеют между собой романские языки Запада. К несчастью, в настоящее время славянские народы находятся в оппозиции друг к другу. Пагубный дух противостояния особенно проявился в Польше и в России, дух антагонизма между этими двумя странами создал непреодолимые политические и религиозные барьеры»¹⁴. Написанная с позиции человека, принадлежащего к французской культуре, эта книга в целом проникнута сочувственным отношением к славянам, их истории, литературе и культуре.

Третий раздел третьей главы этого сочинения называется «Официальный и централизующий панславизм Петербурга». В нем осмысляются истоки панславистских идей в России в конце 1820 – начале 1830-х гг. Автор пишет: «Около двадцати лет назад <...> русские слависты начали проповедовать новый панславизм в своих сочинениях, в которых постарались доказать идентичность двух слов: *славянский* и *русский*. Венелин и Булгарин доказывали, <...> что все славяне без исключения вышли из России <...> Русская православная церковь была представлена как единственная истинная славянская церковь. Русский язык превозносился как самый богатый и красивый славянский язык, во многом превосходящий по красоте и достоинству польский»¹⁵. В такой трактовке русского панславизма известным деятелем славянского возрождения Ю.И. Венелиным (1802-1839) и писателем Ф.В. Булгариным (1789-1859) акцентируется признание тождества между славянским и русским миром и централизующая роль Российской империи в деле политического и культурного объединения славянских народов¹⁶. Также важно подчеркнуть, что в книге Киприена

¹⁴ Cyprien Robert. Le monde slave, son passé, son état présent et son avenir. Paris: Rassard. 1852. V. 1. P. 99.

¹⁵ Cyprien Robert. Le monde slave, son passé, son état présent et son avenir. Paris: Rassard. 1852. V. 1. P. 123-124.

¹⁶ Киселев В.С. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности // Русин. Международный исторический журнал. 2015. № 3 (41). С. 108 – 127; Прокудин Б.А. Идеи славянского единства в политической мысли России XIX века. М.: Социально-политическая мысль, 2007.

панславизм осмысляется как историческое и культурное явление, возникшее в первой трети XIX в. в ответ на «торжествующий пангерманизм» и способствующее установлению политического равновесия в Европе.

Итак, «славянский текст» в библиотеке Строгановых позволяет реконструировать исторические, литературные и социокультурные корни славянской идентичности и их преломление в сознании русской аристократии первой половины XIX века. В России идеи панславизма на этом этапе были связаны с практикой строительства многонациональной империи, в которой русский народ должен был выступить в качестве титульной нации¹⁷. Важно отметить, что империя воспринимается в это время как устойчивый центр российской государственности, который противостоит стихии жизни как таковой. Философский смысл империи видится «в непрерывном и мучительном преодолении хаоса началом разума и воли», в утверждении идей «свободного консерватизма», в широком распространении культуры и просвещения среди народов, живущих в ней¹⁸. В художественной же литературе этого периода утверждается модель истории как формирующейся национальной тенденции.

Для других славянских народов эти идеи сводились к обретению автономии в пределах Австро-Венгерской (австрославизм) или Османской империи (сербы). Польский вариант панславизма был нацелен в этот период на обретение политической независимости с надеждой на поддержку других славянских народов. По мнению современного исследователя, в настоящее время существование отдельных наций в единстве разделяющих и объединяющих их процессов воспринимается как необходимая основа для их дальнейшего развития¹⁹.

Панславистские идеи в сознании владельца библиотеки Г.А. Строганова преломлялись и сквозь призму его дипломатической деятельности в Испании, Швеции и Турции. Можно сказать, что славянский текст на русском языке в библиотеке Строгановых прочитывается во многом как текст историко-культурный и биографический одновременно.

¹⁷ Bhabha H. *The Location of Culture*. London; New York: Routledge, 1994.

¹⁸ Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX - первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 361.

¹⁹ Plakhy S. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 361.

Bibliography

- Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково Поле, 2016. С. 416.
- Киселев, Виталий. Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности // Русин. Международный исторический журнал / Отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев] 2015. № 3 (41). С. 108 – 127.
- Прокудин, Борис. Идеи славянского единства в политической мысли России XIX века. М.: Социально-политическая мысль, 2007. С. 132.
- Седов, Валентин. Избранные труды: Славяне. Древнерусская народность. М.: Знак, 2005. С. 943.
- Федотов, Георгий. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX - первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 356 - 374.
- Французова, Ольга. Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С.16.
- Шартье, Роже. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. С.272.
- Bhabha, Homi K. The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994. С. 285.
- Carro, Jean. Almanach de Carlbud, ou mélanges médicaux, scientifiques et littéraires, relative à ces thermes et au pays. Prage, 1831. 246 p.
- Chefs-d'oeuvre des théâtre polonaise. A Paris: Chez Ladvoat, Libraire, 1823. V. 22. P. 550.
- Cyprien, Robert. Le monde slave, son passé, son état présent et son avenir. Paris: Rassard. 1852. V. 1. P. 384.
- Jablonowski, Venceslas. La France et la Pologne, le Slavianisme et la dinastie polonaise. Paris: Renouard, 1843. P. 279.
- Lefranc, Emile. Histore élémentaire et critique de la littérature. Littérature du Nord: allemande, slave, scandinave, des Pay-bas et anglaise. Paris: Périsse, 1844. P. 568.
- Mickiewicz, Adam. Konrad Wallenrod, récit historique. Le Faris. Sonnets de Crimée. Paris: Sédillot, 1830. P. 55.
- Plakhy, Serhii. The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 400.

Литература и власть в России. История взаимоотношений

Л.М. Челнокова

The paper “Literature and Power in Russia. The History of Relations” deals with a very controversial side of Russian literature, the relationship of authors with the official authorities during the period of 12-20 centuries. Even the first Russian authors (e.g. in “The Tale of Igor’s Campaign”) were appealing to the political powers, trying to influence them with socially important ideas. The special features of such appeals and different reactions to them from the authorities are analyzed in the paper. The special focus is made on the works of M.Lomonosov, A.Pushkin, A.Radishchev, N.Novikov, K.Ryleen, N.Chernyshevsky, M.Saltykov-Shchedrin and authors of the first half of the 20th century (before and after the Revolution of 1917).

На протяжении истории взаимоотношения литературы и власти не теряли значимости, однако их характер существенно изменялся. В «Слове о полку Игореве» автор от лица Киевского князя наставляет слушателей, что необходимо делать для объединения русских земель. Это главная цель текста, а летопись подвигов князя и дружины является яркой иллюстрацией этой идеи. Император Александр I, дважды отправлявший Пушкина в ссылки, вступал с ним в диалог, реагировал на свободолюбивые стихи. В таком взаимодействии (внешне похожем на противостояние) власти и литературы выковывалась государственная идеология. С А.Н. Радищева и М.Ю. Лермонтова началась традиция оппозиционного отношения литератора и власти, апогеем которой стало творчество Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. С революцией литература стала орудием советской пропаганды, возник литературный цикл ленинианы. Под контроль литературу взял И. Сталин, создав Союз писателей и Литературный институт. Возникло литературной подполье, самиздат, со временем превратившиеся в альтернативную литературную традицию.

Евгений Евтушенко, русский поэт XX века, сказал: «Поэт в России больше, чем поэт»¹. Эта фраза стала крылатой из-за её удивительной точности. Взаимоотношения, взаимовлияние и, в конечном итоге, взаимозависимость русской литературы и власти, а также русской литературы и социума весьма своеобразны, если не сказать уникальны.

¹ Евтушенко, Евгений. Малое собрание сочинений. Москва: Азбука, 2015. С.301.

Уже в первом дошедшем до нас памятнике русской литературы XII века «Слове о полку Игореве», рассказывающем об историческом походе князя Игоря на половцев, неизвестный Автор вкладывает свои прогрессивные идеи в уста своего героя, Киевского князя Святослава, который призывает удельных князей к объединению. «Тогда великий Святослав изранил золотое слово со слезами смешанное: Но вот зло: князья мне не в помощь. Худо времена обернулись (...) Вступите, господа, в золотые стремяна за обиду сего времени. За землю Русскую. За раны Игоря. Удалого Святославича»². Таким образом Автор пытается повлиять на политическую ситуацию в государстве, как бы наставляя удельных князей на путь истинный, на путь объединения.

Несколько позднее, в конце XII века мы можем видеть диаметрально иную ситуацию: Великий князь Киевский Владимир Мономах примерил на себя венец не монарший, а поэтический. Он создал поэтическое произведение «Поучения Владимира Мономаха», где в художественной форме изложил важнейшие жизненные постулаты³. При явной дидактической направленности Послание имеет выраженную художественную природу, обладает эстетической ценностью.

Век XVIII – один из самых противоречивых моментов русской истории. Русское общество вновь раскололось: часть его приняло реформы Петра I, увидев в них возможность ускоренного развития страны, другая половина начала не просто противодействовать им, но яростно бороться с ними, считая их вредными, опасными, губительными для будущего. Ярый приверженец реформ Петра I, М.В. Ломоносов, живший немного позднее и страстно желавший их продолжения, использует литературу в том числе как средство влиять на власть, порой весьма остроумно – в «Оде на тезоименитство Елизаветы Петровны» (1759) дочери Петра I, он прославляет императрицу не только за совершенные деяния, но и за то, что, по мнению Ломоносова, ей еще следует сделать. Он во всеуслышание хвалит её за те дела, которые она не совершала, но, по его разумению, должна была сделать во благо государства⁴.

В конце XVIII века на русском престоле воцарилась Екатерина II. Она играла роль просвещенной государыни, покровительствовала журналистике, сама издавала журнал и публиковалась в нем. Когда же она столкнулась с иными мнениями, то очень жестоко расправилась с литераторами. Так А. Радищева, написавшего повесть «Путешествие из

² Слово о полку Игореве. Москва: Детгиз, 1955. С.81.

³ Поучение Владимира Мономаха. Библиотека литературы древней Руси под ред. Д. Лихачева и др. Т.1. Санкт-Петербург: Наука, 1997. С.3.

⁴ Ломоносов, Михаил. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1986. С.121.

Петербурга в Москву» (1790), где он выявил неприглядные стороны русской действительности, она назвала «Бунтовщиком хуже Пугачёва»⁵ и сослала на пожизненное заключение в Сибирь.

Известный поэт и государственный деятель XVIII века. Г.Р. Державин тоже не нашел возможным не вступить в открытую конфронтацию с Екатериной II, посему и не получил при жизни заслуженных наград. Однако, делая вольный перевод оды древнеримского поэта Горация, он пишет, что главной своей заслугой считает, что сумел «Истину царям с улыбкой говорить»⁶.

Юный А.С. Пушкин в 18 летнем возрасте со всей пылкостью молодости был уверен, что главная задача поэта – влиять на жизнь, на социум, на власть. В своём раннем произведении «Ода вольности» (1817) он открыто призывает к свержению самодержавия, «Тираны мира, трепещите, а вы мужайтесь и внемлите: восстаньте, падшие рабы»⁷. За столь открытое нападение на власть, Пушкин поплатился 5 годами ссылки. В более зрелом возрасте, что нам понятно из его стихов, поэт решил, что истинная свобода стихотворца – держаться подальше от власти, быть верным только своему предназначению. Но истинное предназначение поэта, по его словам: «Глаголом жечь сердца людей»⁸. Для него поэт и пророк – синонимы: поэт наделен особым зрением и слухом, он способен предвидеть будущее, а значит и советовать царям. У самого же Пушкина отношения с властью были достаточно сложными неоднозначными⁹. Александр I дважды сослал поэта в ссылку, однако был весьма уважаем им:

Ура наш царь! Так! Выпьем за царя!
Он человек. Им властвует мгновенье
Он раб молвы, сомнений и страстей,
Простим ему неправогоненье
Он взял Париж, он основал Лицей¹⁰.

⁵ Монахова, Ольга и Малхазова, Мария. Русская литература 19 века. Москва: Марк, 1994. С.12.

⁶ Цит. По Монахова, Ольга и Малхазова, Мария. Русская литература 19 века. Москва: Марк, 1994. С.30.

⁷ Пушкин, Александр. Сочинения в 3-х томах. Том 1. Москва: Художественная литература, 1986. С. 82.

⁸ Там же. С. 172.

⁹ Кулешов, Федор. Лекции по истории русской литературы конца 19 – начала 20 в. Минск: Издательство БГУ, 1976. С.112.

¹⁰ Пушкин, Александр. Сочинения в 3-х томах. Том 1. Москва: Художественная литература, 1986. С. 200.

Николай I изначально явно заискивал перед поэтом, вернул из ссылки, стал его личным цензором, присвоил придворное звание камер-юнкера. Пушкин, в свою очередь, дал слово не участвовать ни в какой антиправительственной деятельности, "Я только что разговаривал с самым умным человеком России", - сообщил император сразу после беседы с Пушкиным одному из царедворцев¹¹. В свою очередь, Александр Сергеевич с восторгом писал в письме, что был принят монархом "самым любезным образом"¹². Поэтическим итогом встречи 8 сентября 1826 года стало стихотворение "Стансы" ("В надежде славы и добра..."), в котором Пушкин сравнил Николая I с Петром Великим.

"С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв Государя Императора о моей исторической драме, - сообщал Пушкин в письме к Александру Бенкендорфу. - Писанный в минувшее царствование "Борис Годунов" обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня Государь, но и свободе, смело дарованной Монархом писателям в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и сковать книгопечатание"¹³. Немало внимания императору уделил Пушкин и в поэтическом творчестве. Созданный им так называемый "николаевский цикл" включает девять стихотворений, посвященных августейшему современнику.

Как же получилось, что поэт, неприязненно относившийся к либеральному Александру I, нашел общий язык с его гораздо более строгим преемником? Пушкин повзрослел, помудрел и увидел: император Николай I вовсе не являлся ограниченным и жестоким деспотом, каким изображали его советские историки. Стремясь сохранить незыблемым самодержавный строй, он в то же время покровительствовал многим русским писателям, поэтам и деятелям искусства. Да и сами литераторы, художники, артисты смотрели на самодержавие совсем не так, как их послереволюционные биографы. "Государство без полномочного монарха - то же, что оркестр без капельмейстера", - говорил Пушкин¹⁴.

Куда более негативным было отношение царской власти к М.Ю. Лермонтову, который написал стихотворение «Смерть поэта» (1837) буквально в день гибели Пушкина, в нем Лермонтов обвинил в его

¹¹ Соколов, Алексей. История русской литературы конца 19 - начала 20 века. Москва: Высшая школа, 1979. С.50.

¹² Соколов, Алексей. История русской литературы конца 19 - начала 20 века. Москва: Высшая школа, 1979. С.52.

¹³ Там же. С.366.

¹⁴ Лотман, Юрий. Пушкин. Санкт-Петербург: Искусство, 2009. С.66

гибели не столько Дантеса, а всю светскую элиту. Он впервые в русской литературе разделил понятия «государство» и «страна», сказав: «Люблю Отчизну я, но странною любовь, не победит её рассудок мой»¹⁵. Государственная власть – это то, что стоит презирать и ненавидеть «страна рабов, страна господ», любить же возможно лишь её простой народ.

В открытую конфронтацию с государственной властью вступает К.Ф. Рылеев, не только стихами, но и делами, борясь с ней, участвуя в декабристском восстании 1825 года, за что и получает смертную казнь через повешение. Его современник, друг Пушкина В. Кюхельбекер напишет стихотворение «Участь русских поэтов» (1845):

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию;
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.
Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,-
Пожалися годиною роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки:
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...¹⁶

В 1861 году писателя Н.Г. Чернышевского по обвинению в пропагандистско-революционной деятельности сажают в одиночную тюремную камеру Петропавловской крепости. Находясь в заключении, он пишет роман «Что делать?» (1861), где в аллегорической форме показывает и пути революционной борьбы, и пути новых экономических преобразований, и пути нравственного совершенствования человека¹⁷. Этот роман существенно, если не сказать феноменально, повлиял на русскую действительность. Пока его автор находился в заключении, многие люди стали преобразовывать свою жизнь по тем образцам, что были изображены в книге.

Известнейший русский писатель Ф.М. Достоевский в молодости попал под обаяние революционных идей. Он стал участником кружка петрашевцев, за что был приговорен к смертной казни. Во время самой казни, когда осужденные уже простились с жизнью, пришло известие о

¹⁵ Лермонтов, Михаил. Собрание сочинений в 4 томах. Москва: Художественная литература, 1984. С.267.

¹⁶ Кюхельбекер, Вильгельм. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1959. С.187.

¹⁷ Чернышевский, Николай. Что делать? Санкт-Петербург: Эксмо, 2013. С.138.

помиловании и о замене смертной казни на ссылку в Сибирь. Именно в ссылке писатель пришёл к иным взглядам, он понял, что никакой насильственный путь не приведет к лучшему¹⁸. Он стал проповедником общечеловеческих нравственных идеалов, Христианских идей, почвенничества, что примиряло те радикальные противоречия во взглядах на путь развития России (западничество и славянофильство), чему, как было сказано, начало было положено в реформах Петра I. Но нет пророка в своём Отечестве. Пророчества Достоевского не были услышаны обществом, противоречия разрастались, и грянула Великая революция 1917 года.

После 1917 года отношения литературы и власти начали развиваться по трем непересекающимся направлениям. Во-первых, в начале 1920-х годов огромная часть русской интеллигенции, в том числе писателей, не приняла новую власть и покинула страну. Это была невиданная по масштабам национальная трагедия. Среди покинувших страну были такие грандиозные таланты как К. Мережковский, З. Гиппиус, Е. Замятин, Г. Иванов. И. Шмелёв, М. Цветаева, А. Куприн, И. Бунин. Оказавшись на чужбине, они не только не поддались ассимиляции, но создали в изгнании литературу диаспоры высочайшего класса, о чем и свидетельствует факт присвоения Нобелевской премии в 1933 г. Ивану Бунину.

Две другие ветви национальной литературы развивались внутри страны, но их развитие было обусловлено принципиально разным отношением к советской власти. Одну из этих ветвей составила так называемая «потаённая литература», созданная писателями, которые не имели возможности открыто выражать свои взгляды, и не шли на компромисс с властью. Они, по меткому выражению, «писали в стол», т.е. без надежды опубликовать произведения в современной ситуации. Так появились прекрасные произведения, дошедшие до читателей много позднее: «Чевенгур» А. Платонова, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Реквием» А. Ахматовой, стихи О. Мандельштама и многие другие. За одно из них, роман «Доктор Живаго», опубликованный в Италии, Б. Пастернак позднее получил Нобелевскую премию и одновременно подвергся гонениям у себя на Родине и был исключён из Союза писателей.

Третью ветвь составила литература, провозглашавшая коммунистические идеи - литература социалистического реализма. Её создали писатели, принявшие советскую власть, поверившие в её

¹⁸ История русской литературы 19 века (вторая половина), под ред. Н. Скатова. Москва: Просвещение, 1987. С.430.

лозунги. Это С. Есенин, В. Маяковский, М. Горький, М. Светлов, Э. Багрицкий, Леонов, А. Фадеев, М. Шолохов и др. Прозрение некоторых из них закончилось трагически. Так покончили жизнь самоубийством, разочаровавшись в том, к чему призывали, Есенин, Маяковский и Фадеев. Среди поддерживаемых властью писателей были откровенные конъюнктурщики. Однако и среди этой группы писателей, внешне сотрудничающих с властью, были личности, сумевшие создать художественные полотна исключительной правдивости. В связи с этим хочется упомянуть роман-эпопею «Тихий Дон» М. Шолохова, опять же удостоенный Нобелевской премии в 1965 году.

Библиография

- Евтушенко, Евгений. Малое собрание сочинений. Москва: Азбука, 2015.
- История русской литературы 19 века (вторая половина), под ред. Н. Скатова. Москва: Просвещение, 1987.
- Кулешов, Федор. Лекции по истории русской литературы конца 19 – начала 20 в. Минск: Издательство БГУ, 1976.
- Кюхельбекер, Вильгельм. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1959.
- Лермонтов, Михаил. Собрание сочинений в 4 томах. Москва: Художественная литература, 1984.
- Лихачев, Дмитрий. Национальное самосознание Древней Руси. Ленинград: Полиграфкнига, 1945.
- Ломоносов, Михаил. Избранные произведения. Ленинград: Советский писатель, 1986.
- Лотман, Юрий. Пушкин. Санкт-Петербург: Искусство, 2009.
- Монахова, Ольга и Малхазова, Мария. Русская литература 19 века. Москва: Марк, 1994.
- Поучение Владимира Мономаха. Библиотека литературы древней Руси под ред. Д. Лихачева и др. Т.1. Санкт-Петербург: Наука, 1997.
- Пушкин, Александр. Сочинения в 3-х томах. Москва: Художественная литература, 1986.
- Радищев, Александр. Путешествие из Петербурга в Москву. Москва: АСТ, 2006.
- Русская литература 18 века. Хрестоматия, сост. В. Западов. Москва: Просвещение, 1979.
- Слово о полку Игореве. Москва: Детгиз, 1955.
- Соколов, Алексей. История русской литературы конца 19 - начала 20 века. Москва: Высшая школа, 1979.
- Чернышевский, Николай. Что делать? Санкт-Петербург: Эксмо, 2013.

Литература и власть в России. Современная ситуация

А.В. Челнокова

The paper “Literature and Power in Russia. Modern Situation” deals with a very controversial side of Russian literature, the relationship of authors with the official authorities during the second part of the 20 and the beginning of the 21 century. During this period the relationship of authors with the official authorities has come a long way from the times of severe censorship and alternative literary tradition (the so-called “samizdat”) during Soviet period to the genesis of new free literary space in the Internet with its own new genres (e.g. “pirozhok”). The modern process of the widening of the notion of “literature” itself is also touched.

В период «оттепели» на фоне существования идеологической цензуры среди писателей возникли два лагеря – литературных лоббистов (Л. Леонов) и оппозиционеров. Последние развили различные формы противостояния власти, от иносказания как художественного принципа (В. Шефнер, С. Довлатов) до жесткого противостояния власти при поддержке из-за рубежа (Б. Пастернак, А. Солженицын). В пространстве Интернета возник новый жанр «пирожок» - короткое юмористическое стихотворение, которое может иметь как бытовое, так и остро социальное содержание, и имеет явно фольклорную природу (близок частушке). Ранее исполняемые литературой функции влияния на власть перешли к Интернету и СМИ, где главным жанром становится документальный репортаж.

Научное рассмотрение явлений и процессов, происходящих в настоящее время, прямо сейчас, одновременно с моментом их изучения, оказывается для исследователя одним из самых рискованных предприятий. Однако именно сейчас в литературе происходят принципиальные изменения, масштаб которых можно без преувеличения назвать беспрецедентным – расширяется и трансформируется само представление о том, что есть литература, насколько значимую и авторитетную роль писатель играет в обществе.

В рамках данной статьи я попытаюсь обрисовать те процессы, которые происходят в русской литературе в настоящее время в разрезе ее взаимоотношений с обществом и властью, постараюсь указать на истоки этих процессов, корни которых уходят в литературную действительность СССР второй половины XX века, начиная, по крайней мере, с послевоенного периода.

Во время так называемой «хрущевской оттепели», относительно либерального периода советской истории, длившегося с середины 1950ых до конца 1960ых гг., на фоне существования идеологической цензуры среди писателей возникли два лагеря, которые можно обозначить как лагерь литературных лоббистов и лагерь оппозиционеров от литературы.

Лоббисты активно поддерживали и пропагандировали официальную точку зрения, «линию партии», придавали ей своеобразное художественное осмысление и воплощение. Это стало возможно во многом благодаря использованию определенных литературных приемов, таких как создание в литературных произведениях особенно ярких образов героев, нередко слишком идеальных, чтобы быть убедительными, но неизменно реалистичных и запоминающихся, способных запасть в душу молодежи. Таковы, например, герои романа Леонида Леонова «Русский лес» (1953) - комсомолка Апполинария Вихрова, ее отец профессор Иван Вихров и его давний недоброжелатель Грацианский. Роль, которая отводится в произведениях такого рода идеологии, трудно переоценить. Достаточно привести лишь одно высказывание, напутствие, с которым Полю Вихрову провожает на войну ее подруга Варя: «У тебя комсомольский билет под подушкой... думай о нем почаще — это научит тебя совершать большие дела»¹.

Гораздо более разнообразны были формы литературного противостояния власти. Многие из оппозиционеров от литературы того времени таковыми, строго говоря, не считались, они вполне успешно (во всяком случае, до определенного предела) публиковались в официальных изданиях, входили в творческие союзы, участвовали в официальных мероприятиях. Такие авторы как Вадим Шефнер и Сергей Довлатов сделали иносказание основным художественным принципом своего творчества. При этом Шефнеру удалось создать отдельный, ни на что не похожий жанр на стыке фантастики, сказки, притчи и реализма, как он их сам называл «полувероятные истории» или «сказки для умных»² (повести «Девушка у Обрыва» (1963), «Дворец на Троиц» (1968), «Круглая Тайна» (1969)), а подчеркнуто реалистическая по форме проза Сергея Довлатова создается исключительно в сатирическом модусе, когда ирония и самоирония становится сюжетообразующим принципом, играющим в литературном

¹ Леонов, Леонид. Русский лес. Москва: Воениздат, 1988. С.79.

² Кузьмичев, Игорь. Вадим Шефнер. Очерк творчества. Ленинград: Советский писатель, 1968. С.8.

произведении гораздо большую роль, нежели фабула³. И хотя основной период творчества Довлатова приходится на более поздний период, 1980-ые гг., однако корни этого феномена уходят, безусловно, в хрущевскую оттепель.

Помимо мягкого противопоставления себя официальной литературной традиции «исподволь» существовало также и жесткое противостояние власти. Самые яркие примеры, на которых в рамках данной работы мы не станем останавливаться подробно, поскольку они отлично известны всем знатокам и просто любителям русской литературы, это два советских писателя, которым была в этот период присуждена Нобелевская премия по литературе – Борис Пастернак, получивший Нобелевскую премию в 1958 году за роман «Доктор Живаго», осмысляющий как роль личности в истории, так и ход исторического процесса в России XX в., за что автор был подвергнут жестокой травле со стороны власти и «официальной» литературной традиции. Тяжелые переживания писателя нашли отражение в стихотворении 1959 г. «Нобелевская премия»:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора -
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра⁴.

³ Ширияева, Светлана. «Поэтика цикла «Чемодан» Сергея Довлатова». Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2015: 193-196. С.193.

⁴ Пастернак, Борис. Избранное в 2-х тт. Т.1. Санкт-Петербург: Кристалл, 1999. С.500.

В осознанное и жесткое противостояние с властью вступил и другой лауреат Нобелевской премии по литературе, Александр Солженицын (премия 1970 г. «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы»⁵). Через 4 года после присуждения награды писатель с семьей был выслан из страны и лишен гражданства «за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству СССР и наносящих ущерб СССР»⁶).

Нужно отметить, что в обоих указанных случаях важную и даже роковую для самих писателей роль играли зарубежные идеологические оппоненты СССР, при поддержке которых возникло крайне важное для литературной истории этого периода явление «литература самиздата», т.е. фактически альтернативная - неподцензурная - литературная традиция.

Не могу не сделать маленького отступления и не сказать здесь о том, что в настоящее время слово «самиздат», вошедшее в 1970-ых гг. в английский язык как обозначение неподконтрольной властям литературы в тоталитарных и авторитарных странах приобрело новое, никак не связанное с противостоянием власти, значение. Молодые непрофессиональные авторы, публикующие свои произведения в пространстве интернета на специализированных литературных ресурсах, говорят о том, что публикуются в «самиздате» (так же называется соответствующий раздел в электронных библиотеках и непрофессиональный литературный интернет журнал)⁷.

Естественно, что большинство писателей старалось не впадать в подобные крайности и, избегая уходить в фантастический либо иронический модус, оставаясь в рамках условно реалистической литературы не вступало с властью в открытое противостояние. Наиболее показательны в этом отношении фигуры «писательского министра» Александра Фадеева и «придворного поэта», автора слов всех существовавших в СССР, а затем и в России, гимнов Сергей Михалков. Последний на протяжении нескольких десятилетий оставался практически единственным советским сатириком, которому, разумеется, в разумных пределах, не возбранялось открыть

⁵ Авраменко, Иван. Россияне-лауреаты Нобелевской премии. Биографический справочник. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2003. С.72.

⁶ Авраменко, Иван. Россияне-лауреаты Нобелевской премии. Биографический справочник. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2003. С.73.

⁷ Журнал «Самиздат». Web. 25 декабря 2017. <<http://samlib.ru/>>.

полемизировать с властью на страницах созданного им единственного советского юмористического журнала «Фитиль»⁸.

Долгие годы возглавлявший Союз писателей Александр Фадеев, горячо поддерживавший в конце 1940-ых гг. кампанию против Анны Ахматовой, Михаила Зощенко, «космополитов», Бориса Эхенбаума, практически в то же время лично, в том числе материально, всячески поддерживал гонимых литераторов⁹. Его собственный роман «Молодая гвардия» (1946) был подвергнут яростной критике, в том числе и со стороны самого Сталина, за то, что в нем не было уделено достаточного внимания руководящей роли коммунистической партии в жизни молодежного комсомольского подполья на оккупированной территории¹⁰, после чего в 1951 г. Фадеев выпустил новую, более «политкорректную» редакцию романа. При этом он отмечал, что вынужден «переделывать «Молодую гвардию» на старую»¹¹. Тяжелые переживания привели к трагическому самоубийству писателя в 1956 г., при этом Фадеев оставил прощальное письмо, адресованное ни куда-либо еще, а в ЦК КПСС: *«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы - в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40-50 лет»*¹².

В 1990-ые гг. литературная ситуация в России переживала глобальные и, что, крайне важно, очень стремительные, изменения. Во-первых, почти одновременно были сняты все запреты, стало возможно совершенно легально публиковать не только ранее доступные лишь в самиздате запрещенные цензурой произведения, но и знакомиться с ранее идеологически неприемлемой литературой духовного свойства. Однако это бесспорно отрадное явление имело и другую сторону – читательская

⁸ Михалков, Сергей. Сочинения в 2-х тт. Т.1. Стихи, песни, басни, фельетоны. Москва: Гослитиздат, 1954. С.9.

⁹ Шикман, Анатолий. Деятели отечественной истории. Биографический словарь. Москва: АСТ-ЛТД, 1997. С.445.

¹⁰ Авченко, Василий. Фадеев. Москва: Молодая гвардия, 2017. С.53.

¹¹ Шикман, Анатолий. Деятели отечественной истории. Биографический словарь. Москва: АСТ-ЛТД, 1997. С.446.

¹² Авченко, Василий. Фадеев. Москва: Молодая гвардия, 2017. С.54.

аудитория должна была самостоятельно разбираться в хаотичном потоке литературы очень разного качества и толка.

Одновременно с этим в страну хлынул поток ранее недоступной популярной переводной литературы, благодаря чему в России стремительно завоевали популярность новые развлекательные жанры, в которых начали активно работать и отечественные авторы, часто весьма плодотворные. Произошло практически молниеносное сближение массовой литературы с современной реальностью, появились новые популярные жанры, такие как женский роман, бандитская сага и т.п. Литература стала рассматриваться в первую очередь как коммерческий продукт, возник и начал стремительно развиваться книжный рынок.

Весьма показательно, что на этом рынке нашли своего читателя как идеологически окрашенные произведения, по всем формальным признакам вполне соотносимые с предшествующей «официальной» традицией литературы, хотя и отстаивающие совсем иные идеологические парадигмы, так и вдохновленные западными образцами постмодернистские и абсурдистские тексты, как правило имеющие мало общего с проблемой власти либо подходящие к ней завуалированно, с использованием принципа иносказания (Владимир Сорокин, Виктор Пелевин).

В рамках идеологической литературы и сегодня трудится бывший в советское время корреспондентом «Литературной газеты», а в последствии создавший собственные оппозиционные газеты «Сегодня» и «Завтра», периодически закрываемые властями за антиконституционную пропаганду Александр Проханов, автор получившего в 2002 г. премию «Национальный бестселлер» полуфантастического романа «Господин Гексоген», где избыточные террористическими атаками трагические события в России конца 1990-ых представлены как результат заговора руководства страны, желающего любой ценой сохранить власть. Журналист и критик Юрий Поляков, до августа 2017 года возглавлявший «Литературную газету», так говорил о творчестве Проханова: *«По эстетике Проханов постмодернист, а по направлению, по идеологии — имперский писатель»*¹³.

Другая вполне идеологизированная фигура в современной российской литературе – Максим Веллер, профессиональный филолог, автор собственной философской теории энергоэволюционизма,

¹³ Вести сегодня. «Серьезным писателям Букеров не дают. Юрий Поляков об особенностях литературного процесса в России». 8.02.2012. Web. 25 декабря 2017. <<http://vesti.lv/culture/418-archive/39026-204540.html>>.

придерживающийся коммунистических взглядов и активно пропагандирующий их в своем творчестве.

На сегодняшний день в России, как, впрочем, и во всем мире, коммерческая литература по-прежнему занимает львиную долю рынка. Такое положение вещей неизбежно диктует свои законы - в глазах общества писатель из «властителя дум» во многом трансформируется в «маркетинговый проект». Интерес к фигуре писателя порой затмевает интерес к его произведениям. Это приводит к «вторичной мифологизации» личности писателя - помимо литературных произведений, автор в социальных сетях и СМИ создает и свою историю, не всегда правдивую.

Весьма показательна в этом смысле фигура недавнего лауреата премии правительства РФ в области культуры Захара Прилепина, бывшего ОМОНовца, воевавшего в Чечне, автора семи сборников малой прозы и пяти романов, который, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, с 1914 г. (публикация романа «Обитель») остается в первой тройке самых читаемых российских писателей¹⁴. Позиционируя себя именно как писателя, Прилепин очень активно сотрудничает с различными каналами в качестве телеведущего (скорее журналиста, чем шоу-мена), ведет как минимум 4 проекта, два из которых носят его имя («Прилепин» на оппозиционном телеканале «Дождь» и «Чай с Захаром» на православном «Царьград ТВ»). Он также много работает как рок-музыкант и рэп-исполнитель, активно пропагандирует свои политические взгляды (в настоящее время он участвует в военных действиях на территории Донбасса, периодически организует крупные кампании по сбору средств в помощь жителям этого региона). Показательно, что занимаясь очень разноплановой деятельностью, далеко не всегда связанной с литературой, Прилепин выступает (скорее воспринимается обществом – журналистами, политиками и проч., нежели позиционирует себя сам) как писатель, а не как общественный деятель. Это можно расценить как свидетельство в пользу того, что фигура писателя по-прежнему пользуется в обществе значительным авторитетом, который, в том числе, может служить и своего рода «трамплином», пропуском в медийный мир.

Интересные процессы можно проследить в публикуемых в интернете произведениях непрофессиональных писателей, а также текстах блогов и инстаграма, всегда злободневных, но имеющих двойную – литературную и документальную – природу. В пространстве Интернета

¹⁴ Русский Букер. Литературная премия. Web. 25 декабря 2017. <<http://www.russianbooker.org/>>.

власть не имеет власти, там проходит ее неофициальное обсуждение. Именно там возник новый жанр «пирожок» - короткое юмористическое стихотворение, которое может иметь как бытовое («*женат два раза неудачно / одна ушла вторая нет*», © bazzlan)¹⁵, так и остро социальное содержание, («*а путин белый настоящий / в подвале черном на цепи*, © supposedly-me)¹⁶, и имеет явно фольклорную природу (близок частушке). Как правило, авторы пирожков (зарегистрированные под никами, не под своими реальными именами) встречаются на специализированных ресурсах, где между ними разворачиваются захватывающие литературные баталии, и уже оттуда их произведения разлетаются по сети, их постят и лайкают в социальных сетях и на других ресурсах¹⁷.

Таким же образом во многом распространяется и популярная у молодежи, не читающей литературных журналов, но проводящей львиную долю времени в интернете, современная авторская поэзия (Сола Монова¹⁸, Вера Полозкова¹⁹ и др.). Примечательно, что часто такие профессиональные писатели зачастую попадают на реальную сцену (для проведения своих поэтических вечеров и творческих встреч), минуя «книжную» стадию, непосредственно из интернета, и уже много позже, при желании, публикуют свои произведения в бумажном варианте.

Тот факт, что ранее исполняемые литературой функции влияния на власть перешли к Интернету и СМИ, где главным жанром становится документальный репортаж, подтверждается и более глобальными, даже «общемировыми» примерами, связанными с процессом расширения самого понятия «литература» (присуждение Нобелевской премии журналистке Светлане Алексиевич (2015) и рок-музыканту Бобу Дилану (2016)).

¹⁵ Приколы вк. Web. 25 декабря 2017. <<http://live4fun.ru/joke/633150>>.

¹⁶ Поэторий – стихи, пирожки, порошки, экспромты. Web. 25 декабря 2017. <<http://poetory.ru/content/view?id=26334>>.

¹⁷ Перашковая. Web. 25 декабря 2017. <<http://live4fun.ru/joke/633150>>, Пирожки вКонтакте. Web. 25 декабря 2017. <<https://vk.com/perawki>> и др.

¹⁸ Сола Монова. Web. 25 декабря 2017. <<http://sola-monova.com/>>.

¹⁹ Вера Полозкова, аккаунт вк. Web. 25 декабря 2017. <https://vk.com/vera_polozkova>.

Библиография

- Авраменко, Иван. Россияне-лауреаты Нобелевской премии. Биографический справочник. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2003.
- Авченко, Василий. Фадеев. Москва: Молодая гвардия, 2017.
- Кузьмичев, Игорь. Вадим Шефнер. Очерк творчества. Ленинград: Советский писатель, 1968.
- Леонов, Леонид. Русский лес. Москва: Воениздат, 1988.
- Михалков, Сергей. Сочинения в 2-х тт. Т.1. Стихи, песни, басни, фельетоны. Москва: Гослитиздат, 1954.
- Пастернак, Борис. Избранное в 2-х тт. Т.1. Санкт-Петербург: Кристалл, 1999.
- Шикман, Анатолий. Деятели отечественной истории. Биографический словарь. Москва: АСТ-ЛТД, 1997.
- Ширяева, Светлана. “Поэтика цикла «Чемодан» Сергея Довлатова”. Ученые записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2015: 193-196.

“BAWDY TALES: AFANAS'EV'S ROMANCE WITH FOLKTALES”

N.S. Roomi

Folk tales have been considered as expedient for inculcating wisdom of morals in the mind of a growing child. But folktales were not always meant for children. They were not always meant to impart a moral lesson to any age or social group. As a matter of fact they reflect the aspirations, social struggles, and behaviour of the folk. It is also a folk behaviour and speech from point of its origin. . The understanding of something being bawdy is subjective. There is a line between “bawdy” for sheer entertainment and for research. Our markets and the internet are full of erotic tales, which are on the other side of the line that is for sheer entertainment. The paper is about bawdy tales and about the bawdy in tales.

Folk oral narrative is unprompted, ‘spur of the moment’ in temperament while the published work is intentionally created. This disparity in the nature of the two is very vital in appreciating the spirit behind the folk narrative. The unprompted is the result of the passive vocabulary that we build as a consequence, besides other reasons, of listening to people we move around with. This passive vocabulary might also contain words or expressions which are not acceptable by the social order.

I am not a campaigner for any bawdy or blasphemous published material for the sole reason of poisoning the minds, especially of a growing child. Neither am a supporter for banning books, articles, films, art work by calling them bawdy or blasphemous. It has never been necessary to read every book or comic to your children. It is discretion. But hiding or stopping from reading someone or watching for the purpose of research is wrong. Folk narrative is not all about ‘the moral of the story’. It is a passageway to the unknown intricacies of folk life. We will be doing injustice to the culture if we hide one aspect or the other of its structure. There always can be a section in the libraries or archives where a scholar can access them. Let us not be in denial mode and prove that no such behavior of human nature ever existed or exists which we define as obscene, bawdy and no such collection was ever produced.

Folk tales have been considered as expedient for inculcating wisdom of morals in the mind of a growing child. But folktales were not always meant for children. They were not always meant to impart a moral lesson to any age or social group. As a matter of fact they reflect the aspirations, social struggles, and behaviour of the folk. The tales were born in the fields, in the dwellings and they moved from one generation to another. The beauty of the

tales was its nature of being oral. The gestures, intonations, pauses, stresses made these tales more mesmerising. But this very orality became a bane for its own survival. Times changed. Occupations changed. Industrialization replaced manual labour. Future generations started forgetting the tales. The number of folks who remembered these tales and were the only source from whom the next generation could hear them, dwindled and started becoming extinct.

Enthusiasts of folklore went from village to village suburbs to suburbs to collect whatever remained. Brothers Grimm have aptly put this sad loss of folklore in their preface to their collection of folktales: “it appeared to us when we saw how nothing more remained from all that had blossomed in earlier times. Even the memory of it all was almost completely lost among the people, but for a few songs, books, legends, and these innocent fairy tales. Gatherings around the oven, around the kitchen stove, on stair landings, holidays still celebrated, grazing pastures and forests in their silence, and above all the unspoiled imagination – these were the hedges that protected these seeds and passed them down from one age to another”. (Brothers).

The next stage of collection of folklore was to publish whatever could be gathered. Folklore took a new turn. Now it became printed and published thus losing one of the most vital components of its being oral.

In oral folklore there is no particular author. We have no idea where a particular tale originated. When the same tale was published it lost another quality. The collectors while publishing do edit the text. They sometimes combine two or more versions and produce a new text. Hence, the folktale is no more authorless. When tales originated they were narrated to a group of persons inside a closed environment. It was never meant for public consumption. The moment tales came out in print form they were subjected to the scrutiny of the forces from which they had been shielded thus far.

Folktales have mothers, fathers, friends, brothers, sisters, local shopkeepers, farmers, paupers, and goldsmiths, iron smiths and so on and so forth as protagonists. They also had imagination and fantasy, so at times the tales had devils, fairies, prince, princess, kings, queens, animals that could speak the human language as protagonists. The latter category naturally would capture the interest of children. Hence, the tale which was not written for children had to be redone to suit the growing mind. The parents would not read the tales to the children, which had eroticism, or were against the norms of a family. The establishment, be it the Church or the State or some strata of the society – aristocrats, priests, and bourgeoisie would not permit any tale which gave a hint of their caricature. Sexually explicit matter was against the norms of the society, any word or sentence against the priests was blasphemy. These tales incite uncomplimentary behaviour in women, and created an appalling

enticement amongst men and especially the youth. Hence, proscription and censorship! The word 'BAWDY' became a topic for discussion.

In the preface to the collection of tales, Afanasyev says that the publication of these tales is not the only one of its kind in the world. It would be easy to censure the publisher for this publication but while doing so we would be directing our criticism towards the very people who are the authors of these tales and this is not fair (Afanasyev).

The understanding of something being bawdy is subjective. It is also a removal of folk behaviour and speech from its point of origin. Afanasyev starts his preface by quoting an Anglo-Norman maxim "Honisoit qui mal y pense" which means "'Shame is to him who thinks evil of it.". What is so secretive about these tales? Why did they have to be taken out in 1872 to be published in Switzerland? The main reason for it to be denied the right to be published was that it had the erotic, the crude and at times vulgar vocabularies of everyday life which we all know exists but are always in the denial mode.

These tales appeared without the name of the publisher. And it carried a note: "Printed solely for archaeologists and bibliophiles in a small number of copies."

Obscene tales are basically sarcastic in character. They have genuine language which shows the humorous side of our nature. If scholars are studying folklore and are genuinely interested in area studies they need to know the nuances of language spoken in different environments of that area. The offensive or the outrageous to accepted standards of decency or modesty is only in the environment of the society, which sets these standards. Decent language is spoken outside amongst the so-called elite. Speaking about the language, we must remind ourselves that the language register changes depending on particular social congregation.

It is therefore no wonder that the Hollywood movies that the Star Movies or Sony Pix or Movies Now show has the subtitles blurred and sound muted whenever any word or deed happens which runs contrary to the accepted norms in the room the TV has been kept in and the expected audience to watch it. The society we live in and the society before us had imposed its way of thought and mannerism on to the folklore. What was not acceptable to the HIGH SOCIETY was either mutilated or totally removed. The removable happened when the lore was printed. The print version was for public consumption. The public consumption was defined by the predominant ideological, political, social core.

Actually the entire humor depends on the breach of the social expectation. The hilarity is evoked when it either moves above the normal expectations or below it. Agree with me that humor is used as a release of internal emotions and at times negation of the norms. It also releases the repressed sexual and

vicious side of human behavior. The bawdy tales in the collection of Afanasyev demonstrates not the low culture but a way of the folk to poke fun at unmentionable or at social standards, release of repressed emotions. In a straight attack on the powers that be Afanasyev said "They cannot understand, that in these folk tales there is a million times more morality than in sermons full of school rhetoric."

Brothers Grimm in Germany and Afanasyev in Russia are a toast in today's world of folkloristic. The huge collection of folktales they have to their credit is a minefield of knowledge which gives an insight into the lives of the folk whose tales they gathered, preserved and finally published. But not all tales were published. Many tales had to be edited. The prefaces they have written to their published collections of folktales speak volumes about what and why the society and the governing lords forced them to do what they never wanted to. We the scholars of Russian folklore are quite familiar to the collections of folktales by Afanasyev. What we did not know is that there exists another collection of folktales. The collection is called "Secret Tales of Russia" (*Rusскиye Zavetnie Skasky*) collected by Afanasyev.

There are seventy seven tales in this collection. Many tales are directed towards the priest. I would place these tales not about the priests but about the dictates of a power organ within a society. Russian culture grew, with its pagan beliefs. They had different way of life, different rituals vis-a-vis the church.

Church or any religious institution has its own discipline which it wants to impose on the populace. Any imposition, religious or otherwise is countered. The most non violent way to expressing one's disapproval, probably, is through tales or anecdotes. The more indecent the language the more pungent is the manner of opposition. Taking a stand against the powerful is not easy. The resources are limited. It is a cultural confrontation and hence the bawdy language which confronts the refined language spoken by the elite and the powerful institutions.

The titles of the tales in this collection are interesting. They expose more than what we might imagine in the first glance. Few examples are as follows "Popes family and the male servant", "Pope and his man", "Pope, his wife, his daughter and his man servant", "The pope who begot a calf", "Pope and the trap". Suppression of any kind by persons or institutions has never gone down well with human nature. These tales are a vent to unleash dissatisfaction and a way of saying that no one is a saint or a perfect human being, that instincts are too strong and the wild side does exist in human nature. These tales of priests of a church hurt the persons where it hurts the most. The tales speak about suppressed desires of priests who have to maintain celibacy in public at least, or of a married priest who is proved to be foolish and deficient in shrewdness and understanding. Some of these tales

speak about taking advantage of the foolishness of the pope and indulgence in sexual exploits with the wife and daughters like in the tale “Pope, his wife, his daughter and his man servant” or revenge for sexual exploits which the priest indulges in, like in the tale “Pope and the Peasant”. According to Afanasyev there are many versions of this tale.

It is worth mentioning that some of the tales like “The kind Pope” which is non erotic were published after 1917. The only criteria for publishing were that they should be devoid of eroticism and should be against priests. There is nothing surprising here because after 1917 religion became a taboo or the “opium of the masses”. Anticlerical satire or criticism of anything connected with the church was more than welcome. Erotic tales continued to remain excluded.

The next set of tales are about women where either they become victims because they are too naive to understand what is happening or they dictate and lead the sexual act by ordering or even blackmailing. The question is why they use the opportunity to go for any sexual adventure out of marriage or an unmarried gladly loses her virginity? Giving consent to sex is never too easy for a woman. There are many reasons for unfaithfulness such as revenge, boredom, loneliness, or to fulfil her emotional void. Experts are unanimous in their belief that in most of the cases of infidelity, women look to fill an emotional emptiness. The situations described in some of the tales speak about how a woman is left alone while the husband, be he the landlord, merchant or a small time shopkeeper work extra hours or leave the village for town on business. The tale “Wife of a Merchant” is a clear case how a wife takes revenge from her merchant- husband by having sexual relationship with one of his clerks and by getting him beaten up adequately by the clerk “so that he remembers it for the rest of his life”. I will not hesitate to come to the conclusion that the wife has been facing physical abuse at the hands of the husband and she has been sexually violated by him – hence the revenge. The merchant comes home angry that the entire village is talking about his wife and the clerk. The wife denies and asks him to wear her clothes and go to the clerk and see his reaction. Meanwhile she explains her plan to the clerk that it would not be she but her husband and he should prove to him by beating him up that there is nothing between us. The husband returns home with bruises and apologises to her for the misunderstanding. The tale ends with the sentence: the wife and the clerk continued their life with each other.

In these kinds of tales class difference is also quite evident. Naive simple village woman is enticed and taken advantage of while a daughter of a nobleman takes advantage of a simple footman. For illustration there are two tales. – “NO!” and “Like a Dog”. In the first tale a naive and ever obedient wife is persuaded by an officer. She is instructed by her husband to say no to anyone who approaches her and nothing more while he is away from home.

The officer formulates his questions in such a manner that he no gives him the permission, like “will you feel bad if I hold your hand”. She answers “No” and so on. When it comes to the actual sexual act the question asked is will you feel bad? She answers NO! Are you now satisfied? NO! This speaks volumes about what torture she is going through just because she is an obedient wife. Let us forget the bawdiness and read the text which has a clear message to both woman and man. In the second tale a daughter of a nobleman dictates terms to a footman by blackmailing him into having sex as she had overheard him making a livid comment. Hence the tales are not ambiguous about who tends to be the antagonist whether it is in the household or the society in general.

The enmity between the merchant and his workers, between landlord and his farm workers is another point to be noted. The antagonists in these tales actually are either a servant or a farm worker and ogle wife and daughters of their masters.

Speaking about hostility one should mention that the collection includes tales about animals. Just like in classical tales animals behave and speak like human beings. The animosity between cats and dogs are well known. Cats in reality are said to be scared of dogs. But interestingly in the tales we look at the cat seems to be more powerful than the dog. Similarly there is a tale about the fox and the hare. Fox is said to be clever and cunning. But in the tale “The Fox and the Hare” fox is outwitted by the hare. It is not necessary to mention here that the animal tales too are loaded with eroticism.

It is not everywhere in the collection that one particular gender has been subjugated or proved to be foolish. True, that in most of the tales it is more or less so. I would like to mention that in few tales a woman is shown as intelligent, witty and able to protect what it is hers. In all patriarchal households the woman is the housekeeper and does all the domiciliary errands and the man works outside the home. What happens when the husband convinces his wife to switch jobs? In the tale “Man who does woman’s work” the wife works in the field and the man has to do her job in the house. When the wife returns working hard at the fields she finds her house in absolute mess. The husband has been unable to finish any work and on top of it loses all his clothes while washing them in the river. He covers his manhood with grass and on his way home meets a horse who mistakes it as grass and it chops it and the man loses all he could be proud off. In another story “Strange names” husband finds a vessel in the field. The vessel is full of money. One soldier deceives him and runs away with the money. The wife on hearing this runs after the soldier along with her son and overtakes him and while he is asleep runs away with the money. The name of the son is such that sounds like a derogatory synonym for “hell with you”. So when the soldier shouts his name the owner of the house takes it otherwise. In “The

Cunning Woman” a husband and a wife have little resources left. The wife comes up with an idea. She asks her husband to go out of the house and hide and as soon as someone enters the house, knock the door and come in on some pretext or the other. She goes and sits near a small window and entices the passers-by. The first one to fall prey is the pope. He enters the house and the husband knocks on the door. She asks the pope to hide in a trunk. The next prey is the deacon and then the sexton (the officer of a church who is responsible for the care and upkeep of church property and sometimes for ringing bells and digging graves). She thus packs almost the entire clergy in a box and the husband takes the trunk and sells each of them saying that they are devils. The box had hay in it and the people after hiding in the box had hay all over their body and they definitely looked like devils to passers-by. Why the clergy is being used is very obvious.

There was a time when in Bollywood movies depicting a scene of a man and a woman kissing was replaced by a frame where two flowers were shown in a kissing mode. This was not only uproarious but also preposterous. This kind of depiction is often called “camouflaging”. In many tales world over this method has been employed. Instances are plenty and more so in the tales from India. In some of the tales in Magahi we notice this concealment. Inability to hold on to the flower comes out as losing virginity while consumption of the seed of a mango points to the sexual act or consummation of marriage. This kind of “camouflaging” is symbolism and does not evoke laughter as the narrative is such that you have to think to comprehend the allegory.

In conclusion I would surely agree that there is a line between bawdy for sheer entertainment and for research. We have in our markets and the internet is full of erotic tales which are on the other side of the line – for sheer entertainment. This I will call as criminal. The bawdy tales of Afanasyev are for research by scholars in future. The present paper opens few more points to work further. In the tales we read from the collection of Afanasyev we can only widely speculate and pin point the creator’s gender. The point I want to make is to find out as to how far the choice of the characteristics of the perpetrator and the victim is subjective. The language of the tales published has definitely been polished as to appear as Russian that can be understood. The only way to find this out is to study the manuscript of Afanasyev and see whether like Brothers Grimm who redid the language of the tales they collected from Low German to High German, Afanasyev too changed the language.

The paper has made an attempt to answer the question: “What is so bawdy about the tales” and are they only bawdy?

Afanasyev is not an isolated case. Vance Randolph collected ‘obscene’ or bawdy folklore but was unable to get them published. They, probably, were

published only in 1976 much after his death. His Ozark Folk songs were too bawdy to be published. There are many such examples. Many probably are still in the archives. Hope one day the entire archival material on this kind of folklore will be published.

Bibliography

- Afansyev, A.N. Русские заветные сказки (Russian Edition) Kindle Edition
- Alternative to Vladimir Propp's Morphology of the Folktale (Morfologiya Skazki) The
- Bakhtin, M.M. The dialogic imagination. Four essays. University of Texas, 1982.
- Barthes, Roland. Introduction to structural analysis of narration. image-music-text.
- Bendix, Regina F.: In Search of Authenticity. The Formation of Folklore. 1997.
- Bronner, Simone J.: Folklore: The Basics. 2016
- Dundes Alan : International Folkloristics. 1999
- Edwin Mellen Press, 2016
- Feintuch, Burt: Eight Words for the Study of Expressive Culture. 2003
- Fontane, 1971.
- Georges, R A & Michael Owen Jones: Folkloristics: An Introduction. 1995
- Gilet, Peter. Vladimir Propp and the Universal Folktale: Recommissioning an Old
- Grimm, Jacob and Wilhelm The Original Folk and Fairy Tales of the Brothers Grimm –1st edition. Princeton University Press (4 November 2014)
- Harmondsworth
- Levi-Strauss, Claude Anthropology and myth: lectures. 1951-1982. Oxford Basil
- Lévi-Strauss, Claude. Structural Anthropology. London : Allen Lane, Penguin Books, Literature) 1998
- Massengale, James. A Syntagmatic Analysis of the Wonder tale: A Methodological
- Paradigm - Story as Initiation (Middlebury Studies in Russian Language and
- Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. Routledge. 2004
- Toelken, Barre: The Dynamics of Folklore. 1996.

Развитие литературного жанра «документальная проза» в конце XX века

С. Саини

The 20th century has demonstrated various amplifications and contractions to the people of the former Soviet Union in various fields such as science and technology but at the same time sufferings and tragedies also left its shadow. The accounts of achievements and tragedies in USSR were recorded by various modes. The official documents were heaped up to record their version of the historical events. However, literature played vital role in representing the historical events through various genres in the country. One of such genres is 'documentary prose' which was developed after the 'perestroika'. This paper studies the meaning, characteristics, divisions, types, reasons for development of 'documentary prose in 20th century.

История России XX века характеризуется многими 'взлетами' и 'падениями', 'радостями' и 'болью' для русского общества. В начале прошлого века дорога к 'социализму' для советского народа явилась кочковатой, узкой и извилистой (волнообразный). При этом она была полна бесконечными 'подъемами' и 'спусками'. Начался этот процесс создания 'социализма' очень драматично и эйфористическим образом. Распался Советский Союз в 1991 году так же впечатляюще. Как пишет критик «двадцатый век завершился тем, что Россия еще раз, как и в 1917 году, изменила границы, название, государственный строй. Молодая Российская Федерация, вероятно, еще долго будет разбираться со своим прошлым, с наследием Российской империи и СССР. Меняются государственные праздники и государственные символы, резко поляризовано отношение к разным историческими фигурам и событиям. Но главным способом связи между тремя историческими Россиями, нитью преемственности остаются русский язык и русская литература».¹

«Документальная проза» - один из жанров литературы, которая описывает о реальных событиях, людях, местах и содержит реальные действия лиц, с эстетической окраской. Но уровень эстетики, этики и документа зависит от автора и выбираемого им/ей разновидности документальной прозы.

¹ Сухих И.Н. Русская литература для всех: от Блока до Бродского. Лениздат. Санкт-Петербург. С. 35.

В «документальную литературу» входят такие произведения, которые передают подлинную картину событий и масштабные общественные трагедии. Жертвы- это еще и люди, становившиеся свидетелями. Их высказывания воспоминания создают устный документ, который лежит в основе «документальной прозы».

Существует мнение, что термин «документальная литература», функционирующий исключительно в России и странах ближнего зарубежья, возник в 1920-е гг.».² Тем не менее, традиционные жанры документальной литературы, как например, мемуары, записки, дневники, биографии, автобиографии и т.п. всегда существовали с давних пор. Другое дело, что тогда они не вошли в рубрику «документальной литературы».

В настоящее время в России очень популярна категория литературы нон-фикшн. Термин нон-фикшн употребляется для обозначения той и же документальной литературы. С. Чупринин определяя нон-фикшн пишет, «это слово, которым обозначают литературу, рожденную без участия вымысла, для нас в новинку, отчего оно и не нашло еще, как видим, даже своего эквивалента в русском языке. Хотя само явление известно, разумеется, испокон (издавна) века и все помнят, что именно «невывымышленные» (или искусно имитирующие «невывымышленность») «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (1789-1816), «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева (1790) и «Письма русского путешественника» Николая Карамзина (1803) стоят у истоков новой русской словесности и новой русской гражданственности».³

Когда речь идет о характеристике «документальной прозы», то можно сказать, что при изучении жанра «документальной прозы», важными проблемами, связанными с этим жанром, являются следующие:

- проблема правдивости;
- вопрос художественности и документальности;
- вопрос переосмысления истории;
- вопрос вымысла.

Произведения документального жанра содержат личные свидетельства жертв определенной трагедии или явления. Их свидетельства рисуют картину с новой стороны, т.е. в новой интерпретации, во многом дополняя информационную базу читателей, и, тем самым, призывая их к правдивости восприятия. Характеризуя документальную литературу,

² Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. Совпадение. Москва. 2007. С. 8.

³ Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. Время. Москва. 2007. С.367.

видный критик Гинзбург пишет, что: «литература воспоминаний, писем, размышлений ведет прямой разговор о человеке. Хроникальная и интеллектуальная, мемуарная и философская, она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора. Острая ее диалектика – в свободе выражения и несвободе вымысла, ограниченного действительно бывшим».⁴

Традиционно в жанр «документальная проза» входили такие произведения, как автобиографии, биографии, хроники, очерк, эссе, мемуары. По мнению Е.Г. Местергази, их можно назвать «чистыми» (первичными) жанрами «документальной прозы».⁵ Добавлением к «чистым» жанрам «документальной прозы» являются «сложные» (вторичные) разделы, например: невыдуманный рассказ, документальная повесть, документальный роман, роман голосов, литература человеческого документа, и т.п.⁶

Чистые (первичные)	Сложные (вторичные)
автобиография	невыдуманный рассказ
Биография	документальная повесть
Хроника	документальный роман
Очерк	роман голосов
Эссе	литература человеческого документа
Мемуар, и т.д.	и т.д.

Это жанры, изображающие правдивое описание бывших явлений вместе с именами реальных людей и названиями настоящих мест. Хотя «документальная литература» существует уже давно, но только в конце XX века достигает своего пика. Главной причиной появления этих новых типов «документальной прозы» является присутствие факта как «самостоятельного эстетического значения» в русской литературе.⁷ Характерные черты «документальной прозы» следующие:

в документальной прозе существует субъективно-лирическое повествование;

⁴ Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера. Вопросы литературы. 1970. №7. С. 63.

⁵ Местергази Е.Г. Специфика художественной образности в «документальной литературе». Филологические науки. №1. 2007. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 3.

в «документальной прозе» автор почти самоустраняется, предоставляя читателю самому раскрывать смысл предлагаемых фактов и только направляет его мысль скуными замечаниями;⁸ вымысел в данном жанре сводится к минимуму; раскрытие бывших исторических событий или же переосмысление каких-либо катастроф, трагедий являются одним из главных особенностей «литературы личных свидетельств», который является одной из разновидностей «документальной литературы».

Предпосылки возникновения и развитие документальной литературы в России

Предпосылок возникновения документальной литературы в России много. В русской истории не раз возникали условия, когда народ обратился к «факту», к «правдивости» и к «искренности». По нашему мнению, причины возникновения документальной литературы в России следующие: -

Во-первых, это тень реализма в XX веке. Е.Г. Местергази выдвигает мнение о соотносимости условий жизни в XX веке и появлении литературы с главенствующим документальным началом, она указывает, что реализм получает мощное развитие со стороны людей. Сегодня человек погружен страданиями, которые ему подталкивают поделить свою боль и рассказать о своих обстоятельствах. Документ часто оказывается одним из лучших способов ярче показать подлинную правду, которая дает им записаться как свидетелем совершающегося явления в истории.⁹ Тень реализма в XX веке создает путь документальной литературе.

Во-вторых, расстояние от вымысла. Писатели и критики начали склоняться к факту и действительности в XX веке. По мнению критика, «заговоривший сам по себе», подлинность распространял свое присутствие в художественной литературе. Автор может создавать шедевры на основе документа и факт.¹⁰ Люди в XX веке уже начали расстаться от вымысла и фантазии, т.е. часть факта или правдивого описания стало больше.

В-третьих, у человека обычно бывает естественное желание к документализации. Известно, что память у человека очень коротка и рассказ свидетелей напоминают читателю о явлениях катастрофах или

⁸ Цит. по Местергази. Диссертация. стр. 59. Агапов Б. Искусство остается. Иностранная литература. 1996. № 8 С. 204.

⁹ Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. Совпадение. Москва. 2007. С. 67.

¹⁰ Там же. С.71.

других подобных событиях. Естественное желание к документализации объясняется целью поделить свои рассказы с другими. Поделить свои травмы является терапией свидетелям и рассказчикам становятся легче. Автор документальной литературы так же выбирает описать факт на основе подлинных документов, вместо вымышленных явлений.

Четвертая причина расцвета документальной литературы в период «оттепели» была связана с тем, что в второй половине XX века, советский народ устал от «лакированной действительности» - это литература, которая появилось в периоде Сталина. Можно согласиться с мнением критика Вайль П. «по вполне объяснимой логике недоверие к идеологическому слову перешло в недоверие к слову вымышленному. Вот где истоки распространения и популярности литературы факта».¹¹ Документализация какого-то трагического явления иногда является уроком чтобы спасти от повторения такой же трагедии в будущее.

Одной из предпосылок развития разновидности «документальной литературы» - «литературы личных свидетельств» - во второй половине XX века является то, что авторы отходили «от традиционных жанровых обозначений и акцент делался на сочетании «документальности» и «художественности» как элемента жанровой специфики».¹²

Можно представить пример развития «документальной прозы». Известный в мире великий писатель России Лев Толстой, использовал документальные источники при написании своего произведения «Война и мир». По словам критика, «толстовские приемы введения в текст романа документального материала достаточно разнообразны. Иногда писатель находил в источниках такие документы, которые могли быть использованы почти в полном объеме».¹³ О романе «Война и мир» исследователь говорит: «составляя тексты Толстого и историков, убеждается, что в произведении «Война и мир» эпизоды переданы фактически точно, что источник цитируется иногда дословно, особенно речь исторических лиц»...Толстой «отбирая реальные факты, подчинял их своему замыслу...это достигалось отнюдь не искажением фактов, а путем авторских толкований, с одной стороны, и раскрытия смысла

¹¹ Вайль П. Правда-женского рода. Российская газета. Федеральный выпуск. 2008 №. 4673.http://www.alexievich.info/articles_Weil.html (18-02-2014).

¹² Там же. С.150.

¹³ Архангельская Т.Н. О некоторых особенностях приемов слияния документального и художественного в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции. Казанский университет. Казань. 2007. С.212.

явления, раскрытия психологии действующих лиц, их внутренних побуждений с другой стороны».¹⁴

В XX веке Солженицын так же использует документы в своих произведениях. Его известные произведения «Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо» являются яркими примерами, которые имеют исторические факты в основе документа.¹⁵

Критик ссылается на Достоевского, который «одним из первых, почувствовав наступление каких-то незнакомых возможностей, писал в 1869 году. Н. Страхову: «В каждом номере газет вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны, да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они факты. Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать? Действительно, проследите иной, даже и не такой яркий факт действительной жизни - если только вы в силах и имеете глаз,- то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира».¹⁶

Развитие документальной прозы и объясняется в русской литературе Толстым. Л.Н. Толстой говорил, что стыдно ему описать жизнь выдуманного героя, которого не существует. Критик пишет: «свою последнюю книгу «Хаджи-Мурат» он всю построил на документах, а некоторые из них (как письмо Воронцова, например) прямо включил без изменений в текст. Но до самостоятельной роли в искусстве факту тут было, конечно, еще очень далеко. Документ был подлинным; говорил то, что им хотели сказать».¹⁷

Повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат» [1912] написана на основе документов. Здесь автор в некоторых местах редактировал текст. Но в произведении существуют не только отредактированные тексты, а еще подлинные тексты. Так, критик Палиевский П.В. пишет: «свою последнюю книгу «Хаджи-Мурат» он построил на документах, а некоторые из них так прямо включил без изменений в текст. Но до самостоятельной роли в искусстве факту тут было, конечно, еще очень

¹⁴ Зайденшнур Э.Е. Война и мир Л.Н. Толстого. Создание великой книги. Москва. 1966. С.334, 358.

¹⁵ Шедрина Н.М. Функции документа в романе А. Солженицына «Красное колесо». Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции. Казанский университет. Казань. 2007. С.314.

¹⁶ Местергази Е.Г. Русские писатели о литературе. В 2 т. Ленинград. 1939. Т.2. С.200.

¹⁷ Палиевский П.В. Роль документа в организации художественной формы социалистического реализма. В 2 т. Москва. 1971. Т.1. С.390.

далеко. Документ был в подчинении и говорил то, что им хотели сказать».¹⁸

Таким образом, можно сказать, что предпосылки развития «документальной прозы» в русской литературе есть чисто литературные и в то же время историко-общественные причины. «Документальная проза» получила популярность не только в мировой, а также в современной русской литературе. Такие документальные жанры, как мемуары, биография, автобиография, воспоминания, записки, дневники и т.д. всегда имели место в русской литературе. Но второстепенные жанры документальной прозы получают свой пик в последней четверти прошлого века. Все так и популярность и ценность этих жанров зависела от степени их достоверности, правдивого описания.

Примечание: Данная статья является частью моей кандидатской диссертации «История, жанр и нарратив: «голоса утопии» и творчество Светланы Алексиевич».

- Adamovich, A. Problems in the New Way of Thinking. Breakthrough. Proriv: Emerging New Thinking. Ed. Gromyko, Anatoly and Martin Hellman. Walker and Company. New York. 1988.
- Dulfano. I.M.L.S. (Ed.) Woman as witness. Essays on testimonial literature. Peter lang. New York Washington. 2004
- Ginzburg L.Y. O psikhologicheskoi proze. Moscow. Sovetski pisatel. 1977.
- Shrader F. Nuclear power and public: The social and ethical problems of fission technology. London. 1983
- Архангельская Т.Н. О некоторых особенностях приемов слияния документального и художественного в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Синтез документального и художественного в литературе и искусстве: Сборник статей и материалов международной научной конференции. Казанский университет. Казань. 2007.
- Вайль П. Правда-женского рода. Российская газета. Федеральный выпуск. 2008 №. 4673. http://www.alexievich.info/articles_Weil.html (18-02-2014).
- Гинзбург Л.Я. О документальной литературе и принципах построения характера. Вопросы литературы. 1970. №7.
- Документальная Литература <http://tolkslovar.ru/d5190.html> (10-02-2013).
- Зайденшнур Э.Е. Война и мир Л.Н. Толстого. Создание великой книги. Москва. 1966.
- Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. Совпадение. Москва. 2007.
- Местергази Е.Г. Русские писатели о литературе. В 2 т. Ленинград. 1939. Т.2.
- Местергази. Диссертация. стр. 59. Агапов Б. Искусство остается. Иностранная литература. 1996. № 8

¹⁸ Там же.

- Палиевский П.В. Роль документа в организации художественной формы социалистического реализма. В 2 т. Москва. 1971. Т.1.
- Сухих И.Н. Русская литература для всех: от Блока до Бродского. Лениздат. Санкт-Петербург.

Изображение Кавказской идентичности в одноименных произведениях «Кавказский пленник»: сравнительный анализ

S. Kumar

In the early of 19th century as Russia advanced into the Caucasus, Russian writers took immense interest in the theme of the Caucasus. In their writings, they depicted the Caucasian nature and draws readers' attention to the highlanders' traditions and their way of life. It is interesting to note that the great writers from the 19th to the 20th century had been captivated by the story of the Russian – Caucasian encounters! Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Leo Tolstoy and Vladimir Makanin – all four writers told and retold the story of the “Prisoner of the Caucasus” in their own ways. They showed the war in the Caucasus through the depiction of different events happened in the Caucasus.

В истории русской литературы тема Кавказа всегда имеет главное место. Он всегда привлекает русских поэтов и писателей за своими красотой и экзотичностью. Как только Россия подвернулась на Кавказ в первой половине XIX века русские авторы и писатели в своих произведениях исследовали тему Кавказа на новой высокой уровне в русской литературе. Интересно отметить, что великие писатели от XIX до XX века были очарованы историей Русского-Кавказского столкновения! Великие русский писатели Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Лев Толстой и Владимир Маканин сказали и пересказали историю Кавказского Пленника своими собственными способами. В данном докладе обсуждается произведения «Кавказский Пленник» в контексте кавказской идентичности на основе работ вышеуказанных писателей.

Кавказ – область горных цепей, ограниченных Чёрным морем на Западе и Каспийским морем на Востоке и занят Россией, Грузией, Азербайджаном и Арменией. Русская литература всегда видела большой интерес исследовать кавказскую тему в русском обществе со времени его завоевания Российскими Империями. В первой половине XIX века, как только Россия подвернулась на Кавказ, русские великие авторы более осматривали Кавказскую тему в своих произведениях и осуществили эту тему на новой высокой уровне и создали «литературный кавказ» в русской литературе.

Великий русский поэт Александр Пушкин впервые в русской литературе установил новое видение о Кавказе. В начале 20-х годов XIX века, вовремя своей ссылки на Кавказе он написал поэму «Кавказский

пленник». В поэме Пушкина изображается характер европейской молодежи того времени, который был разочарован в своём цивилизованном обществе и пытался найти духовную свободу на Кавказ. Но, на Кавказе он попадает в плен и потерял надежду на свободу. В конце поэмы ему удалось убежать от тюрьмы только с помощью влюбленной молодой черкешенки.

Как Ю. В. Манн в своей книге «Поэтика русского романтика» отметил, что в «Кавказском пленнике» Пушкин интерпретирует ситуацию бегства героя из цивилизованного мира, который оказывается пленником в естественном мире кавказских горцев, разочаровываясь в своем идеале горской вольницы, желает вернуться в свой родной мир.

В своей лирической работе Пушкин увлечен красотой величием гор и природы Кавказа. Он также привлекает внимание читателей к традициям горцев и их образу жизни. Ему нравятся простота их жизни и гостеприимство. В письме офицеру В. П. Горчакову из Кишинева от октября-ноября 1822 г., Пушкин отмечал что, «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести ...»¹.

Автор изобразил положительный характер черкесских женщин и романтические отношения между российским пленником и кавказской девушкой. Характер Черкешенки исключительный и он не похож на других. В русской литературе, поэма появляется как первая романтическая работа о Кавказе, в которой впервые Пушкин дает романтическое изображение красоте кавказской природы и черкешенки. Как Д. Благой сказал, что «Черкесы свободны, вольны. Кавказ – «черкеской вольности ограда». Определения, производные от «свободы», «воли», постоянно сопровождают описания Кавказа и жизни его «сынов». Но это только одна сторона: давно отмечено, что «любуюсь их дикой вольностью, первобытной простотой их жизни и нравов, их гостеприимством у себя дома, в быту, их дерзкой отвагой в бою с врагом, Пушкин полностью отдает себе отчет в... жестокой, кровавой природе их героизма...»².

Поэма Пушкина поразила Михаила Лермонтова. В 1828 году поэт написал поэму «Кавказский пленник», которая только опубликовала после его смерти. Сюжетно поэма очень близка к поэме Пушкина «Кавказский пленник», но Лермонтов в своей поэме развивает и дополняет тему Кавказа. Он рассказывает происходящие события своими собственными словами и отразил свой живой интерес к быту и

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10; Л.: Издательство АН СССР, 1949-1950. Т.10. С. 50.

² Благой Д.Д. *Творческий путь Пушкина* (1813-1826). М.; Л. 1950. С. 264.

нравам Кавказских горцев. Поэма заканчивается с драматичной развязкой. Для Лермонтова погибают и герой, и героиня: герой погибает от рук отца черкешенки, и героиня бросается в реку после того, она слышала то, что русский был убит черкесом.

В своей работе Лермонтов увеличил количество персонажей и различил их характеры. Его герой не разочарован жизнью. Его сердце разрывалось от жалости к родине и свободе. В поэме черкешенка представляет собой положительный характер. Её любовь к пленнику исключительна. Основные отличия между двумя героями поэмы были то, что герой Пушкина отказался от любви к черкешенке, так как он любит другую женщину на своем обществе, но герой Лермонтова отказывается от любви, потому что для него любовь невозможно в рабстве и он не такой ситуации отвечать на ее любовь.

Как русский литературовед и историк, Вадим Вацуру сказал, что «Лермонтов начинает с прямого подражания «кавказскому пленнику» - едва ли не самой популярной из пушкинских «южных поэм», ближайшим образом связанной с элегическим творчеством Пушкина и с русской элической традицией в целом. Именно эта поэма утвердила в истории жанра тип разочарованного героя, обремененного тяжким душевным опытом, охладившего к любви и жизненным радостям»³. Сравнивая лермонтовское творчество с пушкинским Белинский утверждал: «Да, очевидно, что Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем иное звено в цепи исторического развития нашего общества»⁴.

Лев Толстой, ведущий писатель второй половины XIX века заметно трансформировал сюжет своего рассказа «Кавказский пленник» от романтического пафоса, который был написан в 1872 году. Главный герой рассказа Жилин - русский офицер попадает в плен, когда он возвращался домой из армейской лагеря на Кавказе. Татары держат его в надежде на получение выкупа от его семьи, но герой был не разочарован у Пушкина и Лермонтова. Он скоро искал идеал свободы от тюрьмы. У него есть золотые руки, он начал помогать горцам, чинил что-то для них в плен, и скоро он принимал сострадание горцев. Они называют его Иваном, но так называли всех русских пленников. В конце рассказа герою удалось убежать с помощью молодой дочери его похитителя.

³ Вацуру, Вадим. О Лермонтове: работы разных лет. Новое издательство. Москва. 2008. С. 544.

⁴ Белинский Б. Полное собрание сочинение: в 30т. Москва, 1956. Том. IV. С. 503.

Толстой в рассказе отразил область Кавказа как место приключения. Он описал горцев как жестоки дикарей, которые являются жестокими борцами и только обеспокоенными прибылью. Он говорит то, что российские солдаты борются только за честь России, но татарские солдаты борются только за спорт и прибыль. В одноименном рассказе, Толстой изображает реалистические события, приходящиеся с героем рассказа на Кавказе.

Как считает М. Рыбникова, что «Толстой, создавая свой рассказ, поставил перед собой большую задачу: дать реалистический «кавказский пленник» взамен романтически». ⁵ По словам Кати Хокансона, «к концу XIX века присутствие России в Кавказе стало более раскопанным, и литературные работы начали исследовать опыт тех, кто столкнулся с Кавказом не кратко, но подробно, и не гражданские лица, но как члены вооруженных сил, представители Российской империи». ⁶

К концу XX века тема Кавказа снова появляется в произведении Владимира Маканина «Кавказский пленный», который написан непосредственно перед первой чеченской войной в 1995 году. Рубахин, главный герой повести очарован красотой гор и красотой чеченского мальчика, которого он убивает в конце повести. Повесть сосредоточивала реалистическую ситуацию российских войск на Кавказе и показывает, как люди, у которых есть власть используют своих подчиненных. В повести драматично показаны два обмена – финансовое соглашение и военное столкновение между русскими и горцами.

Писатель убедительно доказывает точку зрения, что никто не завоеватель и Россия, и Чечня. Они сами выставлены в этой ситуации. Алибек, местный дилер, который положил пищу на оружие с продажным русским офицером, прокомментировал своего собеседника: «Вы, должно быть, шутите, Петрович. Я пленник? Вы здесь пленник ... и каждый из ваших солдат здесь заключен! ... Это я, который не является заключенным». ⁷

Повесть Маканина прямо критикует коррупцию в русской армии. Маканин намеренно показал комплексную смежность ранних кавказской темы, не только пушкинские и лермонтовские, но и

⁵ Рыбникова М. А. Рассказы Толстого для детей «Начальная школа». 1937. Часть 2. С. 27.

⁶ Hokanson, K. Writing at Russia's boarder. University of Toronto Press. Toronto. 2008. Page 170. Переводит на русский.

⁷ Ram, H. Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen Conflict <http://escholarship.org/uc/item/45t9r2f1>

повторяющиеся темы у Толстого, как например двое русские офицеры, который отправляются в путь, мотив денег, укрытие от черкесов-татар в кустах и реалистическое изображение событий того времени.

Заключение

В вышесказанных произведениях мы отметили, что как великие писатели от XIX до XX века были очарованы историей Русского-Кавказского столкновения! Они сказали и пересказали историю Кавказского Пленника своими собственными способами. Через образ и описание внешних и внутренних событий в жизни современного главного героя Пушкин показал историю завоевания Кавказа русскими войсками в начале 1820-х г. В поэме Черкесы изображены как естественный народ, которые противопоставлены цивилизованному европейскому обществу. Как отметил Ревякина, что «поэт воспекает мечты о свободной жизни и выражает протест прогрессивной дворянской молодежи против социального зла. В образе пленника поэт стремится отобразить черты, присущие «герою века».⁸

Михаил Лермонтов, который в детстве проживал на Кавказе описал нерешенный естественный пейзаж Кавказа в красноречивых выражениях. В своей поэме он дополняет развитие действия и даёт трагическую развязку. Лев Толстой также служил на Кавказе почти в тех местах, где был Лермонтов, но они увидели воинственных горцев по-разному. В рассказе Толстого, Кавказ обрастало деталями быта, где появляется мотив выкупа за пленного. Повесть Маканина трансформировала базовые компоненты сюжета, пленный это не русский, а кавказский на своей родной территории.

Пушкин и Лермонтов в своих поэмах не дали имена своими героями, так как им были важны чувства пленников. Толстой и Маканин предоставляют своими героями говорящую фамилию. Жилин был сильным и хорошим товарищем. Рубахин тоже был честным человеком, но внезапное нападение чеченскими воителями заставило его убивать пленного юношу, чтобы спасти себя от них.

В работах Пушкина, Лермонтова и Толстого красота души и красота человеческих чувств имеют главное место, а в работе Маканина внешняя красота пленника и красота местного пейзажа пугают его солдат. В своей повести, Маканин написал фразу Феодора Достоевского – «красота спасет мир», но она не успела спасти молодого местного пленника от его убийства. Тема войны появляется самым главным предметом рассмотрения в всех произведениях. Все четыре великие

⁸ Ревякин, А. И. *История русской литературы 19 века*. Москва: Просвещение. 1977. С. 213.

писатели через разные изображенные события по-разному изобразили войну на Кавказе.

Библиография

- Layton, Susan, *Russian Literature and Empire: The Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Grant, B. The Good Russian Prisoner: Naturalizing Violence in the Caucasus Mountains. *Cultural Anthropology*, Vol. 20, No. 1 (Feb. 2005), pp. 39-67. <http://www.jstor.org/stable/3651576>.
- Etkind, A. *Orientalism reversed: Russian literature in the times of empires*. www.memoryatwar.org/publications-list/reversed.pdf.

Время потрясений, отраженное в произведениях Анны Ахматовой и Амрити Притам

R. Kumari

Literature is the mirror of life and society. As we know literature has had a major impact on the development of the society. It has shaped civilizations and changed societies. Time and again great writers have come and reformed the society. Each age has its own specific issues, and problems, which reflect in the works of that time. As we know, literature of each period or each country widely represents the socio- political, cultural and historical specificities of a society. Literature and history are intimately connected with each other.

The poetesses of 20th century Anna Akhmatova and Amrita Pritam wrote about historical incidents and events in their works. Anna Akhmatova is regarded as one of the greatest Russian poets. Throughout her lifetime Akhmatova experienced two different kinds of Russia; prerevolutionary and Soviet. Akhmatova had shown the ongoing problem of the society of Russia in her poems and verses.

Amrita Pritam, the first eminent woman Punjabi poet, migrated to India from Lahore after the partition of India and Pakistan in 1947. Most of her works revolves around the theme of love, not only from the standpoint of man-woman relationship, but it extends to loss of love at the time of great massacre of partition that she felt with deep insight.

The paper will focus on the depiction of the turbulent times in Russia and India. The personal life of both the poetesses, reflected in their works will also be analyzed.

Россия и Индия прошли сквозь череду трагических событий 20-го века.

В эти тяжёлые времена, две великие женщины 20-го века были суждены стать голосом своих народов. Анна Ахматова и Амрита Притам – поэтессы из России и Индии, много пострадали и перенесли в своей жизни, но все же выступают как голос своей нации. Разделение страны полностью изменило жизнь Амрити Притам; она эмигрировала в Дели из Лакхнао в 1948 году. До этого она писала стихи о любви. Но после разделения она начала писать о положении женщин и о социальных проблемах того времени. Она стала первым феминистским писателем Пенджаба. Жизнь Анны Ахматовой, резко изменилась во время 1-й и 2-й мировых войн и сталинских репрессий. В данной статье рассказывается о том, как произведения обеих писательниц побуждали

людей осознавать реальное положение в своих странах и одновременно вызвали к патриотическим чувствам.

Цель статьи - продемонстрировать различные коннотации патриотизма и более уязвимую часть общества, которые Ахматова и Амрита Притам выразили в своих произведениях во время социальных потрясений стран.

Анна Андреевна Горенко родилась в 1889 году на Украине. Она начала писать, когда ей было 11 лет. В 1910 году Анна Ахматова вышла замуж за поэта Николая Гумилева. В 1912 году у них родились сын Лев Гумилев. Первый сборник «Вечер» вышел в свет в 1912 году. Раньше Ахматова писала о любви, природе и русской культуре.

В 1921 года расстреляли поэта Николая Гумилева – мужа Ахматовой. Он был арестован 3 августа 1921 года по обвинению в участии в заговоре контрреволюционной Петроградской боевой организации. Во трагические 1930-40-е годы Ахматове пришлось многое пережить. В то время репрессия приобрела невиданный размах и каждый новый день приносил известия об аресте или смерти кого-нибудь из знакомых. Ахматова жила в крайней нищете. Она не имела возможность печатать свои стихи. В марте 1933 года был арестован её сын Лев Гумилев. Семнадцать месяцев он был в тюрьме в Ленинграде и был приговорен к смерти. Позже его приговор заменили на ссылку, так как в это время его судьи сами подвергались «чистке». Ахматова пережила и перетерпела многое. Ахматова разделила свою судьбу со судьбой своих соотечественников, которые также как и она переживали аресты мужей и сыновей, гибель друзей.

В истории Советского Союза и в памяти его народов, период правления Сталина имеет особое значение. Много людей потеряло свою жизнь и много семей разрушилось в то время. Политические репрессии, направленные государством в сторону своих граждан оставила глубокие и неизлечимые раны на сердце народов СССР.

В это время Ахматова написала поэму «Реквием» (1935-43; дополнена в 1957-61 годах). В «Реквиеме» Ахматова выразила свои личные страдания и переживания, которые сливаются со океаном страданий женщин и матерей всей страны. События, описанные в «Реквиеме» относятся к 30-ым годам и в них звучат боль и горе не только самой поэтессы, но и переживания женщин и матерей Советского Союза, которые были оторваны от своих близких и родных. Ахматова в «Реквиеме» взяла себя роль представителя всего народа. Она написала поэму тогда, когда правдивое изображение действительности рассматривалась как преступление против государства и это могло обозначать смерти или тюрьма.

Следующее стихотворение **“Вступление”** Ахматова написала в 1935 году, когда репрессии сталинского тоталитарного государства начали набирать силу. Когда везде в стране распространились смятение и хаос, когда уже не остаётся надежды в душе народа. Ахматова тогда горько заявляет, что душевный покой в данное время можно обрести только уходом из жизни, смертью. Не было улыбки на лицах людей.

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.¹

Ахматова подчёркивает, что это не только трагедия Ленинграда, а целой страны. Она употребляет здесь слово **“Русь”**, которое в данном случае содержит в себе особое значение – Здесь слово **“Русь”** выражает соединение личной трагедии Ахматовой с народной трагедией.

Главная мысль поэмы – это выражение беспредельного горя и переживания жен и матерей репрессированных, осужденных как **«врагов народа»**. В поэме душевное кризисное состояние автора объединяется с мучениями женщин всей страны. Поэма является выражением общего народного горя.

В поэме **«Посвящение»** говорится о степени и масштабе этого горя.

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними "каторжные норы"
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,

¹ (Анна Ахматова – стихи, Реквием
<http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/142.htm>)

Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,²

Ахматова посвящает этот образ всем подругам, с которыми она провела два года у тюрьмы. Автор не знала этих женщин раньше в жизни. Но они все испытывали одно и то же чувство горечи и смертельную тоску. Автор здесь описывает огромное горе матери и говорит, что перед этим горем даже могучие высокие, горы сгибаются.

Следующее стихотворение написано в 1938 году. Здесь речь идёт о лирической героине, у которой муж в могиле, и сын в тюрьме. Она умоляет, чтобы для неё молились все.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.³

Здесь героиня теряет все силы. Показано одиночество и слабость женщины, которая осталась одной после смерти мужа и ареста сына.

Поэма «Реквием» посвящена женщинам и матерям, которые глубоко страдали духовно и физически после ареста или расстрела родных. Ахматова показывает ужасы времени и говорит от имени 100-миллионного народа. В эпилоге цикла стихотворений автор выражает свое желание создать памятник, который будет символом не личного, но народного горя. Ахматова описывала эпоху, в которую страдали народ страна.

Амрита Притам

Амрита Притам родилась в 1919 году в Гуджранвале, Пенджаб, который находится в современном Пакистане. Она считается первой выдающейся пенджабской поэтессой, прозаиком и эссеистом 20-го века, который одинаково любят Индию и Пакистан. Её больше всего помнят за ее остросюжетную поэму, **“Ajj aakhaan Waris Shah nu” (Today I call Waris Shah - «Ode to Waris Shah»)**. Её творчество относится к реализму. В своих работах она всегда показывала основные проблемы человека и общества. Амриту Притам больше всего помнят за элегию о разделе Пенджаба. Многие описывают ее как богиню, бунтаря и

² Анна Ахматова – стихи, Реквием
<http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/142.htm>

³ Там же.

революционерку, который прожила свою жизнь с предельной интенсивностью.

Тема разделения Индии является одной из наиболее изученных тем в Индии, особенно в Пенджабе.

После обретения Индией независимости от британцев в 1947 году последовали трагические события приведшие к массовому переселению, страданиям и горю людей по обе стороны границы. Разделение и его трагедия породили разные гипотезы, призванные целью определить внутренние причины конфликтов и социальных потрясений, которые мучили субконтинент. Разделение Индии и Пакистана привело к военным действиям против друг-друга ,когда тысячи семей оказались разделёнными, были сожжены дома и брошены деревни. Уничтожение семей в результате убийств, самоубийств и похищений явились тяжелыми последствиями раздела. Около миллиона мусульман, индусов и сикхов погибли от насилия, которые последовали за разделом Британской Индии в 1947 году, и сделали 28 летнюю Амриту Притам беженцем в Пенджабе, после того как она оставила Лахор и переехала в Нью-Дели. Впоследствии, в 1948 году, когда она была беременной сыном, и путешествуя из Дехрадуна в Дели, она выразила свою тоску на листке бумаги в стихотворении **“Ajj aakhaan Waris Shah nu” (Today I call Waris Shah - «Ode to Waris Shah»)** это стихотворение должно было позже увековечить её и стать самым острым напоминанием об ужасах разделения. Стихотворение адресовано суфийскому поэту Варису Шаху, автору трагической саги Хира и Ранджа, с которую он посвятил своим родным местом, и ставшей национальной эпопеей Пенджаба:

Today, I call Waris Shah,
“Speak from inside your grave”
And turn, today,
the book of love’s next affectionate page ⁴

“Ода Варис Шах” - это обращение легендарного пенджабского поэта, Варис Шаха – с кем у Амриты общая малая родина в окрестностях Гуджранвала – в такой напряженной, болезненной и образной форме, что Варис Шах гордился бы ощущать эту работу свою собственную. Пенджабские аналоги, гиперболы и метафоры, используемые в описании событий, с деревенской культурой Пенджаба и литературным творчеством Варис-Шаха, конкурируют с лучшими произведениями легендарных пенджабских суфийских поэтов.

⁴ Aaj Aakhan Waris Shah Nu | Amrita Preetam
<https://qausain.wordpress.com/2009/07/17/aaj-aakhan-waris-shah-nu/>

Rise! O' narrator of the grieving;
 rise! look at your Punjab
 Today, fields are lined with corpses,
 and blood fills the Chenab
 Someone has mixed poison
 in the five rivers' flow
 Their deadly water is, now,
 irrigating our lands galore⁵

Ода Варис шаху Амриты Притам наполнена отсылками к его известным произведениям. Она видит в Хир воплощение "Дочери Пенджаба" и воспринимает творение Варис Шаха как описание трагедии, изображенной в виде плача Хир ; прошу Варис Шаха выйти из своей могилы и услышать стенания миллионов обездоленных. Стихотворение содержит описание главных героев и символы легенды Хир – Ранджа, рассказывает об отношениях пенджабцев на момент раздела и повествует об актах злодеяний.

Once, one daughter of Punjab cried;
 you wrote a wailing saga
 Today, a million daughters,
 cry to you, Waris Shah⁶

Здесь Амрита Притам описывает всю ситуацию того времени. Женщины стали объектом страсти и удовольствия для мужчин. Женщины становятся жертвами в разных обстоятельствах. Многие становятся вдовами или теряют своих детей, а многие похищены и изнасилованы. Это похищение и изнасилование женщин одной общины мужчинами другой общины является способом опозорить общину и символически доминировать. В этих действиях также есть представления о женщинах как собственности.

Where can we find, today,
 another Warish Shah, once more
 Today, I call Waris Shah,
 "Speak from inside your grave"
 And turn, today,
 the book of love's next affectionate page⁷

В конце концов, поэтесса задумывается о том, будет ли когда-нибудь новый Варис Шах который будет писать о любви. Можно сказать, что это призыв к возвращению в золотой век наполненный любовью и братством. Она призывает Вариса Шаха писать такие эпические стихи,

⁵ Aaj Aakhan Waris Shah Nu | Amrita Preetam

<https://qausain.wordpress.com/2009/07/17/aaj-aakhan-waris-shah-nu/>.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

прочитав которые люди чувствовали бы себя более связанными между собой, несмотря на разделяющие их границы. Это стихотворение, превосходя географические и коммунальные границы, захватило весь раздел.

«Реквием» Ахматовой и “Ajj aakhaan Waris Shah nu” (Today I call Waris Shah - «Ode to Waris Shah») Амрити Притам: Сходство и различия

Обе эти поэтические шедевры изображают страшную трагедию своих народов того времени. Оба эти произведения написаны женскими писателями. В обоих произведениях выражаются мучения женщин, и через изображения скорби и боли передаются страдания всего населения Сталинского периода в России и в период разделения Индии в Индии.

Мы знаем, что в то время не могли открыто говорить об этом. Обе писательницы излагали в своих произведениях жестокую правду того времени. Можно заметить, героиня «Реквием» смело и откровенно произносит слово против террора государства когда её сын был приговорён к смерти. В поэме Амрити Притам она показала ситуации женщин и эксплуатацию женщин в обществе в такой реалистической манере, что любой может почувствовать это, читая его. Амрита Притам была первой женщиной, которая, говорила прямо о социальном угнетении женщин.

Таким образом, можно отметить, эти поэтические произведения являются откликами к массовому террору России и Индии. Обе эти поэтессы смело поднимали свой голос против зла и против бесчеловечности и жестокости общества. Эти произведения были написаны с целью того, чтобы их опыт «массового террора» никогда не повторялся.

Эти произведения сильно отличаются друг от друга. В «Реквиеме» Ахматова чувствует себя как часть сто миллионов страдающего народа. Её горе сливается в горе всех женщин страны. Но в своей поэме, Амрита Притам выразила горе, страдания людей Пенджаба, которые были разлучены с семьями во время передела Индии. Нигде в поэме Амрита Притам показала себя как часть сто миллионов страдающего народа. Амрита Притам только чувствует горе всех женщин Пенджаба. В поэме не выражен, что её личные горя сливаются в горе страдающих народов.

В заключении можно сказать, что в своем стихотворении обе великие писательницы говорили о потрясении различного рода. В «Реквиеме» Ахматова описала страшную трагедию русского народа во время Сталинских репрессии. В поэме “Ajj aakhaan Waris Shah nu” Амрита Притам описала бесчеловечность и страшную трагедию пенджабского народа во время разделения Британской Индии.

Основным отличием в творчестве и мировоззрении Амриты Притам и Анны Ахматовой выражается в выборе направления им. Так, Ахматова относилась к акмеистам, как и её муж Николай Гумилёв. Амрита Притам писала в реалистическом стиле. Несмотря на сходство в творческих приёмах обеих литературных направлений, в акмеизме важна точность отображения, слова и предметность описания реальности, а в реализме мир и его предметы существуют независимо от рассказчика и таким образом он предполагает большую созерцательность с структуре повествования.

Библиография

- Андреева Алла Юрьевна, “Трагедия личности и трагедия народа в поэме А. А. Ахматовой «Реквием»”
- <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/02/17/tragediya-lichnosti-i-tragediya-naroda-v-poeme-a-a-akhmatovoy>
- Анна Ахматова – стихи, Реквием
- <http://www.stihi-rus.ru/1/Ahmatova/142.htm>
- Жирмунский Виктор Максимович (Творчество Анны Ахматовой) http://www.akhmatova.org/bio/vzh_01.htm
- Найман А. Г.: "Реквием"
- <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/najman-rekviem.htm>
- Павловский Алексей: Анна Ахматова. Жизнь и творчество Глава 4. В годы Великой Отечественной войны
- <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/pavlovskij-zhizn-i-tvorchestvo/glava-4-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.htm>
- Aaj Aakhan Waris Shah Nu | Amrita Preetam
- <https://qausain.wordpress.com/2009/07/17/aaj-aakhan-waris-shah-nu/>
- DATTA NONICA, “An alternative voice of history”
- <http://www.thehindu.com/1r/2005/12/04/stories/2005120400040100.htm>
- Feinstein Elaine, (2007) “Anna of All the Russias: A Life of Anna Akhmatova”
- Rao Sharma Pooja, “Amrita Pritam: Not Just A Poet, But Revolution Personified #IndianWomenInHistory” <https://feminisminindia.com/2017/03/07/amrita-pritam-essay/>

Деконструкция стандартной идеи детства в контексте повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом»

Meenakshi

The aim of the present article is to show the deconstruction of the standard idea of childhood through the novel 'Bury me behind the baseboard' by the Russian contemporary writer Pavel Sanaev. We all consider the general phenomena of childhood as 'happy go lucky times' but in contemporary society this 'happy times' idea of childhood is often being put to question. Drawing from a close reading of the novel the paper analyses the concept of childhood through the main plot, the main protagonists and the relationship between them. It attempts to reveal the changed notions of family relations and how they affect the upbringing and character development of a child. Through the process of deconstruction of the text it also attempts to analyze and explain the underlying theme of this novel.

В русской литературе изображение детства традиционно занимало важное место в общем литературном пространстве. Известно, что русская литература имеет свою собственную плеяду выдающихся детских писателей XIX и XX веков. Эта традиция продолжается и в наши дни. Наша настоящая статья основана на изучении повести, написанной современного русского писателя П. Санаева (1969), «Похороните меня за плинтусом» (2003).

Опираясь на различные теоретические исследования о концепции детства, статья показывает как П.Санаев нарушает стандартную идею о детстве как счастливое время невинности и то, как современное общество. влияет на детство.

Стандартная идея «детства» мы обычно рассматривали как жизнь, полную мечтаний. Детство далеко от напряженности и ответственности. Дети очень невинны. Им неважно, откуда они получают еду, одежду или основные вещи. Они даже не понимают сложность жизни, которую переживают их родители. Детство не знает добра и зла, они знают только улыбку, едят и играют. Но это общие явления детства. В прошлом и настоящем обществе не все прошли через то же самое. У некоторых людей очень красивые воспоминания о детстве, но для некоторых людей их детство похоже на кошмар. Некоторые люди хотят пережить свое детство, но не все.

В России детство традиционно занимало важное место в общем литературном пространстве, и большинство писателей классической литературы для взрослых привлекли внимание к нескольким работам

для детей. С советского периода до современности многие писатели изображали детство как главную тему или характер в своих писаниях, и многие из них все еще пишут о детях и детстве и изображают детей главным героем их письма. Многие русские писатели, в том числе Толстой, Горький, Бунин и Набоков, писали о детстве, каждый из которых имеет свой стиль и устный перевод на эту тему. Во многих историях и романах современных русских писателей стандартная идея детства как счастливого времени невинности претерпевает деконструкцию. Многие персонажи детей изображены так, как будто они присущи сознанию взрослого. Другие показывают, что они живут в ужасных условиях, не связанных с миром детства. *«Миф о детстве в русской культуре переместился на противоположный конец спектра из райского образа Толстого»*¹. В результате такая тактика изображать мир детства становится эффективным литературным инструментом, добавляя элемент шока, который привлекает внимание читателя и заставляет его подвергать сомнению ценность и ценность таких историй. Санаева «Похорони меня за плинтусом» - один из замечательных примеров в этой серии и в этом контексте я хочу анализировать эту историю

Павел Санаев

Павел Санаев - российский писатель и кинорежиссер, в котором он занимает особое место. Он родился 16 августа 1969 года в Москве. Наибольшую известность Санаеву принес роман «Похороните меня за плинтусом», на основе которого был также снят художественный фильм.

«Похороните меня за плинтусом» - один из бестселлеров последнего десятилетия на книжном рынке в России, повесть получила высокую оценку литературных критиков и обычных читателей. Более миллиона экземпляров были проданы в России, у автора появились десятки тысяч поклонников. *«История восьмилетнего мальчика и его бабушки часто описывается как одна из самых смешных когда-либо написанных. В то же время драматический тон некоторых отрывков вызывает писания Диккенса и Достоевского. Выигрывающее сочетание юмора и драмы объясняет огромный успех романа в России. Переводы этой книги были опубликованы в Германии, Италии, Франции, Польше, Израиле, Китае, Тайване и других странах»*². Некоторые люди считают, что эта история

¹ From Tolstoy to the Queen of Horror: Childhood in Russian literature http://rbth.com/arts/2015/06/01/from_tolstoy_to_the_queen_of_horror_childhood_in_russian_literature_46529.html

² Bury me Behind the Baseboard <https://www.amazon.com/Bury-behind-baseboard-Pavel-Sanaev/dp/1499227868> (Translated From)

основана на его собственных биографических фактах, но это не так. Единственный факт заключается в том, что в детстве он сталкивался с такими же ситуациями, как и главный герой его романа.

Похороните меня за плинтусом (сюжет)

Это рассказ о восьмилетнем мальчике Саше, чьего мать и отец расстались, и он жил со своими бабушками и дедушками. Бабушка чувствует, что мать не может заботиться о своем сыне, и, найдя нового мужа, она не будет хорошей матерью. Ее недоверие к дочери делает ее настолько привлекательной для ее внука. Внуку не разрешается бегать, потеть, спать без колготок и часто видеть свою мать, как и любого другого нормального ребенка. Несмотря на столько строгости, что только хочет Саша, жить с матерью. В битве матери и бабушки Саша находит его таким беспомощным и одиноким, и в конце рассказа бабушка умерла, и, наконец, Саша получает шанс жить со своей матерью.

Деконструкция стандартной идеи детства в рассказе

Рассказ начинается: «Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой. Так я с четырех лет и вишу»³. Трудно ожидать таких обобщений от обычного ребенка, но автор успешно передает восприятие ребенка во взрослом мире. Этого предложения достаточно, чтобы понять его напряженность в понимании жизни ребенка и взрослых. Это напряжение подчеркивает его горе, чтобы увидеть, что он каким-то образом слился со своей бабушкой. Но на самом деле это показывает жестокий аспект повседневной жизни каждого общества. Постоянный конфликт между Сашей и его бабушкой показывает, что ценности бабушки - социальный статус, карьера, квартира и автомобиль и т. д. - недостаточно для счастья и любви, но все они могут усложнить человеческие отношения. Несмотря на добрые намерения, она внезапно сделала жизнь ее внука полной черствости, разочарования и страха. Бабушка деморализовала его так сильно, что он был уверен, что он идиот и не может ничего сделать, даже для себя. Мы можем увидеть это в его другом заявлении: «Вам, наверное, покажется странным, почему я не мылся сам. Дело в том, что такая сволочь, как я, ничего самостоятельно делать не может. Мать эту сволочь бросила, а сволочь постоянно гниет, и купание может обострить все ее сволочные болезни»⁴. Бабушка внушила ребенку, что он сплошь состоит из

³ Санаев П. Похороните меня за плинтусом. МК-Периодика, 1996 (2003) С.1.

⁴ Там же. С.2.

болезней, поэтому ему запрещено потеть, бегать и спать без колготок. Как говорит герой, «потеть мне не разрешалось. Это было еще более тяжким преступлением, чем опоздать на прием гомеопатии! Бабушка объясняла, что, потев, человек остывает, теряет сопротивляемость организма, а стафилококк, почуяв это, размножается и вызывает гайморит. Я помнил, что сгнить от гайморита не успею, потому что, если буду потный, бабушка убьет меня раньше, чем проснется стафилококк. Но как я ни сдерживался, на бегу все равно вспотел, и спасти меня теперь ничто не могло»⁵.

Хотя протагонист говорит как взрослый, но, как мы помним, он еще так маленький ребенок, и его невинные мысли никогда не оставляют его в покое. Его одна мысль невинна, но все же имеет смысл: *«Моя бабушка считала себя очень культурным человеком и часто мне об этом говорила. При этом, был ли я в обуви или нет, она называла меня босяком и делала величественное лицо. Я верил бабушке, но не мог понять, отчего, если она такой культурный человек, мы с ней ни разу не ходили в парк культуры. Ведь там, думал я, наверняка куча культурных людей»*⁶. Для каждого ребенка день рождения это всегда особенный день, в который чувствуешь себя таким хорошим и радостным, но для Саши его особый день — это всего лишь куча переживаний, он вспоминает о своей матери. Вот, например, его впечатления от своего дня рождения: *«Редкие встречи с мамой были самыми радостными событиями в моей жизни. Только с мамой было мне весело и хорошо. Только она рассказывала то, что действительно было интересно слушать, и одна она дарила мне то, что действительно нравилось иметь. Бабушка с дедушкой покупали ненавистные колготки и фланелевые рубашки. Все игрушки, которые у меня были, подарила мама. Бабушка ругала ее за это и говорила, что все выбросит»*⁷ Несмотря на то, что его бабушка его так сильно замучила, его сила воли все еще так сильна, что, даже зная о своих болезнях, он не теряет надежды на лучшее будущее. *«Я всегда знал, что я самый больной и хуже меня не бывает, но иногда позволял себе думать, что все наоборот и я как раз самый лучший, самый сильный, и дай только волю, я всем покажу. Воли мне никто не давал, и я сам брал ее в играх, которые разворачивались, когда никого не было дома, и в фантазиях, посещавших меня перед сном»*⁸.

⁵ Там же. С.16.

⁶ Там же.С.50.

⁷ Там же.С.65.

⁸ Там же.С.98.

Говоря о сильной воле, взрослом мышлении или о разумном поведении протагониста, мы не можем оправдать его мысль о похоронах его рядом с его матерью. Для него это своеобразная мечта, как читатель, я понимаю, что так выражается его жажда быть с его матерью. *«Когда мне пришла в голову такая прекрасная мысль — быть похороненным за маминым плинтусом — то единственным сомнением было то, что бабушка могла меня маме не отдать. А видеть из-под плинтуса бабушку мне не хотелось. Чтобы решить этот вопрос, я так прямо у бабушки и спросил: “Когда я умру, можно, меня похоронят у мамы за плинтусом?” Бабушка ответила, что я безнадежный кретин и могу быть похоронен только на задворках психиатрической клиники.»*⁹.

Мы можем видеть в этом параграфе, что он любит свою мать и желает быть рядом с ней: «Мама приходила редко. Я начинал ждать ее с самого утра и, дождавшись, хотел получить как можно больше от каждой минуты, что ее видел. Если я говорил с ней, мне казалось, что слова отвлекают меня от объятий; если обнимал, волновался, что мало смотрю на нее; если отстранялся, чтобы смотреть, переживал, что не могу обнимать. Я чувствовал, что вот-вот найду положение, в котором можно будет делать все сразу, но никак не мог его отыскать и суетился, ужасаясь, как быстро уходит время, которого у меня и так было мало»¹⁰.

Вообще мы считаем любовь доброй, терпеливой, смиренной, защитной и полной доверия и надежды, но здесь, в этой истории, любовь бабушки далека от этой идеи любви. Ее любовь к внуку - это куча противоречивых эмоций, таких как боль, страх, раздражение и т. д. Даже характер бабушки далек от доброты и счастья. Она всегда чувствует себя несчастной, все жалобы, и Саша всегда хочет убежать от нее и дома, чтобы найти свою мать и свободу. Мы видим, что автор изображал характер бабушки очень грубым и странным. Вряд ли можно считать нормальной бабушку, постоянно использующую для внука слово «сволочь». Для нас это странно, но *«Эта история уже не история одной семьи, а история всей страны, живущая по советским правилам любви через ненависть почти 70 лет. Нужно было узнать, что грубый призыв «Ты, грязный, вонючий рыбак!» В этой стране выразил не гнев вызывающего, а его преувеличенное и нереализованное чувство обожания или желание привлечь внимание, чтобы люди заметили, что он человек, а не пустое место.»*¹¹

⁹ Там же. С.103.

¹⁰ Там же. С.162.

¹¹ Snezhkin Sergei, *Bury me Behind the Baseboard*, review by Tatiana Moskvina-Yaschenko, 2009 <http://www.kinokultura.com/2009/26r-plintus.shtml> (Translated from).

Естественно что новый тип человека был создан советскими людьми, которые нетерпимы, умственно и эмоционально слабы и полны гнева и эгоизма. Другими словами, мы можем сказать, что психоцентрист, сосредоточенный на себе, которого мы видим почти каждый день в каждой российской семье, несмотря на то, что страна продвигается вперед в XXI веке. Вот что такое роман Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом».

Заключение

В заключение я хотела бы сказать, что, хотя Павел Санаев написал эту историю в жанре комедии, но сам сюжет не комичен. Семья и отношения в ней предназначены для добра, особенно это касается детей. Если мы не сможем дать хорошее и счастливое детство нашим детям, мы не можем ожидать от них счастливого или прекрасного будущего. Возможно, эта история передает еще одну важную идею — показать, что, хотя у всех нас много проблем, жизнь состоит из личных и профессиональных сложностей, мы не должны расстраиваться и не должны позволять этим проблемам влиять на наших детей. Мы должны уберечь наших детей от всего неприятного, чтобы не портить им жизнь. Дети уже очень чувствительны по натуре, они невинны и игривы, уход за детьми включает в себя много прекрасных моментов. Только чувствительность позволит им получить хорошее образование и вырасти уверенными в себе. В противном случае давление обстоятельств и одиночество могут разрушить всю их жизнь и психическое здоровье.

Библиография

- Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская Литература: учебник для студ. Учреждений высш. Проф. Образования, 8-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2012.
- Bury me Behind the Baseboard <https://www.amazon.com/Bury-behind-baseboard-Pavel-Sanaev/dp/1499227868> (Translated From)
- From Tolstoy to the Queen of Horror: Childhood in Russian literature http://rbth.com/arts/2015/06/01/from_tolstoy_to_the_queen_of_horror_childhood_in_russian_literature_46529.html
- Санаев П. Похороните меня за плинтусом. МК-Периодика, 1996 (2003).
- Тенденции развития современной детской литературы. <http://www.seniorinfo.ru/usefulinformation/232.html>
- Snezhkin Sergei, *Bury me Behind the Baseboard*, review by Tatiana Moskvina-Yaschchenko, 2009 <http://www.kinokultura.com/2009/26r-plitnus.shtml>

Переосмысление октябрьской революции через литературы

В. Ананд

On October 23rd 1917 an armed uprising of Bolsheviks triggered a chain of phenomenal events in Saint-Petersburg- the capital of Russia. This uprising is today remembered as the beginning of the Great October Revolution. October Revolution changed the face of international politics and by 1922 in place of the Russian Empire; a Union of Soviet Socialist Republics was formed.

The year 2017 celebrated the 100th anniversary of Revolution. The leader of revolution was Vladimir Lenin and the heroes of revolution, the Proletariats along with less qualified laboures, workers and peasants of Russia. However, while discussing about the October Revolution most of the time we ignore the hidden catalyst which actually planted the idea of revolution among the masses initially and thereafter in the proletariat. According to me the hidden and less talked catalyst of October Revolution is Russian Literature.

In this article we are going to discuss if Russian Literature can be considered as the unsung hero of revolution and will intake a discussion on those literary works that influenced the masses for happening of Revolution.

Говорят что литература это зеркало общества, т.е. в литературе отражается общества. При таком определении литературы возникают много вопросы такие как что такое литература, как влияет литература на неграмотном обществе, и, остроумно ли думать о литературе всего-лишь как подражательницы обществе, когда «о русской культуре XIX в. говорят, что она литературоцентрична».¹² Литература и общества тесно связанные друг с другом, однако, когда говорится что культура литературоцентрична, то имеется в виду что изменения в культуре и обществе зависел на литературе а, не наоборот. Отсюда цель исследовательской статьей-доказать роль русской литературы XIX в. в формирования нового общества в XX в.

«Литература –это совокупность письменных¹³ и устных¹⁴ материалов, которые излагают объективные действительности (история человеческого развития) и субъективные действительности (переживания за развития человечества) в реальном и ирреальном времени».

¹² [http://studme.org/15780503/istoriya/liteaturazurnalistika\(27/01/17\)](http://studme.org/15780503/istoriya/liteaturazurnalistika(27/01/17)).

¹³ Письменная литература: Литература как СМИ (газеты, журналы, плакаты, памфлеты, и т.д.) и художественная литература.

¹⁴ Устная литература: Речь вождей, фольклор, история коренных народов и т.д.

Влияние литературы: В грамотном обществе массы умеют читать и понимать литературу, развивать идеи, а затем начать революцию. Трудно понять, как то же самое может быть возможным в неграмотном обществе. Мы используем концепцию об органической интеллигенции Антония Грамши, чтобы объяснить аномалию.

Грамши в Тюремной тетради разъяснил что общество управляется доминирующим классом (нр. царь), который в дополнении к использованию насилия используют и идеологии (теорию официальной народности), созданной органической¹⁵ интеллигенцией, для того чтобы держать восстание массы. Органическая интеллигенция как агент выполняет волю доминирующего класса через свою литературную деятельность.

Роль органической интеллигенции подразделяется на две секции, где одна часть принимает участие в литературной деятельности, а другая вовлечена в процесс объяснения, разъяснения и упрощения этих литературных работ с помощью различных средств (объяснений и действий), чтобы было понятно неграмотным массам. Этими органическими интеллектуалами могут быть авторы, поэты, журналисты, помещики, дворяне, а также режиссеры, актеры, певцы и театральные художники и передовые и образованные люди. Литература-это не только читаемые материалы. Она также включать в себя рассказы, устные истории о героические подвиги, история традиционных народов, мета повествования и т.д. Эти формы литературы часто передаются среди неграмотного слоя общества из уст в уста через поколения. С этого можно сказать что влияние литературы на обществе не зависит от грамотности общества.

Далее, Грамши подчеркивает, что гегемония у доминирующего класса не является постоянной. Изменения неизбежны, они произойдут. Однако, слепое вооруженное восстание против такой системы приведет только к насилию. Он предлагает решение, что так же, как литература создается органической интеллигенцией доминирующим классом, оппоненты могут создавать противоположную литературу, чтобы легитимизировать существующего режима, воспитывать и просвещать ядерные массы и начинать революцию. Единственная искра, необходимая для перемен, это контр идеология от контр групп

¹⁵Различается органическая интеллигенция от традиционную, где традиционные интеллектуалы являются пассивными и не принимают активного участия в формировании общества. Органические интеллектуалы являются активным агентом доминирующего класса, и выступают в качестве связующего звена между массами и элитами.

органических интеллектуалов. Чтобы выяснить роль русской литературы к Октябрьской революции требуется проанализировать произведения великих мыслителей России по периоду 1825-1917.

История России 19 ого века началась с трагедии, когда в 1801 г. был убит император Павел I. Новым царем стал старший сын Павла I Александр I. Александр I отказал Наполеону в его поддержке в континентальной блокаде Великобритании, однако, стремления Наполеона к мировому господству привели его с 500 тысячами солдат вглубь России, вследствие чего началась отечественная война. Во войне воевали не только русские солдаты и офицеры, но и крепостные крестьяне, партизаны, чтобы защитить родину. И 25 декабря 1812 г. был издан манифест об окончании войны с полной победой русского народа. Период дворянского освободительного движения.

Передовые дворяне не могли мириться с тем, что крепостные, среди, которых были и герои Отечественной войны, были уничтоженным помещиками крепостным правом. Увидев патриотизм крепостных хотели отменить крепостное право. Правительство либеральных реформ проводить не желало. С целью освободить крепостных и уничтожить самодержавие, лучшие люди дворянства формировали первые тайные политические союзы. Главным средством для распространения идей и цели союза был изящная словесность, т.е. литература.

В художественной литературе на смену сентиментализму зарождалось романтизм. И вместе с романтизмом, возникло гражданское романтическое течение-декабристский романтизм. Писатели гражданского романтизма являются продолжателями радищевских революционных традиций. Их поэтика была политико-целеустремленная. Она усваивала антикрепостнические настроения среди интеллигенции, прославляя мысль о восстании и о свободе в обществе. Источниками их работ являлись французская революция, западноевропейская философия, отечественная война, героические подвиги из древнерусской истории, недавно свершившиеся революции во Франции и Испании и т.д.

Декабристы писали агитационные произведения против самодержавия, которых тайно распространяли среди солдатских масс. Среди дворян они распространяли запрещенные рукописные произведения Пушкина и Грибоедова. Революционеры декабристы планировали вооруженное восстание летом 1826 года, однако, неожиданная смерть Александра I ускорила процесс восстания. И 14 декабря состоялся восстания, которое сегодня помнится как первое выступление за свободу и первое трагическое поражение.

От дворянского к разночинскому периоду освободительного движения

Новый царь России становится Николай I. Проведенные реформы в области образования и цензуры во время его правления были неприемлемы. Школы были разделены по сословному типу, гимназии и уездные заведения только для дворян, и увеличивалась цензура.

Ведущий роль в освобождения народа в 1840-х годах играли интеллигенция-разночинцы. Подъем революционное настроения среди разночинцев связан с кризисом крепостничества, и жестокое подавление оппозиции и любого свободомыслия царем. Поэты не могли публиковать произведения, так как их темы могли нанести вред авторитету монарха. Журналы снимались с публикации из-за их радикального настроения.

Опубликование I из Философических писем Чаадаева в 1836 г. разделили общественной мысли страны на народность, славянофильство и западничество. Западники продолжали революционную борьбу с помощью печатных произведений и слов. Однако, со временем возникли разногласия между западниками. Одни видели в либеральных реформах дальнейшее развитие страны и, другие верили в народную революцию. Последний из них называли революционными демократами и главные представители являлись Белинский и Герцен.

В конце 40-х годов самые острые вопросы для обсуждения были вопросы связанные с освобождением крепостного. При таких обстоятельствах вышел книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в которой автором защищается распространенное в России крепостное право во имя православия, самодержавия и народности. Роман не мог вызвать протест против попытки оправдать крепостное право, и Белинский написал ответное письмо к Гоголю.

В письме шла речь об истине о русском обществе. «Упомянув о русских народах Белинский говорит, что русский народ видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности, и потому, Если вы любите Россию, порадитесь вместе со мною падению вашей книги!»¹⁶ Он говорит что «Россия страна-где люди торгуют людьми и где «наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей!»¹⁷ и где

¹⁶ [http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml\(06/05/17\)](http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml(06/05/17)).

¹⁷ См. там же.

во имя «Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, учит их ругать побольше».¹⁸

Письмо Белинского к Гоголю получило огромную популярность и стало манифестом для передовых и мыслящих России. Оно сыграло значительную роль в формировании мировоззрения значительной части образованной молодежи (краткое содержание письма пересказывали петрашевцы и все прогрессивные круги общества, выражая интересы и мысли крепостного народа против самодержавия).

Герцен основатель теории крестьянского социализма заявлял что «У народа, лишенного общественной свободы, литература единственная трибуна, с высоты, которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести».¹⁹ Самой влиятельной работой является роман «Кто Виноват». Общественное значения романа: автор свою задачу видел не в разрешении вопроса, вынесенного в заголовок книги (Кто Виноват), а в проблеме его верного обозначения. В романе изображена действительность современного общества и прямая связь между человеком с его средой. Основную мысль романа критики видели в том, что проблема века получает у Герцена не личное, а общее значение: «Виноваты не мы, а та ложь, сетями, которой опутаны мы с самого детства».²⁰

Герцен в Лондоне основал вольную русскую типографию. Оттуда издавал альманах «Полярная звезда» и первую революционную газету «Колокол» с эпиграфом Зову Живых!. Главной задачей газеты считал революционную пропаганду. В ней критиковали крепостное право, распространяли идеи о крестьянского социализма, печатали запрещенные в России произведения, и т.д.

В 1850-х отношения между Россией и Турцией обострились, когда Турецкий король отказал принимать русского царя как правителя всех православных христиан в Османской Империи. Это привело к разрыву дипломатических отношений между обеими империями. Османская империя объявила войну Российской империи. Конечным результатом стали потери Российской империи в Крымской войне. Империи предстоял еще одна потеря смерть царя в 1855-м году. В стране сложилась революционная ситуация и восстание считается единственно-возможным способом преодолеть гнет самодержавия и помещиков.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ http://studopedia.ru/1_21737_zhurnalistsika-v-sorokovie-godi.html(07/06/17).

²⁰ [http://www.studfiles.ru/preview/5842025/page:8/\(07/06/17\)](http://www.studfiles.ru/preview/5842025/page:8/(07/06/17)).

На престол страны взошел Александр II. Александр II начал правления империи с проигранной крымской войны и отсталостью страны в области экономики, военной структуры, промышленности и т.д. Причина одна-крепостное право.

В связи с этим в 1861 был издан манифест об отмене крепостного права. Проведенная реформа полностью удовлетворяла либералов. Однако, увидев умеренный характер реформ и неспособность правительства защитить интересы крестьянства, революционные демократы начали объединяться в тайных кружках с целью переворота господствующего строя.

Идейным вождем революционных демократов в 60-х годов являлся Чернышевский, который горячо верил в грядущую русскую революцию. «У нас скоро будет бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем».²¹ В художественной литературе видел силу, способную преобразить мир к лучшему. И верил, что литература в первую очередь должна ставить и решать все социальные проблемы и тем самым способствовать формированию нового мировоззрения народа. Он был преемником теории Герцена о построения социализма в стране. В своих статьях и романе он развивал идеи крестьянской революции и о созданиях революционных организаций. В 1862 г. был арестован и помещен в Петропавловскую крепость.

В 1864 г. в журнале «Современник» был напечатан роман Чернышевского «Что делать». Огромная сила романа заключается в ответах на самые главные и живые вопросы, названные еще в романе «Кто виноват» Герцена. Ответ на вопросы такие как что делать людям, ненавидящим старый уклад и не желающим жить по-старому, и что делать с обществом, которое является причиной несчастья народов, и что делать людям, стремящимся приблизить прекрасное историческое завтра своей родины и всего человечества?

Роман вызвал в обществе множество толков и подражаний и стал настоящим путеводителем для русских революционеров. В нем изложен взгляд на социалистическое устройство страны. «Идеи романа согревали юные сердца горячими демократическими чувствами, внушали пламенную любовь к ближнему, служили страстным призывом к возрождению и обновлению, пробуждали горячее стремление к общественной деятельности».²²

Под влиянием пропагандистов Герцена и Чернышевского возникла тайная революционная организация «Земля и Воля». В 1865 г. внутри

²¹ [http://www.studfiles.ru/preview/2673502/page:7/\(25/05/17\)](http://www.studfiles.ru/preview/2673502/page:7/(25/05/17)).

²² См. там же.

организации оформилась группа «Ад», которая готовила покушение на царя, считая что смерть царя даст толчок революционному движению. В результате была совершена попытка убийства царя, которое остановило проведение дальнейших либеральных реформ в стране.

В 1870-х оформляется группа народников, и начинается период бесцензурной печати. Народники стремились к коренному изменению самодержавия. Они считали крестьянам своей силой и хотели организовать их для вооруженное восстания. Крупными теоретики народничества:

а) Бакунин считал, что крестьянин по своей природе-бунтарь. Интеллигенция должна идти в народ, чтобы соединить отдельные бунты в общую революцию. Народу должен разбудить интеллигенции страны. «Обращаясь к молодежи, писал «Бросайте же скорее этот мир, обреченный на гибель, бросайте эти университеты, академии, школы, ступайте в народ, чтобы стать «повивальной бабкой» самоосвобождения народного, спасителем народных сил и усилий».²³

б) Лавров считал что крестьянин не готов к революции. Интеллигенция должна идти в народ, чтобы нести революционные идеи. Чтобы повышать эффективность пропаганды, необходимо создать революционную организацию.

Самой значительной работой Лаврова «Исторические письма», которые пытаются объяснить как прогресс или развитие общества связано с личностями этого общества т.е. человеком. В нем говорится что: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом; и прибавлю, что я в этой формуле не считаю ничего мне лично принадлежащим, более или менее ясно и полно высказанная, она лежит в сознании всех мыслителей последних веков, а в наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже теми, кто действует несогласно с нею и желает совершенно иного».²⁴

Что касается существующего строя, автор отметил, что «прогресс в настоящем возможен лишь путем радикального изменения этого неправильного строя и заменю его оснований иными, допускающими всестороннее развитие каждой личности, допускающими возможно

²³ [http://edufuture.biz/index.php?title=Запорождение_революционного_народничества_и_его_идеология\(24/05/17\).](http://edufuture.biz/index.php?title=Запорождение_революционного_народничества_и_его_идеология(24/05/17).)

²⁴ http://az.lib.ru/l/lawrow_p_1/text_1869_istoricheskie_pisma.shtml.

большее внесение в жизнь свободы и равенства, допускающими правду в общественной жизни».²⁵

Далее он указывает, что революционное дело требует слияния общественных и частных интересов. Критически мыслящие личности обязаны начинать действовать, так как: «Ни литература, ни искусство, ни наука не спасают от безнравственного индифферентизма. Но лишь тот литератор, художник или ученый служит прогрессу, который сделал все, что мог, для приложения сил, им приобретенных, к распространению и укреплению цивилизации своего времени».²⁶

в) Ткачев считал, что крестьянин не готов к революции, агитация не даст быстрых результатов. Необходимо провести государственный переворот силами революционной организации. Это даст толчок революции. Вместе с Нечевым сочинил «программу революционных действий», с помощью, которой предполагалась создать революционные центры во всех университетах страны.

Эти теории вызывали оживленные среди революционеров. Понимая, что необходимо идти в народ и вносить в их сознания идеалы лучшего общества в 1874 г. началось хождение в народ.

Писатели-народники следовали реалистическому направлению в своих художественных работах. Главная тема работа была действительное изображение социальных процессов в крестьянской жизни и, тем самым, возбуждать в них революционного духа. Идея работа содержалась в том, чтобы раскрыть антинародную сущность царского режима и приступить к началу народнического движения. Огромную популярность получили стихотворение и рассказ Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Нефедова, сборник «Сила Солому Ломит» Наумова, и т.д.

Провал хождения указывал революционерам что стоит обратить внимание на учения Ткачева. В 1876 г. была сформирована революционная организация «Земля и Воля», чтобы подготовить народу к восстанию. Предполагалось использовать организаторские²⁷ и дезорганизаторские²⁸ методы. Часть землевольцев организовала боевую централизованную организацию «Народная Воля», которой утверждал метод индивидуального террора для уничтожения самодержавия. Организация вынесла смертный приговор царю и студент-

²⁵ См. там же.

²⁶ См. там же.

²⁷ распространение революционных пропаганд среди крестьян и рабочих путем хождения.

²⁸ Индивидуальный террор.

революционер покончил с жизнью Александра II выбросив бомбу под его ноги.

Убийство отца повлияло на царствование Александра III так как считал либеральные реформы причиной смерти отца. Царствования Александра III считается периодом русификация русского народа. Александр III жестоко расправился с революционерами. Все главные участники были повешены.

Неудача народолюбцев вынуждала интеллигенцию найти новые идейные ориентиры для продолжения борьбу против самодержавия. При анализе причин неудач народничества выяснились, что крестьянский социализм это утопия, так как, крестьяне в частности не поддерживали революционеров. Так и выяснились, что стране не миновать капитализма. С развитием капитализма растет количество фабрично-заводских рабочих, что привело к созданию нового класса - пролетариата. Интеллигенция начала изучать особенности пролетариата в капиталистической формации для осуществления революции.

В 1894 г. императором России становится Николай II. Внутренняя ситуация страны: страна вступает в эпоху империализма, однако, с остатками крепостного права. Создавались острые социальные противоречия. Правительство должно было снизить социальную напряженность путем буржуазных и либеральных реформ. Но Николай II хотел править страной, как правил его отец Александр III.

В конце XIX в. в Европе господствовал учения Маркса и Энгельса о неизбежности революции с участием пролетариата и переустройства общества от капитализма к коммунизму. С 1890-х марксизм распространяется в России и выдающуюся роль в распространении революционных учений Марксизма взял на себя Плеханов.

Плеханов переводил на русский язык Манифест Коммунистической Партии и написал ряд статей заявляя отход от народничества и переход на позиции научного Марксизма. В Женеве создал марксистскую группу «Освобождения труда». Печатная деятельность группы началась с издания брошюра «Библиотека современного социализма», в которой была опубликована программа организации, марксистская литература для рабочих, объясняли теорию научного социализма, знакомили пролетариата с рабочим движением зарубежных стран и т.д.

В 1895 г. под руководством Ленина разные марксистские кружки Петербурга объединились в Союз борьбы за освобождения рабочего класса. Союзу понадобился собственный печатный орган для того, чтобы распространять марксизм и агитировать его среди рабочих кружков, а также для того, чтобы руководить забастовочным движением, начатым рабочими. В связи с этим союз выпускает бесцензурные гектографирование листовки.

Листовки становились орудием рабочих, учили их тому, как надо бороться за свои интересы. В них говорилось о тяжелом состоянии рабочих, об их труде в невыносимых условиях. Бурный рост рабочего движения предъявлял новые требования, листовки не удовлетворяли запросы рабочих, нужен был регулярно выходящий орган.

В 1898 г. состоялся I нелегальный съезд РСДРП в Минске. Они издавали за границей газету «Искра» для того, чтобы распространять партийную программу и удовлетворять запрос рабочих. Напечатанные газеты переправлялись в Россию нелегальным путем. Подпольные типографии в России перепечатывали материалы газеты и распространяли их по городам и населенным пунктам.

Главные отделы газеты «Хроника рабочего движения и письма с фабрики и завода» и «Из нашей общественной жизни». Первый отдел был связан с рабочим движением. В нем печатались статьи, открывшие положения рабочих, их экономического гнета, эксплуатации, а также разные легальные и нелегальные методы борьбы против капиталистов и самодержавия. Второй отдел познакомил читателя с разными протестами, проходящими в стране с крестьянами, студентами, рабочими и т.д.

Печатные издания становились средствами политической борьбы против самодержавия и капиталистов. Во многих городах возникли небольшие искровские группы. Ленин отмечал, что к моменту II съезда партии РСДРП «Искра стала партией, и партия стала Искрой».²⁹

На рубеже веков экономика страны была слабой и внутренняя ситуация напряженной. В этих обстоятельствах страна выступила на войну против Японии. Война должна была поднять в народе патриотическое настроение и тем самым отвлечь их внимание от внутренних проблем. Чтобы поддерживать войну налоги в стране были увеличены, цены на продукцию также значительно выросли. Фабрики сокращали производства, увольняли рабочих и нерегулярно платили зарплату.

Проигранная война усилила антиправительское настроение и расстрел мирной демонстрации 9-го Января Царским отрядам поставил фундамент для начала I русской революции. Рабочие и крестьяне, став более организованными с помощью нелегальных партий и союзов, начали вместе протестовать против самодержавия (крестьянские восстания, забастовки на заводе и на фабрике). 17 октября был издан Манифест, из-за неудач на фронтах, и из-за беспокойства внутри страны. В манифесте говорилось об усовершенствовании государственного порядка, по которому провозглашались свобода

²⁹ <http://pandia.ru/text/78/014/14811-6.php>(12/06/17).

слова, совести, собраний, союзов, а также о созыве государственной думы.

Первая русская революция закончилась с победой Царя, однако, Манифест 17-го октября дал возможность сформировать в стране легальные политические партии, и открыто распространять учения Маркса в образе пропаганды против самодержавия.

В художественной литературе на смене критического реализма выступает социалистический реализм и на место народничества развивается и крепнет марксизм. Произведения социалистического реализма отражали растущие протесты пролетариата и их жизнь в революционным развитием. Рисовали рабочих не только как жертву жизни, но и как творца истории. В произведениях лежат идея социализма, «во всем его величии и во всей его прелести».³⁰

Роман Горького «Мать» считается первым произведением соцреализма. Автор выступил в литературе когда начался пролетарский период освободительного движения и поэтому его творчество было тесно связано с революционной борьбой. Главная цель романа «пробудить в человеке гордость самим собой, доказать, что лучше, прекраснее его ничего нет на земле, и тем самым заставить его восстать против убожества окружающей жизни и попытаться изменить ее».³¹

В романе показано рост революционного сознания и движения рабочих против самодержавия и капитализма. «Важную роль в романе отводится теме героической борьбы рабочего класса за свои права и свободы. Роман реален, потому что он основан на истории.»³² «Роман «Мать» сыграл огромную роль в истории русского революционного рабочего движения. Он стал настольной книгой и для революционеров всего мира, борющихся за победу над силами капиталистической реакции».³³

Появление пролетарской литературы связан с появлением нового героя пролетариат-революционера, и еще с подготовкой рабочих к революции. Выдающий роль в создания пролетарской литературы сыграли поэты-самоучки. Их задача поставит перед рабочим цель добиться своей свободы самому под влиянием научной теории Маркса. В творчестве описывали труд и жизни пролетариата.

Возникли революционные гимны-песни нового типа, которые получили широчайшую популярность и стали своего рода эмблемами эпох. В них

³⁰ [https://www.allsoch.ru/sochineniya/17489\(21/07/17\)](https://www.allsoch.ru/sochineniya/17489(21/07/17)).

³¹ [http://allrefs.net/c2/4c1jt/p11/\(11/06/17\)](http://allrefs.net/c2/4c1jt/p11/(11/06/17)).

³² [http://mirznaniy.com/a/353346/roman-mat-realisticheskoe-proizvedenie-mgorkogo\(21/07/17\)](http://mirznaniy.com/a/353346/roman-mat-realisticheskoe-proizvedenie-mgorkogo(21/07/17)).

³³ [https://www.allsoch.ru/sochineniya/17493\(21/7/17\)](https://www.allsoch.ru/sochineniya/17493(21/7/17)).

звучал призыв к подлинному протесту, утверждался социалистического идеала, рисовались картины грядущих боев. Указывая противоречия рабочим между тем, чем должны они быть и тем, чем являлись в настоящем дал возможность бросить в рабочую массу призыв к борьбе.

В 1911 г. организованные стачки поднимают рост революционного настроения и Ленские события, в которой умерло более 250 рабочих вооруженным солдат, оказали большое влияние на рост революционного движения. Расстрел рабочих вызвал горе среди народа и в знак протеста пролетариат устроил демонстрации. Большинство забастовок солдат, матросов, студентов, рабочих приобретали политический характер.

На страницах газеты появляется больше материала политической активности рабочих. В газете сотрудничали и рабочие, и в каждом номере печаталось по несколько корреспонденций, написанных им. Обсуждалась тактика партии к IV Государственной думе. Печатались революционные задачи пролетариата и партии, художественную литературу, и т.д. «В Ленинских статьях и других материалах избирательная кампания Большевиков рассматривалась как средство политического просвещения народа».³⁴

Перед I мировой войной Царь подписал положение о полевом управлении войск в военное время, по которому военное министерство получило право закрыть печатные органы без объявления их поступка. Во время войны революционная деятельность Ленина продолжалась. В армии большевики пропагандировали солдатам идеи о построении нового общества путем вооруженного восстания против самодержавия. Ленин настаивал «на превращении империалистической войны в гражданскую».³⁵

23 февраля 1917 г. под лозунгом «свободы, равенства и братства» русский народ дружно приступил к забастовкам. Забастовали сначала профсоюз железнодорожников, потом начали бастовать на фабриках и заводах. К ним присоединились тыловые войска, и к вечеру 27 февраля власти не стало.

Заключения: В связи с освобождением народа от крепостного права и самодержавия были образованы первые тайные общества такие как: «Союз Спасения», «Южное общество» и «Северное общество». Для них единственным способом ознакомить передовой народ со своими идеями и целями являлась изящная словесность. Использовали литературу для пропаганды и агитационной деятельности. Писатели декабристы

³⁴ [http://referat.niv.ru/view/referat-other/258/257422.htm\(15/06/17\)](http://referat.niv.ru/view/referat-other/258/257422.htm(15/06/17)).

³⁵ [http://www.russia-talk.com/History/69.htm\(15/06/17\)](http://www.russia-talk.com/History/69.htm(15/06/17)).

воспроизводили специальные литературные работы, чтобы сподвигнуть дворянина к вооруженным восстаниям. И в результате произошла восстания.

После восстания литература приобретает новый облик. Теперь на основе написанных художественных работах формируются мыслительные направления в обществе. «Философические письма» Чаадаева разделил интеллигенция на Славянофильство и Западничество. «Письмо к Гоголю», в котором Белинский указывает на необходимость в изменении существующих традиций и теория социализма Герцена рождали новое мыслительное направление революционер-демократа. Теория стала главным содержанием в работах писателей-революционеров 60-х годов.

Ишутинская организация формировалась под сильным влиянием романа «Что Делать». Организация следовала способу террора для осуществления революционного переворота и переустройства общества на основе социализма и формировалось революционное общество «Земля и Воля». Они путем революционной деятельности хотели обрести свободу для народа от самодержавия и остатков крепостничества.

Народовольцы в своих работах распространяли идеи о крестьянской революции. Их работы были встречены молодежью как призыв к началу действовать и занять свое место в освободительном движении. Под их влиянием начался хождение в народ и формировалась революционная организация «Земля и Воля». Революционеры использовали способ террор, для того чтобы начинать революцию. И в связи с этим, Александр II был убит в 1881 г.

На рубеже веков создается общество с монополей буржуазии. Усиливаются противоречия в обществе. В результате изучения Марксизма создавали союзы и формировали нелегальные и легальные политические партии и с распространением Марксизма с помощью листовки и газеты отмечается рост революционного движения. В 1917 г. произошла вооруженная восстания под влиянием марксизма (контр идеология от контр групп органических интеллектуалов).

Библиография

- Imperial Russia (1801-1905), Tim Chapman, Routledge, London and New York, 2001
- Literary theory: An Introduction, Second ed., Eagleton Terry, The University of Minnesota press, 1996
- Revisiting October Revolution through Russian literature of 19th century and the beginning of 20th, M.phil Dissertation, Vikram Anand, (2017)
- Исторические письма: П.Л. Лавров.
- История русской литературы XX века, под редакцией В.В. Агенсова, Москва, Русское слово, 2014 г

- История русской литературы XIX в., Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С.Юхнова, Юрайт, Москва, 2012 г
- Кто Виноват, А.И. Герцен, Правда, 1953 г
- Кулешов В.И., История Русской литературы X-XX века, Русский язык, 1989
- Литературное наследство, Декабристы литераторы, Академии Наук СССР, Москва, 1956 г
- Мать, М. Горький, художественная литература, Ленинградское отделения, Ленинград, 1971 г
- Письмо к Гоголю: Белинский (http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml)
- Что Делать, Н.Г. Чернышевский, Издательство Вече, Художественная литература, 2004

Folkloric and Skazic Elements in Solzhenitsyn

N. Shreeniwas

Aleksandr Isayevich Solzhenitsyn (1918-2008), who largely depicted the sufferings of Russian folks under Soviet regime (One Day in the Life of Ivan Denisovich, Matryona's Home, The First Circle, Cancer Ward, Gulag Archipelago etc.), their excruciations during the Russian Revolution (The Red Wheel, Lenin in Zurich etc.), and their agonies and aspirations after the disintegration of the Soviet Union (How to rebuild Russia again), belongs to the league of Russian critical realist writers like – A.Pushkin (1799-1837), N.Gogol (1809-1852), I.Turgenev (1818-1883), F.Dostoevsky (1821-1881), L.Tolstoy (1828-1910), A.Chekhov (1860-1904), M.Gorky (1868-1936) et al.. Though Solzhenitsyn has been mostly regarded and accused of being anti-soviet and anti-Stalin, his works are constructed primarily around the misery of common people in an antagonistic society. His works serve as the other history of Russian people in a fictional yet biographical form and are a strong protest of slavophile ethos against the violence of rumbustious industrial and technological advancements. The present paper explores the skazic and folkloric elements in the literary texts of A.Solzhenitsyn.

A few of the functions of folktales, like – Absentation and Departure that were coined by the Russian formalist thinker Vladimir Propp (1895-1970) in his work – *Morphology of the folktale* (1928). Majority of Solzhenitsyn's works, akin to folktales, start with one or many of the protagonists being unhoused. Nevertheless, unlike folktales his novels do not end with the symmetrical conclusion of home coming; rather they often end with another departure. Such a deviation can be attributed to the harsh temporal and spatial realities, where people had least control over their fate.

One of the beauties of Solzhenitsyn's narrative techniques consists in the fact that he makes absentation look like arrival. For example, his novel *Cancer Ward* (1968) begins with arrival of Kostaglotov at the Cancer Ward and concludes with his departure from there. His arrival at Cancer Ward is in fact his absentation from his house, as he is being 'unhoused'. He was kept in the hospital against his will. It is worth to mention that his hospital bed becomes his surrogate home as his identity was closely linked with the bed he was allotted.

In folktales and mythic tales this kind of surrogacy with respect to housing is very often observed, i.e. after absentation the hero is forced to temporarily settle down at a faraway place/ forest/ hut/ cave etc. Similarly, in

Solzhenitsyn's *One Day in the life of Ivan Denisovich* (1962), for the protagonist Ivan Denisovich Sukhov too his prison bed becomes his surrogate home. In *The First Circle* (1968), the *zeks* (i.e. prisoners) were temporarily housed in the special research prison *Sharashka*. The novel starts with their arrival at *Sharashka* and ends with their departure from there. Another beauty of Solzhenitsyn's narration is the fluid difference between the day-to-day and extra-ordinary. Such extra-ordinary acts like exile, imprisonment, interrogation et al become day-to-day in Solzhenitsyn's narration. That may be another reason why both *The First Circle* and *Cancer Ward* start with absention that seems arrival at first glance and conclude with another absention. This is what brings Solzhenitsyn closer to Kafka since he generally narrates the truth in a blunt rustic manner in which we are generally acquainted with raw truth: as an ingenuous, asymmetrical and crude thing which we have no other choice but to accept.

Solzhenitsyn's narrative style brings him closer to the Russian tradition of storytelling, that was carried forward by the likes of Leskov (1831-1895), Gorky (1868-1936), Pilnyak (1894-1938), Zamyatin (1884-1937), Babel (1894-1940) and other great storytellers who reinvented various techniques of '*skaz*' (Russian: '*сказ*') – storytelling. '*Skaz*' is a narrative style where narration occurs in first person and the narrator seems to be at the same plane as the protagonist(s) in the tale. The characters and the narrator are so intimately and inseparably knitted together that the latter does not only thinks through the formers' but uses their linguistic and behavioural mannerism too. Such a narration further allows the author to give local flavour of the tale as if he himself has witnessed and experienced the incidents being narrated. Since Solzhenitsyn's works are semi-autobiographical, the divide between the narrator (who is narrating – the narrator or a character) and the narratee (whom addressed – another character, the reader or the self) often becomes redundant. His novels witness the peculiar *skazic* narrative pattern where the narrator and the characters are at times participatory and at times descriptive. It further be noted that the shift in participatory and descriptive narration occurs so swiftly and flawlessly that the reader feels as if the narrator and the character have lived the same life. Solzhenitsyn masterfully alters the narration by utilising the "darting-in-and-out" technique to nullify the difference between the author's narrating and Shukhov's telling. This indiscernible altering in narration keeps the reader engaged and guessing regarding who is speaking – the narrator or the character, and who is addressed – other characters, the speaker himself or the reader. Sometimes it becomes difficult to distinguish between a character's unuttered monologues and the omniscient narrator's peripheral observations. For example:

"Shukhov remembered that this morning his fate hung in balance: they wanted to shift the 104th from the building shops to a new site, the "Socialist Way of Life" settlement. It lay in open country covered with snowdrifts, and before anything

else could be done there they would have to dig holes and put up posts and attach barbed wire to them. Wire themselves in, so that they wouldn't run away. Only then would they start building.

There wouldn't be a warm corner for a whole month. Not even a doghouse. And fires were out of the question. There was nothing to build them with. Let your work warm you up, that was your only salvation.

No wonder the squad leader looked so worried, that was his job – to elbow some other squad, some bunch of suckers, into the assignment instead of the 104th. Of course with empty hands you got nowhere. He'd have to take a pound of salt pork to the senior official there, if not a couple of pounds.

There's never any harm in trying, so why not have a go at the dispensary and get a few days off if you can? After all, he did feel as though every limb was out of joint.

Then Shukhov wondered which of the campguards was on duty that morning....”¹

The above mentioned citation starts with narrator's observations that imperceptibly shift to Shukhov's interior monologue that further concludes into the narrator's narration. Moreover, Shukhov, like other protagonists of Solzhenitsyn, himself speaks and thinks in a dialogic manner which makes it rather difficult to find out whether he is speaking to the readers, or to another character. At this juncture of bewilderment, the author, via the omniscient narrator, often steps in to wrap up a scene with an observation or comment. Here is another example:

“It must be from the machine works, that column; there were about three hundred men in it. Another bunch with bad luck! Must have been held up – Shukhov wondered why. To finish assembling some piece of machinery? They could be kept after work hours for that. But what did it matter to them? did it matter to them? They worked all day in the warmth.”²

Such narrative technique of “darting-in-and-out” that dominates *skazic* narration is basically an influence coming from Russian folktales. It is interesting to note that such narrative technique can as well be observed in the *puranic* tales from Indian mythology and Tulasidas's *Ramcharit Manas*. *Ramcharit Manas* begins with lord Shiva narrating the story of Ram to goddess Parvati. However, unceremoniously it also narrates incidents related to lord Shiva himself.

Solzhenitsyn postulates the basic humane motifs through two paintings by a *zek* painter Kondrashev in *The First Circle*. The first painting shows a solitary oak, which grew with mysterious power on a naked face of cliff. This stubborn, angular tree with broken and twisted branches refused to quit the battle against storm and perilously clung to a place over the abyss. This

¹ Solzhenitsyn, A.I. *One day in the life of Ivan Denisovich*. New York: Signet Classics, 2008. P. 5-6.

² Ibid. P. 99.

picture symbolises the Slavophil soul, its survival through all atrocious years of terror since revolution. The second picture shows a rider on a horse, surrounded by hostile shrubbery in a forest. He is poised on the lip of an abyss. The rider, however, is looking not at the pit but into the distance, where:

“...a reddish-gold light, coming perhaps from the sun, perhaps from something purer than the sun, flooded the sky behind a castle. It stood on the crest of the mountain ... the aureate-violet castle of the Holy Grail.”³

While the first painting represents Slavic faith of the Russian people, the second one – their Christian faith. Solzhenitsyn seems to be highlighting the *dvoeveriye* (dual faith) of the Russian people. The second painting symbolises the Russian artist’s search for a more perfect society, represented by the castle of the Holy Grail. It is important to note that Solzhenitsyn used the traditional Christian symbol of the Holy Grail and the questing knight. It indicates author’s fascination like Dostoevsky towards Christian morality and ethics where he seems to be striving for “a society with human face” – a society with ethical imperatives. He seems to be advocating to establish an ethical society founded on the foundation of Slavic ethics, as reflected in the texts of the Leo Tolstoy, Vladimir Soloviev and Nikolai Mikhailovskiy et al.

Ivan Denisovich Sukhov of *One day in the life of Ivan Denisovich* and Matryona of *Matryona’s Home* (1963) are aesthetic epitome of Slavic folk ethos and beliefs. Being rustic both of them explain a number of incidents in utmost slavophil manner and conviction. Kostaglotov in *Cancer Ward* and Spiridon in *The First Circle* too exhibit slavophil mannerisms. Matryona’s character is full of archetypal folk fears, such as fear of fire and lightening regarding trains as evil. Not incidentally, in the beginning of the tale, the narrator of the text was also looking for a place away from trains to settle down. For Solzhenitsyn, trains become the symbol of soulless modernization and cruel industrialization that has no regard for human ethics. It is as well ironic to note that Solzhenitsyn himself preferred train over other modes of transportations for returning back to his motherland from exile after disintegration of the Soviet Union.

Most of Solzhenitsyn’s literary texts are semi-autobiographical. *Matryona’s Home*, is not an exception in this respect, since its tale is apparently weaved around the incident of the author’s release from his first exile in Soviet concentration camps. Nonetheless, the text’s essence traverses beyond biographical data since it encrypts itself with rich ancillary details of slavophil conduct. The narrator of the text – Ignatich – a mathematics teacher, after being released from his exile in 1953, is searching for a workplace in rural Russia, away from civilization:

³ Solzhenitsyn, A.I. *The First Circle*. Bombay: Allied Publishers. P. 288.

“where the trains don’t run?”⁴ («Где-нибудь подальше от железной дороги.»⁵)

Although such a romantic pursuit reminds the readers of 19th century Russian escapist romantic heroes, Solzhenitsyn’s narration does not allow them to go idealistic astray by binding them back to the callous spatio-temporal realities. Ignatich was looking forward to settle away from cold-hearted industrialization and indifferent modernization. Nonetheless, in the country with such a striking name «Высокое Поле» (High Field) an area that once used to be dense and impregnable forest, the intrusion of development had established a hideous tiny village called «Топфопродукт» (Peat Product). Farther away was another tiny village *Talnyi* (Hostage) where the local school had a vacancy of mathematics teacher. Even in such a faraway place the trains ran right through the village like a materialist monster of progress crushing the rustic beauty of the Russian nature and converting the slavophil innocence into materialist greed. The entire narration is full of gloomy and weird details as if he is narrating a modern fairytale where the aging Russian fairy is about to be destroyed by the unruly development.

Matryona was half pagan, half Christian (or half proto-orthodox to be precise) and superstitiously religious. She avoided visiting gardens during St. John’s day as she believed that such an act will destroy the harvest. She used to relate the weather and premonitions with human fate. She also used to pray for seeking God’s blessing before starting anything, but not in Christian manner of making cross. She used to light oil lamps (and not candles) before the icons. In true spirit, she represents an elderly Soviet countrywoman of her time who has heaps of anxieties, fears, apprehensions and concerns for present as well as future. She is assiduous, unpretentious and humble. She was anything but the new Soviet woman.

The character of Matryona is an aesthetic quintessence of the mother Russia. The name Matryona (Матрёна) seems to be derived from a colloquial version of the Russian name Matrona (Матрона), which is borrowed from Latin’s having meaning wife or matron. The name Matryona can also be derived from the Russian word – Matryoshka (Матрёшка), which is the name for a series of Russian folk nesting dolls. Nonetheless, etymologically, the first syllable of the word – ‘mat’ («мат») – is the Russian word for mother («мать»). Matryona is indeed the Mother Russia without whom “no

⁴ Solzhenitsyn, A.I. *Matryona’s Home*. Encounter, May 1963. P.28.

⁵ Солженицын, А.И. *Рассказы и Крохотки*. Собрание Сочинений в тридцати томах, Т-1. Москва: Время, 2006. P.116.

village can stand.”⁶ «...есть она тот самый праведник, без которого... не стоит село.»⁷

Matryona's Home is also a tale of two Matryonas – Matryona, the protagonist and Faddei's second wife Matryona-II, and subsequently a tale of two Russias – Peter's Russia (i.e. the protagonist) and Stalin's Russia (i.e. Matryona-II). The protagonist Matryona Vasilievna was first married to Faddei at the age of nineteen. During the World War-I, Faddei went on the front and disappeared. She waited for him for years until his brother Yefim proposed her to marriage. She married Yefim. Faddei soon appeared after being released from a prisoners of war camp in Hungary. Stupefied and infuriated Faddei went to a neighboring village and married another woman with same name – Matryona – Matryona-II.

The liaison between the Russian people and the Russian government is often described as the relationship between an abused wife and an abusing husband. Matryona-II, Faddei's next wife was like Stalin's Russia – abused, subjugated, exploited and yet productive. She suffered her husband's continuous thrashings, and delivered him six children. On the other hand, Yefim treated Matryona like Peter-I governed his people. Yefim, though didn't beat her, used to make fun of her village fashion and way of living. He also kept a mistress in the town. Peter-I was not as intentionally vicious as his Soviet successors, but he ridiculed native ethos and blindly endorsed westernization of Russia, shifted his capital to St. Petersburg from Moscow in order to bring Europe closer to the Russian capital city.

The *skazic* depiction of the house of Matryona represents aging slavophil soul, destruction of rustic beauty and intrusion of rumbustious materialist progress:

“Its row of four windows looked out on the cold backs, the two slopes of the roof were covered with shingles, and a little attic window was decorated in the old Russian style. But the shingles were rotting, the beam-ends of the house and the once mighty gates had turned grey with age, and there were gaps in the little shelter over the gate.”⁸

«Дом Матрёнин стоял тут же, неподалеку, с четырьмя оконцами в ряд на холодную некрасную сторону, крытый щепой, на два ската и с украшенным под теремок чердачным окошком. Дом не низкий – восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепа, посерели от старости брёвна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка.»⁹

⁶ Solzhenitsyn, A.I. *Matryona's Home*. Encounter, May 1963. P.45.

⁷ Солженицын, А.И. *Рассказы и Крохотки*. Собрание Сочинений в тридцати томах, Т-1. Москва: Время, 2006. P.148.

⁸ Solzhenitsyn, A.I. *Matryona's Home*. Encounter, May 1963. P.29.

⁹ Солженицын, А.И. *Рассказы и Крохотки*. Собрание Сочинений в тридцати томах, Т-1. Москва: Время, 2006. P.119.

The upstairs of the house was not called the upstairs («наверх»), the upper storey («верхний этаж»), or second floor («второй этаж»). Rather it was always called the *gornitsa* («горница») a somewhat antiquated word formerly meaning upper room. The man animal conflict of the modern age is redundant in *Matryona's Home*. Matryona was living along with an injured cat, and some pests. Solzhenitsyn's style of narration though points to pathetic condition of Matryona without suggesting that these animals/ pests are intruders in her house, rather part of the family:

“In addition to Matryona and myself, a cat, some mice, and some cockroaches lived in the house.”¹⁰

«Кроме Матрёны и меня жили в избе ещё: кошка, мыши и тараканы.»¹¹

The protagonist of the *Cancer Ward* – Kostoglotov is an animal lover. He is of the opinion that “if we stop loving animals, aren't we bound to stop loving humans too?”¹² Soon after his release from the cancer hospital, he goes to visit a zoo. He dislikes animals to be put into cages. However, at the same time, he realizes that:

“[if Kostoglotov] had the power, he would still not want to break in to the cages and liberate them. Because of being deprived of their home surroundings, they had lost the idea of rational freedom. It would only make things harder for them, suddenly to set them free.”¹³

People, who spent their major span of time in captive, lose uncanny ability to enjoy life to the hilt, because they have lost their habit and context of freedom.

The plot in *Cancer Ward* revolves around treatment of cancer patients through scientific medicines like hormone therapy. Nonetheless, it also draws attention towards few of the Russia's oldest folk medicines like Chaga. Chaga is a Siberian Birch bark mushroom relatively unknown to the outside world until Solzhenitsyn depicted them in his novel. Kostoglotov uses a Russian folk remedy, a tea brewed from the Chaga to secretly treat his tumour. It is widely used as a homemade medicine for many health benefits. In Russia, Chaga has been used traditionally to boost immune system, controlling hypertension, curtailing tumour growth and treating cancer. When used along with conventional cancer treatments, it alleviates most of the side effects from those treatments and enhances immune system.

Solzhenitsyn seems to imply that the measures taken by the Soviet government to cure the illness of autocratic tsarist rule were not natural, as

¹⁰ Solzhenitsyn, A.I. *Matryona's Home*. Encounter, May 1963. P.30.

¹¹ Солженицын, А.И. *Рассказы и Крохотки*. Собрание Сочинений в тридцати томах, Т-1. Москва: Время, 2006. P.120.

¹² Solzhenitsyn, A.I. *Cancer Ward*. London: The Bodly Head, 1968. P.237.

¹³ Ibid. P.508.

they did not take into consideration the human nature and therefore failed. He might be of the impression that both scientific medicine and scientific socialism are no more effective than the conventional folk medicines like *Issyk Kul* root or Birch bark *Chaga*. Conceivably, the people's time tested wisdom in this respect is as good and effective as that of the specialists.

Sukhov, Matryona, Spiridon, Kostaglotov and other rustic *muzhik* characters of Solzhenitsyn are slavophile protests against the unrestrained urbanization, uncaring technological advancements, blind alcoholism and neglect of old folk values. Solzhenitsyn seems to be suggesting that without an ethical renaissance of Russia, no economic, scientific and political *perestroika* is possible. These rustics represent the best practices of the Russian people. Conclusive remarks by Solzhenitsyn, in *Matryona's Home*, are like his expression of trust in these rustic folks:

"We had all lived side by side with her [Matryona] and not understood that she was that righteous one without whom, as the proverb says, no village can stand. Nor any city. Nor our whole land."¹⁴

«Мы все жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша».¹⁵

Bibliography:

- Solzhenitsyn, A.I. *Cancer Ward*. London: The Bodly Head, 1968.
- Solzhenitsyn, A.I. *Matryona's Home*. Encounter, May 1963.
- Solzhenitsyn, A.I. *One day in the life of Ivan Denisovich*. New York: Signet Classics, 2008.
- Solzhenitsyn, A.I. *The First Circle*. Bombay: Allied Publishers.
- Солженицын, А.И. *Рассказы и Крохотки*. Собрание Сочинений в тридцати томах, Т-1. Москва: Время, 2006
- Brown, D. *Aleksandr Solzhenitsyn*. Soviet Russian Literature since Stalin. Cambridge, 1978
- Edward, E.E.Jr. *Solzhenitsyn: The Moral Vision*. Wm. B. Eardmans, 1980.
- Klimoff A., & Edward E.E.Jr. *The Soul and Barbed Wire: An Introduction to Solzhenitsyn*. Intercollegiate Studies Institute, 2008
- Krieza, E. Aleksander Solzhenitsyn: Cold War Icon, Gulag Author, Russian Nationalist? Ibidem Press, 2014.
- Leopold Labedz (ed.) *Solzhenitsyn: A Documentary Record*. New York, 1971.
- Pearce, J. *Solzhenitsyn: A Soul in Exile*. Ignatius Press, 2012.
- Propp, V. *Morphology of the folk tale*. The American Folklore Society, Indiana University, 1968.
- Rothberg, A. *Aleksandr Solzhenitsyn: The Major Novels*. New York: Cornell University Press, 1971.

¹⁴ Solzhenitsyn, A.I. *Matryona's Home*. Encounter, May 1963. P.45.

¹⁵ Солженицын, А.И. *Рассказы и Крохотки*. Собрание Сочинений в тридцати томах, Т-1. Москва: Время, 2006. P.148.

Re-visiting Folkloristics of East Germany: An Insight into the Russian Idea of 'Folk'

A. Vaibhav

Although folklore studies as a scientific discipline was established in Germany towards the end of the nineteenth century by Brothers Grimm, however, it underwent some unprecedented changes during the Nazi regime which not only drastically affected its study and its practitioners, but also posed threat to the very existence of it as a discipline. Owing to the division of Germany into two halves, these difficulties got multiplied manifold after the end of the World War II. The present paper critically engages with the scholars of folklore studies in East Germany and their contribution to the effective and continuous transformation of the discipline in contemporary times.

Change in socio-political order begets fresh debates about history in general, and disciplines in particular. In other words, it necessitates a revision vis-a-vis re-definition of disciplines which cater to comprehension of the world we inhabit. It was around 1945, and during the years that followed, that Germany underwent momentous transition in terms of changes in geography and socio-political order. This transition not only engendered a reflexive, critical engagement with the past, but also with the disciplines. It was quite apparent from the attempts of scholars regarding "imposing order and rendering understandable a period in human history which appeared to defy logical explanations"¹. On one hand the Second World War ended in 1945 putting an end to the atrocious Nazi regime in Germany, on the other hand Germany also got divided into two halves, namely East and West Germany, respectively occupied by the Soviet Union and the Allied Forces with the USA at the forefront. The discipline of folkloristics could not remain untouched by these developments taking place that time. For instance, Regina Bendix in context of both the Germanies maintains that : "The division into East and West Germany, with military occupation by the Soviet Union in the East and by Britain, France, and the United States in the west, had an impact on how the discipline *Volkskunde* could continue"². Hermann Bausinger, another pioneer of folkloristics in Germany after the second world war notes

¹ Stein, Mary Beth. "Coming to Terms with the Past. The Depiction of "Volkskunde" in the Third Reich since 1945." *Journal of Folklore Research* 24.2,1987. P.157-185, 158.

² Bendix, Regina. ""From Volkskunde to "The Field of Many Names". *Folklore Studies in German Speaking Europe since 1945.*"Bendix, Regina and Galit Hasan-Rokem, A Companion to Folklore. Chichester: Blackwell Publishing Ltd.,2012. P.364-390, 375.

that " after World War II there had been no "public folklore" for several decades. More precisely, there was very little public folklore and almost none in which folklorists/ethnologists were engaged"³. Moreover, in the first few decades in Post War Germany "silence and denial were the prevailing tendencies in folklore historiography"⁴ (Stein 163). Thus, this change in history and geography of Germany on one hand had marked a paradigm shift in the discipline of folkloristics, resulting into the change in perspectives in both the Germanies. On the other hand, it also meant that the discipline was in a state of crisis at both these locations after 1945. Wolfgang Priglinger in his contribution to the book entitled "Krise und Transformation", observes that crisis is to be understood as system failure of a society and opines that 'transformation' then would mean successful restoration of that system through critical evaluation and engagement⁵. In the wake of this transition, folkloristics, along with other disciplines in East and West Germany, was approached from distinctly different ideological perspectives. The scholarship in East Germany was guided by socialist, democratic ethos laid down by the Soviet regime for its satellite state, whereas in West Germany it was marked mainly by market-driven, federal principles under American influence. In the backdrop of these developments, "the attempts to come to terms with the Nazi past in post-war German folklore scholarship has taken diverse forms and directions"⁶.

This paper engages with some of the critical measures out of these diverse and different forms taken by scholars of folkloristics in East Germany to overcome the challenges posed by these changes, which consequently lead to the overall transformation in their discipline. To that end, the paper is divided mainly into three parts. The first part titled "Challenges" will give a brief account of the problems posed in front of scholars of folkloristics post World War II, which were common to both the Germanies. The second part under the heading "Strategies" will provide an overview of some key ideas and individuals, along with their contribution to the various definitions of 'folk' and 'folk culture' emerging in East Germany during this time. Lastly, the final section of the paper titled "Continuous and effective Transformations" will conclude by highlighting the role and relevance of some crucial concepts, developed in the field of folkloristics in East Germany, and its role in

³ Bausinger, Hermann. "Disengagement by Engagement: Volkskunde in a Period of Change." *Journal of Folklore Research* 36.2,1999. P.143-149, 143.

⁴ Stein. "Coming to Terms with the Past", 163.

⁵ Priglinger, Wolfgang W. "'Krise' und 'Transformation'." Deger-Jalkotzy, Sigrid and Arnold Suppan. *Krise und Transformation*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. P.247-254, 247.

⁶ Stein. "Coming to Terms with the Past", P.180.

transforming the discipline and providing it with continuity into contemporary times.

Challenges

Folkloristics as a science/discipline was established by the Brothers Jacob and Wilhelm Grimm, in the first half of the nineteenth century in Germany. Although folklore falls under the purview of Volkskunde in Germany, however, the roots of its study lie in the German philological studies called Germanistik, and the Brothers Grimm are considered to be "the initiators of both the disciplines"⁷. In contradistinction to the classical, philological tradition which aimed at addressing 'language' and 'culture' by means of literary canons constituted mainly of medieval texts written in ancient and foreign languages, the Brothers Grimm made study of folklore and folk language as their point of departure and provided philology with a new turn. Because of its orientation toward "the study of living language and cultural expression of the people"⁸, the philology of the Brothers Grimm has been identified by Jacob Grimm himself as "wilde philologie, i.e. wild or unruly philology"⁹. Both the disciplines, Volkskunde and Germanistik, continued to grow by incorporating the changes in time and space until they came face-to-face with National Socialism. Naithani further points out the relevance of both these disciplines for the Nazi regime. She makes following cogent observation about these two disciplines: "Both of these were two of the most important disciplines for the NS regime as their subject matter was German language and culture. Germanistik could establish the antiquity and sophistication of high culture, while Volkskunde could establish the commonalities and the bonding between the ordinary German people"¹⁰. This kind of an approach towards folkloristics lead to the situation where immediately after the Second World War the word '*Volk*' was a taboo, and as Germany got divided in 1949 into East and West, it was to have two destinies.

Naithani is not alone in adumbrating the possible causes which lead to the misuse of folklore at the hands of Nazis for their propaganda. Other scholars too, even from outside of the discipline of folkloristics, have tried to gauge the reasons responsible for folklore falling prey to National Socialist ideology. For instance, German sociologist Heinz Maus in 1946 published a paper "On the Situation of German Folklore". In this paper Maus argues that

⁷ Naithani, Sadhana. *Folklore Theory in Postwar Germany*. Jackson: University Press of Mississippi, 2014, P.11.

⁸ *Ibid*, P.12.

⁹ *Ibid*.

¹⁰ *Ibid*, P.14.

the romantic concept of the *Volk* had made it susceptible to the National Socialist ideology. Maus further laments that its misuse by the Nazis had lead folklore to lose its credibility as science and its institutions in promoting German culture have become "factories of propaganda"¹¹. The same sentiments reverberate in the writings of Wolfgang Jacobeit from East Germany. Jacobeit outlines the change of the concept of folk culture has undergone in German speaking countries, making it malleable for the Nazis to manipulate. He argues that initially folk culture was an inclusive term encompassing various socially differentiated class of people. Later on by the practitioners of a bourgeois-national *Volkskunde* it was used to denote 'peasants'. According to Jacobeit such kind of an attitude toward the 'folk' made it fall prey to the hands of National Socialists¹². Hermann Storbach in his paper maintains that "it was essentially ideas and attitudes from the 1920s that created the fundamental prerequisites for this process, primarily a conservative-nationalistic attitude in German folklore that was not only integrated into but was even very useful in developing and stabilizing the NS power structure"¹³. These arguments show how folkloristics along with other disciplines faced a moment of crisis in the light of the Nazi past, wherein it was severely attacked with grave charges from intellectual quarters. Thus, while accounting for the period of Nazi past in the discipline, the issue of continuity and discontinuity occupied the minds of scholars and intrigued them the most in the postwar years. This issue of continuity and discontinuity reflected in the paradoxical confrontation with the past in Post-War Germany too. To deal with the Nazi past critically scholars in Germany across disciplines worked in tandem with the notion of *Vergangenheitsbewältigung*-coming to terms with the past.

The year 1945 has been termed as *die Stunde Null* -the zero hour- by scholars and reflects "the deep-rooted crisis in German perception of their history and culture"¹⁴. It created a "burden of history", as intellectuals across disciplines "confronted the impossibility of imposing order and rendering understandable a period in human history which appeared to defy logical explanation"¹⁵. It is at this juncture that in the spirit of *Vergangenheitsbewältigung* German folklorists started looking for the loopholes in the discipline in order to make it foolproof for phenomenon like national socialism in future. Thus, the

¹¹ Quoted in Stein. "Coming to terms with the Past", P.160.

¹² Jacobeit, Wolfgang. "Concerning the Traditional Understanding of "Folk Culture" in the German Democratic Republic. A Scholarly-Historical Perspective." *Asian Folklore Studies* 90.1,1991. P.67-94, 67.

¹³ Quoted in Dow, James R. "German Volkskunde and National Socialism." *Journal of American Folklore* 100.397,1987. P.300-304, 301.

¹⁴ Stein. "Coming to terms with the Past", P.158.

¹⁵ Ibid.

concept of *Vergangenheitsbewältigung* provided the impetus and the base for a critical approach toward folkloristics in Germany which continues even in to contemporary times. Apart from that, the other challenge which intrigued the folklore scholars in both the Germanies was the concept of *Gleichschaltung* put into practice by the Nazis. It was a process "through which the Nazi party seized control over all social and political organizations, effectively eradicating political opponents"¹⁶. Because of its affinity with the mythical and idealistic orientation Folklore was severely affected. So much so that some scholars were of the opinion that as a discipline folklore did not require any *Gleichschaltung*, as it served the malapropos intentions of Nazis quite well. This made it difficult for the folklore and its scholarship in East and West Germany alike to get acknowledged as a full-fledged, independent academic discipline. In other words, the scientific journey, which the Brothers Grimm started for the German folklore scholarship towards the latter half of the nineteenth century, came after almost another century in a Postwar scenario in Germany to a standstill. Some of the critical measures taken in East Germany to deal with this status-quo will be discussed next.

Strategies

As far as East Germany is concerned, it produced some eminent scholars of folkloristics. Two such scholars, Adolf Spamer and Wolfgang Steinitz, among many others, deserve due attention here. Adolf Spamer, who was a professor at the Friedrich Wilhelms Universität during the Nazi regime, and headed the 'Volkskunde Department of the Reich Society for German Folk Studies' promoted by the German Research Association. This was one of the four institutionalized offices which served as umbrella organizations for folklore research under Nazi dictatorship. Because of this, after the World War II got over, Spamer too was seen as a suspect. However, he founded the Institut für deutsche Volkskunde in 1947, and thus, initiated the folklore research in postwar East Germany. Teresa Brinkel, who has written her doctoral dissertation on the East German folklore, observes his case together with that of his successor Wolfgang Steinitz to be an example of " how scholarship abandoned the personnel, institutional, and ideological structures left over from earlier nationalist and National Socialist contexts, while simultaneously accepting the new political circumstances"¹⁷. Wolfgang Steinitz, a professor at the University of Berlin, was of Jewish origin and also an active member of the Communist Party of Germany, therefore, he had to go in exile with his family during the Nazi regime. Steinitz was one of the

¹⁶ Ibid, P.172.

¹⁷ Brinkel, Teresa and John Bendix. "Institutionalizing Volkskunde in Early East Germany." Journal of Folklore Research 46.2,2009. P.141-172, 141.

first folklore scholars after 1945 "to begin to reflect on and critique the discipline's role in National Socialism"¹⁸. Brinkel maintains that the critical approach of Steinitz towards the discipline of folkloristics "reflects a deep engagement with the new political parameters of academia and a specific effort to establish a Marxist Volkskunde"¹⁹. Other than these two eminent scholars, the contributions of Paul Nedo were also way ahead of their times in terms of their scientific approach and the consequent outcome. Nedo through *Fernstudium* (distant learning) took folklore in its scientific tone and tenor to the masses. Considering the time and situation of the inception vis-a-vis execution of this initiative, it was a radical move which helped in creating a scientific consciousness about folklore, its study, as well as its subject matter among the masses. For their assiduous efforts towards bringing the working class and their lore to the fore, and thus simultaneously leasing some fresh air of life through their discussions to the discipline of folklore in the times of its reluctant recognition post world war II as an academic discipline, the folklorists from East Germany are rightly considered to be the "initiators of observing folklore as a 'history from below'"²⁰.

In addition to this brief discussion about some eminent scholars of folkloristics in East and West Germany, it seems equally important to also outline the mutual relationship between these two states, at least in the academic sphere, in order to highlight how they influenced the scholarly endeavours in them. British Historian Elizabeth Harvey, currently professor of History at the University of Nottingham, has done extensive research on twentieth century Germany and Europe. In one of her papers published just after the unification of the two Germanies in 1990 she has, with help of some scholarly contributions of that time about the two, explored the relationship between both the Germanies in detail. Harvey starts her paper by pointing at the general attitude of both the Germanies toward each other and states that "each regarded itself as the 'better Germany'"²¹. She also highlights the challenge faced by scholars examining the postwar history by elucidating the fact that accounts of either East or West Germany can't be comprehensive without taking into account/consideration the German-German relationship and the intercourse which has taken place between these two states. Further in the paper, she quotes German historian Hermann Weber, who wrote in his

¹⁸ Ibid, P.155.

¹⁹ Ibid, P.142.

²⁰ Scharfe, Martin and Christel Köhle-Hezinger. "Towards a Cultural History: Notes on Contemporary "Volkskunde" (Folklore) in German Speaking Countries." *Social History* 4.2,1979. P.333-343, 336.

²¹ Harvey, Elizabeth. "The Two Germanies. Recent Publications on the Federal Republic, the German Democratic Republic and the German Question." *The Historical Journal* 33.4,1990. P.953-970, 953.

1988 published book *Die DDR 1945-1986*: "While the example of the 'reactionary' West German state was used by the S.E.D. regime to combat dissent in the G.D.R., the 'totalitarian' G.D.R. was portrayed in the Federal Republic as an awful warning to those West Germans who challenged the conservative status quo"²² to show how either of the Germanies painted malign picture of the other with mala fide intentions to deal with their internal issues at hand. Harvey concludes her paper by describing the relationship between the two Germanies as "a paradoxical relationship in which the ties of a shared national tradition have been counterbalanced by a process of mutual ideological demarcation"²³. These general observations by Harvey underscore the fact that the two states had distinctly different ideologies, and the developments, scholarly or otherwise, in either of them exerted immense influence on the developments in the other. In the light of her observations it would be worth exploring in some other paper in detail, to what extent the developments taking place in the discipline of folkloristics in the East Germany shaped those taking place in the West Germany and vice versa.

Effective and Continuous Transformation

The importance of the discussions in this paper can be gauged by the fact that UNESCO has coined the term Intangible Cultural Heritage to identify and certify oral cultural expressions. Instead of being unimportant, folklore today is the phenomenon on which international institutions are built and it influences the lives of real practitioners in the developed and the developing world. "Why should we expose past debates, forgotten failures, and wished-to-be-forgotten errors, and air them in print again, particularly when the present tasks of folklore research are rapidly mounting and there are never enough of us to shoulder them?"²⁴ (114) asks renowned American folklorist Ben-Amos in his paper for which he has his own answers reserved. The intention here however behind exposition of the past was to grasp the various ways in which folkloristics has negotiated its way through the incessant impediments encountered on its way, particularly in East Germany since 1945. This could lead us to comprehend how folkloristics and its scholars have responded to the impediments, and if at all, what tangible and intangible changes have they experienced on their way to an ongoing, ever-changing journey to catch up with the contemporary times. Seen from this perspective, the folklore scholarship of East Germany under the ideological ecosystem facilitated by the socialist Soviet regime provided the ferment for flourishing

²² Ibid, P.954.

²³ Ibid, P.959.

²⁴ Ben-Amos, Dan. "'A History of Folklore Studies: Why Do We Need it?'" Journal of the Folklore Institute 10.1, 1973. P.113-124, 114.

of the discipline in unprecedented measures. Guided by the Soviet socialist ethos folklore scholars in the East Germany argued that "there are no superior and inferior peoples, classes or strata, even though there may be highly and less developed ones"²⁵. Moreover, by including the working class to the definition of 'folk', the scholars of East Germany provided a new impetus to the discipline and its relevance. Thus, by shifting the focus of folklore studies from peasantry to the working classes, the folklore scholarship from East Germany under Soviet socialist regime marked a paradigm shift in the overall global context of the discipline. Owing to the massive migration of people across territories even in contemporary times, the working class remains to be the primary inheritor cum propagator of folklore across socio-cultural boundaries, and any study oriented towards the folklore of working classes across these boundaries could gain stimulating insights from the contributions of the East German folklore scholarship on the subject.

Bibliography

- Bausinger, Hermann. "Disengagement by Engagement: Volkskunde in a Period of Change." *Journal of Folklore Research* 36.2 (1999): 143-149.
- Ben-Amos, Dan. "'A History of Folklore Studies: Why Do We Need it?'" *Journal of the Folklore Institute* 10.1 (1973): 113-124.
- Bendix, Regina. "'From Volkskunde to 'The Field of Many Names'". *Folklore Studies in German Speaking Europe since 1945*." Bendix, Regina and Galit Hasan-Rokem. *A Companion to Folklore*. Chichester: Blackwell Publishing Ltd., 2012. 364-390.
- Brinkel, Teresa and John Bendix. "Institutionalizing Volkskunde in Early East Germany." *Journal of Folklore Research* 46.2 (2009): 141-172.
- Dow, James R. "German Volkskunde and National Socialism." *Journal of American Folklore* 100.397 (1987): 300-304.
- Harvev, Elizabeth. "The Two Germanies. Recent Publications on the Federal Republic, the German Democratic Republic and the German Question." *The Historical Journal* 33.4 (1990): 953-970.
- Jacobeit, Wolfgang. "Concerning the Traditional Understanding of 'Folk Culture' in the German Democratic Republic. A Scholarly-Historical Perspective." *Asian Folklore Studies* 90.1 (1991): 67-94.
- Naithani, Sadhana. *Folklore Theory in Postwar Germany*. Jackson: University Press of Mississippi, 2014.
- Prielinger, Wolfgang W. "'Krise" und "Transformation".' Deger-Jalkotzv. Sigrid and Arnold Suppan. *Krise und Transformation*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. 247-254.
- Scharfe, Martin and Christel Köhle-Hezinger. "Towards a Cultural History: Notes on Contemporary 'Volkskunde' (Folklore) in German Speaking Countries." *Social History* 4.2 (1979): 333-343.
- Stein, Marv Beth. "Coming to Terms with the Past. The Depiction of 'Volkskunde' in the Third Reich since 1945." *Journal of Folklore Research* 24.2 (1987): 157-185.

²⁵ Jacobeit. "Concerning the Traditional Understanding of 'Folk Culture'", P.83.

The Portrayal of Kindness and Compassion in Eugene Vodolaskin's *Laurus* – A Study from the Perspective of Bodhisattvahood of Buddhism

J. Job

Laurus is a narrative set in the fifteenth century Russia written by Eugene Vodolaskin. He believes that social events lie in human souls and medieval ages were more humanistic than modernity. The protagonist Arseny heals people with his knowledge of plants, herbs and science. He is a wanderer, a holy fool and a pilgrim of the middle ages. The timeless epic embodies the traditional values and humanitarian concerns found in the novels of Tolstoy and Dostoevsky. Vodolaskin is able to bring back the human soul as well as the mystical and holy atmosphere to the contemporary Russian novel. Eugene Vodolaskin said in an interview that suffering is not suffering for its own sake, rather a way to help others. Through *Laurus*, the author portrays a man capable of making sacrifice. The whole novel is written in the context of medieval Russian Orthodox Christianity. Buddhism deals with human suffering and the Bodhisattva strain of Buddhism teaches us to be warriors of compassion. Hence, it will be interesting to analyse the narrative from the Buddhist perspective.

“The destiny of art in our time is to transmit from the realm of reason to the realm of feeling the truth that well-being for men consists in being united together, and to set up, in place of the existing reign of force, that kingdom of God, i.e. of love, which we all recognise to be the highest aim of human life. Possibly, in the future, science may reveal to art yet newer and higher ideals, which art may realise; but, in our time, the destiny of art is clear and definite. The task for Christian art is to establish brotherly union among men.”²⁶

-Leo Tolstoy, *What is Art* (211-212)

Eugene Vodolazkin is a scholar of Russian literature at Pushkin House, the Institute for Russian literature in St.Petersburg. He is a winner of *Big Book* prize and *Yasnaya Polyana* award in 2013.

The novel, *Laurus*, is a blend of natural, supernatural and sometimes magical elements. Arseny's compassion and kindness is basically a part of the Christian way of life inspired by the life of Christ. The author Eugene Vodolazkin, a philologist who studied folklore and medieval history, uses his experience to recreate the feel of medieval Russia.

²⁶Tolstoy, Leo, *What is Art* (Translated by Aylmer maude) New York: funk & Wagnalls company, 1904.

Arseny has four names and lived in many places with these different identities.

“He had four names at various times. A person's life is heterogeneous, so this could be seen as an advantage. Life's parts sometimes have little in common, so little that it might appear various people lived them. When this happens, it is difficult not to feel surprised that all these people carry the same name.”²⁷

Arseny, the orphaned child, comes under the care of his grandfather Christopher. Christopher lives in the house near the cemetery of the monastery. He is a herbalist who teaches Arseny the knowledge of plants and science. According to Christopher, God's help will come to people through human beings.

A holy man and healer himself, his guidance helped Arseny to walk in the same path. Christopher also teaches Arseny the ways of god. After the death of Christopher, Ustina comes into the life of Arseny. She is from another place where plague was widespread. Arseny heals her and starts a new life with her. When Arseny's lover Ustina died after the birth of their child, he transforms and carries her name. Arseny blames himself for the death of Ustina. The elder priest's words were powerful for him to walk in the path Arseny chose.

“Love made you and Ustina a united whole, which means a part of Ustina is still here. It is you.”²⁸

He also advised Arseny:

“You have a difficult journey, for the story of your love is only beginning. Everything, O Arseny, will now depend on the strength of your love. And, of course, on the strength of your prayers, too.”²⁹

Even after Ustina's death, she continued to be an invisible presence in his life. Guided by the strength of his love for her and his belief in humanity and God, Arseny leaves his hometown and wanders in places infested by plague and heals people. His journey is educative for him. A miraculous healer and holy fool, his efforts bear fruit even though he has to suffer a lot and make sacrifices. Arseny is able to save people from the plague by his sincere nursing, treatment and sacrifice.

“The city dwellers sensed obvious grace from God when speaking with him. Arseny spoke little but his very attention, smile, and touch filled people with joy and strength.”³⁰

²⁷Vodolaskin, Eugene, *Laurus* (Translated by Lisa Hayden) London: Oneworld Publications, 2016. P.3.

²⁸ Ibid. P. 91.

²⁹ Ibid. P. 91.

³⁰ Ibid. P.117.

Arseny travelled to many places in Russia and Europe. He visited Jerusalem and at last returned to where he started. His journey was painful for him with lot of suffering and sacrifice. However, according to the author and for the character, Arseny, it was not just a journey, but, a pilgrimage. One of the unique features of the novel is the grand geographical setting of place, space and time. The countryside as well as the urban and semi-urban areas of the medieval century is presented in vivid detail.

Arseny finds it difficult to live in the mansions of the rich. Many a time, he escapes to villages to help the poor who are affected by the plague. He heals and cares for many people during his journey.

Kindness and Compassion in Religious Traditions and in Russian Literature

From time immemorial, the tradition of renunciation prevailed across cultures. It was visible not only in Buddhism but also in Jainism, Hinduism, Christianity, Islamism and thousands of religions and cults which emerged in various cultures and geographies. Mysticism, compassion and kindness were core aspects of most ancient religions. Irrespective of religious, geographical, and cultural boundaries, these human values were nurtured and spread by the mystics and holy fools who wandered all over the world in different names, robes and languages. They were not only the preachers of kindness and compassion, but also the healers of mind and body.

Russia has a great, mystical tradition developed by the Orthodox Christian sect. The elements of kindness and compassion are found both in the medieval as well as modern works in Russian literature. Elements of suffering and compassion abound in the works of L.Tolstoy (“*War and Peace* and *Anna Karenina*) and F. Dostoevsky (*Brothers Karamazov*).

Orthodox Christian Tradition and the Holy Fool (*Yurodivy*) in Russian Literature

Throughout the centuries, the Russian Orthodox Christian tradition influenced the writers directly and indirectly. The theological influence of Russian Christian tradition is visible in language, symbols, attitude and cultural values.

George Pattison and Diana Oenning Thompson observe that until the eighteenth century, Christian influence was dominant in Russian literature:

“Even the chronicles, heroic folk songs and patriotic epics (*byliny*), though not sacred genres *per se*, served to promote the pre-eminence of Christianity”³¹.

In the novels of Dostoevsky, we can see the reflection of *Yurodivy* (holy fool) in the character of Ruskolnikov in *Crime and Punishment* and Semyon Yakovlevich in *Demons*. Critics such as Caryl Emerson opine that it is very

³¹ Pattison, George and Dianne Oenning Thompson (editors) *Dostoevsky and Christian Tradition*, Cambridge : Cambridge University Press, 2001, P.2.

difficult to portray such characters in novels because the writer cannot get inside the consciousness of characters. However, Eugene Vodolaskin is able to do it effortlessly.

Russian culture portrays three types of fools - fool of the folk tale, the *durak*, the trickster or *shut* and *yurodivy*, the holy fool. In Laurus, we can see the portrayal of Arseni/Laurus as *Yurodivy*-A holy fool.

Caryl Emerson says:

“Holy foolishness originated in Byzantium but was greeted with increasing reverence as it moved north. The yurodivy was a wanderer, an ascetic, a renouncer of goods, home, family, social standing, even the resources of reason...The yurodivy went around barefoot, winter and summer, dressed in rags and often bruised across the back, shoulders, and loins by heavy chains. He was foolish (or feigned madness) not for his own benefit, and not always even for the sake of some concrete good, but in order to stimulate others toward a moral reassessment of their actions or attitudes... The holy fool lived in another time-space and had access to its truths.... The yurodivy's role is paradoxical. He must live in permanent insecurity and homelessness, despising all hierarchy, fixing his focus not on thisworld but on the otherworld, yet he is not a hermit or recluse. He is a social and public figure.”³²

In Laurus, Eugene Vodolazkin portrays the character Laurus in the context of the fifteenth century Russia. He is one of the holy fools. He is a healer and accepts different names in his life –Arseny, Ustin, Ambrosius and Laurus. The novel presents the wisdom of the Orthodox Christian tradition and the narrative contains advices, short stories, proverbs and pages from the lives of saints. Many critics observed that the making of the character –Laurus- was inspired by the saintly lives of St.Xenia of Petersburg, St. Macarius, the Great and St. Basil, the holy fool for Christ. According to the author Vodolazkin as well as the characters in the novel, time was not an existing entity. It needs to be noted that for the people from the medieval period, time was an eternal entity compared to the way which we fragment the time. But, in this short period, we face suffering. Suffering is universal. The holy fool *Laurus's* strange life can be easily compared with the life of Bodhisattva in Mahayana Buddhism.

Laurus-A Modern Classic

Laurus is a timeless epic which inspires us to be faithful to ourselves and to be compassionate to the rest of the world and find value in the same.

³²Emerson, Caryl, *The Cambridge Introduction to Russian Literature*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P.41.

Arseny/Laurus was a healer who travelled from one place to another, village to village, city to city, facing thousands of people who are affected by plague. As a holy wanderer, he was more connected to his soul rather than places. It was the medieval period which created a great sensitivity and consciousness in their lives.

Janet Fitch in her article- '*Eugene Vodolazkin-The Russian soul*' evaluates Laurus in the context of present-day Russia and the Western world:

"The concern with the "Russian soul" and life of the spirit re emerges regularly in Russian culture — marked by a turning away from the West, the need to re establish who we are in terms of who we were, and of how we differ from others. It's not surprising, in these uncertain decades following the collapse of the Soviet Union, to see a book like Laurus take away the big awards in Russia. Laurus's loving portrait of the medieval world and the holy man's bildungsroman, couched in entertainingly playful postmodernist language, offers an enticing alternative to contemporary cynicism."³³

Mahayana Buddhism and the Concept of *Bodhisattva*

It was under the patronage of Ashoka that Buddhism spread to other countries. The spread of religion continued even after the fall of the Mauryan dynasty by trade routes to Central Asia and other Middle Eastern countries. The Buddhist communities on these trade routes became the centres of religious discussions. Buddhist schools are basically divided into *Theravada* and *Mahayana*. Mahayanists consider their school as the great way and claim that they are more compassionate than others. *Bodhisattvahood* is based on compassion. The *Bodhisattva* ideal is one of the central features of Mahayana Buddhism. *Bodhisattvas* do not think about themselves and are always helpful to all. They do not expect anything from others. They are not afraid of the fear of death. Based on *Abhisamayāṅkāra*, Nalinaksha Dutt describes the qualities of Bodhisattva in his work on Mahayana Buddhism:

"He becomes loving and compassionate towards all beings and takes upon himself the duties of being a teacher and a guide, diverting them from the wrong to the right view. He observes that beings suffer on account of anger, avarice, desire, hatred, delusion, mental darkness, lack of energy and so forth, that they are tossed up and down by the waves of desire, love of existence, ignorance, that they are tied up by love and hatred, likes and dislikes, and labour under the misconception of 'I-ness' and 'Mine-ness', etc. Out of compassion,

³³Fitch, Janet- '*Eugene Vodolazkin-The Russian soul*', Feb, 11, 2016<<https://lareviewofbooks.org/article/the-russian-soul-janet-fitch-on-eugene-vodolazkin/>> Feb, 11, 2016.

he resolves to rescue those beings and lead them to a suitable heaven of peace.”³⁴

Reading *Laurus* Through the Eyes of ‘Bodhisattva’

Buddhism is one of the systems, which deeply studied and explored the reasons and solutions for suffering. According to the Bodhisattva concept, everything is impermanent and the world is full of suffering. There are causes for suffering. Suffering is a reality and suffering can be erased. A Bodhisattva is not one who lives away from the world, but one, who works with wisdom and compassion amongst the sentient creatures, who are suffering.

The great Mahayana teacher Nagarjuna in his work on the *Bodhicitta* elucidates the Mahayanist notion of Bodhisattvahood, D.T Suzuki presents to us through his work *Outlines of Mahayana Buddhism*:

“Therefore, all Bodhisattvas, in order to emancipate sentient beings from misery, are inspired with great spiritual energy and mingle themselves in the filth of birth and death. Though thus they make themselves subject to the laws of birth and death, their hearts are free from sins and attachments. They are like unto those immaculate, undefiled lotus-flowers which grow out of mire, yet are not contaminated by it. Their great hearts of sympathy which constitute the essence of their being never leave suffering creatures behind in their journey towards enlightenment”³⁵

In most of the fictional writings in the European literary tradition, we can see the portrayal of suffering. Suffering is a reality. Russian orthodoxy accepts suffering with its purifying aspect. This aspect gave sublime dimensions in the works of great writers and artists. The concept of selfless love, elements of renunciation and sacrifice with compassion to the fellow beings are common in the great Russian novels.

Shanti Deva [687-763] was a student and teacher in ancient Nalanda University. He was a Buddhist Scholar who wrote *Guide to the Bodhisattva's way of life*. It is one of the great works which define the concept of the Bodhisattva hood. In this great work, he says that the real and final goal of Buddhist practices is the attainment of the awakened state of mind. For that we have to develop *Bodhicitta*, the mind of enlightenment. When writing the commentary for Shanti Deva's work, Geshe Kelsang Gyatso writes:

³⁴Dutt, Nalinaksha, *Mahayana Buddhism*, Delhi: Bharatiya Kala Prakashan, 2008. P.105.

³⁵Suzuki, D. T, *Outlines of Mahayana Buddhism*, London : Luzac and Company, 1907. P. 293-294.

“What is bodhichitta? It is the continual and spontaneous state of mind that constantly strives to attain this perfect enlightenment solely for the benefit of all living beings.”³⁶

The protagonist Arseny in Eugene Vodolaskin’s novel *Laurus* has many features of Bodhisattva. According to the author Vodolazkin, as well as the characters in the novel, time was not an existing entity. Because, in the medieval period, for the people, time was an eternal entity compared to the short period we live. But, in this short period, we face suffering. Suffering is universal. The holy fool Laurus’s strange life can be easily compared with the life of Bodhisattva in Mahayana Buddhism. In Bodhisattvahood, we can see that Bodhisattva’s suffering and sacrifices are making them more compassionate to all the sentient beings of the world. They become warriors of compassion. Santi Deva gives us a clear picture of Bodhisattva through his classic work *Bodhicaryavatara-Guide to the Bodhisattva’s way of life*. My study is a parallel literary and philosophical journey through two different cultures and religion of a particular land, its people, language, contexts, geography and time. In this journey let us see the bodhisattva element in the work of Vodolazkin, *Laurus*.

Santi Deva on *Bodhisattva*: “Upon finding the boat of human birth now, cross the great river of suffering. O fool, there is no time for sleep, for this boat is hard to catch again.”³⁷

Vodolazkin in *Laurus*: “You really are a holy fool, for thou hast chosen a life for yourself that is wild and disparaged by people.”³⁸

Santi Deva on *Bodhisattva*: “Dwelling here and there for as long as one likes, freed from the exhaustion of guarding one’s possessions and free of care, one lives as one pleases in an empty dwelling, at the foot of a tree, or in a cave.”³⁹

Vodolazkin in *Laurus*: “Realizing that it was impossible to refuse, Laurus began sharing the food with birds and animals... He broke the bread in two, flung his arms wide open, and birds landed on his arms. They pecked the

³⁶Kelsang Gyatso, Geshe, *Meaningful To Behold-A Commentary to Shantideva's Guide To The Bodhisattva's Way of life*, London:Tharpa Publications, 1989. P.4.

³⁷Santideva: *A Guide to the Bodhisattva way of life (Bodhicaryavatara-Translated from the Sanskrit and Tibetan by A. Wallace, Vesna and B. Alan Wallace)*, Colorado:Shambala, 1997, P.78.

³⁸Vodolaskin, Eugene,*Laurus* (Translated by Lisa Hayden)London:Oneworld Publications, 2016, P.146.

³⁹Santideva: *A Guide to the Bodhisattva way of life (Bodhicaryavatara-Translated from the Sanskrit and Tibetan by A. Wallace, Vesna and B. Alan Wallace)*, Colorado:Shambala, 1997, P.100.

bread and rested on his warm shoulders. A bear usually ate up the porridge and turnip. The bear just could not find a suitable den to sleep in, and that made his life miserable.”⁴⁰

Santi Deva on *Bodhisattva* : “I should eliminate the suffering of others because it is suffering, just like my own suffering. I should take care of others because they are sentient beings, just as I am a sentient being.”⁴¹

Vodolazkin in *Laurus*: “He wept for all those he had not succeeded in saving. He felt his own responsibility for them, a responsibility he had to bear alone.”⁴²

Santi Deva on *Bodhisattva* : “If the suffering of many disappears because of the suffering of one, then a compassionate person should induce that suffering for his own sake and for the sake of others.”⁴³

Vodolazkin in *Laurus*: “He shares the patient’s pain with him and, to some degree, his death, too. Arseny’s heart fills with grief because he understands that the world does not remain the same after a patient passes away.”⁴⁴

When Rod Dreher asked about the portrayal of suffering in the novel, Vodolazkin’s answer resembled the concept of Bodhisattva:-“Laurus’s suffering is not a suffering for its own sake, but it is a way to help others that he’s trying to heal”⁴⁵. In the same interview, when Vodolazkin was asked about the message of the story, he replied -“I tried to say with it that there is another way to live: the way of the saints. It is not an easy way to walk, but maybe we can walk alongside it”.

⁴⁰Vodolaskin , Eugene,*Laurus* (Translated by Lisa Hayden)London:Oneworld Publications, 2016, P.338.

⁴¹Santideva: *A Guide to the Bodhisattva way of life (Bodhicaryavatara)*-Translated from the Sanskrit and Tibetan by A. Wallace, Vesna and B. Alan Wallace), Colorado:Shambala, 1997, P. 101.

⁴²Vodolaskin , Eugene,*Laurus* (Translated by Lisa Hayden)London:Oneworld Publications, 2016, P.115.

⁴³Santideva: *A Guide to the Bodhisattva way of life (Bodhicaryavatara)*-Translated from the Sanskrit and Tibetan by A. Wallace, Vesna and B. Alan Wallace), Colorado:Shambala, 1997, P. 103.

⁴⁴Vodolaskin , Eugene,*Laurus* (Translated by Lisa Hayden)London:Oneworld Publications, 2016, P.179.

⁴⁵Dreher, Rod, *People Need Other Things To Live By*, Dec, 2,

2015. ‘<<http://www.theamericanconservative.com/dreher/people-need-other-things-to-live-by-evgeny-vodolazkin-laurus/>> Dec,2.

Bibliography

- Dreher, Rod, *People Need Other Things To Live By*, Dec, 2, 2015. '<<http://www.theamericanconservative.com/dreher/people-need-other-things-to-live-by-evgeny-vodolazkin-laurus/>>
- Dutt, Nalinaksha, *Mahayana Buddhism*, Delhi: Bharatiya Kala Prakashan, 2008.
- Emerson, Caryl, *The Cambridge Introduction to Russian Literature*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Fitch, Janet- '*Eugene Vodolazkin-The Russian soul* ', Feb, 11, 2016<<https://lareviewofbooks.org/article/the-russian-soul-janet-fitch-on-eugene-vodolazkin/>>
- Kelsang Gyatso, Geshe, *Meaningful To Behold-A Commentary to Shantideva's Guide To The Bodhisattva's Way of life*, London:Tharpa Publications, 1989.
- Pattison, George and Dianne Oenning Thompson (editors) *Dostoevsky and Christian Tradition*,: Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
- Santideva: *A Guide to the Bodhisattva way of life (Bodhicaryavatara*-Translated from the Sanskrit and Tibetan by A. Wallace, Vesna and B. Alan Wallace), Colorado:Shambala, 1997.
- Suzuki, D. T, *Outlines of Mahayana Buddhism*, london : Luzac and Company, 1907.
- Tolstoy, Leo, *What is Art*(Translated by Aylmer maude) New York: funk & Wagnalls company, 1904.
- Vodolaskin , Eugene, *Laurus* (Translated by Lisa Hayden) London: Oneworld Publications, 2016

Comparative Study of Maxim gorky, Tolstoy and Vivekananda: Some Reflections

G. Madhavan

Comparative Literature is the study of Universal Spirit. The great writer and thinker Leo Tolstoy believed that the philosophy of Bhagavad Gita made the 'eternal universal basis of all religions and all philosophical systems'¹ and described Swami Vivekananda as a 'great thinker whose philosophy is profound on God, soul, man and on unity of religions'². More over his essays like the Kingdom of God is within you and A letter to Hindu makes us more speculative on the transmigration of ideas. And Gorky's appreciation on Hindus as 'these Hindoos are remarkable people. What refined thought'³. And in his later writings his vision of Universal brotherhood based on the principles of love and equality and his adoration for great men like Christ and St. Francis of Assisi is seen in his articles published in Novaya Zhin. Swami Vivekananda's ideals are based on the Philosophy of Advaita Vedanta.

The present paper attempts to trace the similarity in the thoughts of these great humanists, which was indeed based on the gospel of love and equality of souls. The paper runs through the ideas of spiritual values which culminate in universal humanism. There by buttressing the fact that great minds travel across time and space and continue to influence us.

Commemorating the 70 years of diplomatic relations, between India and Russia; we have a legacy of mutual relations. India has always succeeded in delivering good relations with the rest of the globe due to its spiritual ideals. SudheendraKulkarni in his article titled Russia's rendezvous with Hinduism attempts tracing the spiritual relations back to 1615-saying that the "Bhagavat Gita was brought to Astrakhan on the Volga by Indian merchants. Peter the Great allowed them to build a temple and even exempted them from taxes".⁴ Great minds of Russia like Leo Tolstoy and Nicolas Roerich had great fascination for Indian philosophy and mysticism. He further says Tolstoy's essays, The Kingdom of is within you and The Letter to a Hindoo made great effects on peoples mind. Leo Tolstoy was

¹ www.indianexpress.com

² *ibid*

³ *ibid*

⁴ Kulkarni, Sudheendra. "Russias rendezvous with Hinduism". www.Indianexpress.com 25Dec2011. web.<<http://m.indianexpress.com/news/russia-s-rendezvous-with-hinduism>>

revered as Rishi by Indians. Tolstoy also has read some books on Swami Vivekananda and described him as one of the greatest thinkers in world history on whose philosophy “profound on God, soul, man, unity of religions”. In his essay *A letter to a Hindoo*, twice he mentioned of Vivekananda’s name and “the letter itself opens with an epigraph from Vivekananda-God is one whole; we are only its parts”⁵; the Conception of Advaita Philosophy. The doyen of Russian literature is said to have opined thus on the Bhagavat Gita, “The metaphysical, religious idea of Krishna so well expounded in your book is the eternal and universal basis of all religions and all philosophical systems”.⁶

“Tolstoy has read almost all the speeches of Vivekananda according to Makovitsky. And on 7 May 1909 Tolstoy spoke to the editor of the Posrednil publishing house: The most eminent of the modern Indian thinkers is Vivekananda and he should be published”.⁷ He believed that modern psychology rests on something asthenic and inaccurate whereas Vivekananda on what is true.

“On 12 March 1910, on receiving a book entitled. *The Fountain-Head of Religion* from Rama Deva, the publisher of the journal ‘The Vedic Magazine’, Tolstoy exclaimed: “This book has given me great joy. I have, for the first time, understood that we have become accustomed to regard, as gods, the “god-creator”, “god-Christ”, “god-Mohammad”, who soars in the skies; and (as regards) the god who is the source of everything...only such great minds as the ancient sages can attain this great concept. Were there no Krishna, there would have been for us no concept of god. Our Christian notions of spiritual life come from the ancient Hebrew, and the Hebrew notions from the Assyrian, and the Assyrian from the Indian...the older, the loftier”⁸. And finally “on 29 March 1910, when he met the Czech thinker, statesman, and evolutionary Jan Massaryk, and, among other things, asked them if he was reading Indian philosophy. Tolstoy told Massaryk that the greatest philosopher of modern India is Vivekananda”.⁹

Tolstoy and Gandhi link has been well known, but it would be incomplete without mentioning about Swami Vivekananda. Romain Rolland the author

⁵Dr. Gnatyuk-Danilchuk ,A.P. Tolstoy and Vivekananda.Calcutta: The Ramakrishna Mission Institute of Culture.1986.P.20.

⁶Kulkarni,Sudheendra. “Russias rendezvous with Hinduism”.www.Indianexpress.com25Dec2011.web.<http://m.indianexpress.com/news/russia-s-rendezvous-with-hinduism.

⁷Dr. Gnatyuk-Danilchuk ,A.P. Tolstoy and Vivekananda.Calcutta: The Ramakrishna Mission Institute of Culture.1986.P.21.

⁸ Ibid. P.23.

⁹Ibid. P.23,24.

of the biographies of Sri Ramakrishna Paramahansa and Swami Vivekananda as well, was a common friend of Tolstoy as well as Gorky. Yet another admirer of his was the great Socialist writer Maxim Gorky, once made an appreciation on the Hinduism thus: "These Hindus are remarkable people. What refined thought!"¹⁰

Swami Vivekananda the great saint of India had his philosophy based on the concept of Non duality, Advaita, which primarily considered in the equality of all souls. Swamiji has based his principals on this concept. Profound was his ideas on all most all fields of life. His ideas on socialism in fused with the spirit of Vedanta came to called Vedantic Socialism; considered the mind and matter as indivisible. To Swami Vivekananda human beings were the source of infinite source of bliss. Hence the source of infinite source of spirituality and hence the idea of revolution or freedom was bound to the freedom of soul, freedom from all vices that make man weak. And man the Supreme Being can rely on his finer instincts. He finds no antagonism between religion and rationality. He stresses on reason above all and where reason finds it difficult this reason/rationality itself will take man to a higher plane above intellect to soul. And culture as the psychological cultivation of mind and manners. To him the freedom of a nation lies in the cultural freedom of its men and education and religion should help man to become better.

Gorky the prolific writer of social realism too made great writings on religion, socialism, culture and revolution. To him Religion is a beautiful feeling that binds man to the rest of the creation in harmony. And Christ to him was the ultimate word of love and compassion. So were the great men like Leo Tolstoy, St. Francis of Assisi, Damascus believed in the ideal universal brotherhood. The task of intelligentsia should help people build culture. The ultimate idea of all religions, all institutions and help people build culture. The aim of revolution according to Gorky was also culture building, to make man better to create a better world for everyone to live, which could be achieved by refinement of character or soul. The Indian philosophy teaches man to be in unison with the whole of the universe. This unique idea of indivisibility of soul or human spirit is the key to any revolution. This indeed is the gospel of love and equality. Great minds like Gorky and Tolstoy have explored this idea. This unique thought is India's contribution to the western world.

Helena Blavatsky, the co-founder of the Theosophical Society, was also impressed by Hindu and Buddhist ideals. And the movement aimed at

¹⁰Kulkarni,Sudheendra. "Russia's rendezvous with Hinduism".www.Indianexpress.com25Dec2011.web.http://m.indianexpress.com/news/russia-s-rendezvous-with-hinduism.

establishing “a nucleus of the Universal Brotherhood of Humanity, without distinction of caste, creed, race, sex or colour”, donated much to India’s freedom struggle.

A glimpse into these great minds, Tolstoy, Vivekananda and Gorky undoubtedly proclaims that they were advocates of truth and trusted on the power of love and faith in the ideal of Universal Brotherhood, which formed their ideal of Universal Humanism. The belief in the power of Humanism points to the ideal that it is this love for humanity that is the ideal love for God. God and human are one and the service of humanity is the service to God. This unique ideal is offered to the world by the Indian Advaita Vedanta, which doesn’t discriminate between any and this Gospel of Equality is the best way to establish the ideal of equality. This universal truth was always cherished by all Great men.

Bibliography

- Dr. Gnatyuk-Danilchuk, A.P. Tolstoy and Vivekananda. Calcutta: The Ramakrishna Mission Institute of Culture. 1986.
- Gorky, Maxim. “Untimely Thoughts Essay on Revolution, Culture and the Bolshevik 1917 – 1918”. London: Yale University Press, 1968.
- Gorky, Maxim. On Literature. Moscow: Progress Publishers.
- Nivedita, Sister “Select Essays of Sister Nivedita”. Madras: Ganesh & Co., Publishers, 1911.
- Nivedita, Sister. “The Web of Indian life”. Kolkata: Advaita Ashrama, 2004.
- Ranganathanada, Swami. “Swami Vivekananda His Humanism”. Lecture at the Moscow State University”. Calcutta: Advaita Ashrama, 8th Impression, 2000.
- Ranganathanada, Swami. The Christ we adore. Kolkata: Advaita Ashrama, 2005.
- Saradananda, Swami. Sri. Ramakrishna: The Great Master Vol. I & II, Trans by Swami Jagadananda. Madras: Advaita Ashrama, 2007.
- Serebriany, Sergei D. Leo Tolstoy and Sri Ramakrishna. Calcutta 70002: The Ramakrishna Mission Institute of Culture.
- Vivekananda, Swami. Caste Culture and Socialism. Kolkata: Advaita Ashrama, 2005.
- Kulkarni, Sudheendra. “Russias rendezvous with Hinduism”. www.Indianexpress.com 25 Dec 2011. web. <<http://m.indianexpress.com/news/russia-s-rendezvous-with-hinduism>>
- Sivadasan, Manoj. “Religion Vs. socialism: A comparative study of Vivekananda & Marx”. <about. com Hinduism.> web
- Preeve, S.N. October 1907. “Maxim Gorky on Religion & Socialism”. Social Democrat, 11. 10. Oct. 1907, pp. 616-617. <<http://www.marxist.org/history/International/socialist.democrat/1907/10/Gorky.htm>> web
- Gray, Jonathan. “64 secrets still ahead of us”. <<https://books.google.co.in/books>> web

Women between Domestic Space and individual Space - the Problematics of Love in Tolstoy and Tagore: a case study

Sreekala M.

Literature perhaps, is a vehicle of culture and culture transmission at the same time it take its birth from culture itself. Tolstoy and Tagore are the most celebrated writers of world literature. Their master pieces “ Anna Karenina” and “ Home and the World” is widely influenced by the readers of the world. Both the heroines in these novels maintaining extra marital relationship by breaking the conventional laws of family system. Both are the tragic victim of the male dominated patriarchal society. A critical look into the novel reveals the writer’s attitude towards moral ideas how far influenced the climax of the Novel. The present paper is an attempt to analyse the love and familial happiness of heroine in a Russian and Indian cultural backup.

Critical debate on space has become a topic of academic interest in the contemporary literary arena of democracy and individualism. Right from the beginning of the theorization of women in literature the tussle between her individual space and the social space has been problematized in academic parlance of thinking. The present study problematizes the space that the major heroines from Tolstoy and Tagore occupy in the fictional trajectories of these masters.

The present paper makes a modest attempt in comparative study of problematizing the woman space in Tolstoy’s major novels with particular focus on *Anna Karenina* and Tagore’s works with special attention on *House and the World*, pitting them against the background of family, marriage and individuality and the social constraints. The texts analysed in the present study are chosen particularly because of their domestic interests and again for their Western and Eastern cultural background respectively. The concepts of marriage and family come as constant concern into critical discussions in such a parlance of thinking right from the very inception of marriage and family as cultural constructs in human life. Both East and West take marriage and family, as unavoidable for the disciplined survival of human life both individual and societal, in general. Both Tolstoy and Tagore have argued out that the success of a familial life largely depends upon the strength of an ideal love that works between man and woman. Both social and psychological aspects go hand in hand in the treatment of the characters and the ups and downs in their personal neatly appear in the narrative conscience of the works of these novelists. The heroines of Tolstoy and Tagore that is *Anna* and *Bimala* respectively can be analysed in various psychological and sociological perspectives.

Among the trajectories of characters, the heroines *Anna* and *Bimala* are taken for case in point in this study. Tolstoy's *Anna Karenina* epitomizes the picture of an aristocratic lady, who probably discards her husband and son in her search for true love and fullness of being. Similarly a heroine in the vast panorama of realistic novel that comes to clash with romantic predicament of human life is *Bimala* in *Home and the World* by Tagore. These novels are social realism framed in psychological narrative tuned around the main characters who reveals two aspects of their character that is the commitment to societal duty and individual aspirations. The conflict between these two domains results in the tragedy of these heroines. Tolstoy's *Anna Karenina* and Tagore's *House and the World* can be read in a similar point of view to find out the points of comparison in their concepts and views of love despite their belonging to different cultural issues and milieu with different nationality. Though these works belong to different cultural backgrounds so many elements come in convergence when we analyse the works from a gender perspective. Keeping the textual cues in the central point, a look into the cultural synchrony between the East and the West too can be made possible in such a study. Both social and psychological aspects go hand in hand in the treatment of the characters and the vicissitudes in their life by as we see in the analysis of the novels by Tolstoy and Tagore. Both *Anna* and *Bimala* can be analysed in various psychological and sociological points of view depending upon the varied circumstances they are made to live in.

Anna Karenina is social realism framed in psychological narrative form revolving around the central character of *Anna* who reveals two aspects of her character throughout the novel. The twine aspects are perhaps related but this duality brings about the complex nature of her personality build up. It could be said that on the one side of her very being she is a bold young married women who looked at society with passionate earnestness and vigour and on the other side she is a victim to the same frustrating herself and oppressing her orchestrated by her passion for her lover. These twine aspects of her life have been largely presented in the narrative subtleties of the novel with reference to the socio cultural background of the time. The very plot construction of the novel and its parallel development can be taken as an expansion of *Anna*'s conflicting impulses in her life. The parallel plot in the novel revolves around the character of *Anna* and *Levin* who probably represent the social necessity that led to her catastrophic doom. The novel comprises two plots, the tragedy of *Anna Karenina*, in love with a man who is not her husband, and the story of *Konstantine Levin*, a sensitive man whose personal philosophy is Tolstoy's reason for writing about him in an aristocratic background.

Though the novel presents two story lines parallel to each other, Tolstoy has been successful in knitting them together both in theme and treatment. The novel is basically the story of a woman caught in the fetters of the Russian

social system and a philosophy of life which attempts to disentangle the mazy incongruities present in the contemporary Russian society. As it is already mentioned, marriage as an institute is problematized in the novel with utmost care. The central thematic concern in the novel could be the problematic of married life. We have seen that the story is reflecting the portrayal of an aristocratic woman who discards her husband and son in her search of her ideal love. The central character is *Anna*, who is pretty and of noble blooded and the wife of a high rank official named *Karenina*. As a social figure *Karenina* is a dignified gentle man with an accepted cultural sense and he is meticulously careful to pay utmost care to the social decorum of the time. But unfortunately he lacks something that is inevitable to bind up their married life intimately and happily. In matters of romantic predicament he provided a striking foil to his wife who is expressive, exotic and luxurious and above all impulsive to her freewill in thinking as well acting.

As a huge contrast, when *Karenina*, her husband represents the realistic aspects of the society, *Vronsky* her lover stands for her romantic side of individual space. Her relationship with *Karenin* seemed to be spoilt since she fails to get pleasure from him soon after she met *Vronsky*. She begins to ignore him and to spend her time by attending parties and balls right through. It is at her first sight *Anna* is much interested in *Vronsky's* smart military officers. She is easily captivated by his personality and figure. According to *Anna* her husband is no one but a machine. She realized that it is not the real and worthy love that she gets from him. *Anna's* immoral relationship with *Vronsky* had spread like wild fire when he got hold of news regarding it.

In the realistic paradigm of the novel we find *Levin* as the mouth piece of the author seeking the love of *Kitty* who resists first but later falling in love with him in his marriage in a traditional Russian norm. *Levin's* life is always contrasted with that of *Anna* to highlight the features of both with an objective eye by the author. Even the tragic climax of *Anna's* life is juxtaposed and contrasted with the happy life of *Kitty*, who goes by the customary values of the society. Being unable to put up with her husband any longer, *Anna* runs away with her lover *Vronsky* with a view to fulfill her romantic ideals of life. For a while they go about the country and live together in self designed pleasures of their own. But this does not last long and her days were filled with remorse and disappointment with a sense of betrayal and repentance. She feels like a fish thrown out of water when she is banished from the societal cocoon and is ignored and laughed at by the community. Remorse stricken *Anna* finally happens to commit suicide by throwing herself under a running train. This tragic and gruesome ending of a victim of love is compared to the domesticated life of *Kitty*. For *Levin* and *Kitty* life becomes an increasing frame and routine of daily work and every day chores, which they shared with each other. *Levin* knew at last the

responsibility wealth imposed upon him in his dealing with the peasants and helped him to share his responsibility in the social fabric.

Anna's death is presented as tragic as her life itself. Her mutilated dead-body lying on the railway track with splashes of blood is a pathetic sight in the fictional trajectory of Tolstoy's fiction. In one sense of inevitability her death is designed by the author in a wild form of justice for social codes. The main reason for her tragedy is that she is a mother as well as wife, and it is the maternity that hurts her son and urges her to put a stop of her life caught in remorse. *Anna* dedicated herself to the fulfilment of her love, though it was short lived. The blunder she committed is that she cannot conceal her affair unlike other noble ladies in Russia. She believed as it she was a right one. She was sincere to herself than to the social values and thus she becomes a victim to the social codes.

She stands single in the history of realistic fiction for her loyalty to the personal stance in the realm of love and romance. Another heroine in the vast panorama of realistic novel that comes to clash with romantic predicament of human life is *Bimala* in *Home and the World* by Tagore. Here in *Home and the world* Tagore presents the tumult in the life of a woman almost like *Anna* in mind set and attitude. The novel assumes a unique position in the history of the Indian novel for its profundity of human passion and social commitment. Tagore presents the tension and problem brought about in the life of a woman, *Bimala* when she takes part in the national movements which she took as a platform to actualise her social role. The novel makes a psychological study of the relationship between a husband and his wife and we see marriage as a structure to unite two persons in the framework of life. When it turns to a loveless union, their marriage is reduced to bondage of tyranny. Nikhil, her husband is so lovable and wants to establish his relationship with his wife on the freedom of love. And this is done only when his wife, comes out of the seclusion of the home, and mingles freely with the outside world.

In order to assert her agency herself she resorts to join the *Swedeshi* movement in Bengal in the first decade of twentieth century and this radical phase of her life supplies the necessary background of her larger world so essential for testing the genuineness of the relationship with her husband. As *Anna* in Tolstoy's novel meets *Vronsky* in the course of her life here, *Bimala* meets *Sandeep*, who is a staunch nationalist vigorous in his ideals.

When *Bimala* met *Sandeep*, she had been wife to *Nikhil* for nine years and during this period *Nikhil* had always treated his wife with loving care and concern. He has never tried to be dominate; on the other hand, he himself wants that *Bimala* should know the larger world and that her love might develop unfettered by the bound of a life reduced to marriage. *Bimala* and *Sandeep* fell in love in the first sight and she was extremely fascinated by his

dynamic personality. He flatters *Bimala* as the incarnation of 'Shakthi' who is the source of inspiration to all the sons of Bengal. They become comrades in the service of their country. *Sandeep's* homage to the 'goddess' is transformed into his love for *Bimala* who is hypnotised by the magnetic personality of *Sandeep* and she almost surrenders herself completely to him. At last *Sandeep* reveals his true identity and *Bimala* discovers behind the mask of greatness a poor, despicable soul who is greedy, selfish and full of carnal appetite. Her utter disappointment becomes complete and she recoils with horror from the path of sin and ignominy. She is perhaps reminiscent of the plight of Anna when *Vronsky* rejects her altogether.

Similar to *Anna Karenina* this novel too clearly presents the fundamental problem of the structure of married life. Tagore's heroine has always been haunted by the scruple of conscience towards the life and her husband. At last she returned home with a burned feeling of repentance towards life and its vicissitudes. Actually nine years of sincere love and adoration on the part of her husband cannot succeed in weaving away his wife from the path of disloyalty to the ideal marriage. It is the sociological problem that has been raised in this novel and looks into the concept of love as the basis of married life. *Sandeep* would have been endowed with real strength of character to make him a match for *Nikhil*. These results in the conflicting impulse in the mind set the women.

The heroines make their own life and experience as the platform for the fight between good and evil. Actually *Bimala's* life provides the testing ground for good and evil. With regard to his test, Tagore does not believe in any external solution. So *Bimala's* struggle is exclusively against herself. She found no obstacle on resistance from *Nikhil's* side. Initially she had presumed her attraction for *Sandeep* to be her devotion to the country. But before long she had realised that it was but a variation of erotic attraction. Soon after this a feeling of guilt got stirred in her. The sense of guilt of cheating her God like husband created extreme agony in her and this leads to her inevitable catastrophe.

Regarding the thematic similarity between *Anna Karenina* and *Home and the World*, these two novels provide ample scope for a comparative analysis. Right from the temporal background to the tragic climax both the works remain masterpieces in the trajectory of realistic fiction. Both these writers looked at the world in a philosophical inclination of mind keeping social concerns in the backdrop. They introduced family life, husband and wife relationship, extra marital relationship through these novels. Striking similarities can be found in the authors exposition of how far husband – wife relationship gets diverted into extra-marital love affairs and how it is disapproved by the upper class aristocracy and the values prevalent at the time.

Both Tagore and Tolstoy portrayed their heroines in same situation with in family life and can find out evolution of the characters *Anna* and *Bimala* in a social context. Both the heroines show some kind of similarity in the characters attitude to life and the circumstances that shaped these attitudes. Their role of being housewives and becoming loveable wives in the former half of their married life bring close similarities between them. It is the latter part of their life that puts things ups and down. They undergo complete transformation after meeting their lovers, *Vronsky* by *Anna* and *Sandeep* by *Bimala* respectively. Like any ordinary women, they surrender themselves to the lovers forgetting their commitments in the family bonding.

In a sociological sense of the term, both novels were written at a time when the two countries Russia and India faced great changes in the political and economical platforms. Tagore wrote the novel against the background of *Swadeshi* movement, national consciousness, Indo – British conflict and the impact of western ideas on Indian life and also influence of Gandian ideology on Indian life. Similarly *Anna Karenina* was written during the Franco – Prussian war during 1870's. The serfs had been liberated in 1861. This was a long-overdue economic change in Russian society. At the same time Russia was slowly and painfully undergoing a process of modernization and urbanization.

Coming to the story of *Home and the World*, in a nutshell, *Bimala* is the wife of a landlord. Her vision towards love is entirely different with that of *Anna*. *Bimala* loves her husband with devotion. She treats him as a God like in the traditional Hindu concept instead of this *Nikhil* loves his wife with a young romantic mind. *Anna* is presented as a beautiful charming woman and every time she takes her beauty as an advantage point in life.

Unlike *Anna*, *Bimala* is dark and not a charming woman and she has some inferiority complex about her beauty. But to compensate the lack of beauty she desired to become a traditional Hindu wife. *Anna* and *Bimala* are different in their expedition towards love and life. They are not at all satisfied by their love, which they get from their family bounds and husbands. *Bimala* is much interested in house hold duties but instead of this *Anna* has great fascination towards the high class Russian life and she is also participating in balls, operas etc. conducted by high class Russian society.

A look into the progress and deterioration in the life of these two heroines too bring about amazing parallels and contrasts. Many contradictions occur in the initial phase of their married life, but both characters life is going on smoothly. They maintained extra marital love affairs during their little span of life. *Anna* and *Bimala* meet their lovers and suddenly fall in love with them. Their feeling, mental tension could reach true union when they maintain relationship with their lovers. It reveals a great fact that both *Anna* and *Bimala* expressed intensive instinct for love. Both the characters *Anna*

and *Bimala* expressed their love affair ignoring the society and the social norms. Both the character maintained their illegal relationship without fear of their husbands and society. These indicate their innocence of mind. Both are sincere that's why they cannot conceal the love affairs with lovers like others. There is the important similarity of their behaviour.

In the last phase of their love affair both *Anna* and *Bimala's* life show much repentance. Both one bound up by the feeling of importance. Price of consciousness towards family is the main reason for their repentance. We can find out a diversification in both heroines' love affairs. When Anna thinks that *Vronsky* feels bored towards her and believes that he again fall in love with another woman. She feels much guilt of consciousness to sin she committed in family life and she rethinks about it. In this occasion onwards, she knows the vivid fact that how far *Karenin* love her. The characters *Anna* and *Bimala* were haunted by scruple of conscience and the feeling of deceiving the God like husband in the very last stages of their life. Society is the main reason for Anna's tragic death. Society curtsied, mocked and insulted *Anna* on every stages of her life with *Vronsky*. In the last phase of the novel both the character *Anna* and *Bimala* is struggling with themselves. Their inner conflicts, mental tension and psychic agony have no ends. Both are in a prick of consciousness of sin the head committed in little span of life. The last stages of both novel projects the determination on the part of both characters in final situation of life. Through death Anna escapes from inner conflict and Psychic agony.

From these comparisons and contrasts we can find out that both the writers were trying to discuss the concept of marriage in an objective platform. Love is considered as the pivotal thread to bind the family life in turmoil of man's instinctive urges instigated by social circumstances. With the thematic similarity between *Anna Karenina* and *Home and the world* these novels provide ample scope for a comparative analysis. Right from the temporal background to the tragic climax both the works remain masterpieces in realistic fiction. With the thematic similarity between *Anna Karenina* and *Home and the world* these novels provide ample scope for a comparative analysis. Right from the temporal background to the tragic climax both the works remain masterpieces in realistic fiction. These works provide an epitome of the space that is problematized in the discussion of literature regarding women issues.

Bibliography

- Afsar Bano, "Indian woman", Kilaso Books New Delhi 11002, 2003.
- Anastaria posadskya, (translated by Kate clark) "Woman in Russia" Moscow Genter centre, 1994.
- Barbara Alpern Engel, "Woman in Russia" Cambridge University press 2004.
- Donna Tussing orwin, "The Cambridge companion to Tolstoy", Cambridge university press 2002.

- Dr. Girija, G.R Priyadarshini "The novels of Anand and Thakazhi – thematic study", Harshe publications Madurai and Chennai, 2003.
- Ernest J. Simmons, "Introduction to Tolstoy's writings". The university of Chicago press, 1968.
- Henry Gifford, "Tolstoy", Oxford University press, 1982
- K. A Kunjakkan, "Feminism and Indian Realities", A Mital publication, New Delhi 110059, 2002
- Kripalini Krishna "Rbindranatha Tagore-A Biography", London oxford University press, 1962.
- M. Sarada, "Rabindranath Togore A study of woman characters in his novels" Sterling Publishers private Ltd., New Delhi 110059, 2002.
- Miti Pandey, "Feminism in Contemporary British and Indian English Fiction", Sarup and sons, New Delhi 2003.
- Mohit K. Ray, "Studies on Rabindranath Togore", vol.11, Atlantic Publishers and Distributors, New Delhi 110027, 2004.
- R.F Chrostan, "Tolstoy – A critical Introduction", Cambridge at the university press, 1969
- Santosh Chakrabarti, "Studies in Togore" Atlantic Publishers and Distributors, New Delhi- 27, 2004.
- Thankam Nair, "Anna Karenina" (Reinterpretation) Current Books. First published June 2003

Representation of Men in Ludmila Petrushevskaya's Short Stories

S. Pal

Women have primarily been the focus of male writings. From the epitome of cultural values, desired opposite sex to the whole sole reason of misery in other characters' life, women are there in male writing. Since the beginning of feminism to the present time critics have discussed, analyzed the depiction of women from the male writers' multiple perspectives. Women in their writings have tried to reverse the gaze on their life, they have tried to put themselves in the centre and tried to narrate the story from their point of view. Now women are writing about/on everything which is enriching the gender convention in particular and literary conventions as a whole. Now critics are not only discussing the misogyny in literature but also misandry. This paper is an attempt to further explore these issues in selected short stories of Ludmila Petrushevskaya.

In the late Soviet period Russian literary writings witnessed a change in traditional gender roles. Women were no more idealised or demonised they were depicted as strong characters and men were no more warriors with high goals, their physical and mental weaknesses and their failure to deal with the hardship of everyday life was also discussed. Many critics believe that this change was due to the crisis in the social behaviour of the Russian people.¹ Women had found their voice after realising their potential of providing for a family singlehandedly while men were busy with wars. Men were no more the most important person in the family. 'During Stalin's Soviet Russia there was an overvalued model of "new man" whose masculinity was valorised for its detachment from the familial issues and who was more concerned and devoted to the country.'² Women writers of the late Soviet period like Ludmilla Ulitskaya, Tatyana Tolstaya, Nina Sadur, Ludmilla Petrushevskaya successfully subverted the Stalin era's model of masculinity by representing the inadequacies of male characters, their mental, physical and emotional weaknesses.

¹ See Norma Noonan, "Marxism and Feminism in the USSR: Irreconcilable Differences?" Women and Politics 8.1 1988 31-49 and Mary Buckley, "Women and Ideology in the Soviet Union, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1989) Also Lynne Attwood "The new Soviet man and Women, Bloomington: Indiana University Press.

² Helena Goscilo and Andrea Lanoux, eds., Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture. Northern Illinois University Press, 2006.

In Russian women writing rarefaction of male characters is one of the most frequently used strategies by the women writers to challenge the 'socio-political rhetoric of "new man" whose masculinity was interwoven with the national identity',³ i.e. patriotic manhood, ready to sacrifice everything for the society which was perceived as one big family. Commitment to this big family superseded family relations and everyday life. The Soviet literature is full of idealised male characters one of the brightest examples is the hero of the Nikolai Ostrovski's novel "How the Steel was Tempered" (Как закалялась сталь) Pavel Korchagin for whom collective interest is above all his personal business and emotions. This archetype of male character was questioned and put to the test after World War II and more freely after Stalin's death. Millions of Russian men died in World War II and women outnumbered men. Women actively joined the workforce and took care of other societal, familial issues, needs while men fought at the front. The representation of women in Soviet literature is even more problematic where they are expected to be strong both physically and mentally and endure the hardship of everyday life allowing men to fulfil their commitment to the community. It can be said that both men and women were expected to be highly devoted to the collective interest. This archetypal representation of men and women in literary writings was problematic where men were expected to be completely devoted to the welfare of the collective and women to play the subsidiary role by helping men to be committed to the higher goals of life. Ludmilla Petrushevskaya in her writings depicts the male as well as female characters deviating from the valorised typical roles assigned to them by the Soviet state.

In Ludmilla Petrushevskaya's writing predominantly female characters are in the focus with their domestic and everyday life issues i.e. interpersonal relationships within the family, dysfunctional family, divorce, abortion, alcoholism, drug abuse, poverty, prostitution, family members craving for privacy, women's longing for love and affection etc. The men in Petrushevskaya's works are unable to accept the harsh reality of everyday life and try to run away from it; most often with the help of alcohol. The male characters are mostly mentally and physically weak. Unlike the Soviet-era men, (with high goals) the men in Petrushevskaya's work are incapable of collecting the strands of their fragmented life and rebuild it. To further explore the representation of men in Ludmilla Petrushevskaya's work I chose to study a few short stories from her collection of stories titled in English as

³ Fritzsche, P & Hellbeck, J. (2008). The new man in Stalinist Russia and Nazi Germany. 302-342. 10.1017/CBO9780511802652.009. Retrieved from www.researchgate.net/02.10.2017.

“There Once Lived a Girl Who Seduced Her Sister's Husband and He Hanged Himself: Love stories”. The stories which I chose to study are “Hallelujah Family!”, “Like Penelope”, The Goddess Parka” “Father Mother” and a few other short stories. The very title of these stories suggests that these are stories of “byt” (Everyday life).

In all these stories female characters outnumber the male characters which were the harsh reality of late Soviet Russia where women outnumbered men. In the story "Hallelujah Family!" a fifteen-year-old girl got pregnant by her brother-in-law and the brother-in-law hanged himself. This girl herself was an illegitimate child. Here Petrushevskaya does not even mention why exactly the brother-in-law hanged himself? It is irrelevant for the author to dwell on this male character who just ran away from the life. Nor did the author mention about the father of this fifteen-year-old girl. The rarefaction of the male characters in Petrushevskaya's writing is obvious. Both the men (girl's father and her brother-in-law) attempted to detach from the reality and ran away from the responsibilities.

Petrushevskaya's female also wants to run away from the hardship of the life but they could not turn off from their obligations. In this story, fifteen years old gave birth to a girl whom she hated. When her daughter Elena grew up she repeated her mother's mistakes and gave birth to a girl who hated her too. So Elena was hated by her mother and her daughter. Elena could not bear the pain which eventually makes her mentally unstable. The unmarried daughter of Elena called Alla also gave birth to a child repeating the mistakes of her mother and grandmother. Alla's lover Victor got her pregnant thrice and when he "saw himself not as a father but a facilitator of abortion" he could not face the reality and he left her and signed a three-year contract to work at a big industrial site two thousand miles away. The male characters in this story are mentally weak and prefer to run away from the responsibilities. Victor is so horrified by the view of pregnant Alla that she seems to him "ballooned like corpse, with cracked lips". Petrushevskaya was heavily criticised for bleak, murky endings of her stories. So in this collection of stories she gives her stories "happy ending"; families, lovers unite but the ending does not make readers happy. Like in this story Victor after leaving Alla fell in love with another girl and wanted to come back to that girl and get married to her. But when he returns back he was expecting the girl on the platform waiting for her but he finds Alla with her children waiting for him on the platform. The reader can easily comprehend that the vicious cycle of the unhappy companionship of Alla and Victor will continue so there are no happy endings. Male character's desire to run away from the responsibilities of children and wife is abhorred by the author.

Petrushevskaya's stories lack the concept of positive happy future. In the story “Like Penelope” the relationship between mother and daughter is

depicted who are living together in a modest apartment. There are three female characters Oksana, a college student who lives with her mother and a grandmother in a two-room apartment. All three women are kind and sensitive. Mother is jobless and daughter is overworking to make ends meet, still, mother calls her ex-husband's eighty-year-old stepmother who is homeless, left penniless by her son's second wife's son, to live in her apartment. Though, Oksana gets irritated by her mother's "irrational charity" she tries to get used to her behaviour. In this story, there are two men: mother's husband and her stepson Misha. Both the male characters are escapists. The father abandoned his wife, daughter and even his mother for another woman. The stepson Misha, who after failing in one business borrowed more money to rejuvenate his business but failed again. He left his grandmother and ran away to somewhere. Soon lenders reached his grandmother's apartment. Grandmother had no choice but to leave the place and hide in Oksana's apartment. Misha too like most male characters in Petrushevskaya's writings turns out to be a weak man who runs away from the hardship and puts his grandmother in trouble. In contrast to the male characters, female characters in this story take challenges head-on and not just take responsibility for their own life but also of others. Taking responsibility for others is celebrated and valued by the author not just in this story but in other stories too. Mostly women are burdened with this responsibility though they also want to run away but they stay for the sake of their child, mother or daughter. This can be seen in the story "Hallelujah Family!" where mother despises her daughter but never abandons her and bears responsibilities of a mother.

In the story "Like Penelope" female characters are kind to each other and respect each other's feelings. When the grandmother stitches a dress for Oksana and she refuses to wear it, because she is not interested in "second hand garments". The mother tries to convince her to accept the dress as she did not want the eighty-year-old woman to feel bad. This story also has a "happy ending" where the women feel over joyous when Misha comes to their apartment and Oksana finds the love of her life instantly of which she was deprived of. Happiest of all was the grandmother not because Misha has returned but for Oksana who at the end found her love in her grandson who was the reason for her miserable life.

In the story "The Goddess Parka" the male character is a thirty-five years old schoolteacher who lives alone in a rented apartment. The landlady often comments on his sexuality and his unmarried single life. The schoolteacher Andrey Alexceevich is penniless and lives a miserable life. When landlady's cousin Alvetina tries to set him up with a girl she knew in Moscow he could not resist for long. Unable to change his fate and his penniless life he out of greed for a comfortable life in Moscow agrees to marry the girl. Though he did not like her at first glance, knowing that he cannot subvert his fate

marries the girl. He did not even bother to know her last name but eventually, he fell in love with her and made peace with his fate. The male character is weak, vulnerable and unable to subvert his fate. He is nowhere close to the Pavel Korchagin, the idealised man of Stain's Soviet Russia.

The story "Father Mother" is a story of "many daughters and single boy". There are two male characters the father and his little son and two female characters the mother and the daughter Tanya. The alcoholic father is always trying to escape his wife's nagging about him being irresponsible towards the family. The mother is always irritated by the alcoholic father because she finds his expression of fatherhood a sham. Though father does not leave the family for a long time but he refuses to bear his responsibility for a father. After some time the father leaves and settles with another woman. The husband in the story "Milgrom" is again a male character who betrays his Lithuanian wife Milgrom. He divorced her and moves in with another woman. He not only kicks her out but also takes away the little boy Sasha. She was only eighteen then. The man again turns off from the realities and his familial obligations.

Thus we see that male characters in Petrushevskaya's writing keep their comfort at the centre and as and when they feel uncomfortable ignore their responsibilities towards the wife, children, mother and grandmother and run away from the challenges of everyday life. As we see in these stories, not just men, women too feel uncomfortable when challenges approach and have the desire to run away from the responsibilities but they make effort to sail through all the challenges and raise the family. Generally, the women in Petrushevskaya's short stories act more ethically than men towards their loved ones. Often in Petrushevskaya's works, both sexes are unhappy. Male characters in order to escape, to avoid the grim realities of life choose to drink excessively, flirt with other women. Male characters' inadequacies are also depicted by irony and sarcasm. For example in the story "Like Penelope" Misha who made the life of his grandmother miserable eventually becomes the saviour of Oksana's doomed love life. The man has not changed but the women have started perceiving him differently. There is no guarantee that he won't leave Oksana and she will not have the same fate as her mother. In all these stories most of the characters are disillusioned by life and are hopeless people. They are unable to see positive future for themselves. Men often try to detach themselves from the hardship of their life by flirting with other women but often they find suffering women whose life's hardship are no different from theirs. In the story "Father-Mother" the father after escaping the "clutches" of his wife reaches to another woman who is "said to be much more common" to his wife. Unlike the idealised archetypical men of the Soviet-era, Petrushevskaya's male characters are men with inadequacies. Men in Petrushevskaya's writings are often almost invisible. The reader gets to know about the male characters through the depiction of female characters'

struggle and miseries. Men are not absent in Petrushevasskaya's writings, they are very much there but Petrushevskaya chooses not to talk about them in detail as compared to the female characters. She follows the Chekhovian principles i.e. write about incidents, creates situations in the narrative where characters will get exposed to themselves and the readers will judge them according to their conscience.

Bibliography

- Barker, A., "Women Without Men in the Writings of Contemporary Soviet Women Writers" in *Russian Literature and Psychoanalysis: Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe*, Ed. D. Rancour-Lafferier, Amsterdam: John Benjamin's, 1989. Article in a Book.
- Goscilo Helena., "Paradigm Lost? Contemporary Women's Fiction" in *Women Writers in Russian Literature*, ed. Toby W. Clyman and Dian Greene, Westport: CT. Praeger; 1994. pp 205-228. Article in a Book.
- Goscilo Helena, Lanoux, Andrea., eds., *Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture*. De Kalb Illinois: Northern Illinois University Press, 2006.
- Fritzsche, P & Hellbeck, J. (2008). "The new man in Stalinist Russia and Nazi Germany". Web. 02 October 2017 <<http://www.researchgate.net>>.
- Petrushevskaya Ludmilla, trans. Kieth Gessen and Anna Summers., "There once lived a Girl Who Seduced Her Sister's Husband and He Hanged Himself" New York: NY: Penguin; 2013.

Mother identity in Mahasweta Devi's 'Mother of 1084' and Maxim Gorky's 'Mother': A comparative study

S. Meghwal

Mothers can be seen everywhere in literature. Many writers revealed the women identity as the mother or wife and their role beyond which no individuality needs to be recognized. Motherhood is often universalised and idealised across diverse zones of the time and space. Motherhood can also be defined as the universal function of a female body and woman finds her fulfilment as a mother.

When we discuss motherhood in the Indian context, we find that Indian culture is deeply rooted in the myth that motherhood is a woman's unavoidable fate and happiness can come only through it.

The ideology of motherhood in Russian society is understood in a traditional manner, based on the fecundity of the pagan portrait, of 'Mother Moist Earth,' and goddess 'Mary,' who were worshipped by the Russian countryman and considered paramount to their existence.

Mahasweta Devi has depicted various mother figures in her works, and we can see a reflection of a mother figure in her novel 'Mother of 1084.' Here the mother figure suffers the death of her son, who is a victim of the prevalent political unrest, perpetuated by the male-dominated movement.

Russian literature similarly is replete with examples of the depiction of motherhood in its varied avatars. The Famous Russian Writer Maxim Gorky's novel 'Mother' is one work which created history in world literature through its depiction of the evolving character of a mother who transforms herself from the traditional subdued mother at home to the revolutionary fighter when the need arises.

The purpose of this paper is to see the portrait of the mother in writer's novel as well as similarities and contrasts.

"Mother is the greatest teacher, a teacher of compassion, love and fearlessness. If love is sweet as a flower, then mother is that sweet flower of love".

- Stevie Wonder.

A Mother has a distinctive and very special place in our lives; this place is very different from that kept by the other people. We cannot explain this place in words; although we can describe some important moments which have we spent with our mother. A mother takes care of every small need of her children without desiring any personal gain, and she always directs her children towards the right path. A mother is our first teacher, and she teaches us the difference between right and wrong path at every step of life. She is the person who also inspires us to do the right thing in our lives.

Mothers can be seen everywhere in literature. Many writers revealed the women identity as the mother or wife and their role beyond which no individuality needs to be recognized. Motherhood is often universalised and idealised across diverse zones of the time and space. Motherhood can also be defined as the universal function of a female body and woman finds her fulfilment as a mother.

Many people see women identity as a mother and housewife, weak, helpless and less important as compare to a father but when we see every role of the mother, we find that mothers play an important role to keep alive a family and their role can not be neglected, and they are not weak and helpless. And when we discuss The Famous Russian Writer Gorky's Novel 'Mother' and Mahasweta Devi's novel 'Mother of 1084,' both novels find a reflection of it.

When we discuss motherhood and mother identity in the context of Indian and Russian society, we find that it is deeply rooted in their culture and tradition. It is no surprise, therefore that many writers, poets, and artists from all over the world give a very important place in their works to the woman as a Mother by depicting her qualities of love, sacrifice, and strength. Amongst Indian writers, one can easily name Tulsidas, Munshi Premchand, Mahasweta Devi, Jaishankar Prasad, Mahadevi Verma and some more and in whose works, the mother figure occupies a prominent place. The famous Indian Nobel Prize winner, Rabindranath Tagore depicts the image of traditional Indian motherhood in his story 'Gora'. Tagore portrays the mother as a divine goddess in comparison with the well-developed social, political, religious, and economically ambitious male protagonist. He insists that woman has an important role in a man's life and that she should make the best of her identity in her own life in the family and the larger society.

Russian literature similarly is overfull with examples of the mother identity and the depiction of motherhood in its varied avatars. Like Lyudmila Petrushevskaya, conveys the idea that motherhood is not the ultimate fulfilment for women as is expressed in traditional notions; nor should she have only a nurturing role. She focuses on the loneliness of a woman as a mother and also describes a mother's selfishness in protecting resources for her children. Some other famous Russian writers like Lyudmila Ulitskaya, Tatana Tolstaya, Anna Akhmatava and Lyudmila Petrushevskaya have also touched on this theme in their own unique and unconventional manner.

With the reference of above context, it is perhaps not difficult to locate Maxim Gorky and Mahasweta Devi's depiction of motherhood in their works. Mahasweta Devi depicts social and political atrocities on mothers and their tolerance and struggle. She has portrayed a wide variety of mothers such as poor but caring mothers, exploited mothers, professional mothers, etc.

Maxim Gorky's novel 'Mother' is one of the great works which created history in world literature through its depiction of the evolving character of a

mother who transforms herself from the traditional subdued mother at home to the revolutionary fighter when the need arises.

Mahasweta Devi was one of the famous writers of Bangla language in India and also a social activist, who was born in the year 1926 in a middle-class family at Dhaka (Modern Bangladesh). She has completed her education from the prestigious Shantiniketan. She mainly used to write in the Bengali language, but her works have been translated into English and many Indian languages. She addressed many issues related tribal and poor peoples. She was also honoured with Padmshree for her activist work in 1986 and many awards such as Sahitya-Puruskar etc.

Mahasweta Devi fully involved herself to work for tribal, struggling and suppressed people of Bengal, Bihar, Chhattisgarh and Madhya Pradesh. Through her writing, she used to raise her voice in a direct or indirect way for the harsh and miserable situation of women as well as oppressed and poor people. In her novel 'Mother of 1084,' we can see a reflection of Naxalbari movement in West-Bengal. Because this movement was influenced her so much. In this novel, the mother suffers the death of her children.

Maxim Gorky was a well know Russian and Soviet writer and political activist. He was also a nominee for the Nobel Prize in Literature, a total of five times. He was born on March 28th, 1866 in 'Nizniy Novgorod' with the name Alexei Maksimovich Peshkov (Алексе́й Макси́мович Пешко́в). Gorky's parents died when he was a child, and then his grandmother looked after him. In his writings, he was writing about the real conditions of people and also aware of their natural dignity as well inspired them by will and energy. Gorky has used to oppose the Czarist regime, and he was also an active activist of the Social-Democratic movement of Marxist. He was exiled from Russia and later in 1936, on Joseph Stalin's invitation he returned to USSR, and on 18th June 1936, suddenly of viral pneumonia, Gorky died in his home Dacha near Moscow, but some sources said that Gorky died because of heart disease. 'Mother' is one of the most famous literary work of Maxim Gorky. This novel was firstly published in English language translation in "Appleton Magazine" (New York) in 1906–1907, and it consists of two parts, and each part consists of 29 chapters.

Mother identity in two novels:

Since these two novels Maxim Gorky's 'Mother' and Mahasweta Devi's 'Mother of 1084' being written by different writers from a different background but it does not make these two novels completely different. Mother of 1084 was written in 1974 in India during 'Naxalbari Movement' in Kolkata, while 'Mother' was written by Gorky in 1946 in Russia during the regime of Stalin. These two novels depicted the existence of true motherly love towards their son. This shows that although both writers belong to

different cultures, different continents and yet when it comes to motherhood and mother identity we see many common grounds.

With the help of comparative literature, one can easily understand the culture of different societies, where these stories made or take place. By comparing these two novels, we will be able to see that how they are similar and what makes them different from each other.

Short Introduction of the novels:

Mother of 1084, is a short novel, which is about a suppressed mother Sujata and her family. One day she received a phone call with a bad news of her son Brati's death, who was targeted to be in a Naxalite movement. She was called for identifying a dead body, which was kept in the police station with Corpse Number 1084. This novel covers the pain and suffers of a mother, where Sujata is misapprehended repeatedly, by her mother-in-law, by her husband Dibyanath, and then even by her children. Her youngest son's name was 'Brati' and he was the closest child to her. Sujata used to say always that "Brati is only one child amongst my all children who have the ability and desire to see the affection of my motherhood and he always wants to protect me." But death snatched Brati far away from his mother. And after his death, Sujata even did not aware that 'what is the right reason for Brati's death,' She did not know that why her son was fighting and with whom? After the death of Brati, all family members were started to hide his death from the society except Sujata. Every family member of Sujata except her, forgotten the death of Brati because 'family prestige' was more important than Brati. Sujata became the mother of corpse number 1084 and found herself alone without her son.

This Novel 'Mother,' is about a mother, who covertly distributes prohibited literature showing the hope and truth among the Russian people. This novel appeared in 1906-1907. The heroine of this Novel is Pelagia Nilovna. After her son's arrested as a political activist, she adopted of the socialism in a religious spirit. Pelageia's husband was an alcoholic and he physically assaults her, and he died of alcoholism. Nilovna's son Pavel suddenly change himself from a thug to socialist, and he brings his revolutionary friend and revolutionary books to his home. Pavel was arrested because he carried a prohibited banner. Nilovna at first aware of his son's new activities and she wants to help him. In this novel, Pavel is shown as a main figure of the revolutionary character. Nevertheless, Nilovna moved away by her motherly love and involved herself in Revolution, and she considered the true protagonist of this novel.

Similarities and Dissimilarities:

The two mothers in the novels studied share some similarities. Both had to struggle, though in different ways. They both suppressed by their husband, but they never questioned to others. 'Mother' is based on a revolution, whose

main character is an old woman Pelagia Nilovna, who only knows the pain, beatings, and insults from her husband. Mahasweta Devi, in her novel 'Mother of 1084, depicted the grief of a mother. This novel is also based on a revolutionary movement, whose main character is Sujata, who is dominated by her husband Dibyanath Chatterji, who is a true representative of patriarchal society and less bothered to value the sentiments and feelings of Sujata.

Both the mothers Sujata and Nilovana did not leave home because of their children's future and happiness. Pelagia Nilovna was given her motherly love not only to her son 'Pavel' but she gave it to all the people who were involved in the revolution. In this novel, she played a role of the mother not only for her child but also for Russia. As like Nilovna, Sujata's motherly is not limited to her son Brati, but to all people, who died in Naxalbari Movement and she became the mother of all people.

Sujata's son's death brings a revolutionary change in her character and thought. She is changed into a morally assertive, politically enlightened and a socially defiant individual. The whole novel center around Sujata, the mother of Cadaver-Number-1084. Mahasweta Devi presented Sujata as a symbol of motherhood. After the arrest of Pavel, Nilavana fully involved herself in the revolution. Like Sujata, Nilovana's son Pavel brings a revolutionary change in Nilovana's character.

In the novel 'Mother,' Nilavana was a political mother. She was helping Pavel (her son) to fight against the mainstream when he was in Jail. Meanwhile, she came to contact with her son's friends, and she became their mother too. Even Andrei (one of the closed friends of Pavel), considered her as his mother that he longs for sometimes and he even used to call her Nenko (an affectionate term for 'mother' which is used in Ukraine"). When Nilovana's son was in jail, she suffered, chopped, beaten by people for distributing the forbidden leaflets and prohibited revolutionary literature. She used to do so due to her affection of motherhood which gave the courage to her do so for her son, this a motherly love. After exiled Pavel to Siberia, Nilovana died, shortly after court's judgment.

Sujata was the apolitical mother, who became socially and politically conscious after the death of her son. She was the only one in the family, who suffers from the grief of her child's death; meanwhile, every family member was wanted to hide Brati's death due to their bourgeois 'family name.' She used to feel that she was unable to understand her son's vision and failed as a mother. Sujata tried to understand her son's death and the society and politics, and this is her motherly love for her son and the courage of a mother that she started interaction with society people like Somu's mother and Nandani. Before Brati's death, she calmed herself like a sacrificial animal, who is ready to accept everything whatever life has for her.

Conclusion

Comparative study helps us to connect with different culture and tradition as well spot differences and perceive similarities when two or more literary works are contrasted and compared. Comparing two literary works show that they might have shared some similarities and contrast. These two novels share the similar theme motherhood.' Each novel has his colour and distinctive characteristics.

When we compare two or more literary works of different writers from the different countries with different languages, we also get in touch with the world of translation and the idea of world literature. Meanwhile, the knowledge of culture will give us the advantage to see that each of the works compared has unique characteristics. Both mothers suffer in their way for their son. Sujata's bond with her son became stronger after the death of Brati and Nilovana for the sake of her son Pavel's happiness till the last breath fought for him and lost her life. We can say that mother's love for her children never changes; it might be different but not less. And neither matter palace nor time, mother's love for their children always there.

Bibliography

- Aneja, Anu Vaidya, Shubhangi (2016), *Embodying Motherhood*, SAGE Publications India Pvt Ltd.
- Gorky, Maxim (1907), *Mother*, Russia.
- Devi, Mahasweta (1974), *Mother of 1084*, Translated by Samik Bandyopadhyay, Calcutta: Seagull Books.

Globalization and Health in India and Russia

A.K. Singh

Globalization has a profound impact on the health of the people of both India and Russia. Post-1990s both countries saw the rise of the privatisation in health sector due to the advent of globalization. Article 41 of 1993 Constitution of Russian Federation (Конституция Российской Федерации) gives free health care rights to every citizen through Federal Compulsory Medical Insurance Fund (Федеральный фонд обязательного медицинского страхования). In Indian Constitution, 'Health' is mentioned in Part-IV and State List. Policy papers suggest that healthcare is moving towards an 'insurance-based health care' model fuelled by neoliberal economic policies. This paper argues that private health sector has been promoted at the expense of public health sector and the burden of health expenditure has shifted to the people in India and Russia.

‘Health’ is a comprehensive terminology and is affected by a range of socio-economic factors. Availability of food, access to health services, public health infrastructure and overall health issues have been extensively covered in the literature of both the countries. For example, ‘access to health service’ is a substantial problem in rural India. On one hand, health services are not accessible to the rural population, and on the other, even for those fortunate enough to reach their local health facilities appropriate facilities are generally not available.

Shiela Zurbrigg presents a similar situation in her book titled ‘Rakku’s story’. This narrative is a brilliant depiction of the problems faced by a poor household which is battling with a life-threatening disease inflicting a family member (Zurbrigg). The problems of poverty and hunger, which are faced by people daily, are described brilliantly in the story. This story represents lives of millions of poor people who are forced to live in poverty and for whom access to health services is a real challenge. The current situation is such that if a person from a poor family falls ill, then it pushes the whole family into a state of complete economic destitution. Even in moderately well to do households sickness entirely alters the financial position of the household (Singh, Amrendra Kumar).

Many other Indian authors have touched hunger, access to health, famine and other factors impacting health in their writings. Premchand’s writings have vivid description of rural life and the problems which affect the health of people in India. The stories brilliantly represent the ‘lived reality’ of rural India. These stories help us to understand the extent of public health problems in the society.

Similarly, Russian literature has a vast depiction of health-related subjects and issues. Russian novels and stories written in the background of the second world war, depict hunger and misery caused by the War. Many authors have given an account of problems of Russian society, e.g. Gorky had written memorable accounts on poverty and hunger in the then Soviet Russian society.

‘Health’ Definition:

As per the constitution of World Health Organisation (WHO), ‘Health’ is not only absence of disease or infirmity but it is a state of complete physical, mental and social well-being. The constitution also asserts that availing the highest attainable standard of health is a fundamental right of every human being without distinction of religion, race, political belief, economic or social condition. Health of all people is essential for the peace and security of society and full co-operation of the state and the individual is needed to achieve it. The unequal development of health facilities in different countries is a common danger for every country. The achievements in the promotion of health by any state is of value to all. It is emphasised that Governments are responsible for the health of the people, and it should be achieved by the provision of sufficient health and social measures (WHO).

Health situation in India and Russia:

Table 1: Statistics of India and Russia

	India	Russia
Total population (2015)	1,300,000,000	143,457,000
Gross national income per capita (PPP international \$, 2013)	5	23
Life expectancy at birth m/f (years, 2015)	67/70	65/76
Probability of dying between 15 and 60 years m/f (per 1 000 population, 2015)	216/142	325/118
Total expenditure on health per capita (Intl \$, 2014)	267	1,836
Total expenditure on health as % of GDP (2014)	4.7	7.1

Source: (WHO)

The above table clearly shows that both India and Russia need to do more to improve the health status of their people. The life expectancy in Russia is very low which is a matter of great concern. The ‘disappearing population’ of Russia is said to be due to the country’s low life expectancy, low birth rate and high death rate. Insufficient health care system has caused a health crisis in Russia (Danton). The death rate due to infectious diseases has increased

sharply, especially after the disintegration of the Soviet Union, which suggests that the new health systems is not meeting the standards of the old system.

Life expectancy has improved in India since independence, yet it is far behind in providing 'health as a right' to all its citizens. In the changing circumstances of this globalised world, health is considered to be a 'consumption' item and not a 'right'. The health of the poorer sections of society are bound to deteriorate unless long-term measures are taken to change the status quo.

'Health' in the Constitution of Russia and India:

Article 41 of 1993 Constitution of the Russian Federation (Конституция Российской Федерации) gives free of cost health care rights to its citizens through the Federal Compulsory Medical Insurance Fund (Федеральный фонд обязательного медицинского страхования) and not solely through state sponsorship (The Constitution of the Russian Federation).

Provisions related to 'Health' are mentioned in Part-IV of Constitution of India, which is part of the Directive Principles of State policy. It includes provisions of water, food and other basic necessities which are important to live a healthy life. However, it is not enforceable in the court of law. Health is also included in the 'State List', which is mentioned in the seventh schedule of the Indian Constitution. Through this schedule, the respective state governments are made responsible for the health of people. Furthermore, Article 21 of Indian constitution gives a fundamental right to life to all citizens of India (The Constitution of India). The Supreme court of India has interpreted it as right to live meaningful, complete and dignified life.

The constitution of India also calls for the development of a 'scientific temper' of its citizens, which could be possible only when people attain full physical and cognitive capabilities and good health is a prerequisite for that. A healthy person can significantly contribute to the development of a nation viz-a-viz someone who is sick. The 42nd constitutional amendment which is considered to be the most extensive amendment till date, was inspired by the socialist ideals of the Soviet Union. The socialist values of the Indian constitution have, as such, augmented governance and have a positive impact on the health of the people.

Links between the Nehruvian model of development in India and the Soviet Union:

India's first Prime Minister, Jawaharlal Nehru, was fascinated by the 'Soviet experiment' especially in planning and achieving rapid industrialisation. He wanted to replicate the Soviet style of industrialisation in modern India. Leading Soviet Union economic planner M. I. Rubinshtein was hosted by Mahalanobis Institute. The Second Five-year plan took more ideas of

industrial development from the Soviet Union. For example, the Steel mill complex at *Bhilai* was funded and constructed by the USSR with the help of more than 300 Soviet engineers (Engerman).

The Bhole Committee, which is considered to be the bedrock of health planning in India, has referred to Soviet Russia as the model of health development for the country. Discussions were also conducted regarding medical education and medical research with representatives of the Soviet Government. The Bhole committee was impressed by the improvement in medical and health facilities in Russia. It has cited the example of a rapid four and half times increase in their number of beds from 1914 to 1940 in Soviet Russia (Bhole).

The USSR has helped India to build its health infrastructure and has provided training to Indian doctors and other medical staff. The Soviet Union has provided vaccines for Poliomyelitis and Small Pox to India. 10,00,000 (one million) doses of smallpox vaccines helped India to nearly eradicate this disease from the country. Additionally, the Soviet Union was also one of the India's most important buyer of Indian made medicine (Singh, R. S.). Hence, it is evident that modern India is built with the help of former Soviet Russia.

Alma-Ata:

Alma-Ata conference was a landmark in the history of public health in the world. The place Alma-Ata in Soviet Russia hosted a global conference of the WHO. Soviet Russia had given health as a right to her citizens. Primary health care was the core of health infrastructure in Soviet Russia. The Alma-Ata conferences had declared that the Governments are responsible for the health of their people and provision of sufficient health and social measures are needed to achieve this goal. The social goal of world community including governments and international organisations is to provide a level of health that will allow people to lead a life which is economically and socially productive (WHO).

The Alma-Ata conference was significant as it provided the very idea of primary health care. The proposal of primary health care in the Alma-Ata conference was seen as a ray of hope for protecting the health and life of every human being. The success of the Alma-Ata conference was an important historical development of the time, as it gave a global platform to health (Venediktov). The conference aided in bringing health back to the centre stage, and it had successfully achieved its goal by giving significant importance to universal health care with special emphasis on primary health care.

Impact of globalisation on health:

The term 'globalisation' refers to the process of an emerging international network, belonging to economic and social systems (Cuterela). Globalization mainly deals with free flow of money and goods without facing problem of

national boundaries. This economic interaction has a substantial impact on the social and cultural life of people of the entire world. Post-1990s both Russia and India have followed the liberalisation of their economies and the privatization of their health sectors. Both countries are moving in the same direction with neoliberal economic policies. However, globalisation led to health being treated as a commodity which can be bought and sold.

This factor has negatively impacted the health of the people in both India and Russia. It has increased the 'out-of-pocket expenditure (OOPE) on health' which has had an adverse impact on the overall household expenditure. Introduction of user fee and other charges have made health exclusionary in nature. The insurance schemes, which are funded by individuals and does not have state support, have also become roadblocks in the development of health. In the National health policy, advocacy for 'Strategic Purchase' indicates that the government is doing away with health service and is passing on the responsibility of health care of the people to private players.

The former Soviet Russia had tried to extend the concept of 'health as right' to every individual through Alma-Ata declaration but in this globalised world, the Alma-Ata declaration is standing on its head. The inherent contradiction in the motive of private and public health services cannot be resolved in the current form. The private sector works with motive of 'profit', which is not the sole motive of public sector in a welfare state. As long as health is considered to be a commodity, the problem of health will remain in this world.

Insurance driven health care in Russia and India:

Since 1993, the Russian health system is funded by the compulsory medical insurance system (CMI). The two main contributors of this insurance scheme are payroll taxes and the federal government. All the organisations, enterprises and employees of these institutions are supposed to pay 3.6 percent of earning as tax in the medical insurance fund. The children, elderly and unemployed are insured by the local authority which is funded by State. In turn, the patients are supposed to have the right to free medical care and choice of selecting their healthcare provider as well as the medical facility anywhere in Russia. However, it is also argued that the payment to health workers and doctors is low and payment is not often on time. This causes frustrations and results in the low morale of the medical fraternity in Russia (Schecter). The absence of State to take the responsibility is causing a lot of hardships to the health workers and doctors. Consequently, transferring the monetary expenditure of health from the state to the people might devastate the health system. In this way, the health of people could be compromised.

In India, policy papers suggest that healthcare is also moving towards an insurance driven model, with programmes like the *Rashtriya Swasthya Bima Yojna* (RSBY) at the central level. Through these insurance schemes, the

private sector is promoted at the cost of the public sector. The motive of the private sector is to make profit, but the motive of the public sector is to provide service to the community and aligning profit making with public service has proven to be a daunting task. The insurance-based targeted health delivery system is exclusionary. In order to remedy this, health should be made the topmost priority for both nations and state funding to health is crucial for this aspect.

According to the World Health Organisation (WHO), the out-of-pocket expenditure (OOPE) (% of total expenditure on health) is very high in both countries. In India, it is recorded to be 91.4% (1995) and 89.2% (2014). In the Russian Federation, it has increased from 64.7% (1995) to 95.9% (2014) (The World Bank). Clearly, in both the countries OOPE is very high. This percentage of private expenditure on health is unsustainable and has a detrimental effect on the health status of the people. The OOPE in Russia and India is much above the desired limit. It shows that people are forced to spend more to keep themselves healthy.

Public expenditure on health sector is inevitable and shifting the burden of health expenditure to the people should be reconsidered. The state should take the responsibility of providing healthcare to all its citizens. Hence, quality health services should be the right of every citizen. The insurance-based health services model is bound to fail because of its very nature. Insurance-based private sector will never take care of 'health' in its holistic sense, which also includes preventive, curative, and rehabilitative care. The private sector will be interested in high-cost clinical health services which is mostly technology-driven as the monetary turnover is very high in such cases. There is not much incentive for the private sector to keep people healthy by preventing diseases in the first place. Investing in primary health by public sector will drastically reduce the expenditure on tertiary and secondary care and can thereby save a lot of money at these levels of health care.

According to WHO, the total expenditure on health as percentage of GDP was 7.1% in Russia and 4.7% in India in 2014. During this time, the per capita expenditure was \$267 in India and \$1,836 in Russia. In 2015, the life expectancy at birth Male/Female is 67/70 in India and 65/76 in Russia. The improvement in health services is a prerequisite for increasing the life expectancy. It is imperative that public spending should increase in both nations to improve the health of the people.

Although the Soviet era health system had its own flaws, it was an equitable model of public health as access to health services was free for all irrespective of their socio-economic status. However, the current health care system is both costly and incompetent. Despite having many flaws, the Soviet health system was much better than the current privatised system (Danton). It

is very necessary that we should keep the essence of Alma-Ata declaration alive in our health policy-making.

Conclusion

In conclusion, it can be said that 'Health' is a holistic concept and it includes complete physical, mental and social well-being of the individual. The health indicator data from WHO clearly shows that both India and Russia performed poorly. The term 'Health' is found to be in the constitution of both nations. However, strong 'political will' is required to improve the health status of both nations. Soviet Russia was once a source of inspiration for Indian planners since independence, with the Bhore Committee referring to USSR's improvement in health infrastructure, and wanting to replicate it in India. India also received support in her development of industry and agriculture.

With Alma-Ata declaration, the Soviet Union has shown the world the correct path for the development of health. Soviet Russia also had a proud history of providing health services solely by state finance. The socialist healthcare model was inclusive and designed for the need for a centralised system. Due to the advent of globalisation and fall of Soviet Union, the concept of Alma-Ata declaration is almost gone, which is a big setback for improvement of health around the world. With the insurance-based model, the finance of health services has shifted to the people, and the State is running away from its responsibility. The move from 'health as a right' to 'health as consumption' is evident in both countries.

The impact of globalisation on the health sector of Russia and India is clearly visible. The public expenditure on health in both countries must increase. It can be argued that insurance-based health sector is detrimental for the people of India and Russia. Larger share of the GDP should be contributed to health sector both in India and Russia and health should be the top 'priority' for both nations.

Contemporary literature in Russia and India should also keep 'health' central to our work. India and Russia who are time-tested friends and have collaborated together in the development of commerce, defence, and other fields and they must work together towards health as well. The civil society, governments, international organisations and the people of Russia and India should come forward with the goal to make our people healthy. Let's make 'health' as the prime subject of literature and make our society conscious about it. If we imagine a thriving and developed India or Russia, then we have to keep 'health' of our people central to our goal. Let's take a pledge to make healthy life for the people of India and Russia.

Bibliography

- Bhore, Joseph. *Report Of The Health Survey And Development Committee Survey*. Delhi: The Manager Of Publications, Delhi, 1946.
- Cuterela, Sandu. "Globalization: Definition, Processes and Concepts." 2012.
- Danton, Christine. "The Health Crisis in Russia. Topical Research Digest: Human Rights in Russia and the Former Soviet Republics." 2007.
- Engerman, David C. "The romance of economic development and new histories of the Cold War." *Diplomatic History*. Vols. Vol. 28, No. 1 (January 2004). Blackwell Publishing, 2004. 23-54.
- Schecter, Kate. *The Russian Compulsory Medical Insurance System*. Washington: The National Council For Eurasian And East European Research, University Of Michigan, 1997.
- Singh, Amrendra Kumar. *Sociological And Quantitative Assessment Of Hunger In Bihar*. New Delhi, India: (M.Phil Dissertation) Center Of Social Medicine And Community Health (CSMCH), School Of Social Sciences (SSS), Jawaharlal Nehru University (JNU), 2017.
- Singh, Rama Shankar. *Indo-Soviet Cooperation and India's Economic Development*. New Delhi: Deep & Deep Publication , 1989.
- The Constitution of India. 26 January 1950. 10 Oct 2017. <<http://lawmin.nic.in/olwing/coi/coi-english/coi-indexenglish.htm>>.
- The Constitution of the Russian Federation. 1993. 10 Oct 2017. <<http://www.constitution.ru/en/10003000-01.htm>>.
- The World Bank. *Out-of-pocket health expenditure (% of private expenditure on health)*. 2017. 10 oct 2017. <<https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.OOPC.ZS>>.
- Venediktov, D.D. "Primary Health Care: Lessons from Alma-Ata." *World Health Forum* (1981): 2(3): 332-40.
- WHO. *Alma-Ata 1978: Primary Health Care*. Geneva: World Health Organization, 1978.
- —. *Constitution Of The World Health Organization*. New York, 2005.
- —. *World Health Organisation. Countries: India and Russia*. 2017. 10 Oct 2017. <<http://www.who.int>>.
- Zurbrigg, Sheila. *Rakku's story: structures of ill-health and the source of change*. Published by George Joseph on behalf of the author, 1984.

Vakrokti and Defamiliarization: Issues in Affinities and Correspondences

S. Singh

Theoretical premises which have been developed to check the forms of literary writings are, of necessity, similar in nature. Russian Formalist critics precisely deal with the form and content of writing; hence their chief concern remains with the functional aspect of literature such as how meaning converges in the form by means of its contents and what are those heterogeneous devices which make language of literature distinct from the ordinary language. Russian Formalist theorist Victor Shklovsky introduced the idea of 'defamiliarization' and states that linguistic representation of the ideas must be 'unfamiliar' means that intended meaning should be expressed in such a way that appears to be new and perception of the thing goes beyond the act of 'automatism'. Though in somewhat different manner Kuntaka also talks about the same thing in his vakroktijīvita, he is of opinion that representation of ideas in literature should differ from the ordinary conversational language, and he insists to employ the device of vakrokti in order to make perception of object different and new. This paper will strive to find the affinities between both theory of 'defamiliarization' and vakrokti and will hold the contention that the conceptual grounds of the formation and systematization of these two theories of different background are similar in various ways.

Formation of any art depends on the worth of representation of general human experience in accordance with the aesthetic necessity. This necessity would be filled by various modes of presentation like colors, tones, words in painting, music and poetry respectively. So far as the art of poetry is concerned it differs from other arts because of the fact that in its mode of presentation namely language is an inseparable part of human existence. The identity of any man or object is understood and known by its name, and, for that matter, there is a well-established nomenclature in every language. Hence the problem raises that in what way objects are to be presented in words so that they could fulfill aesthetic necessity. To cope with this issue discussions are held extensively in both Indian and Western tradition, and several theorists bring forth many theories suggesting the appropriate way of literary representation, and their prime concern, by and large, was with poetic language.

Therefore, the conceptualization of poetic language is one of the chief concerns of theorists since the very beginning of literary theories. Poetic language, unlike the ordinary language, is required to be indirect and

suggestive so much so that it could generate pleasure in the competent reader. Like the other arts, the objects of general human experience are the source of material which are to be presented accurately in literary art. Therefore, newness of perception is one of the conditions of literary art and this could only be attained when poet succeeds in making us feel a general object in a significant way. It could be easily observed that general human experience gets changed in poetic language so that a significant experience could become possible. This transformation of general into significant happens when poet successfully exerts the technique of oblique expression. Bringing obliquity or indirectness in the language and expression of literature has been one of the salient concerns of the formation of the different categories. Any idea that comes in the writer's mind has to be embodied in language in such a way that is optimum and accurate in terms of sense and context.

In Indian poetic tradition this issue has minutely been analyzed in the *vakrokti* which primarily deals with the art of oblique expression or artistic turn in language. Kuntaka, the founder of *vakrokti* tradition expounds his views in *Vakroktijīvitā*, and, considers *vakrokti* (obliquity) to be the only mean of embellishment. The same insistence was raised in Russian Formalism in twentieth century by Victor Shklovsky who introduced the idea of 'defamiliarization' and insisted to make object 'unfamiliar' that is basically bringing artistic turn in expression so that newness in the form of different perception could be achieved. In this way, we can correlate these two theories and find some remarkable affinities between them.

The proposition to bring forth a systematic formation of language of literature has long been borne in the minds of Indian theorists. In ancient Indian poetic tradition there had been a long chain of theorists who analyzed and observed poetic art very minutely. Kuntaka's predecessors have also discussed and dealt with the art of poetic expression in detail. One of the pioneers and eminent theorist Bharatamuni also employed the method of artistic turn in his theory of *rasa*, though he did so in somewhat different manner. His key to exert artistic turn concerns with the psychological state of the reader/ spectator because *rasa* that resides in the heart/ soul of the reader/ spectator in terms of *sthayībhāva* transports them away from their actual state of being and carries towards realization of dramatic representation where the object that is the reader/ spectator becomes one with the subject that is drama. This transformation of the situation is called "deindividualisation"¹ which is 'defamiliarization' of 'self', namely reader's real being is forgotten on behalf of dramatic delectation. It could be said that *rasa* commences the further detailed elaboration of the idea of obliquity, however, in *rasa* this turn occurs

¹ Pandey, KC. Comparative Aesthetics. Varanasi: Chowkhamba Sanskrit Series, 2008. p.12.

in respect of reader/ spectator's psychological state whereas in *vakrokti* focus on linguistic and emotive representations for sake of obliquity.

Bhamaha, one of the exponents of *alamkara* tradition had been very keen on analyzing the art of poetic representation. He is of opinion that good literature must possess obliquity in its representation, in this regard he writes:

Na nitāntādimātrena jāyate cārutāgīrām
Vakrā'bhidheyaśabdoktīrīśtavācāmalankratiḥ.²

It means that only the abundance of words and meanings cannot generate feeling of delight in reader's heart but what is needed to have appropriate use of oblique words and meaning which are capable of bringing about embellishment in poetic language. Bhamaha discusses necessity of artistic turn in detail in his definition of *atiśayokti*:

Saiśāsarvaivavakroktiranayārthovibhāvyate
Yatno'syamkavinākaryoḥko'lamkāro'nayāvinā.³

Here Bhamaha explicitly proclaims that *atiśayokti* is grounded on *vakrokti* or artistic turn, and it is only artistic turn which causes elegance in the writing. Without the use of *vakrokti* all *alamkaras* are ineffective and meaningless. Bhamaha admits two inseparable parts of poetic art: the first is *svabhāvakathana* (nature of object) and, secondly, *alamkratakathana* (presentation of object with embellishment/ unique representation). In the former poet's chief concern is with minute observation of the object, and in the latter, knowledge of the object is the prime concern which is to be presented with embellishment using artistic turn or *vakrokti*.

Rudrata also talks about *vakrokti* but takes it only as a verbal style of artistic representation. He, to a large extent, limits the scope of *vakrokti* and says that it is a different manner of statement in which two situation occur, in the first intentional ambiguity is embodied in the statement thereby speaker's sense is understood differently, and, in the second, intonation causes difference of meaning hence based on homonym consequently brings about altogether different meaning of the sentence. Therefore, *vakrokti*, for Kuntaka, is comprised of two types, the former is called *śleṣavakrokti* and latter is called *kākūvakrokti*.

²Bhamaha. Kavyalamkara. Ed. Ramanand Sharma. Varanasi: Chowkhamba Sanskrit Series, 2013. P.41.

³Ibid. P.121.

Afterwards many theorists advanced the idea of poetic language but Rajanak Kuntaka established a new poetic tradition based on obliquity. Kuntaka raises the question of obtaining universal poetic experience by continuous refinement of words and meanings, and this refinement occurs by undergoing obliquity of both. Kuntaka says that difference between ordinary language and poetic language lies in the fact that poetic language, unlike ordinary language, employs the technique of oblique expression. He is of opinion that harmonious mixing of words and meanings is *kāvya* and *vakrokti* is the only medium of embellishment. He takes all *alamkāras* under the scope of *vakrokti*. According to him *alamkāras* get elegance and embellishment because of *vakrokti* and that is why he includes all different *alamkāras* within the six broad categories of *vakrokti*. It is noteworthy that Kuntaka does not leave any aspect related to the art of poetry. He covers from the smallest unit, *śabda* to the entire composition namely *prabandhavakratā*. The methodology employed by Kuntaka is largely based on linguistic devices, for instance, *śabdālamkāra* like *anuprasa* is taken as having *varṇavinyasavakratā*.

Kuntaka is of opinion that embellished words and meanings make poetry worthy of appreciation. He says that *alamkāras* are something integral to poetic diction and any attempt to separate them from words and meanings is entirely void of sense. In this regard he writes:

Sālamkārasyālamkaransahitasyasakalasyanirastāvayavasyasataḥsamudāyasyakāv
yātākavikarmatvam.

Tenālamkratasavyāvvyamitisthitiḥ, napunaḥkāvyaśyālamkārayogaiti.⁴

It means that the collection (*samudāya*) of embellished objects (namely word and meaning) is itself poetry and poet ought to opt such words which have elegance in themselves. Therefore, embellished words and meanings are the source of poetry rather than thinking that word and meaning (*alamkrat*) and embellishment (*alamkāra*) are two different thing, poetry springs from the use embellished words and meanings.

Now, if embellished word and meaning are poetry then what is the instrument of figures of speech in poetry, answering the issue Kuntaka writes:

śabdārthosahitauvakrakavivyāpāraśālīnī
bandhevyavasthitaukāvyamtadvilhādakātīnī⁵

⁴ Kuntaka. *Vakroktijīva*. Ed. Radheshyam Mishra. Benares: Chowkhamba Sanskrit Series, 1923. P.16.

Kuntaka says that poetry is created by using oblique expression and is characterized by using different words and meanings from their usual usages as well as having well-arranged formation capable of delighting the competent reader.

In this way, it is clear that for Kuntaka figures of speech and parts of speech both are inseparable part of poetry, and, obliquity is the only mean of embellishment. To obtain obliquity he insists on having a continuous refinement of words and meanings. For that matter, Kuntaka suggests to prolong the process of selection of the words and convergence of meaning, in this context he writes:

Sahitāvityatrāpiyathāyuktisvajātīyāpekshayāsābdasyāśabdāntarenvācyasyavācyāntarencasāhityamparaspardhitvalakshanmevavivakshatam.⁶

In order to create good writing there must be co-operation between word and meaning and this co-operation must be done by choosing the most appropriate word and arriving at the best possible meaning. Before obtaining such competent word and meaning they must undergo a process of *śabdāntara* and *arthāntara* therein every word compete with the other suitable words of the same class similarly there should be competition among all possible meaning.

Kuntaka states with conviction that beauty in artistry could only be found when there is newness of experience, the representation should strictly emerge as something new and such that has not been experienced hitherto. In *Vakroktijīvita* Kuntaka uses the word *nūdana* (new) many times. In fact, he admits the fact that true beauty in any creation depends on the matter of being new, something that has not been stated before. The following observation well suits the contention:

Kīdraśamtatsaundaryam –
nūdanaucityamnūdanamabhinavamalaulikamaucityamucitabhāvoyasya⁷
(which kind of beauty- beauty that is new (*nūdana*) and has appropriateness (*aucitya*) beauty having these two characteristics is always universal and is admired by all)

Such observations well endorse the contention that poetic charm lies in being new and appropriate. The objects of presentation are always same

⁵ Kuntaka. *Vakroktijīvita*. Ed. Radheshyam Mishra. Benares: Chowkhamba Sanskrit Series, 1923. P.17.

⁶ Ibid. P.27.

⁷ Ibid. P.12

for all, but what is the duty of the writer is to present these in such a way that perception of the object becomes completely anew. Each time the depiction should appear as something which is recently brought into existence. Hence the automacy of perception ceases to be and what reader encounters is a long process of perception where he has to decipher the suggestivity of meaning. In case of suggestivity and indirectness which springs from obliquity the reader has to infer the underlain meaning which is the intended motif of the writer.

In the 20th century one of the theorists of the school of Russian Formalism introduced the idea of 'defamiliarization' in literature. He says that poetic language excels the ordinary language because in it objects are presented in an 'unfamiliar' way. The purpose of art is to impart delight and the delight is only possible when a general idea becomes significant, or, in other words, when an ordinary object is presented in such a way that it generates the feeling of newness. The process of 'defamiliarization' takes place when the general human experience is transformed into a unique and new experience, and it all happens by making the object 'unfamiliar'. Here it is noteworthy to understand that usually objects are perceived through an act of 'habitualization' therein everything ceases its distinct value and is taken into account as a normal object of perception. In such case 'perception becomes automatic' and there is no difficulty as such and perception tends to be very direct and clear hence representation seems void of charm and delight. To cope with such ineffective representation Shklovsky suggests making perception difficult by means of making it prolonged. In order to obtain effective representation writer must employ the method of 'defamiliarization' in which every object is presented with newness of perception. This newness is an outcome of the act when writer moves from directness to indirectness, from explicit to implicit.

There is a wide scope to find affinities between Kuntaka's *vakrokti* and Shklovsky's idea of 'defamiliarization'. However, both ideas stand far away from the reach of one another but as both Indian and Western poetic traditions advanced in their conceptual grounds the necessity was similarly felt in both to enhance the formation of literary art. The critical minds always long to strengthen artistry worthy of appreciation hence the ideas and concepts of both traditions employ the same methodology though having difference in terminology to bring forth systematization both for the sake of the subject and the object or for the writer and the reader. In these systems theoretical premises propose to attain the zenith of poetic perfection and the perfection is an outcome of employing the method of indirectness and suggestivity. In the both systems insistence is

upon changing the mode of representation for bringing about the best meaning that is capable of delighting the reader.

The idea of looking at the meaning in artistic situation in both systems is almost similar in nature. Shklovsky proposes that the meaning in any artistic situation cannot be limited to the denotative representation of the idea. A reader after perceiving the word moves toward connotative aspect of words, where he decodes, interprets and understands the words and finally arrives at meaning, in this context he writes “the range of poetic (artistic) work extends from the sensory to cognitive, from poetry to prose, from concrete to the abstract...”⁸ Here the device of ‘defamiliarization’ brings about transformation in the idea. Words which are sensory and concrete are only means of imparting the idea on the surface level. Once the words are perceived the process of convergence of meaning takes place therein each signifier leads us to signifies which is obviously a movement from physical to psychological, from concrete images to abstract concept of the objects. The same contention is brought forth by Kuntaka, for he is of opinion that *śabda* and *artha* are two inseparable part of the one object. Each word leads us to certain idea/meaning hence the concrete image of idea can only generate abstract idea. The *śabda* is sensory which depends on the *artha* for being meaningful. The realm of abstract and cognitive comprehension of the reader is well undertaken by both theorists. The underlain purpose of *vakrokti* and ‘defamiliarization’ is to represent the object in such a way that appears to be altogether new and charming and it happens by changing the mode of representation. When an ordinary or well known aspect of an object is transformed into a special and unknown, there we have *vakrokti* and ‘defamiliarization’.

These two devices are very intrinsic to true nature of good poetry. Almost all writers knowingly or unknowingly employ such language or contrive the composition in such a way that representation of the object embodies something different from that which has been already presented by other writers. For instance, we can trace the application of these theories in Eliot’s writing, “drip drop drip drop drop drop drop”⁹ here Eliot by continuously repeating the similar word prolongs the perception of the

⁸ Shklovsky, Victor. “Art as Technique”. *Modern Criticism and Theory*. Ed. David Lodge. Singapore: Longman Singapore Publishers. 1988. P. 17.

⁹ Eliot, Thomas Stern. “Waste Land: What the Thunder Said”. *The Complete Poems and Plays of T.S.Eliot*. London: Faber and Faber, 1969. P. 352.

water, this representation of emotive category is aptly presented by means of continuity of thought. He makes use of only two words ‘drip’ and ‘drop’ and heightens the situation so much so that reader gets preoccupied with imagination of the water and thinks of the presence of water. In order to arrive at the accuracy of conveying such imaginary situation it would be necessary to enlarge the process of perception as Shklovsky writes “the process of perception is an aesthetic end in itself and must be prolonged.”¹⁰ Eliot intentionally prolongs the perception because the water that is a form of bliss is not there in waste land and once the reader contemplates over the imagination of the presence of the water then only he would be capable of realizing the necessity of it in barrenness of waste land. By heightening the situation in this line he strengthens the reality of thought in the next line where he says “but there is no water”¹¹. When we look at the same line from the perspective of *vakrokti* we soon understand that Eliot aptly uses the device of *varṇavinyāsvakratā* in which similar words are skilfully used so as to enhance the situation. Kuntaka is very keen on analyzing the methods by which a competent reader could perfect the writing and delight the reader. *Varṇavinyāsvakratā* is the first division of all six divisions of *vakrokti*. This line is an appropriate example of *varṇavinyāsvakratā*, instead of expressing the intended meaning directly, the repetition of the words makes the statement indirect and oblique which is more suggestive and effective. In both these theories insistence is upon connotation rather than denotation, when there is denotative representation the intended idea seems very usual but when there is scope to enlarge the meaning the connotative aspect becomes functional and an unusual especial meaning comes into existence.

These theories not only works at lower level of representation like in words and sentences but also functions at larger level of presentation like in episode. At a larger level the chief concern of these devices remains with the meaning. Shklovsky considers the art of ‘defamiliarization’ plays an important role in parallelism. In this context he writes,

¹⁰ Shklovsky, Victor. “Art as Technique”. Modern Criticism and Theory. Ed. David Lodge. Singapore: Longman Singapore Publishers. 1988. P. 16.

¹¹ Eliot, Thomas Stern. “Waste Land: What the Thunder Said”. The Complete Poems and Plays of T.S.Eliot. London: Faber and Faber, 1969. P. 352.

The purpose of parallelism, like the general purpose of imagery, is to transfer the usual perception of an object into the sphere of a new perception – this is to make a unique semantic modification.¹²

In such case the entire process of convergence of meaning in the form of delectation happens because of the slowness of perception, and that slowness occurs due to the ‘lack of recognition’. In parallelism the plot is contrived in such a way that entire series of events undergo ‘lack of recognition’. The ‘lack of recognition’ is basically an art of arrangement of the narrative in a twisting way. Here the same characteristics i.e. indirectness, suggestivity work though at a larger level. In *prakaraṇavakratā* Kuntaka also talks about the same thing of weaving story using obliquity in plot construction and bringing *vakratā* on a larger level of episode. Kuntaka says that in *prakaraṇavakratā* a writer may choose historical narrative but the representation of such type could obtain newness only by means of obliquity and this obliquity works in the arrangement of the narrative.

In this way it is quite obvious that in *vakrokti* and ‘defamiliarization’ there are affinities on the grounds that their formation and functioning are conceived for sake of enriching the perception of literary art along with bringing linguistic and emotive proprieties into light embodied artistry. Though both theories come from two distinct and distinguished tradition and having no similarity in time where the first belongs to classical Indian Sanskrit tradition and the second is a part of 19th century modern criticism yet both have a great deal of resemblance in terms of their analysis of the form and content of the writing.

Bibliography

- Bhamaha. *Kavyalamkara*. Ed. Ramanand Sharma. Varanasi: Chowkhamba Sanskrit Series, 2013. Print.
- Eliot, Thomas Stearns. “Waste Land: What the Thunder Said”. *The Complete Poems and Plays of T.S. Eliot*. London: Faber and Faber. 1969. Print.
- Kuntaka. *Vakrokti-jivita*. Ed. Radheshyam Mishra. Benares: Chowkhamba Sanskrit Series, 1923. Print.
- Pandey, K. C. *Comparative Aesthetics*. Varanasi: Chowkhamba Sanskrit Series, 2008. Print.
- Shklovsky, Victor. “Art as Technique”. *Modern Criticism and Theory*. Ed. David Lodge. Singapore : Longman Singapore Publishers, 1988. 15-30. Print.

¹² Shklovsky, Victor. “Art as Technique”. *Modern Criticism and Theory*. Ed. David Lodge. Singapore: Longman Singapore Publishers. 1988. P. 27.

Globalisation, Russia and Russianness in post-Soviet Culture: Impressions from Central Asia

K. Kumari

Central Asia, for seventy long years was part of Soviet Union and the influence Russia and Russians have had in this part of the globe is interesting. Even today, being independent for more than 25 plus years, many people in Central Asia still speak Russian language and are familiar with the Russian culture, this trend is gradually diminishing though. This paper will focus on the impressions of Russian influence in post-Soviet Central Asian society and culture.

Culture has undergone tremendous change as a result of globalisation and various sub-cultures are emerging every day. The culture here means; way of life irrespective of religion, language or region. In the present globalised world the information travels at much faster rate than ever before so does the global trends and news. Globalisation has deeply affected the culture in the Central Asian societies like in the rest of the world. The lives of people, their thought patterns and the way of living have all changed. And the way things have been moving with respect to culture, there is immense anxiety in every society and nation due to the multifaceted cultural concern like how to protect their cultural heritage and uphold religious traditions in the face of global pressure; how to preserve linguistic purity and at the same time defend their social institutions; and how to maintain owns identity in this rapidly changing global environment.¹³

Globalisation

Globalisation may be inevitable and at times even desirable. Globalisation in its “literal sense is the process of transformation of local or regional phenomena into global ones. It can be described as a process by which the people of the world are unified into a single society and function together. This process is a combination of economic, technological, sociocultural and political forces. Mary Kaldor argues that globalization generates schisms and the excluded often take recourse to a parallel globalised war economy that flourishes with new wars”.¹⁴ The post-Soviet globalisation has made Central Asian societies totally dependent on external forces which have led to serious implications for their own societies. “They have moved from being dependent consumers of Soviet policies and practices to becoming dependent

¹³ Kaldor, Mary , Human Security: Reflections on Globalization and Intervention, (Cambridge: Polity Press, 2007), P. 134-136.

¹⁴ Ibid.

on western form of reform policies and practices”.¹⁵ However, if “The secret of politics? Make a good treaty with Russia”, as Otto von Bismarck says, then, Central Asia is bound to make good treaty with Russia.¹⁶ And, there seems to be continuities, and several issues from soviet and of post soviet Russia visible in post-Soviet Central Asian experiences.

Russia

“Russia is a riddle wrapped in a mystery inside an enigma..... but perhaps there is a key. That key is Russian national interest”

-Winston Churchill (In a speech to the Commons (British Parliament) made in October, 1939).

The ‘Russian World’ (russkii mir), is an updated version of the ancient perception of a shared civilisational space.¹⁷

In the “concept of the Russian World, the notion of world should be understood by its ancient meaning, that of a civilisational space (ancient sources spoke about the Greek world, the Roman world and the Byzantine world as a way to define broad territories under the influence of a singular

¹⁵ Niyozov, Sarfarozi and Dastambuev, Nazarkhudo “Exploiting globalization while being exploited by it: Insights from post-Soviet education reforms in Central Asia”, Comparative and International Education / Éducation Comparée et Internationale: Vol. 41 : Iss. 3 , Article 3. Available at: <http://ir.lib.uwo.ca/cie-eci/vol41/iss3/3> Accessed on 5 January 2018.

¹⁶ Otto Eduard Leopold, Prince of Bismarck, Duke of Lauenburg (1 April 1815 – 30 July 1898), also known as Otto von Bismarck, was a conservative Prussian statesman who dominated German and European affairs from the 1860s until 1890 and was the first Chancellor of the German Empire between 1871 and 1890. He also served as Ambassador to Russia in 1850s.

¹⁷ Major part in this section, has been cited from, The Center on Global Interests (CGI), is a foreign-policy research think tank on Russia and Eurasia, based in Washington since 2012, <http://globalinterests.org>, in order to underline the work Russia does as a power and the importance it has carried and carries even today specially when we talk of Russia, Russianness and its neighbours. “The idea of ‘Russian World’ emerged during a meeting in Greece where a few dozen Russian intellectuals had gathered to discuss Russia’s historical path and future. Under the leadership of Sergey Chernyshev, a philosopher by training who worked in several Soviet state agencies, organized the publication of a collective volume titled, A Different One: Anthology of the New Russian Self-Awareness”. Marlene Laruelle’s, “The ‘Russian World’ Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination”, <http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI-Russian-World-Marlene-Laruelle.pdf>. Also from PONARS Eurasia, <http://www.ponarseurasia.org>, “The idea of ‘Russian World’ emerged during a meeting in Greece where a few dozen Russian intellectuals had gathered to discuss Russia’s historical path and future. Under the leadership of Sergey Chernyshev, a philosopher by training who worked in several Soviet state agencies, organized the publication of a collective volume titled, A Different One: Anthology of the New Russian Self-Awareness”.

center). Not only did these large spaces share the center's cultural values, but they displayed political loyalty to it and were integrated into its economic orbit. In many of these aspects, the concept of the Russian World is an updated version of the ancient perception of a shared civilisational space". "In the early years of its use, the term was often written using the pre-revolutionary Russian alphabet (Русский Миръ), reinforcing this old fashioned flavour. The current, post-Soviet term of the "Russian World" owes its reference to Petr Shchedrovitsky (first), and in 1995 Gleb Pavlovsky, who was then at the peak of his influence as Russia's foremost "image maker", nurtured and inspired it".¹⁸

The concept of the "Russian World" (russkii mir) has a long history rooted in the 1990s, but highlighted by the media in 2014, when Russian President Vladimir Putin used it to justify Russia's interference in Ukraine on the Crimea issue.¹⁹ Infact, after Vladimir Putin's became the president in 2000 he created a new dynamic for the compatriot issue.²⁰ In "all its definitions, the

¹⁸ The word *Inoe* ("different one" or "other") - a special place and a special meaning in the Russian language. Sergey Chernyshev, 3 May, 1995, <http://old.russ.ru/antolog/inoe/apolog.htm>; *Inoe. Khrestomatiia novogo rossiiskogo samosoznaniia* (Moscow: The Russian Institute, 2005), <http://old.russ.ru/antolog/inoe/>; Marlene Laruelle, The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination", Washington, D.C. , Center on Global Interests (CGI), May 2015, P -3-4 http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf Accessed on 6 October 2017 Laruelle Marlene, The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination, Washington, D.C. , Center on Global Interests (CGI), May 2015, P -3, http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf Accessed on 6 October 2017

¹⁹ Russia's actions in its so-called "Near Abroad"(a reference to the post-Soviet space) as a result of its perception and the need to protect Russia's national security interests and the current political regime from destabilising influences, be they coming directly from abroad or fed by domestic factors <http://www.ponarseurasia.org>; http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf, Accessed on 6 October 2017.

²⁰ A "new concept, the "Principal Directions of the Federation toward Compatriots Living Abroad for 2002-2005," for the first time outlined the range of possible actions that Russia could take on the issue of its compatriots. The document simultaneously played the card of defence of Russians abroad and that of their repatriation for demographic and workforce-related issues": A new policy infrastructure around "compatriots" and the 'Russian world' was born. From his first months in power, president Putin "decried the demographic danger that was creeping up on Russia and threatened it with extinction. In 2001, the government adopted the "Concept on the Demographic Development of Russia 2001-2015" that defined immigration as one of the country's priorities. "The Federation's policy toward compatriots living abroad is oriented with a view to their adjustment in their adopted country, with a deliberate conservation of their ethno-cultural specificity, but also

‘Russian World’ is not ethnic but encompasses the Soviet legacy, the Russian-speaking world, and Russia’s fellow travellers. If one associates the Russian World to Russia’s ability to promote an alternative economic and financial model in response to the West’s world order, based on the Eurasian Union project and the partnership with the BRICS and China, then one needs to wait and watch”.²¹ As, it is “a long-term project, that would shape Russia’s position in the world and in its Near Abroad. Russia like any other great power is and would continue to be preoccupied by changes in its neighbourhood, and would continue to project a part of its cultural identity in support of its strategic interests”.²² “The ‘Russian World’ can be compared to French, British, and U.S. public diplomacy efforts. However, Russia’s main challenge would be to structure its ‘voice’ in the world. Russia’s soft power in the Near Abroad could thus become hard”.²³

Central Asia

The countries of Central Asia were once the center of multiple nomadic empires and tribes, including the Scythians, Mongols, and Turks. This had a big influence on the traditions and cultures of many Central Asian countries to this day. This is especially true in Kazakhstan and Kyrgyzstan, which contain huge green plains and pastures that are populated by nomadic groups even now. Many people in Kazakhstan live in traditional, movable houses called yurts, which are covered in Turkish felt. Across many of the Central Asian countries, horseback riding competitions and sports are popular, which reflect the tradition of nomadic herding. A strong respect for elders is also common across Russia and Central Asia.

Central Asia and Russia contain a total of six countries: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. Each of these countries has its own culture, but they're very much related. Central Asia was, after all, once a part of the Soviet Union. The Central Asian countries also

with a view to the formation of mechanisms for their legal and controlled migration to Russia and the reaching of an optimal balance between both processes”.

²¹ Laruelle Marlene, The “Russian World” Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination, Washington, D.C. , Center on Global Interests (CGI), May 2015, P-24, http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf Accessed on 6 October 2017.

²² Vladimir Putin, “Address by President of the Russian Federation,” Kremlin.ru, March 18, 2014, <http://en.kremlin.ru/events/president/news/20603/>, Accessed on 5 October 2017.

²³ Laruelle Marlene, The “Russian World” Russia’s Soft Power and Geopolitical Imagination, Washington, D.C. , Center on Global Interests (CGI), May 2015, P-24, http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf, Accessed on 6 October 2017.

share their religion, Islam. Central Asia is where middle-Eastern Islamic culture meets Russian Soviet culture.

Even today, in Central Asia, being independent for more than 25 plus years, many people still speak Russian language and are familiar with the Russian literature and culture. Russia has also over the years “trained several engineers, technicians and medical personnel” and continues to do so even today. It is also involved in “water management through the hydropower projects in Kyrgyzstan and Tajikistan”. “More recently, several million Central Asian citizens have gone to Russia to find work and been exposed to the Russian language. Additionally there are still several million ethnic Russians living in Central Asia, and since 1991 they have helped ensure that Russian television and radio are broadcast to the region. Russia's new government-run Sputnik news agency recently moved to advance this edge”.²⁴ In a 2011 study, Alexander Etkind characterised Russian literature as “an extremely successful instrument of cultural hegemony” that “conquered more Russians, non-Russians, and Russian enemies than any other imperial endeavour”,²⁵ this trend is gradually diminishing though.

The Historical Context

Seven decades of Soviet rule has left a strong mark and even today continue to have influence in many spheres, including Russian-oriented elites, cultural ties, media, economy and security.²⁶ The influence of the Soviet Union and Russia is a major factor in Central Asian culture. Russian is spoken in all the countries of Central Asia. People also put a lot of emphasis and value on family and the homeland. These values are a direct result of the 70 years that the Communist Party ruled Russia. Under Soviet rule, people became dependent on the sharing of resources among family members, and this meant that a strong extended family was valuable. While, strictly speaking, inspite of the fact that Uzbekistan and Turkmenistan didn't take Russia's side during the Cold War, still there is a lot of Russian influence in these countries.²⁷

Russian Influence in the present context

²⁴ Bruce Pannier, Russian Soft Power In Central Asia, June 28, 2015, <https://www.rferl.org/a/russian-soft-power-in-central-asia/27098601.html>, Accessed on 5 October 2017.

²⁵ Internal Colonization: Russia's Imperial Experience, <http://humanities.arizona.edu/event/how-tatianas-voice-rang-across-steppe-examining-russian-literatures-conquest-central-asia>, Accessed on 5 January 2018.

²⁶ Oliphant Craig, “Russia's role and interests in Central Asia”, *Saferworld*, October 2013, P - 1, <https://www.files.ethz.ch/isn/172941/russias-role-and-interests-in-central-asia.pdf>.

²⁷ Culture of Russia & Central Asia, <http://www.historytoday.com/geoffrey-wheeler/russians-central-asia>, Accessed on 6 October 2017.

Some Impressions from Central Asia

The relatively deep penetration of the Russian language, and culture, into Central Asian society over the years and the mutual integration in various sphere including economy, makes it very complex to separate the Russianness from Central Asia. The migration of Central Asian workers, in search of employment to Russia, has had great impact on the Russian-Central Asia relations.²⁸ Specifically, in terms of remittances which Central Asia receives, particularly Tajikistan which leads the table. The remittance in Tajikistan at times adds roughly upto 40% (approx.) of its GDP.²⁹ Of late it has been seen that there is decrease in remittance. One of the reason sighted is the economic sanction on Russia by the West, however, if this trend continues for long, it may increase the possibilities of more labour migration from Central Asia as had happened earlier which was cited by scholars.³⁰

In the last couple of years, it has been observed that, there is a move to dilute the Russian effect or Russianness in the present day central Asian discourse. There seems to a new narrative emerging to rewrite the historical experience.

The twentieth century literature of Central Asia developed under diverse influences. Along with “classical and modern Persian literature, the poetic traditions and folklore of Central Asia, the Russian thought and letters have also been predominant. Since the 1920s Soviet economic and social policies offered Central Asian writers, new subjects and encouraged new modes of expression”. And the post-1991, phase have strengthened the resurgent sense of national identity, with the centuries-old literary traditions having survived the political activism of seven decades.³¹ But even today Russian literature is part of school curriculum.

However, the Russian language and culture are so deeply rooted in each of the Central Asian societies that it would be difficult to erase Russian language and the Russianness so easily, even if they are promoting their own language and also despite English gaining ground. As it is, the elites in these countries have a fondness for Russian culturally and this fondness deeply affects the society at large which already has a strong cultural, linguistic, and

²⁸ Michael Rywkin, What Is Central Asia to Us?, *American Foreign Policy Interests*, Volume 33, Number 5, 2011, P-225.

<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10803920.2011.620514?needAccess=true>

²⁹ Kumari Kamala, Women in political Participation in India and Central Asia, *Report*, ICSSR, 2014.P-69.

³⁰ Marat Erica, “Shrinking Remittances Increase Labor Migration from Central Asia,” Central Asia-Caucasus Institute, John Hopkins University, February 11, 2009.

³¹ The present article is based upon Kazakh, Kirghiz, Tajik, and Uzbek literatures. Modern Literature, *CENTRAL ASIA*, xv., <http://www.iranicaonline.org/articles/central-asia-xv>, Accessed on 5 October 2017.

historical link.³² Even after twenty five years of independence, students do study Pushkin and Chekhov. Watch Russian cartoon, very popular among them is *Misha i midved*, Russian movies, etc. Young women doing business would want to explore Russian market at least once. Russia is still a preference for studying medicine. Diplomats posted abroad prefer Russian School for their children's education.³³ However, even though the Central Asian leaders would not publicly attack the use of Russian language, they have proven to be rather more adroit in dealing with Russia in other spheres.³⁴

Religion is a big deal in most places, but in Russia and Central Asia, the culture of the area cannot be separated from religious beliefs and practices, especially in Central Asia. The most significant religion in Central Asia, by far, is Islam. Uzbekistan, Tajikistan, and Turkmenistan are all 90% Muslim, and Kyrgyzstan and Kazakhstan aren't far behind. Russia, on the other hand, is 47% Christian, and mostly Russian Orthodox, which is the single largest group. Considering how Russia has influenced Central Asia, it's no surprise that Russian Orthodox is second to Islam in every Central Asian country. The closer you get to Russia, the more Russian Orthodox people you find, in Kazakhstan for example, a full 24% are Orthodox Christians and only 70% are Muslim.³⁵

With access to Western culture and social media, the cultural scene is evolving fast with generational change. However, Russian media and culture

³² Swanström Niklas, "Central Asia and Russian Relations: Breaking Out of the Russian Orbit?", *The Brown Journal of World Affairs*, Fall/Winter 2012, Vol.XIX, ISSUE.1, P. 103.

³³ During discussion and interactions with business women and young doctors or aspiring to become one and diplomats. The author was on Field Research Trip to Central Asia in 2012(October-December) and 2014(August).

³⁴ Nazarbayev even publicly threatened to leave the Eurasian Economic Union, the centerpiece of Putin's grand design when Putin made threatening statements about Kazakhstan's former lack of statehood. Similarly, in Uzbekistan a 2013 decree by President Islam Karimov mandated the teaching of English in first grade and Russian in second grade, a sure sign of his priorities and that of the state. Non-Uzbek schools in the republic, Tajik, Kyrgyz, and Kazakh have also cut their teaching of Russian while increasing English language instruction. Thus the Russian language is steadily being marginalized in Uzbekistan as well. The "salience of Russian language use in the countries of the Russian Diaspora has a direct bearing on the security of those states. The 2009 Russian law, that permits the Russian president to order troops into other countries to uphold the "honour and dignity" of Russians and Russian speakers if it is being violated. See, Blank Stephen, "Russia's Waning Soft Power in Central Asia", January 09, 2015, <https://thediplomat.com/2015/01/russias-waning-soft-power-in-central-asia/>, Accessed on 5 October 2017.

³⁵ Wood David, "Culture of Russia & Central Asia", www.cultural-patterns-of-russia-central-asia.html, Accessed on 6 October 2017.

continue to dominate in countries where percentage of Russian speakers is high (Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan). Russia's economic engagement with Central Asia is also multi-faceted, "encompassing sectors such as mining, construction, the military-industrial complex, telecommunications, transport, and agriculture, the Customs Union; the Eurasian Economic Community (EurAsEC); Eurasian Development Bank; Anti-Crisis Fund; CIS Free Trade Zone agreement among others Russia has notionally a number of tools (multilateral and bilateral) in the economic sphere".³⁶ Also, "Central Asian states themselves would want Russia to be more active, especially in the field of education in terms of training of Russian-speaking teachers and opening of vocational schools and higher education institutions".³⁷

The Diaspora issue is a matter of concern though. "The number of ethnic Russians in the five countries of Central Asia has fallen by 50 percent since 1991, Aleksandr Shustov, a specialist on the region says. Three-quarters of Central Asia's remaining 4.7-4.8 million ethnic Russians live in Kazakhstan, where they still have some influence". But he argues that "Tajikistan and Turkmenistan have de facto already left Russia's sphere of cultural-civilizational influence, and Uzbekistan and Kyrgyzstan are confidently moving in the very same direction".³⁸ And due to the titular nationalities there have been growing rapidly, the share of ethnic Russians in the population of these five countries has fallen even more.³⁹

Russia is motivated "to secure Central Asia from foreign liberalism or Islamic revolution, while ensuring Central Asia's receptiveness to its commercial, political, energy, and military influence". Russia conducts most of its business with these governments on a bilateral basis to maximum impact.⁴⁰

³⁶ Oliphant Craig, "Russia's role and interests in Central Asia", *Safeworld*, 2013, p-7, <https://www.files.ethz.ch/isn/172941/russias-role-and-interests-in-central-asia.pdf>

³⁷ Laruelle Marlene, Russia and Central Asia, European National Policies Series, No.17,2014. P.3-4.

³⁸ (Ng.ru, February 1/ Enayatollah Yazdani, " Globalization and the Role of Islam in the post-Soviet Central Asia", <http://dergipark.gov.tr/download/article-file/19529>, Accessed on 6 October 2017.

³⁹ Paul Goble, "Ethnic Russians Leaving Central Asia and With Them, Putin's Hopes for Influence", *Eurasia Daily Monitor* Volume: 13 Issue: 22, February 2, 2016, <https://jamestown.org/program/ethnic-russians-leaving-central-asia-and-with-them-putins-hopes-for-influence/>, Accessed on 5 January 2018.

⁴⁰ Blank Stephen J. , "Challenges to Russia in Central Asia", *The Journal of the National Committee on American Foreign Policy*, Volume 33, 2011 - Issue 5, <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10803920.2011.620513?needAccess=true>, Accessed on 6 October 2017.

Conclusion

Central Asian societies like the societies world over, has been impacted by globalisation. However the impact of seven decades of soviet rule still bears its mark. Even after twenty six years of independence there is some continuity and several issues from soviet and of post soviet Russia are still visible. Russia is still a powerful country and a major player in the region, and its decisions would impact and to some extent shape the Central Asia's near future in terms of labour migration, economic integration, and strategic orientation. Therefore, the political, linguistic and cultural influence which is deeply embedded in Central Asian society and the impressions of Russian influence in post-Soviet Central Asian will remain so for a long time to come.

Bibliography

- Vladimir Putin, "Address by President of the Russian Federation," Kremlin.ru, March 18, 2014, <http://en.kremlin.ru/events/president/news/20603/>, Accessed on 5 October 2017
- Michael Rywkin, What Is Central Asia to Us?, *American Foreign Policy Interests*, Volume 33, Number 5, 2011, P-225.
<http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/10803920.2011.620514?needAccess=true>
- Oliphant Craig, "Russia's role and interests in Central Asia", *Saferworld*, October 2013, P - 1, <https://www.files.ethz.ch/isn/172941/russias-role-and-interests-in-central-asia.pdf>.
- Swanström Niklas, "Central Asia and Russian Relations: Breaking Out of the Russian Orbit?", *The Brown Journal of World Affairs*, Fall/Winter 2012, Vol.XIX, ISSUE.1, P. 103
- Kaldor, Mary , *Human Security: Reflections on Globalization and Intervention*, (Cambridge: Polity Press, 2007).
- Kumari Kamala, *Women in political Participation in India and Central Asia*, *Report*, ICSSR, 2014.
- Laruelle Marlene, The "Russian World" Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination, Washington, D.C. , Center on Global Interests (CGI), May 2015, P-24, http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI_Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf, Accessed on 6 October 2017.

Contributors

Serial No.	Name	Designation, Address & Email ID
1.	Ahmad Shadab	PhD Scholar, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. shadabahmad2002@gmail.com
2.	Ambedkar Vinay Kumar	Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. vinay.ambedkar@gmail.com
3.	Anand Vikram	Research Scholar, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. vikramanand129@gmail.com
4.	Banerjee Ranjana	Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. ranjanab1992@gmail.com
5.	Beniwal Suman	Ph.D Research Scholar, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. sumanbnw198@gmail.com
6.	Bhaskar Shivaji	Assistant Professor, School of Foreign Languages, Indira Gandhi National Open University, Maidan Garhi, New Delhi - 110068 shivajibhaskar@ignou.ac.in
7.	Bhatnagar Meenu	Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. meenu.bhatnagar@gmail.com
8.	Chelnokova Anna Vitalievna	Associate Professor, Department of Indian Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. ladyeng@mail.ru

9. Chelnokova Lyudmila Mikhailovna
Methodist and Teacher of Russian Language and Literature, “Starovoitova Gymnasium 397”, Education Committee of Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia.
lam-52@mail.ru
10. Fyodorova Lyudmila Lvovna
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
lfvoux@yandex.ru
11. Job Jojan
Assistant Professor, Department of Philosophy, Madras Christian College (Autonomous), Chennai, India.
jojanmcc@gmail.com
12. Karnati Ajay Kumar
Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067
ajoy.karnati@gmail.com
13. Khadicha Mamatbekovna Shambetaliyeva
Professor, Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan.
khadichamamatbek@gmail.com
14. Kolosova Galina Iosifovna
Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.
ork_2003@mail.ru
15. Kumar Shiv
PhD Scholar, Department of Slavonic & Finno-Ugrian Studies, Delhi University, Delhi, India.
shivkumar155@gmail.com
16. Kumar Subhash
Assistant Professor, Russian Language, Amity School of Languages, Amity University, Manesar, Gurgaon, Haryana - 122413
subhashjnudehi@gmail.com
17. Kumari Kamala
Research Fellow, Centre for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India.
kamala_2003@yahoo.com
18. Kumari Riya
PhD Scholar, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India.
riyakumari.jnu@gmail.com
19. Lapshina Olesya Gennadevna
Associate Professor, Department of Foreign and Russian Languages, Omsk Tank Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia.
ja.zi2015@yandex.ru

20. Madhavan Gowri Guest Faculty, Department of Russian and Comparative Literature, University of Calicut, Kerala, India.
gowri.amrutha@gmail.com
21. Meenakshi Visiting Faculty at Amity University, Noida Campus, Uttar Pradesh. PhD Scholar, Department of Slavonic & Finno-Ugrian Studies, Delhi University, Delhi, India.
akshimeena.ru@gmail.com
22. Meghwal Sumitra Ph.D Scholar, Department of Slavonic and Finno-Ugrian Studies, University of Delhi, Delhi, India.
sumitra.jnu@gmail.com
23. Mukherji Priyadarśī Professor in Chinese and Sinological Studies, and Chairperson, Centre for Chinese & South-East Asian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India.
m-priyadarsi@hotmail.com
24. Munjal Girish Assistant Professor, Department of Slavonic & Finno-Ugrian Studies, First Floor, Tutorial Building, Central Library Complex, North Campus, University of Delhi, Delhi – 110007, India.
girishmunjal2012@gmail.com
25. Narain Meeta Professor, Chairperson, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India.
meetanarain@gmail.com
26. Neverov Nikolai Nikolaevich Professor, Department of Russian of Defence Services Academy, Pyin Oo Lwin, Republic of the Union of Myanmar
nikolay-nidvoraevich@mail.ru
27. Pal Shraddha Assistant Professor (Russian), Department of Foreign Languages, Chaudhary Charan Singh University, Meerut, Uttar Pradesh, India.
shraddha.pal13@gmail.com
28. Panina Ekaterina Valerevna Associate Professor, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University named after Lomonosov, Moscow, Russia.
ekaterina.panina@gmail.com

29. Pansare Megha Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Shivaji University, Kohlapur - 416004
megha.pnsr@gmail.com
30. Parihar Uma Professor, Head, Department of Foreign Languages, Vikram University, Ujjain, Madhya Pradesh, India.
umaparihar@yahoo.com
31. Ponomareva Anna Teaching Fellow, UCL/Imperial College, University of Surrey, London, Great Britain.
a.ponomareva@imperial.ac.uk
32. Poplavskaya Irina Anatolievna Professor, Department of Philology, Tomsk State University, Tomsk, Russia.
poplavskaj@rambler.ru
33. Roomi Nasar Shakeel Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi - 110067
nasarshakeel@gmail.com
34. Saini Sonu Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi - 110067
unosru@gmail.com
35. Shreeniwas Nagendra Assistant Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India.
nshreeniwas@gmail.com
36. Singh Amrendra Kumar PhD Research Scholar, Centre of Social Medicine and Community Health , Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067
amrendrasingh.jnu@gmail.com
37. Singh Sachin Senior Research Fellow, Department of English and Other European Languages, Dr. Hari Singh Gour Sagar University (A Central University), Sagar, Madhya Pradesh, India.
singhsachin2404@gmail.com
38. Sreekala M. Guest Faculty, Department of Russian and Comparative Literature, University of Calicut, Kerala, India.
kala.pokkat@gmail.com
39. Strelkova Guzel Vladimirovna Associate Professor, Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University named after Lomonosov, Moscow, Russia.
strelkova.guzel@gmail.com

40. Thapliyal Kavita PhD Scholar, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. kavitathapliyal85@gmail.com
41. Vaibhav Aniket PhD Scholar, Centre of German Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. aniket09@gmail.com
42. Verma Kiran Singh Associate Professor, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. kiransingh1@yandex.com
43. Yadav Rajkumar PhD Scholar, Centre of Russian Studies, School of Language, Literature & Culture Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi – 110067, India. sainikraj05@gmail.com

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय
Jawaharlal Nehru University
रूसी भाषा केन्द्र

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies

**National Seminar cum Workshop
to mark
70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations
Emerging Trends in Translation Studies
September 6 & 7, 2017**

Organising Committee

Director of the Seminar:

Prof. Meeta Narain
(Chairperson, CRS)

Coordinators of the Seminar:

Dr. Kiran Singh Verma
Dr. Meenu Bhatnagar

Organising Committee of the Seminar:

Dr. Arunim Bandyopadhyay
Dr. Richa Sawant
Mr. Ajoy Kumar Karnati
Dr. Manuradha Chaudhary

Advisory Committee:

Prof. R. N. Menon
Prof. Manu Mittal
Prof. Charanjit Singh
Prof. Nasar Shakeel Roomi
Prof. Ritoo M. Jerath
Prof. Ranjana Banerjee
Dr. Ashutosh Anand
Dr. Sonu Saini
Mr. Vinay Kumar Ambedkar

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय
Jawaharlal Nehru University
रूसी भाषा केन्द्र

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies

International Conference
to mark
70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations
and
100 years of the October Revolution

**The Russian Studies: Changing Dimensions in Literature & Culture,
Language & Translation,**
November 9-11, 2017

Organising Committee

Director Conference:

Prof. Meeta Narain
(Chairperson, CRS)

Coordinator Academic:

Prof. Ranjana Banerjee
Dr. Sonu Saini

Coordinator Publication:

Dr. Kiran Singh Verma
Dr. Meenu Bhatnagar

Coordinator Hospitality:

Dr. Arunim Bandyopadhyay
Mr. Ajoy Kumar Karnati

Coordinator Publicity:

Dr. Richa Sawant
Mr. Ashutosh Anand

Coordinator Infrastructure:

Dr. Manuradha Chaudhary

Advisory Committee:

Prof. Charanjit Singh
Prof. Nasar Shakeel Roomi
Prof. Ritoo M. Jerath
Mr. Vinay Kumar Ambedkar
Dr. Nagendra Shriniwas

जवाहरलाल नेहरू विश्वविद्यालय
Jawaharlal Nehru University
रूसी भाषा केन्द्र
Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies

Day of Russia in India

to mark

70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations and 100 years of the October Revolution

October 12, 2017

Events held

- Essay-Writing Competition
- Translation Competition
- Painting Competition
- Poetry Recitation Competition
- Group Song (Performance)
- Short documentary video clip
- Olympiad
 - Level I
 - Level II
 - Level III
- Prize Distribution Ceremony
- Russian Food Festival

Organising Committee

Prof. Meeta Narain
Director of the Events &
Chairperson, CRS

Dr. Richa Sawant
Convener

Dr. Sonu Saini
Convener

Prof. Ranjana Banerjee

Dr. Kiran Singh Verma

Dr. Meenu Bhatnagar

Dr. Manuradha Chaudhary

Celebrating 70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations

Centre of Russian Studies
SLL&CS, Jawaharlal Nehru University

Welcomes you
to the
Cultural Festival
Days of Russia in India

Thursday, October 12, 2017
Venue: Committee Room, SLL&CS - I

Celebrating 70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature and Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
&
Indian Council of Social Science Research
(Northern Regional Centre)

cordially invite you
to the
International Conference
(November 9-11, 2017)

**The Russian Studies: Changing Dimensions in
Literature and Culture
Language and Translation**

Inauguration
November 9, 2017 at 9.45 A.M.
Convention Centre, Auditorium 1, JNU

Prof. Meeta Narain
Director, International Conference
Chairperson, CRS
+91 9711138802

Prof. Ranjana Banerjee
Dr. Sonu Saini
+91 9811368573
+91 9999998426

Celebrating 70 years of Indo-Russian Diplomatic Relations

Centre of Russian Studies
School of Language, Literature & Culture Studies
Jawaharlal Nehru University
New Delhi

Welcomes
you
to the

National Seminar Cum Workshop

EMERGING TRENDS IN TRANSLATION STUDIES

on **September 6, 2017 at 09.45 am**
in **Auditorium 2, Convention Centre, JNU**